

О. В. Чумичева

СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1667—1676 годов

О. В. Чумичева

СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1667—1676 годов

О. В. Чумичева

**СОЛОВЕЦКОЕ
ВОССТАНИЕ
1667–1676 ГОДОВ**

О Г И
МОСКВА
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Ч-90

2-е издание, исправленное и дополненное

Чумичева О. В.

Ч-90 Соловецкое восстание 1667–1676 годов / О. В. Чумичева. — М.: ОГИ, 2009. — 352 с.

ISBN 978-5-94282-573-7

Соловецкое восстание — одно из ключевых событий в российской истории XVII в., чрезвычайно остро поставившее проблему взаимоотношений церкви и государства, традиций и новаций в духовной жизни общества. На основании трудов предшественников и новых архивных материалов в книге воссоздается самая полная на сегодняшний день картина восстания, показываются его причины, ход и результаты, анализируется идеология. Новое издание содержит дополнительные архивные материалы, часть из которых публикуется впервые, и учитывает научные труды, появившиеся в последнее время.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-94282-573-7

© О. В. Чумичева, 2009
© ОГИ, оформление, 2009

Подписано в печать 01.09.2009. Гарнитура Петербург.

Формат 84×108¹/₃₂. Объем 11 печ. л.

Бумага LUX CREAM. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 0912270.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Содержание

Введение.	7
Глава 1. Соловецкий монастырь накануне восстания	16
Взаимоотношения монастыря с церковными и светскими властями	16
Идеологическая обстановка в монастыре в середине XVII в.	21
Развитие внутреннего сопротивления в Соловецком монастыре накануне восстания: 1652–1667 гг. . .	40
Глава 2. Развитие Соловецкого восстания: 1667–1676 гг.	62
Начало восстания	65
Пятая соловецкая челобитная и «тетради» Геронтия .	72
Первые ответные меры правительства.	74
Начало осады, «Соловецкое сидение»	77
Радикализация восстания весной-летом 1669 г.. . .	83
Переворот в монастыре осенью 1669 г..	91
Осень 1669 – осень 1671 г.: правление в монастыре умеренной группировки	93
Развитие восстания в 1672–1673 г.; государственные структуры, занимавшиеся борьбой с восстанием .	96
Активизация осады монастыря в 1674–1676 гг. при воеводе И. А. Мещеринове; падение Соловецкой обители	106
Выходцы из осажденной обители	117
Управление монастырем во время осады	123
Роль мирян и монахов в Соловецком восстании; социальный состав повстанцев	130
Поддержка восстания со стороны поморского населения	134
Количество погибших повстанцев	142

Глава 3. Идеология Соловецкого восстания .	146
Проблемы церкви и священства в восстании:	
традиции и новации	146
Взгляд соловецких повстанцев на самих себя	
и переживаемое время.	161
Отношение повстанцев к царской власти	174
Заключение	184
Список сокращений	188
Примечания	190
Приложения	
Часть I	233
Сосланные в Соловецкий монастырь лица,	
упоминающиеся в документах, связанных	
с восстанием	233
Сведения о лицах, вышедших из монастыря	
за время восстания	237
Черные соборы Соловецкого монастыря периода	
восстания	241
Часть II. Источники по истории	
и идеологии Соловецкого восстания	244
Реконструкция «Дела Сильвестра»	259
Соловецкое сказание об Арсении Греке	
(дополнение к Проскинитарию	
Арсения Суханова).	288
Первая соловецкая челобитная	290
Вторая-Третья соловецкая челобитная	291
Четвертая соловецкая челобитная	299
Пятая соловецкая челобитная, пространная	
соловецкая редакция.	301
Шестая соловецкая челобитная	330
Отписка о высылке мятежников	331
Указатель имен	334

Введение

*Светлой памяти моей мамы
Галины Федоровны Мурзинцевой
(1937–1989)*

Соловецкое восстание занимает особое место в длинной череде народных бунтов в России середины — второй половины XVII в. Оно относится к числу восстаний, проходивших под старообрядческими лозунгами, поэтому тесно связано с историей церковной реформы, старообрядчества в целом. Вторая половина XVII в. отмечена становлением абсолютизма в России и в связи с этим — изменением места церкви в государстве, превращением ее в часть бюрократического аппарата (процесс этот, начатый Алексеем Михайловичем, был завершен Петром I); а также обострением социальной напряженности, вызванным окончательным оформлением крепостного права, военными действиями, эпидемией, инфляцией и ужесточением законодательства. Огромные массы недовольных пытались осмыслить происходящие события, определить свою позицию в новых условиях. Эта ситуация определила своеобразный характер восстаний XVII в. — народных, многословных¹. Все жизнеспособные силы церкви оказали резкое сопротивление бюрократизации духовной системы. Импульс их протеста соединился с общим недовольством в стране. Идеи истинной веры, социальной справедливости, верности культурной традиции сплелись в тугой узел. Они задали форму и направление народному протесту.

сту, который пересилил царистские иллюзии масс. Напряжение оказалось столь сильным, что Россия получила и первые прямые антицарские программы (конечно, не теоретически-республиканские, а адекватные менталитету эпохи и выраженные в форме идеи царя-антихриста), и волну страшных «гарей» — самосожжений, отражавших крайний социальный пессимизм некоторых групп населения, и небывалое развитие мистико-богословской литературы, эсхатологических идей, и массовое народное движение, включавшее в себя и восстания (Соловецкое 1667–1676 гг., «Хованщина» 1682 г., крестьянская война под руководством С. Разина), и массовые миграции на Дон, в Сибирь, и уход в леса. Религиозное движение повернулось не только против церковной бюрократии, но и против светской власти. Надрыв цельности духовной жизни в России, вызванный церковной реформой 1652 г., дал взлет внимания к религиозной сфере, обострил вероисповедный момент, взрывообразно проявил, усилил теологическое мирозерцание на грани секуляризованного Нового времени.

Давно установлено, что религиозная форма мышления сама по себе не может служить критерием оценки реакционности или прогрессивности идей в средневековом обществе. Вопрос в интерпретации религиозных идей. При исследовании явлений народного протеста эпохи феодализма нужно не только выявить причины, движущие силы, характер того или иного восстания. Необходимо анализировать идеологию народных движений. Возникая из социально-экономических оснований, она сама играет активную роль, формируя ход событий. Когда речь идет о народных движениях периода позднего феодализма, понятие «идеология» включает в себя неоднородную и не вполне упорядоченную сумму социально-политических, догматико-богословских и других взглядов, где религиозные образы и термины играют формообразующую роль. В вульгарной трактовке религиозная форма идеологии зачастую понималась как нечто внешнее, некая «оболочка», которая может быть «снята» на определенном высоком этапе классовой борьбы. Согласно такому подходу, народные массы периода феодализма в какой-то момент как бы освобождаются от теологического мироощу-

щения и мирозерцания. Однако в период позднего средневековья политическая и религиозная формы сознания были слабо расчленены. Поэтому закономерно, что наиболее радикальные антицарские идеи выражались в мистических эсхатологических построениях, а одной из наиболее распространенных форм мировосприятия в ходе Соловецкого восстания стали чудеса и видения. Для народных масс религиозный язык был естественным и единственным способом оформления собственных идеологических воззрений. Этим языком возможно было не просто выражать конкретные практические нужды, но формулировать наиболее общие взгляды, определять цели и перспективы движения. Поэтому анализ этого религиозного языка — и «лексики» (средневековые образы-символы), и «грамматики» (логика мышления) — основной путь к пониманию истинных причин и направленности восстания.

Идеология Соловецкого восстания — как и любого другого народного движения — складывается из явлений двух уровней: обыденного сознания рядовых участников восстания, их социальной психологии, и собственно идеологии, т. е. теоретического осмысления фактов и явлений. Второй — более высокий — уровень достаточно доступен для анализа, поскольку фиксируется в программных документах восстания, в сочинениях его идеологов. Гораздо сложнее говорить о системе мышления и взглядах основной массы повстанцев. Их мироощущение редко отражалось в декларациях, заявлениях. О нем можно судить скорее по действиям, повседневной практике восстания. Повороты движения, внутренние перевороты в обители — вот что дает основание говорить о взглядах повстанцев, о том, как шел не прямой процесс радикализации восстания.

* * *

Соловецкое восстание вызывало интерес исследователей на протяжении XVIII–XX вв. в основном в связи с более общей проблемой исследования истории старообрядчества. Закономерно, что различные взгляды на восстание сформировались уже вскоре после разгрома обители. Серьезный вклад в ста-

новление старообрядческой концепции соловецких событий внес вышедший из монастыря дьякон Игнатий. Судя по всему, в старообрядческой среде были широко распространены не только сочинения соловецких авторов, но и устные рассказы о Соловецком восстании. Весь этот комплекс нашел наиболее полное отражение в «Повести об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова². В старообрядческой концепции соловецкое «сидение» предстает как выступление благочестивых и кротких иноков за старую веру. При точном и подробном изложении конкретных фактов, буквальной верности исторической действительности в деталях эта концепция в целом смещает установки повстанцев и видоизменяет общую картину событий (не упоминается стрельба по царским войскам, немоление за царя и т. п.). Образ тихого и безвинного страдания соловецких мучеников за веру не предполагает и участия мирян в соловецких делах³.

Противоположную, правительственную точку зрения одним из первых сформулировал митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий Римский-Корсаков, который постригся в Соловецком монастыре в 1677 г., после подавления восстания. Его концепция событий состояла в следующем: в монастырь проникли «мятежники» от Степана Разина и последователи Аввакума; они подбили мирян на беспорядки и не только антицерковные, но и антиправительственные действия, вопреки воле кротких и богобоязненных иноков⁴. Впоследствии эта идея была подхвачена и детально разработана в трудах многих историков синодального направления, в первую очередь Игнатия, архиепископа Воронежского (затем Донского и Новочеркасского), соловецкого архимандрита Досифея, А. Бровковича (архимандрита Никанора)⁵. В целом в ранней церковной историографии не было анализа истории Соловецкого восстания. Концепция прискорбной случайности, нарушившей плавное течение монастырской жизни и воспринимаемой как следствие проникновения «пришлых» людей, не была результатом изучения источников. Она задавалась априори, а в отношении фактографии работы первых синодальных историков серьезно уступали старообрядческим исследователям восстания.

Изменение ситуации в изучении темы наступило в связи со становлением новой светской историографии. С. М. Соловьев впервые привлек к работе документы московских приказов, расширил фактологию. Новая концепция еще не возникла, но первые шаги для ее создания были сделаны⁶. Настоящее продвижение вперед в изучении темы — заслуга историка-демократа А. П. Щапова, который первым обратился к анализу социально-политических причин возникновения старообрядчества. Соловецкое восстание, по его мнению, носило антимонархический характер, выражало протест Поморской области против Москвы⁷.

Зарождение демократической концепции истории старообрядчества, изменение идеологической ситуации в стране в пореформенный период поставило историков синодального направления перед необходимостью разрабатывать новые подходы к исследованию данной темы. Сказалось это и на изучении Соловецкого восстания. Введение С. М. Соловьевым новых документальных материалов также вынуждало к пересмотру фактической стороны событий и к созданию более серьезных обоснований концепций. В полемике с С. М. Соловьевым появилась работа П. С. Казанского⁸. Причины беспорядков в монастыре автор увидел в упадке грамотности монахов, утрате контроля за ними со стороны высшей иерархии.

Издание «Материалов для истории раскола» Н. И. Субботиным (в 1878 г. вышел третий том, посвященный исключительно Соловецкому восстанию) позволило углубить и уточнить исследования Соловецкого восстания. Работы П. Соколова и особенно И. Я. Сырцова, базирующиеся в основном на издании Н. И. Субботина, представили широкую и достаточно детальную картину событий в Соловецком монастыре⁹. Развивается и уточняется концепция восстания как выступления малограмотных и разгульных монахов в союзе с мирянами против церковных и светских властей; подчеркивается, что на втором этапе восстания власть целиком перешла в руки мирян как наиболее разрушительной силы. Исследование И. Я. Сырцова, неоригинальное по концепции, оказалось настолько фактологически подробным и точным, что на многие десятилетия стало главным трудом по данной теме.

В последней трети XIX — начале XX в. как в рамках демократического, так и позднего церковного направления, появляется целый ряд работ, посвященных отдельным частным вопросам истории и идеологии Соловецкого восстания. Статьи П. В. Знаменского о Сергии Шелонине и Герасиме Фирсове, П. В. Владимирова о соловецких рукописях и сочинениях периода восстания, А. Молчанова об идеологии восстания, Н. К. Никольского о Герасиме Фирсове серьезно продвигали вперед понимание событий, хотя и не содержали исчерпывающих ответов¹⁰.

В советское время закономерным образом возникают новые концепции Соловецкого восстания, вытекающие из более общих идеологических и историографических установок. На первых порах демократическая традиция еще давала о себе знать, что проявилось в работе А. А. Савича, развивавшего концепцию А. П. Щапова на обширном и зачастую совершенно новом документальном материале¹¹. Однако к середине века формулируется иной подход. Н. А. Барсуков (который формально ввел в оборот абсолютно новые документальные источники, но почти ничего не извлек из них, чтобы не опрокинуть собственную сильно идеологизированную схему) и А. М. Борисов (чья схема гораздо более корректна и сдержанна), отвергнув идею демократической историографии о борьбе восставших с централизаторской политикой правительства, утверждают, что единственной движущей силой восстания были миряне, боровшиеся как с феодальным правительством, так и с реакционными монахами; религиозная идеология рассматривается как тормозящая развитие событий, вредная и навязанная массам¹². Естественно, что такой подход заранее исключал возможность изучения идеологии движения, задавал схему, оторванную от реальных данных источников. К существенным потерям в теоретическом отношении привел и отказ от многих достижений демократической историографии.

В последние десятилетия, в связи с изменением подхода к старообрядчеству в целом, иначе стали рассматривать и Соловецкое восстание. Освобождение от вульгарно-социологического подхода при рассмотрении проблем

общественных движений феодального периода, появление серьезных исследований такой сложной формы сознания, какой была религиозная идеология, определили общее изменение историографической ситуации. В кратких обзорах соловецких событий А. Н. Робинсон, А. И. Клибанов, Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, не ставившие перед собой задачи конкретного изучения темы, сформулировали установку на глубокое и непредвзятое исследование темы в связи с анализом средневекового религиозного сознания¹³.

Важную роль в разработке темы сыграли работы филологов и историков, в которых представлены и проанализированы многие повествовательные и публицистические памятники Соловецкого восстания. В первую очередь следует отметить статьи Н. С. Демковой, Н. К. Ромодановской, Е. И. Иткиной¹⁴ и особенно исследования Н. Ю. Бубнова и Е. М. Юхименко¹⁵. В последнее десятилетие появились также работы О. С. Сапожниковой, О. В. Панченко, П. В. Лукина, С. К. Севастьяновой, Е. Э. Шевченко, посвященные отдельным личностям и проблемам, связанным с историей и идеологией Соловецкого восстания¹⁶.

Однако, несмотря на обширную литературу, тему нельзя назвать исчерпанной. Нет комплексного анализа идеологической обстановки и хода событий, предшествовавших восстанию. В результате вопрос о причинах Соловецкого восстания решается в основном гипотетически. Не выстроена картина развития восстания на всех его этапах. Не решен вопрос о соотношении роли иноков и мирян в нем. Нет ясности относительно системы управления монастырем во время осады. Нет четкого представления о взаимодействии повстанцев с местным населением Поморья, хотя подобные контакты, как известно, имели место.

Наименее разработаны вопросы идеологии восстания. В опубликованных работах до недавнего времени ни одна тема, обсуждавшаяся в ходе восстания, не анализировалась полностью — ни в хронологическом, ни в содержательном плане. Единственное исключение представляет монография П. В. Лукина, появившаяся уже после первого издания настоящей книги. В 4-й главе рассматриваются старообряд-

ческие воззрения на царскую власть, в том числе и некоторые из соловецких идей¹⁷.

Нельзя признать полной и источниковую базу предшествующих исследований. Наиболее обстоятельная в этом отношении работа — диссертация Е. М. Юхименко, изучавшей архивные документы восстания параллельно с автором данного исследования. Рукописные сборники с соловецкими сочинениями, особенно в петербургских фондах, широко представлены в трудах Н. Ю. Бубнова. Но оба эти исследователя ставили несколько иные задачи, а потому сводная картина Соловецкого восстания до сих пор не составлена. Автором данной работы представлены некоторые предварительные результаты анализа источников в виде цикла статей, но там внимание почти целиком уделялось новым материалам при минимальном их соотнесении с ранее известными документами¹⁸.

В ходе работы над повествовательными источниками удалось решить ряд важных текстологических проблем, установить историю текстов. Привлечены новые, неизвестные ранее в историографии сочинения. Определен круг нарративных источников по истории и идеологии Соловецкого восстания. При работе с фондами приказов оказалось возможным более чем удвоить число документов по теме по сравнению с ранее известными. Значительный массив новых материалов позволил прояснить многие концептуальные вопросы, решить ряд других проблем¹⁹.

* * *

Пользуюсь приятной возможностью выразить благодарность тем, кто способствовал появлению этой работы. В первую очередь, научному руководителю, академику Н. Н. Покровскому, который в свое время предложил мне заняться творчеством Герасима Фирсова, а потом поддержал в желании изучать историю Соловецкого восстания, который на протяжении многих лет направлял, учил методам исторического исследования и устанавливал высокие критерии требовательности к себе и к своим исследованиям. Также мне хотелось бы поблагодарить еще двух наставников: Михаила

Иосифовича Рижского и Нину Викторовну Ревякину, которые учили внимательно читать и анализировать документы, самостоятельно мыслить и сохранять уверенность в себе. Большую признательность хотелось бы высказать коллегам, с которыми долгие годы работали параллельно над историей Соловецкого монастыря, обсуждали различные аспекты темы, делились сведениями, не всегда соглашались в деталях, но всегда совместно стремились к познанию истины: это Н. Ю. Бубнов, Е. М. Юхименко, О. С. Сапожникова. Особая благодарность сотрудникам сектора археографии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО РАН (называю так, как это было в годы работы над текстом), обсуждавшим эту работу в рукописи, в первую очередь Е. К. Ромодановскую, Н. С. Гурьянову, Н. Д. Зольникову, Л. В. Титову, а также сотрудников сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом). Большое спасибо сотрудникам рукописных отделов и архивных хранилищ, в которых довелось работать над темой: ОР РНБ, ОР БРАН, древлехранилища ИРЛИ, ОР ГИМ, ОР РГБ, РГАДА, Архива СПБИН РАН. Также мне хотелось бы вспомнить тех, чье участие очень много значило в работе над этой книгой: светлая память Александру Александровичу Амосову, который помогал в работе с рукописями, поддерживал и верил в успех этого исследования, и Сергею Васильевичу Морозову, открывшему для меня особую атмосферу Соловков, человеку, который был убежден в необходимости второго издания этой книги.

Глава 1

Соловецкий монастырь накануне восстания

Взаимоотношения монастыря с церковными и светскими властями

Соловецкий монастырь расположен в Белом море; острова, на одном из которых выстроена обитель, отстоят от материка на два дня пути при переправе на ладье. Доступен монастырь лишь с мая по сентябрь, и почти восемь месяцев он окружен плавающими льдами. Переезд с острова на материк зимой крайне опасен. В такой путь отправлялись только в экстренных случаях¹. Монастырь расположен на берегу самого крупного в архипелаге Соловецкого острова, на узкой полосе земли между гаванью Благополучия и Святым озером. Три других крупных острова — Анзерский, Большая и Малая Муксалма — находятся с противоположной стороны Соловецкого острова. Напротив монастыря есть лишь два пригодных для жилья острова: Большой и Малый Заяцкие. Однако и от них монастырь отгорожен мысом. На горизонте в ясную погоду видны Кузовские острова, куда монахи ездили за грибами и ягодами.

Соловецкий монастырь был крайним опорным пунктом русской колонизации на Севере. Постоянная опасность со стороны англичан и датчан определила стратегическое значение монастыря. Обитель стала важнейшим звеном обороны Поморья, самой северной русской крепостью. Военно-сеньориальная власть настоятеля монастыря с конца XVI в. распространялась на все Поморье. С 1637 г. оборона Русского Севера была полностью возложена на монастырь, а с

1657 г. вооружили даже значительную часть братии. Построенная на рубеже XVI–XVII вв. под руководством Трифона Кологривова крепость из гранитного валуна² сделала Соловецкий кремль неприступным. Пять угловых и три пристенные башни далеко выступают из стен. Бойницы расположены на нескольких уровнях и под разными углами направлены к земле, поэтому у Соловецкой крепости нет мертвых точек обстрела. Не защищенные водой короткие южная и северная стены при толщине до шести метров достигают одиннадцатиметровой высоты. Северные башни — Никольская и Корожная — расположены на возвышении. С низкой южной стороны углом расположены три крупные башни: Прядильная, Белая с Сушилом и Архангельская. С северной и южной сторон находились выложенные валуном рвы. Просторная обходная галерея тянется вдоль всех стен. Ее ширина позволяла ограниченному количеству людей быстро передвигаться и вести огонь из многочисленных амбразур верхнего боя³.

Военное значение Соловецкого монастыря опиралось на его экономическую мощь. Статьи доходов были многообразны. Это земледелие, соляной и рыбный промыслы, слюдяные разработки, кожевенные избы, поташные заводы, железоделательное и жемчужное производства, различные ремесла, иконописание и книгописание. К первой половине XVII в. Соловецкому монастырю принадлежали обширные земельные владения по западному берегу реки Онеги, весь берег от реки Кемы до реки Выг и озера Ковдо, целый ряд поморских волостей. С первой половины XVI в. Соловецкий монастырь находился под особым покровительством московского правительства: ему дарили земли с крестьянами, соляные промыслы, в монастырь делали крупные вклады, ему даровали различные привилегии и исключительные юридические права. Василий III дал обители несудимую грамоту, подтверждаемую всеми последующими царями вплоть до Василия Шуйского. Царь Михаил Федорович дал монастырю особое право по всем спорным вопросам обращаться непосредственно в приказ Большого дворца, минуя низшие инстанции. В монастыре очень сильны были традиции сепаратизма. Совершенно закономерным и единственно

правильным представлялось инокам автономное положение обители в общерусской церковной системе и значительная независимость от власти царя⁴.

В 1651 г. соловецкий игумен Илья был произведен в архимандриты. Это означало официальное признание высшего ранга монастыря. Во главе обители кроме архимандрита стояли келарь (заведующий монастырским хозяйством) и казначей. Оба вступали в должность после избрания на черном монастырском соборе. Настоятель, келарь и казначей, священники и 12–14 соборных старцев составляли малый черный собор, верхушку монастырской администрации. В особо важных случаях созывался большой черный собор, т. е. собрание всех монахов обители. Большой черный собор летом обычно проводился в Спасо-Преображенском соборе, редко — на площади перед центральным комплексом зданий. К середине XVII в. посреди монастыря находились теплая Успенская церковь, соединенная в одном здании с Трапезной и Келарской палатами, холодный Спасо-Преображенский собор (самое крупное здание в обители), между ними была крытая галерея. Зимой монахи обычно собирались на большой черный собор в Трапезной — самой крупной одностолпной палате Древней Руси (около 500 кв. м). Малый собор чаще всего проходил в соседней, значительно меньшей Келарской палате⁵.

В XVII в. в монастыре проживало 350–400 человек братии, около 600 слуг и работных людей, не считая тех, кто трудился на соляных промыслах. Устав Соловецкого монастыря позволял монахам покупать отдельные кельи полностью или по частям. У некоторых, особенно пожилых старцев оказывалось отдельное хозяйство и большие по тем временам суммы «собинных» денег. Соборные старцы часто имели слуг. Чаще всего в число соборных старцев входили те, кто при пострижении или ранее мог внести в монастырскую казну крупный вклад. Иногда звание соборного старца давалось за заслуги⁶.

Должности приказных и соборных старцев не оплачивались, но реально давали значительные доходы, свободу действий, власть. Получение этих должностей зависело от отношений с настоятелем, поэтому в монастыре постоян-

но шла борьба за сферы влияния. Часто она носила сугубо личный характер.

Принятие в 1649 г. нового свода законов — Соборного уложения — положило конец и новым территориальным приращениям монастыря, и ряду его привилегий. Уложение лишило церковь легальной возможности увеличивать земельные владения. «Патриарху и митрополитом и архиепископом и епископом, и в монастыри ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать, и в заклад не имати, и за собою не держати, и по души в вечный поминок не имати никоторыми делы» (гл. XVII, ст. 42)⁷. Уложение установило в качестве общей меры для духовенства, включая монастыри, подсудность по недуховным делам такую же, как для светских лиц. Учреждение Монастырского приказа также имело серьезные последствия, поскольку было нацелено и на усиление централизации государственного аппарата⁸. До 1649 г. монастырям давались тарханные, т. е. несудимые грамоты, переводившие их в сферу подсудности приказа Большого дворца. Отмена тарханных грамот наносила церкви немалый материальный ущерб, лишая ее постоянных и крупных доходов в виде судебных пошлин. В целом Уложение усиливало государственный контроль над церковью и, в частности, над монастырями. Эти меры вызвали недовольство всего русского духовенства. Возмутили они и Соловецкую обитель.

Особую остроту ситуации придавал тот факт, что в самый напряженный период после принятия Соборного уложения у Соловецкого монастыря появился новый сосед, недвусмысленно претендовавший на верховенство. С 1649 г. Новгородскую митрополию возглавил Никон. Властный и энергичный митрополит скоро оказался в конфликте с соловецкой братией. Поводы к раздорам многократно описаны в литературе. Это спор 1650 г. о том, из какой муки (ржаной или пшеничной) печь раздаточные просфоры для многочисленных богомольцев⁹, запрет есть рыбу в субботу и Великий пост, нарекания из-за свободного положения ссыльных в монастыре¹⁰. Получив в 1651 г. по царской грамоте право суда в Соловецком монастыре, Никон разрушил традиционную привилегию обители, ранее неподсудной новгородским митрополитам¹¹. Неоднократно Никон «пользо-

вался» монастырской казной и библиотекой. Соловецкие монахи в жалобах царю называли книги и ценности, изъятые Никоном¹². Серьезный экономический ущерб принесла Соловецкой обители организация в Поморье личного монастыря Никона — Крестного («Ставра»), в пользу которого Никон (уже патриарх) отписал две богатые соловецкие вотчины: Кушерецкую волость и Пияльское усолье¹³. Это было сделано уже после введения Уложения, запретившего приращение монастырских земель. В Ставрос Соловецкий монастырь должен был также поставлять хлеб¹⁴. Все эти конфликты были следствием более глубокого противостояния митрополита (а затем патриарха) Никона и Соловецкого монастыря. В чем суть этого напряжения, ожесточенности в отношениях церковного иерарха и монастыря?

Экономическая независимость обители, ее многочисленные привилегии приучили монахов к самостоятельности. Порядки в монастыре были не слишком строгие, аскетизм оставался скорее идеалом, чем повседневной практикой. Никон же не был просто властолюбивым карьеристом, каким его зачастую изображали противники. Монашеское учение он проходил в Анзерской пустыни у Елеазара, одного из наиболее глубоких и искренних аскетов первой половины XVII в. Несмотря на конфликты, приведшие к уходу Никона из Анзерской пустыни в 1639 г., именно там сформировались многие его представления о монашеской жизни. Оттуда, из Анзерской пустыни, Никон мог вынести и достаточно враждебное отношение к богатому соседу — Соловецкому монастырю. Мелочность иных придирок новгородского митрополита к соловецкой братии очевидна¹⁵.

Была и другая причина непримиримого противостояния Никона и Соловецкого монастыря. Целью Никона было возвышение духовной власти над светской, усиление роли и авторитета церкви¹⁶. Этого можно было достичь, по мнению Никона, лишь за счет внутренней перестройки церкви, реорганизации ее на основе четкого иерархического принципа с жестким соподчинением элементов церковного организма. Объективно такая система должна была приблизить положение русской православной церкви к католическому образцу. Патриарху, по мысли Никона, полагалось стать пол-

новластным главой церкви. Ему принадлежал бы и духовный контроль над обществом. Политика Алексея Михайловича в отношении церкви также предполагала усиление ее иерархической структуры, но не для укрепления, а для ослабления позиций духовенства. Реформированная, унифицированная церковь без внутренней автономии монастырей, приходов, митрополий легко могла быть подчинена власти царя, включена в государственную систему. Вмешательство власти в сферу религиозной жизни явилось следствием становления в России абсолютизма. Эта линия была доведена до конца при Петре I упразднением патриаршества и созданием Синода. По мнению первых противников реформы, инициатором и единственным заинтересованным в ее проведении лицом был именно Никон. Да и действовал патриарх методами, предельно похожими на государственные. В условиях широкого сопротивления абсолютизации царской власти в середине — второй половине XVII в. подобные методы сами по себе вызвали энергичный протест различных кругов и социальных групп населения.

Итак, в середине XVII в. Соловецкий монастырь оказался в состоянии внутреннего напряжения, не выраженного явно, но постоянно нарастающего недовольства как официальной политикой укрепляющейся самодержавной власти, так и курсом Никона на реорганизацию церкви по западному образцу.

Идеологическая обстановка в монастыре в середине XVII в.

Реакция соловецкой братии на события, происходящие в стране, определялась не только непосредственными политическими и экономическими соображениями и обстоятельствами, но и той ролью, которую играла в жизни обители книжная культура, соловецкая библиотека. Рукописное собрание Соловецкого монастыря всегда относилось к разряду наиболее крупных и хорошо подобранных по составу. Прекрасно налажены были в обители и книгописная деятельность, и переплетные работы¹⁷. В 1630-е гг. в монастыре была создана даже специ-

альная книгописная мастерская, просуществовавшая до середины 1670-х гг., т. е. до разгрома восстания¹⁸. В книгописной палате рукописи создавались в основном для продажи, но велась и келейная работа над книгами. Из числа книгохранителей выходили порой наиболее почитаемые лидеры. Так, например, соловецкий постриженник, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде Никанор, ставший впоследствии одним из руководителей Соловецкого восстания, начинал именно в должности книгохранителя¹⁹. До 1666 г. (точная дата неизвестна) был книгохранителем другой руководитель оппозиции — черный дьякон Нил²⁰.

Подбор книг соловецкой библиотеки определялся интересами монахов, отражал их внимание к богословским и обрядовым темам. Важной особенностью соловецкого книжного собрания, той его части, которая была сформирована в XVII в., является большой репертуар догматических сочинений. Среди них почти все памятники российских богословских споров первой половины XVII в., множество полемических сборников антиеретического, антикатолического и антипротестантского содержания, несколько списков Катехизиса Лаврентия Зизания. Особый интерес представляют соловецкие списки сборника «Изложение о вере» (Просветитель Литовский), послужившего основой для популярного среди старообрядцев издания — Кирилловой книги²¹. В Соловецком монастыре была создана самостоятельная редакция сочинений Арсения Суханова. Подобный состав библиотеки не совсем обычен. Он достаточно определенно свидетельствует о повышенном интересе соловецких книжников к догматическим и обрядовым проблемам. Традиции полемических сочинений русских авторов первой половины XVII в., а также украинских и белорусских полемистов оказали влияние на формирование писательских стилей авторов — будущих идеологов Соловецкого восстания. А богатое собрание произведений отцов церкви, знаменитых православных греческих и ближневосточных богословов послужило основой для собственных сочинений соловецких писателей-старообрядцев²².

Среди многочисленной соловецкой братии писатели-книжники представляли относительно небольшую груп-

пу. Особого внимания заслуживают такие иноки середины XVII в., как уставщик Никодим, Сергей Шелонин, Герасим Фирсов, Никанор²³. Никодим и Сергей были старшими по возрасту, наиболее авторитетными лицами в кружке. По отношению к ним Герасим Фирсов, другие монахи занимали позицию учеников. Так, Никодим давал указания старцу Игнатию при создании последним Жития Анны Кашинской²⁴. Никодима и Герасима Фирсова связывали довольно прочные и доверительные отношения. Об этом можно судить по посланию Герасима к его другу Никанору в Саввино-Сторожевский монастырь (около 1657 г.). Написав Службу и Похвальное слово на перенесение мощей митрополита Филиппа в Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря, а также Похвальное слово Иоанну Лествичнику, Герасим отнес все эти сочинения уставщику Никодиму, чтобы тот просмотрел их «испытателне, а не мимоходне». Труды Герасима получили одобрение. Более того: Никодим поручил Герасиму Фирсову написать «вкратце» житие Филиппа для Пролога. Никодим собирался представить все эти сочинения на одобрение патриарху, но «пременение вещей времени» (церковная реформа 1652 г.? перенесение мощей митрополита Филиппа в Москву?) и смерть Никодима помешали этому²⁵. Когда у Фирсова возникли сомнения в правильности чина апостольских праздников, принятого на Руси, он обратился за разъяснениями именно к Никодиму. Герасим не написал Никанору слова почтительно и авторитетного уставщика, так как это, по мнению Фирсова, требовало «усты ко устом и твердостна слуха, могущи слышати таковое». Слова Никодима могли быть обращены лишь к «свершенным и обучена имущим душевная чувства к разсуждению лучшаго и злаго»²⁶. Подобный разговор «по тонку» на богословские темы был возможен между Никодимом и Герасимом, Герасимом и Никанором. Последних двух иноков связывали, судя по всему, не просто доверительные, но и очень теплые человеческие отношения. Герасим пишет Никанору, что рад был бы видеть его, помнит о нем в разлуке, вспоминает духовные наставления и советы Никанора²⁷. (Хотя духовным отцом Герасима Фирсова был не Никанор, а священник Игнатий²⁸.)

Нет никаких прямых сведений о собственных сочинениях Никанора, хотя он был великолепным писцом, безукоризненно владевшим полууставом, схожим с печатным шрифтом²⁹. Келейная библиотека Никанора состояла из 60 книг³⁰.

Никодим был не только советчиком и наставником молодых писателей-иноков, не только вкладчиком книг в монастырскую библиотеку (например, рукописи РНБ, Солов. собр. 594/575 и 518/499), но и писателем. Известно одно его произведение: «Повесть душеполезна Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате» (после 1638 г.), написанная в жанре видения³¹.

Наиболее авторитетным в обители книжником был Сергей Шелонин. Автор целого ряда сочинений³², один из лучших писцов Соловецкого монастыря³³, Сергей не только оставил библиотеке около 40 написанных им книг — он сформировал и определил стиль оформления рукописей. Почерку Сергея подражали. Можно сопоставить, например, его почерк с почерком Федора Васильева сына Семизора, завершившего в 1668 г. последнюю рукопись Сергея, работа над которой была остановлена на середине болезнью Шелонина в 1662 г. (РНБ, Солов. собр. 283/87; смена рук на л. 46)³⁴. Помимо Федора Семизора были и другие соловецкие писцы, подражавшие своеобразному почерку Сергея. Например, тот, что написал во время восстания знаменитую рукопись РНБ, Солов. собр. 897/1007, содержащую соловецкую редакцию сочинений Арсения Суханова с дополнениями и Трактат о двуперстии Герасима Фирсова³⁵; а также рукопись РНБ, Солов. собр. 838/948, принадлежавшую Никанору. Его личность сумел установить О. В. Панченко — он определил, что это мирянин, дьячок Козьма Евсеев Вологжанин, тоже помощник Сергея Шелонина в 1650-х — первой половине 1660-х гг., сотрудничавший и с Никанором; исследователь определил круг созданных им 18 рукописей³⁶.

Соловецкие писцы подражали не только почерку, но и общему стилю оформления рукописей Шелонина. Его манера письма, работы с источниками повлияла на стиль и подход к книгам Герасима Фирсова, Геронтия и др.³⁷ Нет сведений о личных взаимоотношениях Сергея Шелонина с другими соловецкими книжниками. Но характерно соче-

тание тем в творчестве Шелонина и Фирсова: оба пишут сочинения о Филиппе; Герасим Фирсов создает Похвальное слово Иоанну Лествичнику, Сергей Шелонин готовит кавычную книгу для московского издания Лествицы³⁸.

В середине XVII в. известные соловецкие книжники — Никодим, Сергей Шелонин, Герасим Фирсов — создавали сочинения ярко выраженной идеологической ориентации. Кроме того, сохранились анонимные статьи соловецких писателей этого же времени, трактующие такие важные для них вопросы, как книжное исправление, отношение к грекам.

Какие позиции занимали соловецкие писатели-идеологи в середине XVII в., накануне восстания? Прежде всего, обратимся к тем сочинениям, где ставится вопрос о допустимости обрядовых реформ и книжном исправлении. До начала восстания произведений на эту тему создано два: анонимная статья о книжном исправлении, переписанная как прибавление к сочинениям Арсения Суханова в рукописи, написанной рукой Козьмы Евсеева Вологжанина³⁹, и часть послания Герасима Фирсова к архимандриту Никанору («Показание от божественных писаний...»)⁴⁰. В этих сочинениях выражено различное отношение к проблеме. В статье, прибавленной к Проскинитарию Арсения Суханова, определенно и однозначно провозглашен тезис: «А у прежних христиан зело о том велико попечение было, чтоб ни у какова слова, ни у каковы речи не убавить, ни прибавить ни единого слова не давали. От того велик раскол в церкви входит от малого небрежения»⁴¹. Далее выстроен довольно длинный перечень мелких и мельчайших расхождений новопечатных книг со старыми, приведен ряд примеров нарушения привычной обрядности, и все это оценивается крайне негативно.

Иных взглядов на проблемы книжного исправления и обрядовой реформы придерживался Герасим Фирсов. Он был глубоко убежден, что догматическая система незыблема. Апостольское и отеческое учение о вере не может быть противоречивым, так как и тех и других, говорит Фирсов, озарял один Святой Дух, это учение было утверждено на вселенских соборах. Любое изменение или дополнение основной базы христианства, сложившейся в период вселенских соборов, может только нарушить ее. По мнению Фир-

сова, все отступления происходят по человеческой воле — из-за забвения Божественного писания или — что гораздо хуже — из-за «преобидения». Проверить, есть ли в религиозном сочинении или проповеди прегрешения против догматов христианства, с точки зрения Герасима, несложно: надо лишь сравнить их с установлениями соборов, так как все ереси уже осуждены и прокляты. Поэтому выбор у человека ограничен: либо еретик возвращается к православному учению, либо православный отступает к ереси. Все это вполне традиционно.

Но каковы пределы человеческого разума в вопросах веры? Должна вера быть слепой или сознательной, подкрепленной доводами разума? Святоотеческая литература не дала определенного и однозначного ответа на этот вопрос. Герасим излагает свой взгляд на проблему. Он очень хорошо знает положения, на которые опираются сторонники слепой веры. Фирсов признает каноничность, правильность этих положений, даже декларативно присоединяется к сторонникам такой точки зрения. Но тут же, опираясь на слова Златоуста, Герасим доказывает, что не испытывающие писания, не опирающиеся на разум в вопросах веры, наносят вред своей душе. Главное, чтобы не было «с ненавычением кичения». В доказательство правильности своей позиции Герасим приводит и слова из Постнической книги Василия Великого: надо испытывать слова учителей, сверять их с Божественным писанием и принимать то, что согласуется с ним.

Герасим признает возможность неосознанных ошибок в обряде, в богослужебных книгах и допускает обрядовую реформу в принципе. Но он предлагает четкую систему проведения такой реформы: авторитетная комиссия должна собрать древние свидетельства, проанализировать их, выбрать наиболее достоверное, заведомо неиспорченное. Другая комиссия должна проконтролировать действия первой. Таким образом, Герасим выступает за тщательную филологическую и историческую критику источников. Необходимость такой сложной работы Фирсов объясняет тем, что проблемы культа запутаны, ошибки накапливаются легко и быстро, а исправления производить очень трудно. Исправлять обряд может только очень знающий человек,

причем действовать он должен осторожно. И все должны следить за его правкой, чтобы избежать греха.

Мысли о необходимости исправления книг с опорой на глубокую текстологическую критику, на доводы филологические и исторические, были высказаны в России еще в XVI в. Максимом Греком⁴². Но и его исправления у современников и у потомков встречали разное отношение. Многие считали подобную работу нарушением истинного предания, порчей книг. На таких позициях стояли старообрядцы (не связывая исправление книг с личностью почитаемого ими Максима Грека). Герасим Фирсов в данном случае разделял взгляды гуманистически образованного афонского монаха. Когда накануне реформы 1652 г. собирались древние греческие и русские пергаменные книги, подразумевалась именно та кропотливая работа, которую предлагал Герасим Фирсов. Но это не соответствовало реальным политическим целям реформы. Правительство царя Алексея, патриарх Никон менее всего были заинтересованы в тонкостях филологической критики древнейших богослужебных рукописей.

Об отношении Герасима Фирсова к вопросам культа можно судить не только по его декларациям, но и по двум практическим разработкам обрядовых проблем. В «Показании от божественных писаний» Герасим изучает вопрос об апостольских праздниках. Суть проблемы, с его точки зрения, заключается в несоответствии большого места апостолов в христианстве и малой значимости апостольских праздников в русской церковной практике, а также в неравенстве различных праздников при условии, что все апостолы равны. Фирсов собрал по книгам свидетельства авторитетных лиц по этому вопросу. На основании цитат из Никона Черногорца, у которого собраны данные по студитским, афонским и иерусалимским уставам, Иоанна Постника, заповедей апостолов и их анализа Герасим сделал вывод: нужно изменить принятую на Руси систему культа, поднять значение апостольских праздников над чествованием других святых, уравнять все апостольские дни. Таким образом, Фирсов предложил весьма кардинальную перестройку церковной службы⁴³.

Другая проблема, к которой обращается Герасим Фирсов, непосредственно связана с реформой 1652 г. и касается пер-

стосложения для крестного знамения и благословения. Этому вопросу Герасим посвятил целое сочинение: «О сложении перстов десныя руки...» (Трактат о двуперстии)⁴⁴. Фирсов считал, что двуперстие — та форма обряда, менять которую не нужно. Для обоснования своей точки зрения он разворачивает две линии доказательств. Во-первых, это традиционные средневековые доводы от авторитета — цепь свидетельств в пользу двуперстия. Во-вторых, это логический анализ различных форм перстосложения (двуперстие, трехперстие и пятиперстие) и обоснование того, что именно двуперстие может напомнить верующему верные догматы. Опираясь на подробный анализ основополагающих понятий Троицы и богочеловеческой природы Христа, Фирсов доказывает, что трехперстие неприемлемо лишь потому, что уведет мысли к ереси, внушив недостаточно грамотному христианину, что Троица была на кресте, а Христос обладает одной природой. И в первой, и во второй части трактата Герасим широко применяет и логические доказательства, и исторические сведения (например, анализируя свидетельство Мелетия).

Итак, по мнению Герасима Фирсова, при необходимости надо менять обряды. Но он против изменений, не оправданных с богослужебной точки зрения. Политические доводы в культовых вопросах он не приемлет. В этом проявляется позиция церковного деятеля, для которого проблемы богослужения важнее проблем государственных. В этом он предельно близок по своим взглядам к старшему и более опытному книжнику Сергию Шелонину. Герасим достаточно свободно подходит к вопросам культа, не отрицая роль книжной образованности, филологической критики текста. Впоследствии такой подход проявился в методах работы выговских старообрядческих книжников.

Таким образом, накануне Соловецкого восстания в монастыре были те, кто стоял на предельно ортодоксальных позициях, свойственных большинству старообрядцев, готовые умереть «за единый аз». Но рядом с ними находились люди более рационально настроенные, более гибкие и в то же время глубоко убежденные в ошибочности реформы Никона. Они считали необходимым проведение тщательной текстологической работы с книгами, организацию богословских

диспутов в духе тех, что проходили в России в первой половине XVI в., в эпоху патриарха Филарета.

Влияние этой эпохи на сознание соловецкой братии отчетливо проявилось в отношении к грекам. Враждебная настороженность и недоверие к православному Востоку, свойственная Филарету и его окружению⁴⁵, четко фиксируется в документах соловецкой оппозиции. Негативное отношение к никоновской реформе усугублялось участием в ее разработке бывшего соловецкого ссыльного Арсения Грека, человека беспредельно далекого от какой бы то ни было идеологической твердости.

Последовательный лишь в стремлении приобретать все больше и больше новых знаний, Арсений проделал извилистый путь через Италию и турецкие владения, через молдавские и валашские земли в Москву, а затем на Соловки, где свободно рассказывал о своем многократном вероотступничестве: «Был де я во многих школах, сиречь училищах, во многих государствах; да толко не примешь того государства веры, и во училищи не примут»⁴⁶. О пребывании Арсения Грека в Соловецком монастыре в 1649–1651 гг. сообщает повесть об Арсении в сборнике, содержащем соловецкую редакцию сочинений Арсения Суханова⁴⁷. Это сочинение совсем небольшое по объему, но очень ценное по содержанию. Первое, что замечаешь при чтении повести, это доброжелательность по отношению к ссыльному. Автор утверждает, что у Арсения «здоровое исповедание православной веры». Еретичества у Арсения монахи не нашли. Автор сочинения, подчеркнув «доброе послушание» Арсения у старца Никодима (уставщика и писателя) в течение двух лет, большое внимание уделяет описанию «умиления» грека при религиозных беседах, его большому интересу к русским книгам. Соловецкая библиотека оказалась настолько привлекательной для ссыльного, что он успел научиться в обители русской грамоте. К концу ссылки Арсений Грек свободно читал русские книги. Позднее, в Москве, Арсений перевел с греческого языка на русский множество произведений⁴⁸. Единственное, в чем упрекает автор повести Арсения, — это его «нетвердая» жизнь. В монастырь Арсений прибыл без нательного креста, в мирской вязаной рубахе, с шелковым

поясом. Он возражал против земных поклонов, ссылаясь на их тяжесть. И в пост Арсений не проявил рвения. По словам соловецкого автора, Арсений в пост скорбел «зело, зазирая немощи своя». Впрочем, несмотря на жалобы, Арсений выполнял требования наставника.

За два года ссыльный грек явно сумел расположить к себе часть соловецких иноков. Видимо, сказалась его способность найти верный тон в разговоре, даже польстить собеседнику. То он рассказывал монахам о порче книг и веры у греков, о нарушении монашеских норм жизни. То сообщал своему духовнику отцу Мартирию, что менял веру из-за стремления учиться. То, объясняя причины, побудившие митрополита Паисия Лигарида донести на него, заявлял: «Митрополит де не лучше меня» — в Киеве ел куриное мясо, ему сказали, что на Руси духовенство этого не делает; с этого времени перестал есть мясо. И Арсений завершил рассказ следующим выводом: греческие иерархи, которые приезжают на Русь, «все лицемерят, чем милостыня выманить». С глубоким удовлетворением отмечал автор повести похвалы Арсения русским книгам, его интерес к чтению.

В этих беседах соловецких монахов с Арсением Греком утверждались и крепили уверенность иноков в отпадении греческой церкви от истинного православия, ощущение национальной исключительности России. Но в период первой ссылки Арсения на Соловки это еще не вызывало негативного отношения к личности ссыльного грека. Несколько лет спустя — в 1667 г., в Пятой соловецкой челобитной Арсения называли «богоотступником и еретиком». Именно с его именем связывали порчу книг на Руси. Складывалось убеждение, что он оказал влияние на патриарха Никона, убедив последнего «похулить православную веру»⁴⁹. В одной из старообрядческих легенд поморского происхождения Арсений предстает даже колдуном, сумевшим потрясти воображение Никона. Автор легенды рассказывает о том, как новгородский митрополит прибыл на Соловки за мощами митрополита Филиппа. Находившийся в монастыре Арсений назвал Никона патриархом. Никон возразил, сказав, что он лишь митрополит. Тогда Арсений предсказал ему патриаршество. Вскоре Никон прибыл в Москву и по смерти Иосифа стал

патриархом. В благодарность за пророчество Никон якобы вызвал Арсения в Москву, где тот немедленно взялся за порчу книг⁵⁰. Так что и в этой легенде Арсений предстает главным инициатором реформы. Но в 1649–1651 гг. Арсений был для соловецких монахов обычным ссылкой, укреплявшим их недоверие к грекам. Во время второй ссылки, в 1666 г., Арсений Грек был фигурой не менее ненавистной и одиозной, чем патриарх Никон. Таким образом, первоначальное недоверие к иностранцам в вопросах веры усилилось и определилось. Сформировалось убеждение в необходимости жесткой идеологической изоляции.

В середине — второй половине XVII в. в России очень остро разгорелся спор о соотношении веры и разума, истин религии и «внешнего учения», «еллинской мудрости». Власти, главы церкви занимали позицию «идеологического аристократизма». Старообрядцы противопоставляли официальным взглядам традиционную средневековую идею «неуков» как единственно достойных христиан. Особенно определенно на такой позиции настаивал протопоп Аввакум, провозгласивший, что «верных христиан простота толико мудрейши суть еллинских мудрецов»⁵¹. Однако даже старообрядцы не все разделяли точку зрения Аввакума, она представлялась им слишком радикальной. Соловецкий инок Герасим Фирсов, занимая позицию «идеологического аристократизма», разделял людей на тех, кто обучен — и, значит, способен обсуждать сложные богословские проблемы, и простых людей — «сущих о Христе младенцев», которые должны довольствоваться не твердой пищей теории, а молоком разъяснений и комментариев⁵². В XVII в. уже невозможно было оставаться только на позициях религиозных истин, некритически воспринимаемых. В московском издании Грамматики 1648 г. излагался взгляд на «еллинскую мудрость» как на завещанное отцами церкви вспомогательное средство благочестия⁵³. Напряжение в обществе связано было не только с этим вопросом. Но проблема «еллинской мудрости», казалось бы, не самая первостепенная, оказалась тесно связана с процессом национальной самооценки. «Внешнее учение» для многих ассоциировалось с чужим, «неверным» миром Запада, да и православного Востока, а следовательно вызывало протест и отторжение. Раз-

витие этого противостояния можно ясно увидеть и во времена петровских реформ начала XVIII в.

Однако даже среди деятелей оппозиции не все связывали «внешнее учение» с отступлением от веры. Образованные соловецкие книжники едва ли могли полностью отречься от знаний, приобретаемых в монастырской библиотеке. В послании к Никанору («Показании от божественных писаний...») Герасим Фирсов высказывает мнение, что «остроумие» не дается природой: «Много времени подобает изнурити в сопребывании с мудрыми к достижению такового разума»⁵⁴. Разум, «внешнее учение» и чистота веры не связаны между собой. Ориген хотя «изящен в премудрости», но еретик. «Богоносные» отцы церкви знали «внешнюю философию», были благочестивы и целомудренны⁵⁵. Начинающийся процесс секуляризации сознания медленно и незаметно для самих соловецких книжников проникает в монастырь. Элементы рационального, логического подхода к различным вопросам сочетаются с мистическими настроениями, не нарушая целостности мировоззрения⁵⁶.

В середине XVII в. и в последующие годы Соловецкий монастырь оказался в центре всех идеологических споров и проблем общества. Еще одним, во многом важнейшим вопросом оказался для соловецких иноков культ митрополита Филиппа (Колычева). Здесь проявились принципиальные позиции соловецких иноков в отношении царской власти, связи между Центром и автономными церковными образованиями.

Интерес идеологов и публицистов XVII в. к личности митрополита Филиппа, трагически погибшего за обличение опричнины, давно отмечен в литературе⁵⁷. На рубеже 1610-х — 1620-х гг. была создана новая редакция Жития митрополита Филиппа, расширенная за счет цитат из Поучения дьякона Агапита цесарю Юстиниану⁵⁸, в 1650-х гг. на основании устных легенд составлено «Запрещение о тафях Филиппа митрополита всеа Руси... царю Ивану Васильевичу»⁵⁹.

Конфликт митрополита Филиппа с царем Иваном IV оказался важным историческим аргументом в спорах о соотношении священства и царства, разгоревшихся в России в середине XVII в. К личности Филиппа обращались и Никон, и его

противники. Общая для них идея превосходства духовной власти над светской зарождалась в среде ревнителей древнего благочестия. Здесь же развивался и культ митрополита Филиппа⁶⁰. При этом разные общественные слои вкладывали различное, подчас противоположное понимание в образ нового святого. Государственные власти шли на компромисс с церковью. Патриарх Никон стремился к утверждению приоритета власти духовной. Представители демократической оппозиции видели в митрополите Филиппе бесстрашного защитника «мирской правды»⁶¹. Апофеозом воплощения всех этих идей стало перенесение мощей Филиппа в 1652 г. из Соловецкого монастыря в Москву и покаянное моление молодого царя Алексея, обращенное к убитому святителю. На Соловках культ Филиппа закономерно занял большое место еще во времена одного из его первых преемников игумена Иакова⁶²: ведь Филипп был соловецким постриженником и игуменом, много сделавшим для обогащения и процветания обители. В 1590 г. мощи Филиппа были перенесены из тверского Отроча монастыря, места убийства, на Соловки. 30 мая 1646 г. они были помещены в созданном самим Филиппом Спасо-Преображенском соборе. Монахи почтили память митрополита всенощным стоянием. По этому случаю Герасимом Фирсовым была составлена Служба на перенесение мощей Филиппа, а позднее — после 1652 г. — Похвальное слово⁶³. В 1651 г. на Соловках было создано еще одно произведение о митрополите — новая, сильно измененная и расширенная редакция Жития, автором которой был Сергей Шелонин⁶⁴.

Таким образом, можно сопоставить взгляды двух знаменитых и авторитетных соловецких писателей на культ митрополита Филиппа. Их акценты и трактовка событий, а порой и прямые рассуждения раскрывают картину политических настроений в Соловецком монастыре середины XVII в. — накануне церковной реформы.

Из произведений Герасима Фирсова о митрополите наибольший интерес представляет Похвальное слово, так как Служба и краткое проложное Житие не выходят за рамки канонов и фактов прежних житий. Центр Похвального слова — диалог Филиппа и царя в Успенском соборе Москов-

ского Кремля. Причем трем монологам митрополита противостоит авторское описание реакции царя. Кроме оппозиции святого и царя-гонителя в Похвальном слове есть еще один контраст: дурной царь Иван Васильевич и добрый царь Алексей Михайлович. В чем же видит Фирсов заслугу Филиппа? Какие требования предъявляет царю?

Главные качества доброго царя — мудрость, православие, «человеколюбие и милость». Фирсов утверждает, что долг царя — быть нравственным примером для своих подданных. В царе должно сочетаться внешнее благочиние и внутреннее благочестие, так как он в ответе за нравственное состояние вверенного ему государства. «Вси убо к твоему житию, яко к некоему образу, взирают, и вся творимая и глаголемая тобой во устав себе вменяют». Поэтому так вреден любой — даже телесный — грех царя. Царь должен иметь «устроение» лица, умеренное слово, должен правильно и «честно» одеваться. Не всем доступно понимание душевных свойств. Многие смотрят на пример царя именно во внешнем плане. Но, все-таки, главным украшением царя должны быть драгоценности добродетелей. Главная цель царя — процветание державы. Ей должны быть подчинены все его действия. Для этого надо опираться на единство правящих слоев, уметь примирять «ратников», так как страна процветает только в согласии правящих. Самое страшное — «разделение» в государстве: «Понеже во общем разделении и смущении томительство и мятеж». Но как уберечь страну от смут? Для этого царь должен быть милостивым, думающим о пользе подвластного ему народа.

Даже на согрешившего нельзя обрушиваться с яростью, так как «слепа есть страсть ярость: не может от горшаго лучынее разсудити». Надо быть быстрым в награждении достойных и медлительным в наказании повинных. А, кроме того, даже мужество и храбрость в «бранных победах» не так располагают к повелителю, как человеколюбие и милость. Только тогда царь будет страшен согрешившим и «не тяжек послушным», «грозен ратником, любезен же подвластным всем же», тогда держава будет могущественной и процветающей.

Чтобы не отступить от истинного пути в управлении государством, царь должен слушать советы иерея, первосвя-

щенника. Он под руководством церкви должен соблюдать христианские законы и обычаи. Первосвященник может и должен высказывать царю мнение по поводу государственных действий. Только послушный церкви царь может рассчитывать на спасение, на милость Бога. Земной царь должен быть подобен небесному царю Христу в милости.

Учение об ограничении царской власти законом Божиим восходит к Евангелию⁶⁵. Поэтому такая мысль вполне естественна для древнерусского писателя. Эту концепцию развивают и отцы церкви: Афанасий Великий, Иоанн Златоуст⁶⁶, которых Фирсов часто цитировал, из произведений которых делал многочисленные выписки⁶⁷.

Поведение двух реальных правителей, Ивана IV и Алексея Михайловича, Фирсов ставит в широкий контекст истории России. Некогда в России владычествовал дьявол. Собственно исторический период, по Фирсову, начинается с крещения Руси Владимиром и сокрушения идолов. По мере укрепления и возвышения истинной веры в России «лукавый враг и ратник» ополчился на нее и особенно яростно борется там, где не имеет силы. В России дьяволу удалось овладеть царем Иваном IV, который стал «наветником державе своей и ратником». Проявление этого Герасим видит не только в несправедливости и жестокости царя, проливающего кровь невинных, как воду, но и в его «нелепотной» и не по чину выбранной одежде. Может быть, Герасим имел в виду то, что Иван IV и опричники надевали монашескую одежду. На пути одержимого дьяволом царя непоколебимым камнем встал Филипп. В этой решимости и последовательности Фирсов видит его главную заслугу. Как определяющее свойство Филиппа Герасим называет свободу, которую нельзя отнять. Выражение этой свободы — равнодушие к земным благам и карам во имя славы Божией, во имя истины. Подтверждение высокого значения этой свободы Герасим находит в посмертной славе Филиппа, его возвращении в Москву к пастве, от которой его отсекали «яко в дубраве древяне секирами, лъстивыми языки». Никогда не забывается то, что сделано, — заявляет Фирсов, ссылаясь и на Евангелие («град вверх горы стоя, укрытися не может» — Мф 5: 14–15), и на «первого

от внешних» — Платона. Итак, дьявол не победил в России благодаря святому.

Затем Герасим обращается к другой реальной исторической ситуации: началу правления Алексея Михайловича. Это время Фирсов оценивает как период идеальных взаимоотношений царя и церкви. Благочестивый царь слушает советы патриарха Иосифа о почитании мощей митрополита Филиппа. Он испрашивает благословения патриарха на достойное дело — перенесение ковчега с мощами святого в главный собор России (Успенский). Он выражает смирение перед покойным митрополитом и «преклоняет» перед ним «честь царствия». Это означает, что Алексей Михайлович признает духовное наставничество церкви, ее приоритет перед светской властью. Похвалы Фирсова заключают в себе возможность оппозиции. В лице Ивана IV митрополит сражался с дьяволом. Поэтому соловецкие иноки, провозглашающие в Похвальном слове Филиппа своим вождем и наставником в борьбе с дьяволом и бесами, заявляют тем самым о готовности и праве быть блюстителями благочестия в стране и, в частности, царского православия. Значит, если царь Алексей, подобно царю Ивану IV, откажется от благочестия, нарушит истинную веру и не послушается тех, кто выступит против его прегрешений, он мгновенно из царя, покорного церкви и Святому Духу, превратится в орудие князя тьмы.

Фирсов не просто настаивает на разделении властей. В соответствии с церковной традицией он утверждает право духовной власти, церкви вмешиваться в светские дела и учить правителя. Святителю Герасим вручает право контроля. А гарантией этого права является свобода от царских указаний, противоречащих истине.

Сергий Шелонин написал свою редакцию Жития митрополита Филиппа, видимо, ранее Фирсова, но прямого влияния одного произведения на другое нет. Основа для Сергия — Тулуповская редакция Жития, созданная на рубеже 1610–1620-х гг. Однако в свой текст Шелонин внес и серьезные стилистические и смысловые изменения, и дидактические рассуждения. Главной идеей для него стало сравнение Филиппа и Иоанна Златоуста, также несправедливо пострадавшего от гонений власти. Как показала О. С. Сапожнико-

ва, это сопоставление существовало и прежде, но Сергей развил его, взяв за основу своего сочинения и Житие Иоанна Златоуста, из которого заимствованы обширные пассажи, адаптированные к реалиям Соловков и биографии митрополита Филиппа⁶⁸.

Оригинальная тема, которую вводит Шелонин в Житие, — независимость Новгорода и ее крушение. После красочной похвалы Великому Новгороду Сергей сравнивает положение новгородских бояр Колычевых в Москве с положением Иосифа при дворе фараона и Даниила в Ассирии. Особо говорит Шелонин о сокрушении Новгорода Иваном IV. Дважды Сергей подчеркивает, что царь ярился на Новгород, хотел разорить его, а Филипп удерживал царя. Именно это послужило главной причиной устранения митрополита. После рассказа о смерти Филиппа следует повествование о новгородском погроме и походе на Псков, о спасителе псковитян юродивом Николе Салосе.

Сергий Шелонин до пострижения был московским подьячим, о его личных связях с Новгородом ничего не известно; предположительно, он происходил из московского дворянского рода⁶⁹. Но фамилия Шелонин напоминает поморское слово «шелоник», т. е. «юго-западный ветер», название реки Шелонь⁷⁰. Кроме того, можно предположить, что особое внимание к новгородской теме вызвано не только его личной биографией, но и той близостью, которая существовала между Соловками и Новгородом как крупнейшими и на определенном этапе независимыми северными центрами. Житие завершено, судя по тексту, в 1651 г., уже после принятия Соборного уложения 1649 г., ограничивающего права обители. Возможно, горячее сочувствие Новгороду и сопоставление Москвы с ветхозаветными нечестивыми царствами Ассирией и Египтом — прямое выражение недовольства соловецкой братии централизаторской политикой Москвы. Как же оценивает Сергей конфликт царя и митрополита? В чем видит главную заслугу Филиппа?

В Житии, составленном Сергием, Филипп предстает аскетом и отшельником, руководствующимся сочинениями аввы Дорофея и Григория Синаита. Вместо энергичного хозяйственника, положившего начало каменному строитель-

ству на Соловках, выхлопотавшего множество даров и жалованных грамот для обители, в Житии возникает образ крайнего нестяжателя, многократно отказывающегося от поста митрополита.

Смещая реальные исторические события во времени (начало опричнины Сергей разместил после поставления Филиппа митрополитом, а присоединение Сибири передвинул в доопричные времена), Шелонин рисует эмоциональную картину жестокостей царя и его дурного советника Малюты Скуратова. Страдалец Филипп постоянно сравнивается с Василием Великим и Иоанном Златоустом. Их речи приводятся как слова Филиппа⁷¹.

Образ царя-гонителя у Сергея неоднозначен. На первых порах царь благочестив. Так, «от Божия вдохновения» Иван Васильевич выбрал Филиппа в митрополиты. До опричнины государство процветает. Отступление царя от благочестия связано с введением опричнины, привлечением злых советников. Мотивов такого поворота в Житии нет, но знаменателен сам факт перелома личности, возможности превращения государя из доброго в злого. Логическим завершением этого поворота становится рассказ Сергея Шелонина о загробных муках Ивана Грозного. Ссылаясь на видение вологодского священника Леонида, бывшего игумена Воздвиженского монастыря, Шелонин описывает темную пещеру, из глубины которой будто лев «из среды сердца и ногтей рыкающая». «Мне же, — сообщал тайнозритель, — вопросившу водящего, кто есть сый, он же отвеща: сей есть грозный царь ваш бывший. Самого же не виде, или кое мучение страждет».

Главная заслуга Филиппа, по Шелонину, — в стойком и последовательном смирении и терпении. Он — мученик и исповедник, смело указывающий царю на его нечестие, не знающий страха и спокойно принимающий страдания.

Итак, попробуем сопоставить два взгляда соловецких иноков на личность митрополита Филиппа, чтобы выяснить значение культа Филиппа в монастыре. Митрополит в двух сочинениях предстает разным: теоретик, выстраивающий логическую концепцию соотношения царской и святельской власти, выполняющий пастырский долг и защищающий свободу совести (у Фирсова), резко отличается

от бывшего новгородского боярина, стремящегося к аскезе, к жизни в пустыни, но вынужденного принять митрополичий сан и мученичество, тяжело переживающего пролитие безвинной крови (у Шелонина).

Так же сильно различаются и образы царя в двух сочинениях: схематичный злодей, орудие дьявола — у Фирсова; благочестивый изначально, но впавший в ярость грешник, получивший жестокое, достойное его смертного греха загробное воздаяние, — у Шелонина.

Но при всей разнице стилистических и моральных, литературных и богословских подходов произведения двух соловецких монахов имеют некое общее множество значений. Резкое осуждение безграничности царской власти, провозглашение необходимости рамок, пределов произвола. Понимание духовной власти как гарантии против беззакония правителей. Только в последовательной верности Божественному слову, моральным установлениям веры видят соловецкие писатели способ обуздания царя. Таким образом, для обоих культ митрополита Филиппа — выражение четкой политической программы: с одной стороны, возвышение роли независимой церкви как оппозиции светской власти (пока жив Филипп, невозможен поход на Новгород; стойкость митрополита не дает дьяволу сокрушить веру в России, оставляет надежду на приход «доброго царя»); с другой стороны — ограничение единоличной власти.

Историческая перспектива позволяет нам увидеть объективность политической программы соловецких иноков, оценить важность и актуальность темы ограничения светской власти в условиях поднимающегося абсолютизма.

Таким образом, становится очевидным, что ситуация в монастыре в середине XVII в. была крайне напряженной. Недовольство Соборным уложением 1649 г., церковной реформой 1652 г. накладывалось на обостренный интерес к важнейшим вопросам духовной жизни монастыря. Весь опыт книжной культуры поддерживал оппозиционные настроения монахов. Антимосковские тенденции переплетались с идеей особой роли России в мировой истории, стремление сохранить привилегии и доходы обители подкреплялось высочайшими христианскими идеалами,

а высокие теоретические рассуждения склонных к «духовному аристократизму» монахов приводили их к тем же выводам, которые представлялись очевидными для «простецов». Внешние случайные обстоятельства подталкивали массу соловецких монахов и мирян в ту же сторону, в которую увлекала их глобальная логика социального, исторического и культурного движения.

Каким же образом осуществлялось это движение в реальной повседневной жизни северного монастыря? Как развивалось внутреннее сопротивление, предшествовавшее взрыву?

Развитие внутреннего сопротивления в Соловецком монастыре накануне восстания: 1652–1667 гг.

Церковная реформа началась в 1652 г. О том, как принята она была в Соловецком монастыре, можно узнать из рассказа соловецкого инок Епифания, знаменитого пустозерского узника. Соловецкий пострижник Епифаний покинул обитель вскоре после драматического известия о церковной реформе, взволновавшего весь монастырь. Рассказ Епифания звучит так: «Тогда у нас в Соловецком монастыре святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: „Братия, братия! Увы, увy! Горе, горе! Пала вера христова, яко ж и в прочих землях, в земли Русской двема врагами христовыми Никоном и Арсеном“. Паче же всех прежреченный Мартирию священноинок обливашея горькими многими слезами, возвещая трикратное отречение арсениево от Христа Бога нашего, оберегая детей своих духовных и прочию братию от Арсения отступника и еретика. Тогда и аз, многогрешный, со святыми отцы тужа и плача, пребыл с ними время некое»⁷². Безусловно, это описание носит повышенно эмоциональный характер, на нем лежит отпечаток более поздних событий, условий заточения Епифания. Однако известно, что Соловецкий монастырь с самого начала реформу не принял. Тяжелые отношения с Никоном, недоверие к грекам, конфликт с правительством — все это стимулировало протест. Но первые годы прошли спокойно: в монастыре ничего

не менялось, специальных распоряжений власти не присылали. Соответственно, не было и актов протеста.

Это не означает, что жизнь в обители текла ровно и размеренно. В 1653 г. была предпринята попытка сменить соловецкого архимандрита. По неизвестным причинам вместо Ильи братия выдвинула соловецкого постриженника книгохранителя Никанора. 16 июня 1653 г. Никанор поехал на поставление в Москву, где неожиданно был назначен не соловецким архимандритом, а настоятелем звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. Пост этот Никанор занимал до 1660 г., не прерывая связей с Соловками, куда ездил в 1657 г., постоянно посылал деньги⁷³. Из монастыря Никанор получал письма⁷⁴. Соловецким архимандритом остался Илья Пестриков.

В августе 1655 г. в монастыре побывал Иван Неронов, бежавший из ссылки. Его встретили торжественно и снабдили всем необходимым для дороги в Москву⁷⁵. Радужная встреча опального протопопа в монастыре не осталась незамеченной московскими властями. Архимандрит Илья находился даже некоторое время под запрещением⁷⁶. Из этого можно сделать вывод, что первые репрессии против лиц, не подчинившихся реформе, не встретили понимания в обители.

В 1657–1658 гг. монастырь вынужден был прямо проявить свое отношение к реформе. Эта реакция давно известна: в октябре — конце ноября 1657 г. с последним транспортом в монастырь присланы были новопечатные книги (три Скрижали 1656 г. и Служебники 1655, 1656 и 1657 годов издания)⁷⁷. До этого служба в одном из крупнейших монастырей России шла «по-старому», т. е. в соответствии с дореформенным порядком. Почему Служебники прибыли на Соловки так поздно? Может быть, существенную роль в этом сыграло отсутствие инициативы монастырских властей. Книги и в 1657 г. привезены были по велению новгородского митрополита, а не по просьбе монастыря. Но когда новопечатные книги все-таки попали в обитель, архимандрит Илья убрал их в «казенную палату», не переплетая, и служба оставалась по-прежнему⁷⁸. Итак, в первые годы реформы власти монастыря, не встречая давления сверху, оказывали сопротивление ей пассивно.

Вскоре в монастыре появился первый идеологический памятник, направленный против никоновской реформы, — уже упоминавшийся Трактат о двуперстии Герасима Фирсова⁷⁹. Почему именно с частного обрядового вопроса о двуперстии начинается формирование комплекса сочинений против реформы в соловецком монастыре? Для религиозного сознания этот обряд был связан с основополагающими богословскими идеями: учением о Троице и Христе. Средневековый человек не мог обойтись без крестного знамения в бытовой повседневной жизни. Поэтому двуперстие было удобным пластическим знаком борьбы против наступления церковной и государственной организации на жизнь широких народных масс. Сочинение Герасима Фирсова широко распространилось среди соловецких иноков и мирян под названием «Тетради на крест»⁸⁰.

Архимандрит Илья и его ближайшее окружение реформу не приняли, но им необходимо было опираться на поддержку братии. Однако в обители не все готовы были к сопротивлению властям. Уже в 1657/58 г. проявила себя промосковская группа. Священник Герман с архидьяконом Евфимием провели службу по-новому и были наказаны плетьюми⁸¹. Но архимандриту понадобилось одобрение своих действий в обители, поэтому 8 июня 1658 г. в монастыре состоялся большой черный собор. В его постановлении категорически отвергались новые Служебники и утверждалось, что от священников, которые начнут служить по-новому, причащаться нельзя⁸². В ответ священники Герман, Виталий и Спиридон подали жалобу на архимандрита и его соратников патриарху Никону⁸³.

Решительное неприятие реформы в монастыре невольно получило поддержку из-за ситуации в Москве. В июле 1658 г. патриарх Никон оставил кафедру. Определился конфликт с царем. Соловецкие насельники, связывавшие реформу с личностью крайне неприятного им Никона, восприняли его уход как добрый знак. Эти надежды укрепились в последующие годы информацией о следствии по делу бывшего патриарха. В 1663 г. в обитель пришел указ от царя Алексея Михайловича составить список вещей, взятых Никоном в монастыре. 22 июня 1663 г. была составлена подробная отписка⁸⁴.

На протяжении первой половины 1660-х гг. центральная власть проявила крайнюю сдержанность в вопросе о проведении церковной реформы в Соловецком монастыре. Сохранялись обычные отношения: в монастырь прибывали ссыльные⁸⁵, царь получал от обители деньги на военные расходы⁸⁶ и каждый раз объявлял в грамотах «милость» монастырю. Тем временем события на Соловках приобретали все более острый характер. В 1659 г. умер архимандрит Илья. Новым настоятелем был избран Варфоломей. В декабре он отправился в Москву за утверждением и в августе 1660 г. возвратился в монастырь⁸⁷. Надо отметить, что поставление в архимандриты было проведено в Москве по-новому⁸⁸. Варфоломей пытался постепенно ввести в обители реформу. 22 октября 1661 г. был принят соборный приговор, утверждающий в соловецких церквях наречное пение взамен «старинных знаменных переводов», «чтоб в церкви едино было согласие»⁸⁹. Однако в январе 1663 г. Варфоломею пришлось вновь возвращаться к этому вопросу. Он уговаривал сначала всю братию, затем отдельно, в алтаре, — священников и дьяконов. Мнение настоятеля не получило единодушной поддержки. Возглавил несогласных дьякон Нил, обвинивший архимандрита в ереси, принятой от патриарха Никона. Нил не остановился на этом утверждении. Он заявил, что ересь пошла от Арсения Грека к патриарху Никону, а тот, в свою очередь, научил ереси — «а ково, тово поведать... на писме невозможно»⁹⁰. Речь явно идет о царе. Таким образом, недовольство уже в 1663 г. начало приобретать антицарскую направленность. Третий монастырский собор о наречном пении состоялся в 1664/65 г. (точная дата неизвестна)⁹¹.

Многочисленное обращение к одному и тому же вопросу реформы свидетельствует лишь о том, что архимандрит так и не сумел ввести новый обряд на практике. Соборные решения повисали в воздухе, встречая активное сопротивление членов обители.

Напряжение в монастыре в первой половине 1660-х гг. прорывалось отдельными вспышками конфликтов. Самым показательным и доступным для анализа (ввиду сохранности большого числа документов, фиксировавших обстоятельства конфликта) является так называемое «дело Геронтия» 1663 г.⁹²

Обострение ситуации в монастыре произошло в отсутствие архимандрита: Варфоломей в январе отправился в Москву по монастырским делам⁹³. 7 февраля в Благовещенской надвратной церкви служили священники Геронтий и Варлаам и дьякон Иов. У обедни стояли слуги и трудники. После службы по монастырю разнесся слух, что Геронтий изменил обряд, нарушил установленный порядок богослужения⁹⁴. Мгновенно весь монастырь пришел в состояние крайнего возбуждения. Дело дошло до того, что Геронтия хотели побить камнями. Он был вынужден спрятаться в своей келье, но и там ему не дали покоя⁹⁵. Движение в монастыре возглавили миряне — Григорий Яковлев Черный⁹⁶, Сидор Хромыга, Федот Токарь и другие⁹⁷. 13 февраля соборные старцы Дионисий и Илларион провели подробное расследование и выяснили, что некоторые мелкие нарушения службы произошли по нерасторопности пономаря⁹⁸, так что никакого отношения к церковной реформе эта история не имела. В этом конфликте важны не конкретные обстоятельства дела, а сама суть. События показали, что достаточно малейшего повода, одной искры, чтобы в монастыре вспыхнул открытый протест. Широкие массы рядовой монастырской братии и мирян готовы были подхватить призыв к борьбе.

В «деле Геронтия» была и другая сторона. Сам Геронтий считал причиной конфликта свою стычку с келарем Савватием Обрютиным и некоторыми священниками по поводу того, с какой стороны от престола надо подавать причастие. Начало спору, расколовшему соловецких священников на два лагеря, положил иеромонах Леонтий. Геронтий, который был уставщиком, просил келаря решить этот вопрос, так как архимандрит был уже в отъезде. Но Савватий ответил, что ему «до того дела нет». После этого разговора по монастырю пошли слухи, что Геронтий — сторонник реформы⁹⁹.

Варфоломей, выехавший в Москву еще в январе, добраться до материка не смог. В феврале он, проплавав во льдах, вернулся в монастырь¹⁰⁰. 16 февраля архимандрит созвал малый черный собор и вынес окончательное решение: во время подавания причастия служить так, как это делает новгородский митрополит Макарий. В заключении приговора утверждается: все сомнения должен разрешать архимандрит. Сам

он должен обращаться с вопросами к новгородскому митрополиту, который может писать в Москву к главам церкви¹⁰¹. Вопрос, который вызвал на Соловках споры, не имел отношения к реформе Никона. Но показательно, что в монастыре считалось вполне нормальным обсуждение формы ритуала. Прения проводились в рамках сохранения старого, «истинного», но сама обстановка дискуссии создает возможность новшеств. В феврале 1663 г. споры разрешил архимандрит, провозгласив принцип строгой иерархической подчиненности: братия — священники — архимандрит — митрополит — патриарх, московская администрация. Варфоломей стоял на позициях усиления централизации, создания в церковной системе бюрократического аппарата¹⁰².

Архимандрит опирался в обители на целый ряд сторонников. Это и келарь Савватий Обрютин, и священники Виталий, Спиридон и Герман, которые еще в 1658 г. составили донос на архимандрита Илью в связи с отказом от новых книг, это старец Иринарх Тарбеев, постриженный и введенный в малый собор Варфоломеем, и другие. Однако в монастыре складывается сильная оппозиция архимандриту. Во главе ее — Ефрем Каргополец, Геннадий Качалов, Иона Брызгало, священники Никон, Пафнутий, соборный старец Александр Стукалов, дьякон Нил. Особое место в группе занимает бывший саввинский архимандрит Никанор. На протяжении всего Соловецкого восстания он оставался лидером. Из первых руководителей оппозиции только он дошел до последнего этапа восстания. Никанора связывали отношения не только с соловецкими монахами, но и с протопопом Аввакумом. В 1664 г. Аввакум, вернувшись из Сибири, подал царю «моленейцо о Сергии Салтыкове и о Никаноре, и о иных ко жребию святительского чина»¹⁰³. Аввакум предлагал кандидатуру Никанора на место либо патриарха, либо справщика Печатного двора. В 1666 г. в числе бумаг, отобранных у златоустовского игумена Феоктиста, значилась «отписка протопопа Аввакума об начале к архимандриту Никанору на Соловки»¹⁰⁴. Так что отношения Аввакума с Никанором сложились еще до восстания, видимо, в то время, когда Никанор был настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря. Когда началось восста-

ние, Аввакум из Пустозерска хотел направить в 1669 г. на Соловки своего помощника — юродивого Федора с письмами: возможно, также для Никанора¹⁰⁵.

Если Никанор был крупнейшим авторитетом, самой известной фигурой в антиварфоломеевской партии, то идеологом ее являлся Герасим Фирсов. Именно он осуществлял руководство борьбой внутри монастыря. К этим людям — верхушке монастырской иерархии — примыкали некоторые ссыльные: князь М. В. Львов, дьякон Сильвестр, саввинский дьякон Тихон, священник Сысой, ротмистр Осип Пирютин и другие.

Консолидирующая основа антиварфоломеевской партии — резкое неприятие тенденций к централизации церковной власти и подчинения церкви государству. Обрядовая реформа была справедливо воспринята как составная часть общей унификаторской политики московского правительства. Спор о необходимой степени централизации — почва для яростной борьбы партий в первой половине 1660-х гг. Монахи в массе своей держались за культурную традицию, освященную веками. В сохранении «предания Зосимы и Савватия», основателей монастыря, иноки видели свою важнейшую задачу. Основными методами воздействия оппозиции на всех живущих в монастыре были устные разговоры. Но в 1664/65 г. зимой возле раки преподобного Германа найдены были подметные письма, содержание которых, к сожалению, неизвестно. Нашел их старец Кирилл. Но ими тут же завладел дьякон Нил. Он показывал их разным людям. Архимандрит Варфоломей знал о существовании этих писем, но так и не смог получить их, что не помешало ему обвинить в авторстве старца Геннадия Качалова (обоснований Варфоломей не приводит)¹⁰⁶.

Архимандрит предпринимал отчаянные попытки удержать ситуацию в руках, нейтрализовать влияние оппозиции. 16 февраля 1663 г. в соборный приговор было включено решение, запрещающее жаловаться на настоятеля¹⁰⁷. В 1663/64 г. произошло столкновение старца Иринарха Тарбеева с одним из лидеров оппозиции соборным старцем Александром Стукаловым¹⁰⁸. Варфоломей «смирял» Александра Стукалова за связь с чернецом Питиримом, который в 1664 г.

«зарезал до смерти старца Мартирия, и за всякими худыми делами и за бездельными хульными письмами ходил»¹⁰⁹. Выведен был из собора старец Герасим Фирсов¹¹⁰. Позднее — к июлю 1666 г. — был отставлен от собора и Ефрем Каргополец, которого прямо обвинили в связях со ссыльным князем М. В. Львовым и оппозиционных действиях¹¹¹.

Конфликты в монастыре вспыхивали постоянно. То дьякон Нил кричал на Варфоломея и называл еретиком Геронтия¹¹². То монахи организовывали побеги из обители¹¹³. Поляризация в обители принимала формы борьбы за власть между двумя группировками. Стремление Варфоломея отстранить от управления монастырем лидеров оппозиции вызвало ответные действия. Оппозиция пришла к выводу о необходимости смены монастырских властей. В течение 1666 г. в Москву направляется целый ряд коллективных и личных челобитных и изветов на архимандрита Варфоломея и келаря Савватия. Несомненно, эта персональная борьба за власть, междоусобицы в обители первой половины — середины 1660-х гг. основывались на принципиальных идеологических разногласиях между сторонниками промосковской, централизаторской ориентации и теми, кто выступал в защиту монастырского сепаратизма, независимости. Основная масса иноков и мирян явно поддерживала оппозицию, вкладывая в идеи независимости от центральной власти, сохранения «старины» демократическое содержание.

К 1666 г. ситуация в Соловецком монастыре настолько обострилась, что взрыв стал неизбежен. Выход из состояния беспрерывного конфликта лидеры оппозиции видели в немедленной смене архимандрита и в прямом обращении к царю за решением всех спорных вопросов.

14 февраля 1666 г., через несколько дней после отъезда архимандрита Варфоломея в Москву на церковный собор, в монастыре была составлена и утверждена Первая соловецкая челобитная о вере¹¹⁴. Она была послана вслед архимандриту. 28 марта в Вологде служка Иван Гладкий передал ее Варфоломею вместе с отпиской келаря Савватия, объясняющей ситуацию¹¹⁵. В челобитной иноки просили царя оставить их в старой вере. Архимандрит Варфоломей челобитную принял и повез в Москву. Но подписи своей он на ней

не поставил. Это дало ему возможность занять выгодную позицию перед властями. Как только Варфоломей убедился, что судить будут не только бывшего патриарха Никона, но и старообрядцев, что власти собираются потребовать от Соловецкого монастыря соблюдения реформы, он представил челобитную как улику против оппозиции. Этим Варфоломей доказал свою полную лояльность.

Тем временем в Соловецком монастыре была составлена обширная челобитная против архимандрита Варфоломея. Ее основными авторами были Герасим Фирсов (челобитная написана его рукой)¹¹⁶ и Александр Стукалов. Первый вариант челобитной Фирсов прочитал своим единомышленникам: соборным старцам Геннадию Качалову, Ефрему Каргопольцу, Ионе Брызгало, черным попам Пафнутию Кинешемцу и Никону Михайлову, старцам Тимофею, Мартемьяну, Трофиму, Исихию Хлебенному, Иринарху Москвитину, ссыльному дьякону Тихону и другим, чьи имена неизвестны¹¹⁷. В челобитной объявлялось «государево дело» на архимандрита. Однако когда слушатели выразили недоумение по поводу столь серьезного обвинения, Фирсов отказался разъяснить что-либо. Назревал конфликт. Члены оппозиции отказались подписывать челобитную, содержащую непонятное для них место. Герасим вынужден был объясниться. Оказывается, в 1663/64 г. Александр Стукалов при Варфоломее бранился с доверенным лицом архимандрита старцем Иринархом Тарбеевым. В запале Иринарх похаял великого государя. Архимандрит смолчал. Такое объяснение Герасима было признано удовлетворительным, челобитную подписали все присутствовавшие¹¹⁸.

Несмотря на предосторожности лидеров оппозиции, о челобитной на архимандрита узнал келарь Савватий Обрутин. Ему удалось вынудить Герасима Фирсова и Александра Стукалова уничтожить челобитную. В келье Савватия авторы «изодрали» документ, но обрывки с именами подписавшихся забрали себе. Александр Стукалов раздал их всем челобитчикам¹¹⁹. На следующий день на заутрене Герасим Фирсов, поддержанный остальными оппозиционерами, потребовал от келаря публичного объяснения, почему Савватий настаивал на уничтожении челобитной¹²⁰. Конфликт разгорался.

Келарь поспешил 28 мая написать отписку в Москву к Варфоломею. Он пересказал содержание всех обвинений и заверил, что Фирсов вскоре покинет монастырь, поедет по вызову на церковный собор. Накануне, 27 мая, Фирсову были даны необходимые для дороги документы и 10 рублей казенных денег на проезд¹²¹. Беспокоило келаря то, что в обители оставался бывший саввинский архимандрит Никанор, отказавшийся ехать в Москву¹²². Следом за келарем написали архимандриту Варфоломею о ситуации в монастыре старцы Варсонофий и Вениамин. Они стремились отмежеваться от оппозиции¹²³.

Несмотря на энергичное наступление антиварфоломеевской партии, келарь обладал еще в обители реальной силой. 14 мая 1666 г. из монастыря сбежали пять человек: черный поп Спиридон, старцы Игнатий¹²⁴, Иоаким, Иринарх и дьякон Варлам. К концу месяца беглецов поймали и вернули в монастырь. Вопрос об их наказании совпал по времени с конфликтом между оппозицией и келарем. Александр Стукалов, Ефрем Каргополец, Геннадий Качалов и Герасим Фирсов выступили против «смирения» беглецов. После ожесточенного столкновения келарю удалось добиться перевеса сил в свою пользу. Беглецы были посажены по тюрьмам. На неделю там же оказались и трое их защитников (Фирсов к тому времени уже уехал в Москву)¹²⁵.

Пока келарь Савватий завершал очередной этап сражений с оппозицией и одерживал временную победу, Фирсов находился на пути в Москву на церковный собор. С собой он захватил новый вариант челобитной на архимандрита Варфоломея, подписанный теми же лицами¹²⁶. Целью Герасима было любой ценой дискредитировать Варфоломея перед центральными властями, не допустить его возвращения в монастырь в качестве настоятеля. Какими же предстают челобитчики в адресованном царю документе? Они — объективные люди, которые пекутся о благе обители и государя: «а на ево варфоломеево место вели, государь, быть в архимаритах нашему жь соловецкому постриженнику бывшему савинскому архимариту Никонору, или ризничему священнику Вениамину, или, по преданию великих чюдотворцов, вели, государь, выбрать изо всей братьи, кому Господь Бог

благоволит и великие чудотворцы изволят, чтоб нам нищим от насильства и бещиново пьянства архимарита Варфоломея и от всякий обиды учеников ево с обещанья не разбредися, и твое бы, великого государя, богомолье не запустело»¹²⁷.

В Москве Фирсов не поспешил подать челобитную. Сначала он попытался опорочить Варфоломея перед властями устно. 1 июля 1666 г. Герасим Фирсов предстал перед соборным судом. Он каялся, выказал полную покорность, принял реформу, отказался от своих сочинений. Больше того, он согласился с требованием руководителей собора написать обличение на собственный Трактат о двуперстии. При этом Герасим последовательно добивался своей цели: подорвать авторитет Варфоломея в Москве. Для этого Фирсов объявил архимандрита главным виновником старообрядческих настроений соловецких монахов, а в подтверждение привел целый ряд фактов и, в частности, рассказал следующую историю. «В прошлом 173 [1665] году, летом, в Ысакьеве пустыне¹²⁸ [Герасим] говорил архимариту Варфоломею, чтоб он велел служить по новым Служебникам, и архимарит де ему ничего не сказал, а Соловецкого монастыря келарь Саватей Урютин [Обрютин] и казначей старец Боголеп были с архимаритом в той де Исаковой пустыни, и на него, старца Герасима, келарь и казначей шумели, чтоб не говорил архимариту про новосправные Служебники»¹²⁹. Варфоломей не смог опровергнуть обвинение. Он сослался на то, что «не упомнит» этого¹³⁰, а такой ответ был почти равнозначен признанию. В условиях, когда основная масса соловецких монахов и мирян единодушно выступала против реформы, когда обстановка в монастыре была крайне напряженной, Варфоломей и его сторонники не могли открыто поддержать новые Служебники, не рискуя своим положением: возмущение братии повернулось бы против настоятеля и его группировки. Герасим не мог не понимать этого, давая коварный совет. Сам Фирсов имел в обители достаточный авторитет сторонника традиционного обряда, чтобы его можно было публично обвинить в подобном предложении. На соборе Герасим попытался использовать эту историю в своих целях. Несмотря на покаяние, 12 июля Герасим был осужден¹³¹. Но уже 13 июля состоялся допрос

Варфоломея¹³². Защита архимандрита была не слишком убедительной.

8 августа 1666 г. челобитная на Варфоломея была, наконец, подана властям¹³³. Несколько раньше, в июле, новгородский митрополит Питирим передал царю челобитную келаря Савватия Обрютина и ряда других старцев на оппозиционеров¹³⁴. К началу августа острота конфликта в монастыре стала очевидной для властей. В тот день, когда в Москве получили челобитную на Варфоломея (8 августа), царь отдал приказ направить в монастырь комиссию по этой челобитной¹³⁵. Личная биография Герасима Фирсова с этого момента расходится с судьбой обители (он был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, где, несмотря на многочисленные напоминания, так и не стал писать обличение на свой Трактат о двуперстии; умер он в заточении осенью 1667 г.¹³⁶). Однако его последнее дело в интересах оппозиции оказалось достаточно успешным. Варфоломей пытался оправдаться перед властями. Для этого он избрал путь встречного обвинения челобитчиков в недостойном поведении. 11 августа Варфоломей подал царю обширную челобитную¹³⁷. 14 августа 1666 г. по царскому указу в Соловецкий монастырь приказано было ехать архимандриту ярославского Спасского монастыря Сергию. Он должен был проверить факты по челобитной на Варфоломея, а также челобитную самого соловецкого настоятеля на «мятежников». Сергей должен был опросить соборных и рядовых старцев, келаря Савватия, нового казначея Варсонофия. Инициаторов составления челобитной на Варфоломея — Геннадия, Александра, Ефрема, Иону, Никона и Пафнутия — велено было отослать в Анзерскую пустынь, чтобы они не мешали расследованию¹³⁸. Кроме того, Сергию было дано соборное повеление о принятии «новоисправленных книг и чинов» от 11 июля 1666 г. с угрозами тем, кто не принимает реформу¹³⁹. Вместе с Сергием выехали другие священники, подьячий Патриаршего приказа, а также 10 стрельцов¹⁴⁰.

Однако в монастыре не дожидались приезда Сергия. 30 сентября 1666 г. старцы Тихон и Тарасий повезли в Москву очередную челобитную царю о вере¹⁴¹. Это была Вторая-Третья челобитная¹⁴². Нет сведений о том, как были поданы обе редакции документа — одновременно или раздельно.

26 сентября Сергей со спутниками прибыли в Архангельск. 4 октября они добрались до Соловецкого монастыря. Стрельцов, прибывших с архимандритом Сергием, в монастырь не впустили¹⁴³. В обители Сергия встретили настороженно. На большом черном соборе он зачитал царскую грамоту и соборное повеление о реформе. Это вызвало резкое возмущение монахов и мирян. Они, по словам Сергия, «начали говорить большим шумом и криком с невежеством и упорством великим». Весь черный собор категорически заявил, что царю Соловецкий монастырь послушен, а реформу обитель принимать не будет. Сначала от имени собора выступал Никанор, который выразил готовность поехать в Москву и за всех «пострадать»¹⁴⁴. После горячего выступления Никанора страсти на черном соборе разгорелись. Сергей утверждал: «В том шуму многие старцы и мирские люди неистовые всякие бранные слова говорили, а иные хотели с нас сбивать клобуки»¹⁴⁵.

Для диспута с архимандритом Сергием собор выдвинул уставщика Геронтия. При активном сочувствии всех присутствовавших спор закончился победой Геронтия. Беседа была продолжена в келье уставщика. Кроме Сергия и Геронтия, участие в ней, судя по всему, приняли лидеры оппозиции. Этот разговор оказался более напряженным, чем публичный диспут на черном соборе. Сергей добивался прямого ответа на вопросы о православности царских и архиерейских повелений. Лидеры оппозиции, однако, уклонились от определенного ответа. Соловецкие иноки и миряне продемонстрировали глубочайшее убеждение в том, что реформа — зло, «прельщение» от антихриста, а потому принимать ее нельзя¹⁴⁶.

Что касается других поручений, то их Сергию выполнить не удалось. После решительного идеологического конфликта вести следствие ему просто не дали. Старинные книги из библиотеки, которые велено было отправить в Москву, не отдали¹⁴⁷. Сергей не заметил в монастыре старцев или мирян, которые были бы лояльны к московским властям, к реформе. Видимо, к приезду Сергия сторонники архимандрита Варфоломея были посажены в тюрьмы (в хлебню, поварню, под башню)¹⁴⁸.

В подтверждение своего категорического отказа от принятия реформы соловецкие иноки отправили с архимандритом Сергием Сказку от 6 октября 1666 г. Она написана в спокойном тоне. Авторы пытаются доказать недопустимость и неправомерность церковной реформы. Кроме того, составители Сказки выражают полную покорность царю и свою готовность пострадать за веру¹⁴⁹. Сказка очень близка по тексту ко Второй-Третьей челобитной. Это дало основание Н. И. Субботину предположить, что автором Сказки, как и челобитной, является Геронтий¹⁵⁰.

Приезд Сергия вызвал глубокое недовольство в Соловецком монастыре. Конфликт усугублялся. Соловецкие иноки увидели решительное намерение церковных и светских властей проводить реформу. Власти же по Второй-Третьей челобитной, Сказке, по Отписке Сергия могли судить о степени идеологического напряжения в обители. Но при этом сохранялась еще иллюзия относительно разрешимости конфликта между монастырем и Москвой. Так, царь, церковные иерархи признали избранных «самовольно» келаря Азария и казначея Геронтия¹⁵¹.

Монахи связывали неудачу переговоров в первую очередь с личностью архимандрита Сергия. Поэтому после его визита черный собор принимает решение вновь бить челом царю о смене монастырских властей, прежде всего архимандрита Варфоломея. Новая челобитная фактически подтверждает челобитную Герасима Фирсова, Александра Стукалова и других. Сергия авторы новой челобитной упрекают в недобросовестности расследования: он не зачитал сразу челобитную на Варфоломея, не взял сказки соловецких монахов в подтверждение челобитной. В заключение иноки просят поставить на место архимандрита Никанора «или другого доброго соловецкого старца»¹⁵². С просьбой о помощи в назначении нового настоятеля обратились соловецкие монахи и к новгородскому митрополиту Питириму¹⁵³. Челобитную царю о новом архимандрите повез в Москву 12 октября 1666 г. соборный старец Александр Стукалов¹⁵⁴.

Долгое время в Соловецком монастыре ничего не было известно о судьбе Стукалова и его спутников. Еще в первых числах января 1667 г. келарь Азарий и казначей Геронтий

в послании к вологодскому приказному старцу выражали уверенность в смещении Варфоломея, но при том просили послать кого-нибудь в Москву тайно узнать о судьбе челобитчиков¹⁵⁵. 3 января 1667 г. в Сумской острог прибыл келейный сторож архимандрита Варфоломея Яков Михайлов и сообщил, что все челобитчики «розданы по московским монастырям под начал»¹⁵⁶. Сам Яков в монастырь не поехал. Сумской приказной старец Макарий его не прислал¹⁵⁷. Информация от человека, близкого к Варфоломею, не внушила доверия лидерам оппозиции, но вызвала беспокойство. 19 января 1667 г. в Москву были направлены монастырские слуги Елеазар Алексеев и Максим Родионов. Они повезли послание от келаря Азария и казначея Геронтия к челобитчикам и, на всякий случай, к брату старца Александра — Ивану Ивановичу Стукалову, проживавшему в Москве на Арбате¹⁵⁸.

Сведения о ссылке челобитчиков оказались достоверными. Лишь один из них — слуга Фаддей Петров — сумел вернуться к осени 1667 г. в Соловецкий монастырь¹⁵⁹. Судьба остальных спутников Александра Стукалова неизвестна. Сам Стукалов в мае 1683 г., через несколько лет после разгрома восстания, был сослан в Соловецкий монастырь¹⁶⁰. Спустя полгода архимандрит Илларион счел возможным выдвинуть ссыльного «мятежника» на пост соловецкого келаря. Это вызвало гневную отповедь архиепископа Афанасия Холмогорского: Александр Стукалов-де прислан в монастырь «под начал, а не на началство»¹⁶¹. В апреле 1687 г. Александр Стукалов все еще числился среди монастырской братии — в должности сумского строителя¹⁶².

Архимандрит Варфоломей хорошо знал о появлении в Москве соловецкой делегации с новой челобитной. В конце 1666 г. и в январе 1667 г. он дважды подавал царю встречные челобитные-опровержения, требовал расследования, обвинял Стукалова и его сторонников в сопротивлении церковной реформе. Именно это, по утверждению Варфоломея, и служило главной причиной стремления оппозиции сменить архимандрита¹⁶³. Правительство, несмотря на хлопоты и Варфоломея, и оппозиции, не спешило решать вопрос о соловецком настоятеле. Гораздо быстрее последовала реакция на другую жалобу из беспокойного монасты-

ря — обвинение келаря Савватия Обрютина. Трудно сказать, когда именно был отправлен в Москву извет на келаря (из-за дефектности источника многие даты в тексте отсутствуют). Скорее всего, извет был написан и послан царю в конце лета 1666 г. — до 1 сентября¹⁶⁴. Авторами извета были два ссыльных дьякона: троице-сергиевский Сильвестр и саввинский Тихон. Сильвестр находился в тюрьме, поэтому написанное им «письмо» с «государевым словом» на келаря Савватия дьякон Тихон передал еще одному ссыльному — князю М. В. Львову. У князя было больше возможностей незаметно переслать письмо в Москву. На основании извета Сильвестра в монастырь был послан голова московских стрельцов Иван Лопатин с отрядом. Он привез в Москву Сильвестра, Тихона и бывшего келаря Савватия Обрютина¹⁶⁵.

Извет на келаря явно связан с общей борьбой оппозиции за смену монастырских властей. Во-первых, имя ближайшего соратника архимандрита Варфоломея — келаря Савватия Обрютина — постоянно возникало и в других челобитных. Во-вторых, обе челобитные на архимандрита и извет на келаря готовились одними людьми. Сам дьякон Тихон подписывал Первую челобитную Герасима Фирсова и Александра Стукалова на Варфоломея. Князь М. В. Львов, один из главных участников оппозиции, был в добрых отношениях с энергичным противником реформы старцем Ефремом Каргопольцем¹⁶⁶. Таким образом, можно предположить, что все эти документы — и челобитные на архимандрита, и извет на келаря — были составными частями единой акции по смене монастырских властей, общим делом, организованным оппозицией в Соловецком монастыре.

В чем обвиняли члены оппозиции соловецкого келаря? Главное обвинение сводилось к тому, что келарь Савватий якобы говорил «непристойные речи» про царевича Алексея Алексеевича¹⁶⁷. Во время следствия, которое проводили в Москве в Патриаршем приказе боярин князь Никита Иванович Одоевский и думный дьяк Дементий Башмаков (могущественные руководители Приказа тайных дел), дьякон Сильвестр пояснил, что узнал о «непристойных речах» келаря от соловецкого старца Питирима, сидевшего со ссыльным дьяконом в тюрьме¹⁶⁸. Кроме того, на допросах

Сильвестр обвинил и келаря, и архимандрита Варфоломея в сокрытии от властей «государевых дел». Во-первых, когда сам Сильвестр заявил «государево слово», его наказали¹⁶⁹. Во-вторых, старца Филарета Бартенева били плетями так, что он через неделю умер, не сказав своего дела¹⁷⁰.

Следователи добивались от Сильвестра подробностей. Он уклонялся. Савватий все отрицал¹⁷¹. Тогда к Сильвестру применили пытки. Дьякон продолжал настаивать на прежних обвинениях. Но заговорил и о другом: о широком распространении в монастыре эсхатологических слухов. Сам он узнал о них от старца Иоакима, посаженного в тюрьму за побег из монастыря 14 мая 1666 г.¹⁷² Что же сообщил следствию опальный дьякон? Иоаким, по словам Сильвестра, изложил концепцию об антихристе-Никоне, из-за которого после Алексея Михайловича ни одного царя на московском государстве не будет. Он говорил, что у Алексея Михайловича 10 детей и «из них де не царствовать ни одному. И после де великого государя иного царя на московском государстве не будет. Потому что де на московском государстве было семь царей. А осмого де царя не будет»¹⁷³. О том, что Никон является антихристом, говорили в Соловецком монастыре и накануне, и в период восстания. Царь Алексей в рассказе Сильвестра напрямую антихристом не назван, но десять его детей (напоминание о десяти рогах антихриста), количество царей на московском престоле (восьмому не бывать) вызывает прямые ассоциации с Апокалипсисом. В середине 1660-х гг. тема царя-антихриста еще не сложилась в Соловецком монастыре, недовольство властями еще не зашло так далеко. Но обстановка накалялась, условия для создания такой радикальной концепции созревали.

Доказательство последних времен Иоаким, а вслед за ним и Сильвестр видели в появлении антихриста-Никона. Обоснование этой концепции выглядит следующим образом: «И он де Иоаким показывал ему Селивестру письмо на одном столбце, писано мелким самым писмом. А в нем написано числами 666. А выписал де он Иоаким то из Апокалипсиса. А толковал он, Иоаким, что бывшему патриарху Никону в мирском чину имя было Никита, а во иночестве Никон. А по-гречески де Никитиос. И в то де число то имя придет.

И ему де Никону на московском государстве быть папою. И побыв де он на Московском государстве папою полтора года, пойдет с Москвы во Иерусалим к жидом, потому что де он покусился в Воскресенском монастыре построить церковь Воскресения Христова. И той де церкви не состроить ему отнюдь. И пришед де во Иерусалим, учнет строить церковь, чтоб ему в том перед ними — жидами — не погрешить»¹⁷⁴.

Из сообщения Сильвестра можно сделать вывод, что в 1660-х гг. в Соловецком монастыре бытовала теория чувственного антихриста, воплощением которого считался Никон. Параллельно зарождались первые элементы, послужившие основой идеи царя-антихриста.

В качестве свидетеля своего разговора с Иоахимом Сильвестр назвал ссыльного человека Федора Зыкова. Кроме упоминавшегося выше письма об антихристе, показанного Иоахимом, Сильвестр видел у Зыкова письмо, содержащее смутное упоминание о заговоре против царевича Алексея Алексеевича. Затем, по утверждению Сильвестра, это письмо перешло к М. В. Львову¹⁷⁵.

Защищаясь от обвинений Сильвестра, Савватий Обрутин и Варфоломей заняли привычную для них наступательную позицию. Как раньше Варфоломей составлял перечни «вин» всех членов оппозиции, так и теперь он обратился к биографии Сильвестра. В результате перед следствием возникла достаточно цельная и последовательная картина сложной жизни беспокойного дьякона. Сильвестр постригся и принял сан в знаменитом Троице-Сергиевом монастыре. Но через некоторое время, «скинув чернеческое платье», он бежал на Дон, где с «воровскими» казаками участвовал в полуразбойничьих экспедициях по Волге и на Хвалимское море (т. е. на Каспий). Там Сильвестр с товарищами грабил суда, например боярина князя Якова Черкасского. С Дона Сильвестр ушел на Терек, оттуда в Астрахань «в салдаты». Из Астрахани Сильвестр был под конвоем доставлен в Царицын. Началось его первое судебное дело по доносу дьячка Алексея (прозвище не сохранилось в документе, только П...в). Сильвестра обвинили в составлении и распространении заговорных писем. Для расследования столь серьезного дела его доставили в Москву — сначала

в Казанский приказ, а затем перевели в Монастырский. По окончании следствия лишенный сана дьякона Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь, однако не успокоился и там, став организатором целой цепи побегов. 7 августа 1663 г. он бежал со старцем Филофеем. Спутник Сильвестра погиб по дороге, а сам дьякон был пойман и возвращен в тюрьму. Он снова пытался бежать, «подрезав у тюрем двери и п[роломав] у городской стены окно». Побег не удался. В конце 1665 г. Сильвестр объявил о своем недомогании и был переведен в больницу. Там он уговорил бежать из монастыря пятерых старцев. Однако и на этот раз беглецов догнали. Сильвестр снова оказался в тюрьме. Встретившись в заключении (в хлебне) с посаженным туда старцем Питиримом, Сильвестр снова обратился к составлению заговоров. Их он отдал Питириму за плату¹⁷⁶.

Сильвестр пытался отрицать хотя бы распространение заговорных писем в Соловецком монастыре. Но архимандрит Варфоломей сумел 20 декабря 1666 г. предъявить обрывки заговоров Сильвестра, найденных в чулане опального старца Питирима¹⁷⁷. Дьякон Сильвестр был уличен в страшном для того времени преступлении. Но на этом следствие зашло в тупик. Не было возможности ни подтвердить, ни опровергнуть обвинения против соловецкого архимандрита и келаря. Невозможно было проверить в Москве и рассказы Сильвестра об эсхатологических слухах. Оставалось только направить в Соловецкий монастырь специальную следственную комиссию. 31 декабря 1666 г. стольник Алексей Севастьянович Хитрово получил царский указ ехать в Сумской острог для проведения следствия¹⁷⁸.

Отправляясь из Москвы, А. С. Хитрово получил подробную инструкцию о том, как проводить расследование. На основании списков всех расспросных речей, содержащихся в деле из Патриаршего приказа, А. С. Хитрово должен был допросить тех, кто упоминался во время следствия в Москве. У Хитрово была грамота от 1 января 1667 г. от царя Алексея к келарю Азарию с братией, согласно которой всех нужных для следствия людей А. С. Хитрово имел право забрать из монастыря в Сумской острог¹⁷⁹. Допросы и очные ставки Хитрово должен был проводить сам. Запи-

си мог вести либо лично он, либо тот, кого допрашивали. А затем все дело было приказано «за своею рукою прислати к Москве с нарочным гонцом наспех».

Соловецкий архимандрит Варфоломей узнал о комиссии Хитрово по слухам¹⁸⁰. Несмотря на строгие инструкции о полной секретности следствия, часть тайных документов попала в руки заинтересованных лиц, например того же Варфоломея. Он получил копии каких-то писем от подследственного Савватия¹⁸¹.

Само следствие проводилось полтора месяца: в начале января А. С. Хитрово с тремя «колодниками» (дьяконом Сильвестром, Тихоном и Савватием Обрютиным) выехал из Москвы, а 20 марта он направил сыскное дело в Москву¹⁸². Хитрово допросил по «делу Сильвестра» дополнительно четырех человек: М. В. Львова, старца Питирима, Ф. Зыкова и неизвестного старца крылошанина (имя в деле не читается)¹⁸³. Все эти лица и на допросах, и на очных ставках отвергли показания Сильвестра. Под нажимом (к Сильвестру неоднократно применялись пытки, и в Москве, и в Сумском остроге) дьякон не только отказался от прежних изветов и речей, но и написал покаянную челобитную¹⁸⁴.

Трудно предположить, что все рассказанное дьяконом Сильвестром на допросах было исключительно плодом его фантазии. Скорее всего, власти были не очень заинтересованы в подтверждении тяжких обвинений князя М. В. Львова или Савватия Обрютина. К концу многомесячных допросов «с пристрастием» Сильвестр, видимо, готов был признать все что угодно. Остальных допрашивали по одному разу. А. С. Хитрово удовлетворился простыми отказами от обвинений. Так, князь М. В. Львов, привезенный в Сумской острог из Сийского монастыря, коротко заявил, что не видел никаких писем о заговоре против царевича Алексея Алексеевича¹⁸⁵. На этом его оставили в покое. По инструкции полагалось применить пытки кроме Сильвестра только к Федору Зыкову¹⁸⁶. Неизвестно, пытал ли Хитрово Зыкова (от его допроса сохранилось лишь несколько строк). Впрочем, Федор Зыков, человек бывалый, не раз прежде проходивший по «государеву делу», чтобы избежать новых тяжких обвинений в заговоре против царской семьи,

мог выдержать и пытку¹⁸⁷. Таким образом, несмотря на отказ дьякона Сильвестра от своих показаний, не следует отрицать наличие реальной основы его рассказа об эсхатологических слухах. Доказанным фактом является и распространение в Соловецком монастыре заговорных писем.

Однако в задачи А. С. Хитрово входило не только завершение следствия по «делу Сильвестра», но и выяснение вопроса о челобитных на архимандрита Варфоломея. По этому поводу в Сумской острог было вызвано не менее 10 человек¹⁸⁸. Кроме того, Хитрово сообщил в Москву, что не смог допросить трех отсутствующих старцев: Герасима Фирсова, Александра Стукалова и Ефрема Каргопольца (он оказался в это время строителем какого-то каргопольского монастыря)¹⁸⁹. А. С. Хитрово выяснял обстоятельства создания Первой челобитной Фирсова и Стукалова на Варфоломея, расспрашивал о ее авторах. Он пытался определить, справедливы ли обвинения, выдвинутые против архимандрита. Основные факты челобитных (беспорядки в монастыре, самоуправство близких к Варфоломею лиц) подтвердились. Правительство убедилось в крайней непопулярности архимандрита Варфоломея среди братии в монастыре. Это послужило причиной для смены настоятеля: вместо Варфоломея был поставлен соловецкий постриженник, бывший строитель Московского подворья Иосиф.

Все допрошенные не вернулись в Соловецкий монастырь. Их как «колодников» Хитрово содержал в Сумском остроге, ожидая царского указа, который определил бы дальнейшую судьбу заключенных и следователя. 31 декабря 1667 г. они все еще находились в Сумском остроге¹⁹⁰. 1 января 1668 г. Хитрово, выполнив очередное поручение царя, запрашивал об отъезде¹⁹¹. 28 июня 1668 г. он снова просил царя разрешить ему уехать из Сумского острога¹⁹². Только после этого Хитрово получил указ. Через полтора года после завершения следствия, когда к монастырю уже были для осады царские войска под командованием Игнатия Андреевича Волохова, Хитрово с заключенными уезжает в Ярославль. Туда 3 сентября 1668 г. ему направлен новый указ: послать в Москву перечень «колодников»¹⁹³. 7 сентября А. С. Хитрово послал список заключенных, переданных им

ярославскому воеводе Василию Унковскому¹⁹⁴. Дальнейшая судьба этих людей, лидеров первой оппозиции в Соловецком монастыре, неизвестна. Исключение составляет лишь Геннадий Качалов. Он не вернулся в монастырь, но смог оказаться на свободе. Позднейшие старообрядцы хорошо знали соловецкого старца Геннадия Качалова как одного из первых проповедников «старой веры» в Поморье¹⁹⁵. Судя по рассказам старообрядцев и некоторым документам, Геннадий бежал из Москвы из заключения в Новоспасском монастыре на реку Тихвинку, но через несколько лет был пойман. Его допрашивал новгородский митрополит Корнилий в январе 1683 г. К началу июля того же года Геннадий бежал из Троицкого Клопского монастыря возле Новгорода, где находился в ссылке. Затем он провел много лет в Поморье, в частности, между 1690 и 1691 гг. пришел на Выг. Умер Геннадий Качалов в 1696 г.¹⁹⁶

Итак, чем же завершается первый, наиболее длительный этап — период назревания и подготовки Соловецкого восстания?

Оппозиции удалось одержать победу: добиться официальной смены промосковских руководителей монастыря. Но и власти сумели изъять из обители почти всех лидеров оппозиции. Однако потеря лидеров не привела к спаду движения. Напротив, теперь оно поднимается на новую, более высокую ступень. К середине 1667 г. власти окончательно осознали неразрешимость конфликта с крупнейшим северным монастырем. Повстанцы, в свою очередь, пришли к убеждению, что невозможно найти общий язык с властями. К лету 1667 г. складывается открытое противостояние монастыря и правительства. С этого момента началось восстание, первыми непосредственными актами которого стали: отказ принять нового архимандрита и Пятая соловецкая челобитная.

Глава 2

Развитие Соловецкого восстания: 1667–1676 гг.

Сентябрь 1667 г. — знаменательный этап в истории Соловецкого восстания. События этого месяца привлекали внимание всех исследователей. Четвертая и Пятая соловецкие челобитные о вере, отказ принять назначенного царем и церковным собором архимандрита, первый (но далеко не последний) исход из монастыря недовольных — все это означало категорический разрыв с властями, начало восстания.

Обстановка накануне бурного взрыва сентября 1667 г. не нашла отражения в предшествующей научной литературе. Последние сведения о внутренних событиях в обители относятся к марту 1667 г. — в это время было завершено следствие по челобитным иноков на соловецкие власти: архимандрита Варфоломея и келаря Савватия. В опубликованных источниках нет сведений о событиях лета 1667 г. в Соловецком монастыре. Но категоричность сентябрьских челобитных и соборных решений свидетельствует о том, что обстановка в обители накалялась.

В конце 1668 г. в расспросных речах некоторых выходцев из обители, записанных представителями властей, осаждавших монастырь, прозвучали краткие упоминания о спорах, связанных с видениями соловецкого инок Ипатия¹. Содержание прений не излагается. Однако сохранился ценный источник, свидетельствующий о резком нарастании напряженности в монастыре. Это «Повесть о видении инок Ипатия» — литературный памятник, созданный в Соловецком монастыре². Серьезным подтверждением раннего происхождения данного сочинения являются некоторые детали повествования.

Спокойная уверенность в том, что монастырь будет обеспечен необходимыми продуктами и припасами, подтвержденная в «Повести...» ссылкой на обещание Бога, больше соответствует начальному периоду восстания, чем ретроспективной позиции автора, знающего о разгроме монастыря.

А главное — в необычном сочетании некоторых идей. Готовность пострадать за веру, смешанная с сильной надеждой на спасение не только на небе, но и на земле, на благополучный исход событий, — и напряженное неприятие происходящего. Идея страдания за веру, вполне традиционная для христианства, впервые высказывается в Соловецком монастыре осенью 1666 г. на диспуте с ярославским архимандритом Сергием. Идеал добровольного безвинного страдания от нечестивых властей был очень популярен в обители в конце 1666 — первой половине 1667 г. В «Повести...» этот идеал сочетается с надеждой на изменение государственной политики в области церковной реформы. В условиях, когда сильного нажима со стороны царских властей не было, соловецкие монахи еще сохраняли оптимистический взгляд на политическую ситуацию в стране, на перспективы своих отношений с царем. С другой стороны, в «Повести...» очень резко и определенно звучит мотив дьявольского происхождения новых книг, «новой веры». Это усиление темы по сравнению с первыми соловецкими челобитными отражает быстрый процесс радикализации, развитие оппозиционных настроений.

Видения Ипатия и других обитателей монастыря вызвали волнение среди братии и мирян. Выходцы, покинувшие обитель в декабре 1668 г., — дьячки Семен Иванов сын Калашников, Аркадий, Григорий Рига, соборный старец Феодул — рассказывали об этом воеводе И. А. Волохову³: видения «сказывают и складывают и пишут на столбцах и на тетратех, и простым людям на соборе чтут, а збирают собор для того нарочно»⁴. Таким образом, видения Ипатия не остались частным событием. Их истинность была подтверждена на черном соборе монастыря. Что же дает «Повесть о видении инок Ипатия» для представления о настроениях в обители накануне взрыва?

Во-первых, она показывает отношение к церковной реформе. «Новая вера» категорически расценивается

в «Повести...» как дело сатанинское и еретическое, гибельное не только для души, но и для земного существования. Вторая принципиальная проблема видения — теория трех отступлений. Заявив, что все три «Рима», то есть три благочестивых царства (Рим, Византия и Русь) уже отступили в нечестие, автор утверждает, что есть еще место, где пока сохраняется истинная вера, — это, естественно, Соловки. Какая судьба ждет монастырь? При определенных условиях — благочестии, отсутствии раздоров в обители — Соловки могут стать царством Божиим на земле, Новым Иерусалимом. Из уверенно выстроенной идеи Соловков как Нового Иерусалима вытекает общий взгляд автора на место обители в мире и во времени. Надежды на светлую перспективу перемежаются с опасениями о гибели монастыря. Главную опасность автор видит во внутренних распрях. Это поразительно сочетается с тем, как знаменитый старообрядческий дьякон Федор позднее объяснял причины падения монастыря. Рассказывая о своих разговорах с соловецкими «колодниками», сосланными в Пустозерский острог, он заявил, что Бог попустил нечестивым властям взять обитель в наказание за внутренние раздоры⁵. Собеседниками Федора были товарищи Ипатия Чудесника и его бывшие «соузни», в 1676 г. попавшие в Пустозерск⁶. Они могли пересказать дьякону Федору содержание видений Ипатия, находя в реальных событиях подтверждение его пророчеству. Впрочем, автор «Повести...» уделил угрозам не слишком много места, а вывод дьякона Федора мог быть самостоятельным.

Жанр видения позволял автору высказывать самые сокровенные и радикальные идеи. Авторитет Бога, святых должен был утверждать самое важное — необходимость отказа от распрей, сохранение надежды на спасение не только небесное, но и земное. В сочинении нет даже тени сомнения в подлинной сущности мира, который находился за монастырскими стенами. Он отпал, погиб, ему нет спасения. Таким образом, «Повесть о видении инок Ипатия» свидетельствует о подъеме, господствовавшем в обители накануне восстания, позволяет ярко и многосторонне представить круг проблем, волновавших обитателей монастыря летом 1667 г.

Начало восстания

По завершении следствия А. С. Хитрово власти должны были принять определенное решение об управлении Соловецким монастырем, чтобы снять возникшую напряженность. Все челобитчики настойчиво предлагали на пост соловецкого архимандрита Никанора — бывшего настоятеля звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, соловецкого постриженника. Приехавший в Москву Никанор сумел убедить царя в своей лояльности. 20 апреля 1667 г. он покаялся на заседании церковного собора⁷. На следующий день — 21 апреля — Никанор вместе с тремя соловецкими монахами (священником Обросимом, дьяконом Пахомием и старцем Никитой) подтвердил свое покаяние и отказ от «старой веры»⁸. Несмотря на то что Никанор надел монашеский клобук новой формы, введенный патриархом Никоном, и посещал новую службу, несмотря на то что он был принят во дворце, царь не рискнул послать Никанора архимандритом в беспокойный монастырь. Видимо, Алексей Михайлович боялся усиления обители, которая могла бы сплотиться вокруг авторитетного лидера.

23 июля 1667 г. был принят патриарший указ о поставлении соловецким архимандритом бывшего московского строителя Иосифа⁹. Ему было поручено ввести в Соловецком монастыре новые обряды. Соловецким инокам и мирянам под угрозой проклятия предписывалось соблюдать церковную реформу¹⁰. Бывший соловецкий архимандрит Варфоломей был направлен в монастырь. С ним на Соловки отправилась грамота «о даче бывшему архимандриту Варфоломею кельи и келейника и пищи против двух братьев»¹¹. Так что «покой» смещенного архимандрита должен был обеспечиваться неплохо. Никанор, хотя и не стал соловецким настоятелем, получил разрешение вернуться в обитель «на покой»¹².

О прибытии на Соловки трех архимандритов — Варфоломея, Иосифа и Никанора — и о событиях, последовавших за этим, рассказывают девять документов, представляющих точку зрения как повстанцев, так и лояльных правительству

Варфоломея и Иосифа, а также одного противника восстания внутри обители — соловецкого чернеца Матфея. Это две отписки Иосифа к царю Алексею и патриарху Иоасафу от сентября 1667 г.¹³, Сказка архимандрита Варфоломея, написанная по распоряжению патриарха Иоасафа после 19 февраля 1668 г.¹⁴, Челобитная к царю и расспросные речи чернеца Матфея, составленные в декабре 1668 г.¹⁵ Позиция повстанцев выражена в расспросных речах от 29 ноября 1667 г. старца Кирилла Чаплина, направленного в Москву строителем соловецкого подворья¹⁶; сказке четверых соловецких служек, приехавших в Москву с Кириллом¹⁷; отписке о приезде в монастырь архимандрита Никанора от 21 сентября 1667 г.¹⁸; прибавлении к Пятой соловецкой челобитной¹⁹; частных письмах Абросима и Иева Щербака в Москву к соловецкому иноку Александру Стукалову от 5 октября 1667 г.²⁰ Факты, приведенные в документах, непротиворечивы, однако стиль и тон изложения значительно различаются. Отписки Иосифа и Варфоломея весьма лаконичны и официальные. В них ощущается нежелание архимандритов входить в подробности. Расспросные речи Кирилла Чаплина более детальны, однако и они несут явный отпечаток официозности. Прибавление к Пятой челобитной, написанное по горячим следам событий, не столько подробно, сколько темпераментно. Наибольший интерес представляют частные письма, в которых живо и детально рассказывается о приезде архимандритов. У авторов нет нужды что-то скрывать. Они излагают то, что представляется им важным, значимым. Сообщения чернеца Матфея посвящены не столько самому приезду архимандритов в монастырь, сколько предшествовавшим событиям. Яростный противник оппозиции, Матфей крайне тенденциозен в характеристиках повстанцев и их действий. Но за негативными эпитетами («воры» и т. п.) достаточно ясно прослеживаются объективные факты, не всегда приятные рассказчику. В целом разные документы не опровергают друг друга, но существенно взаимодополняют.

Еще до того, как архимандриты прибыли к Соловецкому монастырю, повстанцы получили достаточно подробную информацию о новом настоятеле. Во-первых, об этом

сообщил из Архангельска монастырский стряпчий Григорий Мишевской²¹. Кроме этого официального сообщения в монастырь поступили и другие сведения. Дело в том, что из Москвы вместе с Никанором поехали в монастырь соловецкий инок Варфоломей Попрыгин и слуга Фаддей Петров (бывший спутник Александра Стукалова)²². Именно Фаддей с дороги написал в обитель, чтобы братия не принимала Иосифа, поскольку он едет в монастырь без царского указа по соглашению с бывшим архимандритом Варфоломеем²³. Письмо Фаддея Петрова не сохранилось. Содержание его известно в изложении чернеца Матфея, последовательного противника восстания. Поэтому трудно судить, так ли писал Фаддей. Известно, что послание было зачитано 21 июля 1667 г. на большом черном соборе в Трапезной. После чтения этого письма Геронтий прочел свои выписки (судя по краткому пересказу в документе, «Сказание о новых книгах»). После долгих прений решено было архимандрита Иосифа не принимать²⁴. На том же соборе встал вопрос о направлении в Москву на церковный суд Геронтия. За ним приехал в монастырь какой-то сын боярский. Часть братии во главе со священником Аверкием высказалась за то, чтобы отпустить Геронтия в Москву. Но большинство членов собора категорически отвергло такое предложение²⁵.

После собора 21 июля атмосфера в монастыре оставалась накаленной. Чернец Матфей позднее уверял, что слышал в те дни разговор «мятежников» старцев Варфоломея²⁶ и Аввакума: «как де будет присылка с Москвы по ним воров, и им де никого не отдавать и в монастыре заперетца. А болши трех человек в монастырь не пущать. И для запаса по башням и по городу поставить пушки на прибавку, и людей росписать, и ружье ручное и зелье (порох. — О. Ч.) и свинец роздать»²⁷. Так что уже летом 1667 г. некоторые обитатели монастыря склонялись к мысли о необходимости вооруженной борьбы и открытого сопротивления.

23 июля 1667 г. в «архимандритовых сенех» состоялся малый собор. В частности, на нем лидеры повстанцев спорили с чернцом Матфеем, открыто осудившим решения большого собора 21 июля. По приговору руководителей

монастыря противник оппозиции Матфей был отправлен из обители в Курецкую волость на Двину в монастырскую службу. По дороге он встретил архимандритов Иосифа и Варфоломея, которым подробно описал ситуацию в обители²⁸.

Только 13 сентября 1667 г. архимандриты Иосиф и Варфоломей приплыли на Заяцкий остров. (Никанор выехал из Москвы с ними, но по дороге отстал²⁹.) На следующий день, 14 сентября, к архимандритам на Заяцкий остров прибыли келарь Азарий, казначей Геронтий, около 20 братьев и около 50 мирян (такие цифры сообщает архимандрит Варфоломей в сказке царю)³⁰. Иосиф хотел прямо на Заяцком острове зачитать царские и патриаршие грамоты о его поставлении и о вере, но монахи и миряне настояли, чтобы официальный разговор состоялся в монастыре на большом черном соборе³¹. Свое требование они мотивировали тем, что Варфоломей «не считан в казне». Архимандриты продолжали возражать против посадки в обитель. Варфоломей даже отдал приказ своим слугам стрелять по соловецким монахам. Но ехать в монастырь пришлось³². Благословение по новой форме от архимандрита Иосифа соловецкие представители не приняли³³. На том первая встреча старого и нового настоятелей с соловецкими насельниками закончилась.

15 сентября в Спасо-Преображенском соборе состоялось заседание черного собора, на котором присутствовали и миряне³⁴. Зачитаны были грамоты от царя и патриарха. Соловецкий черный собор оказался перед необходимостью принять важнейшее решение: подчиниться прямому требованию московских властей или пойти на открытый конфликт, на бунт. До сих пор все челобитные могли опираться на неопределенность ситуации с церковной реформой. Теперь надежды на поворот московской политики рухнули. В ответ на недвусмысленную угрозу проклятия черный собор должен был принять не менее определенное и прямое решение.

Судя по рассказу архимандрита Варфоломея и по сообщениям позднейших выходцев из монастыря, решение о разрыве с властями не было легким. На соборе в защиту

старой веры вновь выступил казначей Геронтий. Он встал на стул и начал читать «свои написные письма, каковы у них до нас написаны были», — сообщает архимандрит Варфоломей³⁵. В результате собор отверг новые книги, обряды и отказался признать Иосифа соловецким архимандритом. Оба настоятеля были отлучены от святынь и заперты в кельях. Через несколько дней Иосиф и Варфоломей были высланы из обители³⁶. Таким образом, собор 15 сентября повторил заранее подготовленные решения собора 21 июля 1667 г.

В тот же день, 15 сентября, Иосифу была вручена общая челобитная о вере (Четвертая)³⁷. Ее краткий текст завершался категорическим утверждением: увещавателей больше присылать не надо, решение Соловецкого монастыря твердо и неизменно, «и вели, государь, на нас свой меч прислать царьской, и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие; а мы тебе, великому государю, не противны»³⁸. Поразительное сочетание в одной фразе двух противоположных утверждений (пришли меч — «а мы... не противны») отражает момент общественных настроений в обители. Желание пострадать за веру было ярко и определенно сформулировано еще в 1666 г. во время прений с ярославским архимандритом Сергием. Теперь указывается точное имя «мучителя»: это царь Алексей Михайлович. Обращение к царю как к источнику будущих страданий за веру ставило самих соловецких иноков в положение кротких и безвинных страдальцев — «страстотерпцев», а царя, соответственно, — в позицию сознательного служителя злых, нечестивых сил. Заявление о покорности царю в таком контексте становилось всего лишь этикетной формулой, призванной подчеркнуть кротость соловецких борцов за веру. Естественно, эта позиция не означала истинного умиленного смирения соловецкого черного собора.

Итак, наметившийся в июне в Соловецком монастыре раскол 15 сентября 1667 г. стал фактом. Часть иноков и мирян воспротивилась бунту, пожелала принять архимандрита Иосифа. За этим явно просматривается прежняя борьба «варфоломеевской» (промосковской) и «антиварфоломе-

евской» группировок. Ведь Иосиф был близким Варфоломею человеком³⁹. На этот раз сила оказалась в руках оппозиции. Несогласные, противники восстания, были высланы на берег и в Анзерскую пустынь⁴⁰. Об остроте конфликтов в обители в середине сентября 1667 г. можно судить по рассказам противников восстания — больничных старцев Васяна Крюкова и Исайи Слепого⁴¹, а также чернеца Матфея, высланного в декабре 1668 г.⁴²

Старец Исайя Слепой взял у архимандрита Иосифа список с какой-то новоисправленной книги в тетрадах, а Васьян читал ему. Оба больничных старца нашли книгу верной. Однако вскоре исправленная книга была обнаружена больничным келарем старцем Филиппом и подкеларником Иосифом. На клиросе «пред всею братиею» книгу изодрали в лепестки. «И изодрав пометали на землю и топтали ногами и еретическою называли». Двух больничных старцев, которые настаивали на добром качестве уничтоженной книги, ссылаясь на ее освидетельствование властями, посадили в тюрьму⁴³.

Конфликт между основной частью братии и архимандритами Варфоломеем и Иосифом носил ожесточенный характер. Вдобавок к идеологическим спорам произошло столкновение на другой почве. В прибавлении к Пятой челобитной содержится рассказ о том, как архимандриты Варфоломей и Иосиф пытались провезти в монастырь вино. «А как к нам приехали, ей тебе, великому государю, пишем не затеая, малых и средних и болших вина 39 бочек, да меду и пива бочек с пятнадцать. И в том твоя, великаго государя, воля, то питье мы у них пред манастырем на пристанищи, по прежнему монастырскому чину, по преданию чюдотворцев, розбили все»⁴⁴. О привезенной ладье вина и пива, о ее «разорении» писали Александру Стукалову и Абрисим, и Иев Щербак. Последний заключает рассказ: на ладью с вином устремились все «на смерть готовы умереть за старых отец предание»⁴⁵.

Столь высокий пафос при описании прозаической операции по выливанию алкогольных напитков в море компенсирует почти полное отсутствие интереса обоих рядовых монахов к идеологическим прениям на черном соборе.

Единственное, что они хотят знать, — «на чем государь положил... дела». И хотя монахи утверждают, что после отсылки в Москву челобитных о вере «нонеча мы ожидаем на себя осуждения»⁴⁶, надежда на изменение государственной политики в отношении нового и старого обрядов еще не оставила их. Но по ходу событий, по тону писем можно понять: новый обряд принят не будет. И убежденность иноков от царского решения не зависит. Монархические иллюзии, вера в то, что царь все решит «по справедливости», — одна из характерных черт идеологии восставших старообрядцев. Почти до конца, в самых отчаянных ситуациях верил в «исправление» Алексея Михайловича протопоп Аввакум. Вновь и вновь пишут царю соловецкие повстанцы. Расставаться с иллюзиями трудно. Но сама логика событий незаметно для участников ведет их к углублению конфликта с властями. Каждый новый шаг в этом направлении четко отражается в документах восстания.

20 сентября к монастырю прибыл наконец архимандрит Никанор, задержавшийся в Архангельске. Ночевал он под монастырем⁴⁷. 21 сентября Никанор вошел в обитель⁴⁸. Новый клобук был на нем. Это сразу вызвало недоумение в монастыре. Никанор утверждал, что его силой заставили сменить клобук и принести покаяние. После такого признания Никанор и его спутники сняли греческие клобуки и надели общепринятые в обители старые головные уборы⁴⁹. Такое эффектное появление с раскаянием, с публичным отвержением «рогатого» клобука и т. п. произвело немалое впечатление в обители⁵⁰. Однако не на всех. Кто-то вспомнил, что именно Никанор в сентябре 1666 г. на диспуте с Сергием хотел поехать в Москву «пострадать». «И он де им последнее сказал: сами де поедете к Москве и про то отведаете»⁵¹. Больше вопросов и сомнений по поводу поведения Никанора на черном соборе не возникало.

Таким образом, в сентябре 1667 г. победили оппозиционные настроения. Прагматический подход Никанора к организации сопротивления властям дал блестящие результаты. Этикетная формула страдания за веру поблекла перед реальностью жестокой борьбы. Восстание началось.

Пятая соловецкая челобитная и «тетради» Геронтия

Примерно в те дни, когда в Соловецком монастыре горячо переживали приезд архимандритов, появился самый знаменитый идеологический документ восстания — Пятая соловецкая челобитная. Она датирована 22 сентября 1667 г.⁵² Обстоятельства ее создания заслуживают особого внимания. «Писма», «тетрати» Геронтия, т. е. выписки против реформы и «Собрание от божественных писаний... против новых книг» («Сказание о новых книгах»), были готовы к июлю — середине сентября 1667 г.⁵³ Геронтий, работавший над рукописью по собственному почину, получил официальное одобрение собора 15 сентября. Позднее — на допросе в Сумском остроге осенью 1674 г. — Геронтий подтверждал, что «на те новоисправленыя печатныя книги выписки выписывал и челобитную писал». В трапезной палате на соборе он читал именно выписки⁵⁴. Каково было их содержание? В изветной челобитной чернеца Матфея говорится: «мятежник Геронтей прочитал на черном соборе в Трапезе (21 июля. — О. Ч.), будто в Московском царстве исповедание православные веры развратили, Сына Божия исповедати не велят и будто Господь наш Иисус Христос пострадал за свои грехи, а не за всего мира спасение; и будто к троицкой песни приложили «Распныйся Боже» и многие поносные речи на греческих и белорусских властей»⁵⁵. Все это полностью соответствует по содержанию и даже по порядку изложения «Собранию... против новых книг».

После обсуждения тех же выписок на соборе 15 сентября в кратчайший срок (за неделю с 15 до 22 сентября) Геронтий переработал свое «Собрание... против новых книг» в Пятую соловецкую челобитную. Утвержденный черным собором 22 сентября 1667 г. текст повез в Москву новоизбранный московский строитель старец Кирилл Чаплин⁵⁶. До сих пор не удалось обнаружить официальный, заверенный подписями текст челобитной, но два черновых списка, сохранившиеся в соловецком архиве и пока не привлекавшие внимания исследователей⁵⁷, дают возможность представить ту спешку, в которой создавался знаменитый идеологический памятник старообрядчества. Оба списка копировались писцами.

Первая рукопись (краткой соловецкой редакции) испорчена писцом — он спутал несколько листов черновика, с которого делал копию. В итоге текст оказался непонятным. На рукописи есть указания, как надо читать листы. Но посылать такой бракованный экземпляр царю было невозможно. Челобитная осталась в архиве⁵⁸. Второй список (пространной редакции с прибавлением) также сохранил следы работы над текстом⁵⁹. По всему списку идет небольшая правка. Почерк не очень аккуратен. Скорее всего, эта рукопись готовилась не как последний официальный экземпляр, а как предварительный текст. После окончания, отмеченного словом «аминь», следует значительное прибавление, о котором шла речь выше⁶⁰. Оно не основывается на предварительных материалах Геронтия. Эта часть написана очень горячо. Видимо, она добавлена под влиянием последних событий. Но это дополнение не соответствует стилистически остальной челобитной. Весь тон документа — очень спокойный, доказательный. Челобитная посвящена проблемам идеологическим, богословским, на этом фоне неуместно выглядит обращение к частной теме. Видимо, это почувствовали и сами авторы. Прибавление осталось в черновике.

Текст Пятой челобитной также сохранил следы торопливости при ее составлении. С одной стороны, в сочинении чувствуется тщательная работа над источниками, основательность автора. С другой стороны, сокращение текста «Собрания... против новых книг», произведенное за неделю, страдает некоторым нарушением логики, недосказанностью. В Пятую челобитную не была включена основная масса сносок, указаний на конкретные рукописи, листы печатных изданий, придающих особую солидность «Собранию... против новых книг»⁶¹. Однако даже при всем этом Пятая соловецкая челобитная содержит обширный и серьезный анализ церковной реформы. Причем повстанцы обращаются к авторитету не только соловецких чудотворцев, но и предков Алексея Михайловича, в частности, отца царя — Михаила Федоровича и деда — патриарха Филарета Никитича⁶². В заключение иноки подтверждают вывод Четвертой челобитной: «Аще ли твой, великого государя, помазанника Божия и царя, гнев на нас грешных излиетца... лучше нам

временною смертию умереть, нежели вечно погибнуть»⁶³. В целом Пятая челобитная не только более подробная и основательная, но и более решительная по тону, чем все предшествовавшие ей коллективные документы. Категоричность, абсолютная решимость стоять за свои убеждения определяют общую тональность челобитной.

Первые ответные меры правительства

Осенние события 1667 г. в Соловецком монастыре поставили Московское правительство перед жесткой необходимостью конкретных энергичных действий. Надежды на то, что конфликт угаснет сам собой, исчезли. В конце декабря 1667 г. власти приступили к организации силового нажима на монастырь. 27 декабря из Москвы были направлены в обитель две царские грамоты. Одна была обращена к монахам — «послушником, а не противником» государственных властей; другая — к мирянам, проживающим в монастыре⁶⁴. В этих документах было объявлено, что все монастырские угодья и промыслы отписаны на царя. Алексей Михайлович категорически запрещал подвоз продовольствия и других припасов в монастырь из береговых вотчин. «Новые» келарь Азарий и казначей Геронтий только теперь, через год после избрания, были объявлены незаконными. Таким образом, лишь в конце 1667 г. московское правительство решилось бороться с непокорной обителью. Однако объявленные меры долгое время оставались чисто декларативными.

В Соловецком монастыре о царских грамотах узнали очень быстро, прежде, чем поступили сами документы⁶⁵. Еще до 27 декабря, т. е. до официального утверждения царем двух грамот, информацию о подготовке документов передали из Разрядного приказа за приписью думного дьяка Дементия Башмакова в Сумской острог стольнику А. С. Хитрово. Отписка из Разрядного приказа пришла в Сумской острог уже 31 декабря⁶⁶. 1 января 1668 г. Хитрово направил в монастырь пятидесятника Федосея. С ним были посланы две отписки о царском указе: одна — от имени стольника А. С. Хитрово (официальная), вторая — от имени

соловецкого старца Иоилия, находившегося в Сумском остроге и хорошо известного руководителям восстания⁶⁷. Обе грамоты были зачитаны на монастырском черном соборе казначеем Геронтием⁶⁸. Мы не располагаем сведениями о том, как встретили соловецкие иноки и миряне указ царя. Но неуклонное разрастание конфликта в последующие месяцы дает основание утверждать, что большинство насельников Соловецкой обители, не побоявшись царских угроз, отвергло требования принять церковную реформу.

Впрочем, развивалось и внутреннее междоусобное противостояние в монастыре. 29 января («на сырной неделе») келарь Азарий разругался с чернецом Матфеем, оставленным в монастыре после высылки архимандритов Иосифа и Варфоломея. После конфликта Матфей пошел по караулам и мирским службам, призывая братию и мирян не слушать «воров». Тогда Азарий созвал большой черный собор (29 или 30 января 1668 г.). В Трапезной при всех иноках и бельцах состоялся решительный спор, закончившийся заключением Матфея в холодную тюрьму. Большинство братии и мирян не поддержало выступление Матфея⁶⁹. Победа сторонников восстания привела к тому, что весной 1668 г. часть недовольных покинула монастырь⁷⁰.

В середине — второй половине февраля 1668 г. последовала новая волна правительственных угроз. 19 февраля патриарх Иоасаф потребовал от бывшего соловецкого архимандрита Варфоломея подробный письменный отчет о том, как соловецкие монахи изгнали архимандритов Варфоломея и Иосифа⁷¹. На основании сведений, предоставленных Варфоломеем церковным властям, во второй половине февраля 1668 г. принято было официальное решение вселенских патриархов об анафеме на соловецких «мятежников», не принимающих исправление книг⁷². Грамота вселенских патриархов и русского патриарха Иоасафа оформила окончательный разрыв Соловецкого монастыря и московского церковного руководства.

Одновременно светское правительство направило в Соловецкую обитель еще одного посланника — сотника московских стрельцов Василия Чадуева. 23 февраля 1668 г. он прибыл в монастырь в сопровождении неболь-

шого вооруженного отряда⁷³. По прибытии Василия Чадуева в монастырь состоялся черный собор. Руководили им Азарий и Геронтий. Присутствовали на соборе как иноки, так и миряне. После обсуждения приняты были два разных по характеру документа: Сказка и Отписка, адресованные царю Алексею Михайловичу⁷⁴.

Сказка аргументирует отказ Соловецкого монастыря от церковной реформы. Догматическая часть сочинения во многом повторяет Пятую соловецкую челобитную. Есть даже точные текстологические совпадения. Общая тональность Сказки более напряженная, резкая, чем у Пятой челобитной. Настойчиво звучит тема готовности пострадать за веру, но характерно, что главным образцом поведения для соловецких повстанцев названы братья Маккавеи — отнюдь не беззащитные и безропотные страдалцы.

Отписка посвящена другому вопросу. Она является ответом монастыря на царские решения, принятые в декабре 1667 г., — о монастырских вотчинах. Члены черного собора утверждают, что они «царскому величеству трепетни и страшни», мы же за царя «безпрестано соборне и келейне молим Бога, и впред молити должны до последнего своего издыхания»⁷⁵. Однако несмотря на длинные уверения в покорности царю, монастырь наотрез отказывается принимать нового, присланного московскими властями архимандрита Иосифа, твердо и решительно отвергает возможность отступления в вопросе о церковной реформе. Основанием для последовательной и бескомпромиссной позиции служит в Отписке ссылка на высочайший — божественный — авторитет. В последнее время, заявляют члены черного собора, в Соловецком монастыре, в Анзерской пустыни и в Сумском остроге и вообще в Поморье наблюдаются «явные чудотворения от пречистыя Богородицы и угодников ея, преподобных отец наших»⁷⁶. Таким образом, в ответ на угрозы властей лишь возросла сила сопротивления обители, твердость повстанцев. Невозможность уступок с обеих сторон становится все очевидней.

20 марта 1668 г. архимандрит Иосиф получил распоряжение властей покинуть Москву и ехать на Вологду, а затем в Сумской острог. В начале апреля Иосиф появился в Поморье⁷⁷. Тогда же — в апреле 1668 г. — в различные

регионы Поморья были направлены царские грамоты, требующие от местных властей воспрепятствовать подвозу припасов в Соловецкий монастырь. Власти решили приступить к организации блокады, обещанной еще в декабре 1667 г. Перед центральным правительством встал вопрос об осаде обители. Другого пути обеспечить блокаду не было.

Начало осады, «Соловецкое сидение»

Решение о начале осады монастыря было принято правительством 3 мая 1668 г. Царский указ предписывал стряпчему Игнатию Андреевичу Волохову возглавить отряд. Вместе с ним к Соловецкому монастырю были посланы московские стрелецкие полуголовы Василий Чадуев и Иван Молчанов. В их распоряжении находилась также стрелецкая сотня из Архангельска. Одновременно с военным отрядом под Соловецким монастырем появился и архимандрит Иосиф⁷⁸.

Отряд во главе с И. А. Волоховым прибыл к стенам Соловецкого монастыря 22 июня 1668 г.⁷⁹ В октябре в подробной отписке Волохов изложил события июня 1668 г. Тон отписки спокойный. Она содержит лишь бесстрастное описание фактов без комментариев. Чувствуется стремление Волохова как можно более ясно изложить московским властям ход событий. Такой точности требовало правительство. Более того, в ряде сцен сам Волохов предстает не в лучшем свете. В силу этого рассказ стряпчего о первом появлении войск под монастырем можно считать вполне достоверным.

Когда отряд 22 июня подошел к Соловецкой пристани, выяснилось, что «Соловецкой монастырь заперт и по воротам, и по башням и по стенам пушки; и с мелким ружьем изготовлены». Прозвучало даже несколько ружейных выстрелов⁸⁰. Волохов послал в монастырь стрельца Афанасия Рогова, чтобы тот прочитал царский указ. Однако осажденные отказались слушать посланца, требуя прибытия в монастырь самого Игнатия Андреевича. Ему разрешили взять пять человек сопровождения. Стряпчий в обитель не пошел.

Переговоры возобновились 23 июня. Волохов снова предпринял попытку послать Афанасия Рогова с царским ука-

зом. И вновь получил отпор. Впрочем, повстанцы пошли на небольшую уступку: Волохову разрешили взять с собой в монастырь обоих полуголов и семь стрельцов. Монастырские власти обещали царским посланникам безопасность. Волохову пришлось принять эти условия. Игнатий Андреевич и его спутники через калитку вошли в обитель. В воротах и в соборной церкви стояли вооруженные люди⁸¹. Далее И. А. Волохов приступил к переговорам, состоявшимся на черном монастырском соборе в присутствии монахов и мирян.

Волохов призвал монастырь к покорности, к отказу от вооруженной борьбы, мотивируя это тем, что «у иноков меч духовный — глагол Божий». Нам неизвестен текст того царского указа, который зачитывал Волохов 23 июня 1668 г. Судя по отписке воеводы, в указе содержалось требование выдать правительственным войскам келаря Азария, казначея Геронтия и других руководителей восстания, а также принять назначенного Москвой архимандрита Иосифа. Соловецкий черный собор, выслушав царский указ, отверг все эти требования. Кроме того, Игнатий Андреевич попытался устроить богословский диспут на тему о новых и старых книгах. Своим главным источником Волохов называет «Жезл правления». Выслушав стряпчего, члены собора, по словам Волохова, отвечали: «Много де ползы говоришь, а на новые книги приводишь и хвалу де им воздаешь, называешь старыми. И мы де великого государя не слушаем и по новым книгам служить не хотим»⁸². В заключение черный собор категорически объявил о решении «сидеть в городе», т. е. в Соловецкой крепости. Несколько человек (точное число Волохов не называет), несогласные с решениями черного собора, ушли вместе с воеводой из монастыря. Волохов сообщает в отписке, что выходцев этих повстанцев вернули в монастырь, наказали, а затем «из монастыря выкинули вон».

После неудачного завершения переговоров началась перестрелка. Со стен крепости стреляли как из ружей, так и из пушек, вынуждая Волохова уйти от пристани. Отряд стрельцов отплыл на версту и расположился на Большом Заяцком острове, где находились кое-какие монастырские строения и каменная пристань⁸³. Последующие месяцы — вплоть до наступления зимы — войска провели на этом

острове, а затем направились на берег, в Сумской острог. Каменная пристань на Заяцком острове была абсолютно непригодной для ведения военных действий. Расстояние до Соловецкого острова немалое. Монастырь отгорожен от Заяцких островов мысом, под прикрытием которого можно было без особых трудностей отплыть на карбасах, прежде чем люди Волохова смогли бы заметить это. Помешать монахам передвигаться по территории острова было и вовсе невозможно. Помимо главной пристани у монастыря на Соловецком острове были хорошо устроенные пристани на севере — в Сосновой губе и на востоке — в Долгой губе. Впоследствии туда нередко подходили суда с припасами. Так что блокада летом 1668 г. была формальной.

В связи с началом осады обострились внутренние конфликты в обители. 19 июня 1668 г., накануне появления отряда Волохова под стенами монастыря, состоялся большой черный собор. Обсуждался вопрос о том, как поступать в условиях предстоящей осады. (Соловецкая братия, как обычно, заранее получила информацию о действиях правительства.) Некоторые монахи и миряне высказались за то, чтобы «великому государю не противитца». Но сторонники решительных мер во главе с чернецом Тихоном Долгим Слепым и мирянином Фадеем Петровым «учели кричать, что отнюдь не пущать» войско в монастырь. В итоге собор принял решение о том, чтобы запереть монастырь и приготовиться к отпору. По завершении черного собора некоторые миряне собрались тайно под портной палатой и стали писать имена под бумагой о том, что они царю «не противны». Повстанцы разогнали это собрание⁸⁴.

Уже после первой встречи с отрядом И. А. Волохова руководители восстания составили общую заручную «крепость» монахов и мирян с решением сидеть в монастыре и «битца крепко»⁸⁵. Однако не все обитатели Соловецкого монастыря согласились поставить свои подписи под приговором о стрельбе по царским войскам. Одни отказались поддерживать боевые действия, считая необходимым лишь мирное сопротивление⁸⁶, другие, не возражая против стрельбы вообще, не находили возможным подписываться под «крепостью» из-за своего духовного сана. Посетивший летом

1668 г. Соловецкий монастырь священник Иван Никифоров утверждал: «А священники к такой их советной записи и бывшей казначей Геронтей рук не приложили. А сказали им (инициаторам составления «крепости». — *О. Ч.*): кали де нам руки к той записи приложить, и мы де будем воины, а не попы. Вы де бейтеся, а мы де готовы с вами же за слово Божие телом своим помереть. А по новым книгам служить не хотим»⁸⁷. Такая позиция не устраивала наиболее решительных повстанцев. После споров и конфликтов не уступивший напору Геронтий был не только смещен с должности казначея, но и посажен в тюрьму⁸⁸.

В условиях нарастающего внутреннего противостояния повстанцы решили послать царю еще одну челобитную. После Ильина дня (20 июля) 1668 г. в Москву был направлен старец Обросим в сопровождении трудника Петра⁸⁹. Текст челобитной и даже ее содержание неизвестны. Возможно, она не поступила к властям. Сумские стрельцы Дмитрий Исаков и Андрей Разнухин сын Барабанщик, сопровождавшие «колодников» и А. С. Хитрово, видели в Москве Обросима. Они сообщили Волохову, что не знают, «где тот старец живет на Москве... А брат де у него старца Обрасима служит во дворе у Петра Васильевича Шереметева»⁹⁰. Не исключено, что Обросим по приезде в Москву оценил ситуацию и решил сохранить свободу, отказавшись от выполнения монастырского поручения.

К концу лета — началу осени 1668 г. внутреннее сопротивление восстанию привело к возникновению первого заговора. Соловецкий дьячок Григорий Иванов Рига, на первых порах поддерживавший оппозицию и даже служивший в монастыре десятником, собрал вокруг себя недовольных решительными действиями. Его сообщниками были исключительно миряне. На допросе у Волохова в Сумском остроге в декабре 1668 г. он сообщил: «Позговорилось было нас человек з десятков, чтобы нам воров заотчиков перевязать. И перевязав было их из монастыря привести в Сумской острог к стряпчему и к полуголовам» (т. е. к И. А. Волохову, В. Чадуеву и И. Молчанову). Разговоры Григория Риги с товарищами услышали два мирянина — Григорий Федосеев и Федор Брагин. В итоге участники заговора попали в тюрьму, а позднее были высланы из монастыря⁹¹.

В течение первых месяцев осады Волохов не менее двух раз обращался к осажденным с увещательными грамотами⁹². Первая была послана в монастырь 5 июля 1668 г. келарю Азарию и казначею Геронтию. Повез ее стрелецкий десятник Петр Иванов⁹³. По возвращении десятник подал Волохову сказку, где изложил обстоятельства поездки⁹⁴. На монастырском соборе Петр отдал грамоту келарю Азарию. После этого десятника вывели из Трапезной, где проходил собор, так что при чтении и обсуждении грамоты Петр Иванов не присутствовал. Затем из Трапезной вышел старец Варфоломей (Попрыгин) и объявил решение собора: впредь внутрь монастыря с увещаниями никого не пускать, отказ от принятия церковной реформы остается в силе.

Позднее Волохов послал в Соловецкий монастырь еще одну грамоту с кемским стрельцом Фомой Еремеевым, который назад, в Сумской острог, не вернулся⁹⁵. Эта грамота обращена уже к келарю Азарию и казначею Симону. Написана она не позже второй половины августа, так как в это время о ней упоминает сам Волохов в отписке в Москву⁹⁶. Таким образом, стряпчий очень быстро узнает о происшедшей в обители смене казначея. Однако до конца года Волохов ничего не знал о причинах замены Геронтия на Симона⁹⁷.

Первая увещательная грамота, до предела насыщенная цитатами из Священного писания, посвящена необходимости подчинения духовным, а главное — светским властям, царю. Волохов пространно обличает простецов, которые пытаются обходиться без пастырей; опровергает божественную природу и истинность видений, о которых ему говорили соловецкие монахи (содержание видений Волохов не упоминает). Призывая соловецких насельников к покаянию, Игнатий Волохов от имени царя обещает всем полное прощение.

Вторая грамота резко отличается и по тону, и по содержанию от первой. Характерно обращение: келарю Азарию, казначею Симону и соборным старцам, «им же дьяволу учению последующу по действию сатонину». Волохов на протяжении всей грамоты называет повстанцев мятежниками, ворами, безумными и дураками. Что же вызывает приступ негодования у стряпчего? Судя по всему — собственное бессилие перед хорошо организованными и вооруженными

группами мирян и иноков, занимающихся сбором и доставкой в монастырь припасов из береговых вотчин⁹⁸. Особенно возмущает Волохова активная деятельность вооруженных монахов, в частности главы всего соловецкого ополчения — инок Варфоломея. Ему Волохов направляет следующее красочное обличение, дающее представление о тональности всего документа: «Варфоломея чернца военачальником учинили, в колчюгу его беси наредили. А сатона ему учинил и шелом на него положил. А Вельзаул послужил и пищаль заредил. Заставили ево беси ис пищали стреляти. Лутче было бы чернцу молитва к Богу простирать и труды всеношные Богу полагать, о спасение души своей плакать, на одре своем возлещи, гроб постелю свою себе нареди, нежели ис пищали стреляти и бесовская воля сотворяти»⁹⁹. Судя по сообщениям вышедших из монастыря в декабре 1668 г. монахов и мирян, Варфоломей был не единственным иноком, участвовавшим в вооруженных действиях. На допросах были названы кроме Варфоломея келарь Азарий, старцы Иоанникей (Аника Пушкарь) и Савва Губа¹⁰⁰.

Волохов грозил осажденным как небесными, так и земными карами. Тем временем в Москве проявилось недовольство неудачным началом осады. Его объясняли плохой организацией дела. Уже 1 сентября 1668 г. Игнатий Волохов получил царский указ, в котором ему предписывалось перейти с Заяцкого острова на Соловецкий, чтобы осуществлять реальную осаду монастыря (приказ, так Волоховым и не выполненный ни в 1668 г., ни в последующие годы). Кроме того, специально даны были указания принимать выходцев из обители, допрашивать их как о хозяйственном положении в монастыре, так и о настроениях внутри обители. Подробные списки расспросных речей Волохов должен был немедленно посылать в Москву¹⁰¹. Игнатий Андреевич пытался оправдываться. Он подробно отчитался обо всех своих действиях, о событиях лета 1668 г. и просил у царя дополнительные войска ввиду полной невозможности обеспечить блокаду силами лишь небольшого отряда¹⁰².

Не имея возможности вести активные военные действия, Волохов продолжал переговоры с повстанцами. 16 января 1669 г. он направил в монастырь московского стрельца

Григория Прудова с очередной увещательной грамотой (ее текст неизвестен). Кроме того, Прудову дали «грамотки» выходцы из монастыря — старцы и трудники, которые обращались с уговорами к своим духовным отцам и товарищам. Инициатором составления таких частных посланий был И. А. Волохов¹⁰³. 9 февраля Григорий Прудов вернулся в Сумской острог и подал сказку о своей поездке на Соловки. Сначала, писал он, со стрельцом разговаривали городничий старец Тихон и служба Елеазар Алексеев. Затем посланника воеводы отвели на большой черный собор. «И на черном соборе письмо (Волохова. — О. Ч.) чли и две грамотки (из числа частных посланий. — О. Ч.), а иные грамотки, которые посланы, келарь к себе взял». Прудов оправдывался, что раздать «грамотки» адресатам не смог, поскольку его обыскали. «А вычетчи на соборе отписку и две грамотки, сказали мне, — пишет Григорий Прудов в сказке, — что де к нам Игнатей много и пишет, и прелщает де нас своими грамотками. У нас де одно положено, что по новым книгам петь и служить отнюдь не хотим». Затем повстанцы в очередной раз подтвердили свое нежелание слушать увещевания Волохова и принимать его посланцев¹⁰⁴.

Радикализация восстания весной-летом 1669 г.

Пока Волохов просил у правительства дополнительные войска и уговаривал восставших покориться, события в монастыре стремительно развивались. О том, что происходило в Соловецкой обители в течение весны-лета 1669 г., Игнатий Волохов и архимандрит Иосиф узнали в июне 1669 г.¹⁰⁵ Многочисленные свидетельства выходцев из монастыря составляют пеструю мозаичную картину. Одни события описаны подробно, детально. О других сохранились лишь краткие сведения. Итак, что же происходило в монастыре в первой половине 1669 г.?

«177-го году (1669) марта в 7 день во вторую неделю великого поста в Воскресение в 6-м часе дни по правилом святых апостол и святых отец никоновых ересей монаха 172 книги в Соловецком монастыре погружены в море»¹⁰⁶.

Такую запись о событиях сделал неизвестный соловлянин в небольшом сборнике, составленном во время восстания. Запись эта следует непосредственно за рассказом об изгнании в Тверь митрополита Филиппа (Колычева).

Во главе движения стояли келарь Азарий, мирянин Фаддей Петров Бородин и ряд других монахов и бельцов¹⁰⁷. Книги новой печати были собраны из монастырской казны, из келейных библиотек. В число новопечатных книг вошли не только изданные при патриархе Никоне, но и те, которые были начаты при Иосифе, а кончены при Никоне. Кроме того, к этому подбору, по некоторым сведениям, были присоединены книги «старые киевские печати». Выходцы из монастыря утверждали, что уничтожено было 300–400 книг, некоторые высланные уточняли: 300 книг в переплете и 100 в тетрадах. Эти цифры в два раза превышают число книг, указанное в записи соловецкого сборника. О 300–400 книгах говорили многие, но это количество представляется менее достоверным, поскольку большинство высланных не присутствовали при уничтожении книг, а остальные видели происходящее на расстоянии, тогда как запись явно сделана одним из организаторов сбора и уничтожения книг. Поэтому цифра 172 более достоверна.

Уничтожение книг проводилось организовано и обдуманно. Все книги были вынесены из монастыря на берег и разъяты на части: отдельно — доски переплета, страницы, печатные образы. На некоторых книгах (Евангелиях) оказались серебряные оклады. Это может свидетельствовать о том, что среди соловецких насельников были люди, с уважением относившиеся к новопечатным книгам¹⁰⁸. «Доски жгли на огне», а листы выбросили в море. Изображения Спаса, Богородицы, святых из книг «за монастырем на пристани драли и ругались, и топтали ногами, и копьями попирали». В некоторых рассказах встречаются и такие подробности: «а каторой оброс кверху всплывет, и они копья, бердуши в лица калоли и под лед подвалили». Образы в книгах называли кумирами¹⁰⁹. Видимо, протест связан с тем, что на образах перстосложение для благословения было именословное, а не двуперстное. Именно поэтому они могли восприниматься как еретические кумиры.

Весной 1669 г. в монастыре впервые в истории старообрядчества были введены бытовые и религиозные разграничения между «верными» и «неверными», т. е. греками. На Пасхе греков не допустили к святыням, а с 22 апреля 1669 г. отлучили от церкви. Шли разговоры о том, что «гречанкиевлян» надо заново крестить. Грекам выделили особую посуду для еды и питья¹¹⁰.

Этим нововведения в Соловецком монастыре не ограничились. В марте 1669 г. везде в монастыре были сняты старые четырехконечные кресты, их «сломали и ссекли». Вместо них были установлены восьмиконечные. Кроме того, кресты были заменены на выносных хоругвях, фонарях, пеленах¹¹¹. Это событие не менее знаменательное, чем уничтожение новопечатных книг. Здесь налицо прямое новшество: восставшие не побоялись снять старые кресты, не соответствующие той форме, которая признавалась старообрядцами как единственно правильная. Смена крестов была связана с еще одним спором, произошедшим внутри обители весной 1669 г. Среди части монахов и мирян распространилось учение дьякона Игнатия о правильном надписании титулы на кресте. Вместо традиционной, основанной на Евангелии, надписи «Исус Назарянин Царь Иудейский» (ИНЦИ)¹¹² Игнатий предложил писать «Исус Христос Царь Славы» (ИХЦС). Известно, что уничтожение крестов со старой титулой возглавил Фаддей Петров Бородин (Кожевник)¹¹³.

Весной-летом 1669 г. (точная дата неизвестна) келарь Азарий, казначей Симон и другие ввели принципиально важное изменение в службе. В традиционной молитве за царя они заменили конкретные имена словами о «благоверных князях». Вместо молитвы за патриарха и митрополитов появилась просьба о здравии «православных архиепископов»¹¹⁴. Такая форма поминания соответствовала тому, как произносилась молитва до царствования Алексея Михайловича. Но в условиях восстания это фактически означало немоление за царя и патриарха — появление наиболее острой и определенной формы политического протеста старообрядчества¹¹⁵.

И, наконец, из некоторых источников можно понять, что в это же время делаются первые попытки восставших

порвать со священниками, не поддерживающими их радикальные мероприятия, отказаться от исповеди¹¹⁶. По опубликованным источникам известно, что на заключительном этапе восстания миряне и иноки Соловецкого монастыря перестали ходить на исповедь к духовным отцам, настроенным на примирение с властями¹¹⁷. Но архимандрит Никанор отказался от исповеди не в 1670-е гг., а раньше. К 1674 г. он не исповедовался уже около пяти лет¹¹⁸. Значит, такой обычай появился в обители уже в 1669 г. Никанор, как известно, заявил: «Мы де и без священников проживем, и в церкви де часы станем говорить, священники де нам не нужны»¹¹⁹. Судя по всему, в Соловецком монастыре не было полного отказа от традиционной церковной службы. Отказ от исповеди, критические высказывания в адрес священников усилились, видимо, лишь к тем иеромонахам, которые, по мнению повстанцев, не были тверды в «старой вере». Иноки и миряне стремились избежать общения с «никонианами», а не со священниками вообще.

Таким образом, лидеры восстания, провозгласив борьбу за сохранение «старых обрядов», в реальности начали радикальные преобразования, затрагивающие как сферу обряда, так и принципиальные вопросы церковной системы, отношение к царской власти. Общий настрой в монастыре в мартовские дни 1669 г. был очень решительным. Все высланные утверждали, что повстанцы царю «во всем противны». На Соловках шла энергичная подготовка к вооруженной борьбе. Устанавливался порядок караула, расписывались сотни и десятки. Готовилось к бою оружие. На городских стенах появились запасы «каменя дробного». Были приготовлены котлы для вара. Миряне упражнялись в стрельбе. Двести «лутчих» людей было выделено, чтобы захватывать на море запасы продовольствия. Для них стояли наготове шесть карбасов с пушками. Кое-кто сожалел, что не побии Волохова с его людьми, когда они в первый раз подошли к монастырю¹²⁰. Итак, весной-летом 1669 г. восстание достигло высокой точки подъема.

Далеко не все в монастыре были настроены так решительно, как руководители восстания. По утверждениям выходцев из монастыря, к лету 1669 г. до трети братии

и мирян не хотели воевать с царем, не одобряли расправу с книгами. Чем радикальнее была политика руководителей, тем больше сомнений она вызывала у рядовых участников движения. Во время уничтожения книг 7 марта 1669 г. возник небольшой конфликт. Двое больничных старцев, Исайя Слепой и Васьян Крюков, несогласные с уничтожением книг, спрашивали о причинах истребления образов, напечатанных в них. Определенного ответа старцы не получили. Больничный келарь Филипп и подкеларник Иосиф вместо ответа начали, по словам старцев, «ругаться, называть нас отметниками веры христианския, еретиками. А книги де те все еретическия, и никакия в них истины нет»¹²¹. Исайя и Васьян были после этого заключены в тюрьму.

Летом 1669 г. один из главных руководителей восстания Григорий Черный Соболев высказывал опасения по поводу назревающего в обители мятежа¹²². В этой ситуации радикальные лидеры Соловецкого восстания попытались избавиться от некоторых противников, а заодно продемонстрировать готовность продолжать сопротивление властям. 18 июня 1669 г. из Соловецкого монастыря были высланы 12 человек, в разные годы сосланные в обитель по царским указам, а также 9 старцев и мирян, не поддерживающих восстание¹²³.

Но монастырские лидеры не просто отправляют группу ссыльных и недовольных на берег — им вручают челобитную, адресованную царю¹²⁴. До сих пор наиболее поздними из сохранившихся документов, подтверждавших сношения монастыря с властями, были Сказка и Отписка от 23 февраля 1668 г.¹²⁵ Теперь в нашем распоряжении есть еще одна челобитная, написанная полтора года спустя — 16 июня 1669 г. Челобитная составлена от имени келаря Азария, казначея Симона, соборных старцев, братии и трудников. Основная часть челобитной объясняет причины изгнания из монастыря ссыльных (соловецкий черный собор заявляет, что не в состоянии их охранять, так как из-за осады не может преследовать беглых). Затем следует просьба оставить обитель при старом обряде и категорическое утверждение: «а нового пения, великий государь, нам принять невозможно»¹²⁶. Таким образом, эта, Шестая, соловецкая челобитная отличается от предыдущих (Четвертой и Пятой) краткостью, здесь нет никаких

доводов в защиту старого обряда и просьба оставить монастырь при старой вере звучит достаточно формально. Основной смысл документа в том, что монастырь готов на полный разрыв с властями и никакой компромисс здесь с его стороны невозможен. В таком контексте отправка ссыльных приобретает не только практический смысл, но и значение символического жеста: Соловецкий монастырь слагает с себя обязательства перед царем, отказывается выполнять его мирскую службу. Последняя формальность, которую соблюдает черный собор: к И. А. Волохову направлена перечневая отписка с именами ссыльных, чтобы стряпчий мог проверить, не бежал ли кто-нибудь по дороге¹²⁷. В списке указаны миряне — Аверкий Иванов сын Москвитин, ротмистр Осип Пирютин, старцы — киевский игумен Виктор, Герасим, Зиновий, Иев (Салтыков)¹²⁸, афонский келарь Кирилл, черный поп Кирилл, белый поп Козма Иванов, митрополит Гревенский Макарий Грек, Моисей, Софоний (Сергий Плошкин).

Почему же восставшие решили избавиться от ссыльных? Всех ли изгнали на берег? Участие ссыльных в восстании — факт общеизвестный. Но в Шестой челобитной отмечается, что все высланные — противники восстания. Значит, позиция ссыльных не была одинакова. Чтобы определить роль ссыльных в происходивших событиях, надо составить представление о том, что за люди находились в ссылке в Соловецком монастыре, каких взглядов на восстание они придерживались.

Выяснить, сколько всего было ссыльных в монастыре, невозможно, записей такого рода нет. В 1839 г. по старым документам соловецкого архива настоятель монастыря Илларион насчитал более 150 указов царя, патриарха и новгородского митрополита о ссылке людей разных чинов и званий в монастырь до восстания, но неизвестно точно, за какой период XVII в.¹²⁹ К настоящему времени сохранились сведения в основном о тех ссыльных, которые по тем или иным причинам покинули Соловки: бежали (Андрей Веревкин, поп Сысой, архимандрит афонского Костоманитова монастыря Феофан)¹³⁰, были высланы (указанные выше 12 человек), переведены в другие места заключения (князь М. В. Львов, саввинский дьякон Тихон, троицкий дьякон Сильвестр)¹³¹.

Не случайно в исследовании М. А. Колчина о ссылке в Соловецкий монастырь почти нет данных по XVII в.¹³²

Ссылные различались между собою и по национальности (русские, греки, украинцы, один татарин), и по социальному положению. Состав преступлений известен не по всем ссылным, но наиболее распространенной причиной служили ложные доносы и челобитья. Кроме того, среди ссылных были обвиненные в «государевом деле» (старец Зиновий, белый поп Козма Иванов), ереси (белый поп Сысой, сосланный сначала в Вологду по делу патриарха Никона, а затем на Соловки за какие-то высказывания о Христе)¹³³, церковной краже (Аверкий Москвитин), убийстве (Андрей Веревкин) и др.¹³⁴

Вся эта пестрая и разнородная группа ссылных не могла быть едина во взглядах. Среди известных нам ссылных восемь человек на разных этапах поддерживали сопротивление властям, пять были решительно против восстания, о позиции семерых ничего не известно. Все пятеро противников восстания не были русскими — это греки, украинец. Из греков только афонский архимандрит Феофан был связан с оппозицией (еще с 1650-х гг.). Греки и украинец оказались в монастыре в жесткой изоляции. Убеждение соловецких насельников в порче веры у греков, подкрепленное биографией Арсения Грека¹³⁵, определило отношение к заключенным. Греком называли «неверными и некрещеными басурманы». О том, как на практике выразилось негативное отношение к грекам, сформулированное и в Пятой соловецкой челобитной, и в «Собрании... против новых книг» Геронтия, уже говорилось.

Из монастыря летом 1669 г. выпровожены были те ссылные, которые не желали принимать активного участия в борьбе. Попутно решался и вопрос о сокращении числа едоков в осажденной обители.

Среди тех ссылных, кто активно участвовал в восстании, особого упоминания заслуживают трое: белый поп Сысой, афонский архимандрит Феофан и Андрей Веревкин. Из монастыря они сбежали. Их побег послужил поводом для высылки остальных ссылных¹³⁶. Обстоятельства побега не вполне ясны. Во-первых, дата. В Шестой соловецкой челобитной сказано, что эти трое ссылных бежали 1 октября 1667 г. Но Волохов располагал другими данными.

19 октября 1668 г. в Сумском остроге он получил отписку из Соловецкого монастыря о побеге тех же трех ссыльных, состоявшемся 1 октября 1668 г.¹³⁷ Вторая дата достовернее, так как отписка по времени близка к событию — в отличие от Шестой челобитной, составленной, как уже говорилось, в июне 1669 г. Может быть, авторы челобитной ошиблись в указании года случайно. Но возможно и другое объяснение переноса даты побега в Шестой челобитной. Оно связано со вторым и неясным обстоятельством. В отписке 1668 г. речь идет о том, что из монастыря никто не послан в погоню за беглецами из-за царского запрета соловецким повстанцам распоряжаться в поморских волостях. Тем самым монастырские власти отказывались от преследования и передавали эту обязанность Волохову. Авторы Шестой челобитной рассказывают о погоне, о погибших на море десяти трудниках, посланных за беглецами. Скорее всего, эта погоня была вымыслом, сочиненным для драматизации обстановки и доказательства главной мысли: Соловки не могут более служить царской тюрьмой. Но при таком изложении хода событий было удобнее приурочить их ко времени, когда еще не было осады. Впрочем, уверенно указать, где в описании бегства излагается правда, а где вымысел, невозможно.

Совпадает известие о судьбе беглецов. Осенью 1668 г. Волохову не удалось ничего узнать. Поиски, организованные после получения отписки, ничего не дали. Лишь к началу января 1669 г. от выходцев из монастыря Волохов узнал, что кемские крестьяне случайно нашли на Шурецком острове тела Феофана и Андрея Веревкина с остатками того судна, в котором они «побежали» из монастыря. Крестьяне отвезли тела в обитель¹³⁸. Авторы челобитной сообщают те же сведения. Однако остается непонятным, почему трое ссыльных бежали из монастыря. Ведь они не относились к числу преследуемых в обители. Андрей Веревкин прославился на Соловках своими видениями, в которых находили божественные знамения в пользу восстания. Содержание видений Андрея Веревкина неизвестно, но его авторитет на Соловках был безусловным. Не случайно Волохов в увещательной грамоте стремился опорочить Веревкина: «За какую к Богу добродетель вору казненному Веревкину видение видеть? За то ли,

что у него одна рука осталась, да голова, а то весь кругом за воровство обсечен? И тою одною рукою извощика зарезал. То ли ему от Бога в правду вменилось? И отец ево бил челом к государю, чтоб не отрубали голову. И царь помиловал его». Так что, — заключает Волохов, — у Веревкина не видение, а «от неприязни привидения призрак»¹³⁹. Можно предположить, что причиной «побега» Сыся, Феофана и Андрея Веревкина было решение распространять в Поморье или еще шире идеи восстания. А сообщение из монастыря к Волохову могло быть направлено либо после известия о гибели ссыльных на море, либо по инициативе противников восстания.

В целом, позиции и действия ссыльных были столь же различны, как поступки и взгляды соловецких иноков и мирян. Поэтому можно не выделять ссыльных в отдельную группу, а рассматривать их как членов той или иной партии внутри монастыря. Что касается историографической традиции, согласно которой накануне восстания в Соловецкий монастырь ссылались старообрядцы, впоследствии возглавившие движение, то ни одного факта в ее поддержку найти не удалось.

Переворот в монастыре осенью 1669 г.

Попытка радикальных лидеров Соловецкого восстания справиться с нарастающим недовольством внутри монастыря оказалась безуспешной. Восстание развивалось настолько стремительно, что основная масса участников не успевала за лидерами. В начале сентября 1669 г. инициаторы наиболее радикальных мероприятий восстания были схвачены и посажены в тюрьму¹⁴⁰.

Сам момент переворота оказался достаточно внезапным и неожиданным для радикальных лидеров. Позднее один из них, Фаддей Петров Бородин, рассказывал про обстоятельства своего ареста. В 1669 г. «на память преподобного отца Михаила Малеина» он поехал с черным попом и крылошанами (имен Фаддей не называет) на Анзерский остров в пустыню петь панихиды по царю Михаилу Федоровичу. А тем временем в Соловецком монастыре «старцы и бельцы учинили меж себя мятеж». Когда Фаддей и его спутни-

ки вернулись из Анзерской пустыни в обитель, «бельцы ево посадили в тюрьму, а вины ему никакой не сказали». Вместо Бородина был избран новый сотник¹⁴¹.

Кто же возглавил переворот в монастыре? Документы сообщают имена новых монастырских властей: келарь Епифаний, казначей Глеб¹⁴². Один из первых шагов новоизбранных лидеров — освобождение из тюрьмы Геронтия¹⁴³. Но играл ли он сколько-нибудь серьезную роль в этот период, неизвестно. Находившийся 17 сентября 1669 г. в монастыре стрелец Петр Иванов отметил твердость мирян и старцев в желании бороться против реформы. Особенно категорично были настроены миряне. Стрелец уверяет: «А трудники все собралися воры, чаю тово, что ис тюрем утеклецы и от смертной казни беглецы. И чаю тово, что из московских бунтовщиков в монастыре есть»¹⁴⁴. Какое из знаменитых московских восстаний середины XVII в. он имел в виду, неизвестно.

Итак, восставшие по-прежнему не желали мириться с реформой. Переворот в обители не означал конца восстания. Но тогда почему арестованы руководители? Может быть, это случайный перевес сил в борьбе за власть между двумя группировками лидеров? Дальнейшие события в монастыре опровергают предположение о случайности ареста лидеров.

8 сентября 1669 г. «в обедное время» четыре бельца — Григорий Черный, Киприан Кузнец, Федор Брагин и Никита Троетчина — сумели «сбить» с себя «железа» и выйти из тюрьмы. В воротах они захватили топорики и бердыши и пошли освобождать других заключенных. При этом всем освобожденным раздавалось оружие. Вооруженный отряд ринулся в Трапезную, чтобы захватить врасплох новую верхушку монастыря. Силы оказались неравными. Радикальная группировка вновь была скована, но на этот раз не помещена в тюрьмы, а выслана из обители — во избежание новых столкновений. Ладью с ними нашли сумские стрельцы, поехавшие на рыбную ловлю. Таким образом, 19 сентября 1669 г. все лидеры первого этапа восстания оказались в Сумском остроге в руках И. А. Волохова¹⁴⁵. Среди насильственно высланных были: келарь Азарий, казначей Симон, черный поп Дмитрий, еще десять монахов (в том числе орга-

низатор морских рейдов за продовольствием старец Аника Пушкарь и глава всей обороны монастыря старец Варфоломей Попрыгин; а также миряне — Фаддей Петров Бородин, Елеазар Алексеев, Григорий Черный Соболев (впервые бунтовавший в 1663 г. в связи с «делом Геронтия»), еще 21 белец — всего 37 человек¹⁴⁶. Все пленники были «по руке и по ноге скованы и мурьи усом гвоздьем были закреплены»¹⁴⁷.

Единственное исключение из радикальных лидеров начала восстания составлял Никанор. Его имя постоянно упоминалось весной-летом 1669 г. в списках «пущих завоотчиков», но среди высланных его не оказалось — он остался в монастыре. Роль Никанора в событиях конца 1669–1671 г. по известным документам проследить не удалось.

Из всего этого можно сделать вывод, что осенью 1669 г. радикальная группа в монастыре оказалась в изоляции. Первый шаг — выступление против властей в защиту «старины», традиционного обряда — был сделан всеми участниками восстания, т. е. большинством иноков и мирян, проживавших в Соловецком монастыре. Второй шаг — откровенные догматические и обрядовые новшества — многих еще пугал.

Осень 1669 — осень 1671 г.: правление в монастыре умеренной группировки

После прихода к власти умеренной партии во главе с келарем Епифанием и казначеем Глебом позиция восставших меняется. Готовность «стоять за веру» сохраняется, однако новые власти монастыря настроены далеко не так воинственно, как Азарий, Симон и их товарищи. Об этом говорит и тон отписки, отправленной с 37 высланными лидерами радикальной партии, в которой наряду с желанием сохранить прежние обряды выражается покорность и верность царю и — главное — определенное осуждение действий предшественников¹⁴⁸. В этом смысле отписка — существенный шаг назад по сравнению с Четвертой, Пятой и Шестой челобитными. Характерно, что эта отписка — только от имени старцев, миряне в ней даже не упоминаются. Обвиняя

радикальную партию, авторы отписки стремятся подчеркнуть, что в ее составе действовали главным образом миряне и несколько «худых» иноков, что не вполне соответствует действительности¹⁴⁹.

Более того: уже 17 сентября 1669 г. в разговоре с Петром Ивановым, которого направил в монастырь Волохов, келарь Елифаний и казначей Глеб, а также близкие к ним старцы выразили согласие на переговоры о том, на каких условиях монастырь откроет ворота¹⁵⁰.

События 1670 г. представлены в документах отрывочно и очень кратко. Из них видно, что 11 июня 1670 г. тот же стрелец Петр Иванов вновь ездил на Соловки для переговоров. Встретили его достаточно неприязненно, внутри монастыря не пустили, и все переговоры проходили на пристани. Осажденные грозили, что будут стрелять из пушек, если Волохов попытается высадиться под монастырем. Впрочем, прозвучали и обещания открыть ворота, если воевода предъявит царскую грамоту с обещанием милости. Прежнюю грамоту умеренные лидеры не признали на том основании, что она обращена к «прежним мятежникам», которых выслали к Волохову в 1669 г.¹⁵¹

В 1671 г. в обитель был направлен стрелецкий сотник Иван Порошин. Ему сказали, что монастырь откроет ворота, если царские войска снимут осаду, а вместо Иосифа царь назначит архимандритом какого-нибудь другого человека. Причем прозвучало обещание служить по-новому при новом настоятеле¹⁵². Все эти переговоры в 1670 и 1671 гг. проходили на фоне усиливавшейся вооруженной борьбы монастыря с царскими войсками. Видимо, поэтому царь, не очень доверяя устным обещаниям, потребовал их документального подтверждения¹⁵³.

Опасения царских властей были не напрасными. Пока келарь Елифаний и казначей Глеб вели переговоры с Волоховым, Никанор «по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: матушки де мои галаночки, надежа де у нас на вас, вы де нас обороните»¹⁵⁴. Миряне, поддержанные частью иноков, стреляли по царским войскам. В июле 1670 г. произошло несколько стычек между отрядами Волохова и соловецкими повстанцами. Жертвы

были невелики (два стрельца из царского войска и три человека из числа восставших). В отписке в Москву Волохов подчеркивал: на вылазки «ходят из монастыря с мирскими людьми чернцы и из луков и из мушкетов стреляют»¹⁵⁵. В 1670 и 1671 гг. в монастыре неоднократно вспыхивали споры о том, можно ли стрелять по царским войскам. Энергичным противником вооруженных действий стал Геронтий. Он «о стрелбе запрещал и стрелять не велел»¹⁵⁶. В сентябре 1669 г. радикальные идеи Азария и его окружения многих участников восстания пугали и отталкивали. В той ситуации умеренные лидеры смогли повести массу восставших за собой. Но удержаться у власти в условиях постоянного подъема восстания умеренные не могли.

В Москву 5 октября 1671 г. поступает отписка стрельцов, вновь в начале сентября побывавших в Соловецком монастыре¹⁵⁷. Встреча Ивана Порошина и его стрельцов с восставшими произошла на этот раз на Заяцком острове. При виде стрельцов соловецкие старцы (их было около пятнадцати) сели в ладью (Порошин определил: в ладью «пометались») и отправились к монастырю. Стрельцы окликнули их и с расстояния сообщили, что едут в обитель по царскому указу. Вскоре к Заяцкому острову на двух судах приехали вооруженные миряне. Они велели ждать до утра на Заяцком. На следующий день в сопровождении вооруженного отряда стрельцы прибыли к монастырю. Там их встретили около ста человек «з дубьем». Городничий старец под конвоем отвел стрельцов к келарю и братии. Стрельцы подали отписку с изложением приказа царя писать челобитную с обещанием открыть ворота в случае смены архимандрита. Когда келарь зачитал отписку вслух, все присутствовавшие на черном соборе заявили, что ничего подобного не обещали, что ворота они откроют, когда можно будет служить по-старому, «и новые служебники им не надобны. Да и архимандрит де им никто не надобен же». Имен келаря и других старцев восставшие Порошину не сказали. Никакой отписки не дали. А тех старцев, с которыми велись предшествующие переговоры, Иван Порошин в монастыре не увидел. И келарь, и казначей были новыми.

Примерно в то же время один из соловецких выходцев заявил, что главный руководитель всего, что происходит

в монастыре, — архимандрит Никанор¹⁵⁸. Он вновь оказался у власти, как только победило радикальное крыло. Он остался единственным уцелевшим от начала до конца восстания лидером этого направления. Может быть, его спас огромный личный авторитет у всех иноков и мирян, может быть, помогла гибкая позиция — сказать трудно. Действия Никанора зачастую не были прямыми и однозначными: покайся на церковном соборе, он сумел убедить царя в своей способности навести порядок в монастыре; сменив клобук с нового на старый, на Соловках предъявил казначею обители денежный счет за покупку нового клобука; не было Никанора при уничтожении книг — акте, вызвавшем много сомнений у рядовых повстанцев...

Итак, осенью 1671 г. умеренное крыло восставших, готовое на компромисс с властями и даже на прямое предательство, потерпело поражение. Теперь восставшие начали возвращаться к тем смелым решениям, которые радикальная партия пыталась реализовать еще в 1669 г. Что касается судьбы умеренных лидеров, то она, судя по всему, оказалась похожей на участь радикалов: келарь Епифаний в 1676 г. упоминается в официальных документах как выходец¹⁵⁴; казначей Глеб также назывался в числе тех, кто покинул монастырь¹⁶⁰. Но нет никакой информации о времени, когда умеренные лидеры оказались на берегу. Поскольку Иван Порошин в октябре 1671 г. не увидел их на черном соборе, можно предположить, что свергнутые руководители находились в тюрьме. Впоследствии они могли быть высланы из монастыря.

Развитие восстания в 1672–1673 гг.; государственные структуры, занимавшиеся борьбой с восстанием

Итак, в августе-сентябре 1671 г. к власти вновь пришло наиболее радикальное крыло восставших. Осажденные в монастыре готовились к решительным боевым действиям. Один из покинувших обитель противников восстания — трудник Василий Аверкиев — утверждал: «Горше первого хотят сесть в осаде крепко. Хотя де митрополит приедет

или войско пришлют». Продолжалась энергичная подготовка укреплений. «На приезде в монастырь и на выезде из монастыря и самом в уском месте на островку поставили вал земляной, а назвали скородум, для того, как де будут под монастырь на лодьях и на судах прибылые воинские люди, и им в тот вал завести ружье и по лодьям и по людям стрелять»¹⁶¹. Строительство «скородума» перед воротами в монастырь вызвало споры. Некоторые считали, что дополнительное укрепление не нужно, поскольку «потеря де в том городке будет ружье и людей»¹⁶².

Однако ни победа умеренных, ни усиление радикального крыла повстанцев не означали полного единства, сплоченности всех осажденных. Сопrotивление восстанию изнутри — факт, несомненный не только для начальных лет оппозиции, но и для 1670-х гг. Новые радикальные лидеры в качестве одного из первых мероприятий осуществили очередную высылку из монастыря противников восстания. На этот раз речь шла о заговорщиках, собиравшихся открыть монастырские ворота перед царскими войсками. Во главе заговора стоял соловецкий монах Яков Соловаров. Весной-летом 1670 г. Яков был в монастыре городничим старцем¹⁶³. О том, что Соловаров и некоторые другие (священники Тихон Рогуев, Митрофан, Амбросим, Селивестр, старцы Еремей Козел, Тарасий Кокора, Киприан и его послушник Тихон, Игнатий Головщик, Логгин, послушник Якова Соловарова Парфений) настроены против восстания, хоть и молчат «страха ради» на черных соборах, в Сумском остроге слышали от выходцев из монастыря в июне 1670 г.¹⁶⁴, т. е. в период правления умеренных. В 1671 г. до Волохова дошли слухи, что старец Яков Соловаров пытался организовать заговор против восстания внутри монастыря, но его попытка провалилась. В итоге сам Яков и его товарищи попали в тюрьму¹⁶⁵.

Вскоре слухи подтвердились. В октябре 1671 г. Яков Соловаров и конархист Михаил Харзеев были высланы из обители¹⁶⁶. В Сумском остроге на допросе 25 октября 1671 г. Яков рассказал о своей попытке совершить переворот. Летом 1670 г., когда Волохов находился под монастырем, Яков собрал около 50 старцев и мирян. Они хотели открыть ворота

обители и пропустить войска внутрь. Но заговорщики решили, что их слишком мало, надо найти новых союзников, а когда стали искать новых заговорщиков, информация о деятельности Соловарова дошла до монастырских властей. 14 июня Яков был арестован, но единомышленников не назвал, поэтому, отмечает Соловаров, они живут по-прежнему в монастыре. Больше года старец провел в тюрьме, затем был выслан новыми монастырскими властями¹⁶⁷. Яков Соловаров был решительным противником восстания. Это он доказал и на берегу доносом на старца Сидора Несолоного, который хотел уехать на Соловки весной 1672 г.¹⁶⁸

О ситуации конца 1671–1673 г. в осажденной обители известно крайне мало. Летом 1671 г. монастырь вообще не осаждали, в последующее время действия царских войск были нерегулярными. Сократились число и объем отчетов, направляемых в Москву.

В начале 1672 г. в очередной отписке И. А. Волохов процитировал слова одного из соловецких старцев, что в монастыре до половины монахов и мирян «не мятежники». Стряпчий не разделял мнение своего информатора. Он пришел к заключению, что большинство повстанцев настроено решительно, а если и есть кто-то несогласный с ними, «и о том вправду неведомое же дело»¹⁶⁹. Невозможно проверить точное соотношение сторонников и противников восстания. Информатор мог преувеличивать число противников решительных действий, но мог давать и вполне достоверные сведения; в любом случае Волохову выгодно было подчеркнуть силы повстанцев, чтобы объяснить этим безрезультативность осады.

Весь 1672 г. для восставших прошел спокойно. Продукты из вотчин регулярно поступали в монастырь. Особых препятствий со стороны властей не было. 8 августа из Сумского острога к монастырю пошел отряд под командованием нового воеводы — К. А. Иевлева¹⁷⁰. 19 сентября в обитель с очередной царской грамотой приезжал стрелецкий сотник Микифор Порошин. Его прогнали¹⁷¹. Иевлев сжег монастырские строения вне стен обители, карбасы и сено. Для переговоров с повстанцами новый воевода посылал в Соловецкий монастырь каких-то двух анзерских старцев. Однако и эти переговоры были безрезультатными. Вскоре у войска

закончились запасы свинца и пороха. Пришлось вернуться в Сумской острог¹⁷². У повстанцев не было причин беспокоиться о своем положении и в 1673 г. В Великий пост 1673 г. келарь Маркел провел ревизию всех хлебных запасов. Их должно было хватить лет на семь. Других припасов оказалось меньше. Единственный товар, необходимый осажденным, которого не хватало, — полотно для рубах. Их приходилось шить из «парусов лодейных»¹⁷³. Летняя осада в 1673 г. закончилась рано — уже 18 августа войска ушли из-под монастыря в Сумской острог¹⁷⁴.

Нет никаких данных о том, как менялись настроения повстанцев на протяжении 1672–1673 гг. Однако можно предполагать, что решительные настроения все усиливались. 28 декабря 1673 г. на монастырском черном соборе было принято решение: богомолье за царя отменить¹⁷⁵. Таким образом, через четыре с половиной года после радикальных реформ весны-лета 1669 г. восставшие не просто вернулись к прежнему решению убрать из молитвы имя правящего царя, но совершили еще более смелый шаг: вообще отменили молитву. Если в 1669 г. даже более сдержанное решение вызвало протест у большинства участников движения, то в декабре 1673 г. ситуация в монастыре оказалась иной — противники немоления за царя остались в меньшинстве. В тот же день — 28 декабря — старец Дионисий и священник Павел, не признавшие решений черного собора, оказались в тюрьме¹⁷⁶.

Отсутствие подробной информации об этом периоде восстания вызвано той же причиной, которая обеспечила вполне спокойную жизнь повстанцев. Конфликты И. А. Волохова и архимандрита Иосифа, две смены руководителей осады, неразбериха в Сумском остроге, некоторое ослабление внимания московского правительства к событиям в северном монастыре — все это тянулось с осени 1671 г. до зимы 1673/74 г. Итак, что же происходило в правительственном лагере? Как организована была борьба с непокорной обителью? На протяжении восьми лет осады монастыря несколько раз менялись воеводы, возглавлявшие правительственные войска. В связи с этим происходили серьезные изменения в положении обители. Правительство также с разной степенью внимания относилось к ситуации под Соловецким монастырем.

Первым воеводой, прибывшим в Сумской острог, был, как уже говорилось, стряпчий Игнатий Андреевич Волохов. Он появился под монастырем 22 июня 1668 г.¹⁷⁷ Но уже к концу декабря 1670 г. в Москве приняли решение об отзыве Волохова¹⁷⁸. Главная задача, поставленная правительством перед воеводой, — перерезать все дороги в Соловецкий монастырь, чтобы никто не мог туда попасть¹⁷⁹, — не была выполнена. Власти были недовольны результатами осады, вялыми действиями воеводы. Волохов постоянно ссыался на недостаток войск, на противодействие соловецкого архимандрита и его людей в Сумском остроге. К августу 1671 г. слухи о смене Волохова просочились в монастырь¹⁸⁰. Летом 1671 г. Волохов вообще не водил свой отряд к монастырю¹⁸¹. Давно описан в литературе конфликт между Волоховым и архимандритом Иосифом в Сумском остроге¹⁸². 16 марта 1672 г. конфликт достиг апогея, произошла драка — прямо в церкви, во время богослужения¹⁸³. К этому моменту решение правительства заменить Волохова под монастырем стало вполне определенным. 11 января 1672 г. был составлен указ о назначении на место Волохова стольника Федора Меньшого Григорьева Хрущова¹⁸⁴. Неизвестны причины, по которым это назначение не состоялось. В начале апреля 1672 г. был выбран новый воевода — стрелецкий голова Климентий Алексеевич Иевлев. Сохранилось два указа — от 3 апреля¹⁸⁵ и от 14 мая 1672 г.¹⁸⁶ — о его назначении. В Сумской острог информация об этом поступила уже в апреле¹⁸⁷. Климентий Иевлев возглавлял осаду монастыря с лета 1672 г. до конца лета 1673 г.¹⁸⁸ (первый раз он пошел под монастырь, как уже говорилось, 8 августа 1673 г.¹⁸⁹). Иевлев предпринял попытку приступить к более активным действиям. Он впервые начал обстрел монастыря из пушек¹⁹⁰. Несмотря на то, что численно возросшее войско стояло на самом Соловецком острове, попытки Иевлева не увенчались успехом. Сроки его пребывания под монастырем были малыми. Отсутствие успехов закономерно, если учесть, что в мае 1673 г. в царской грамоте Иевлеву предписывалось не стрелять по монастырю из пушек и не посылать людей на приступ¹⁹¹. Так что активные действия, начатые в августе-сентябре 1672 г., были приостановлены. Такая изменчивая политика прави-

тельства — то требование взять монастырь быстрее, то ограничение свободы действий воеводы — была связана с надеждами на соглашение с повстанцами¹⁹².

Отчетность за год осады под руководством К. А. Иевлева в приказных фондах почти отсутствует. Деятельность воеводы не удовлетворяла правительство. Отношения Климентия Алексеевича с сумскими старцами постоянно ухудшались. Терпение центральной власти истощалось, а восстание затягивалось. 6 сентября 1673 г. велено было вместо Иевлева ехать под монастырь Ивану Алексеевичу Мещеринову¹⁹³. 11 декабря 1673 г. новый царский указ подтвердил назначение Мещеринова¹⁹⁴. Тогда же, видимо, Иван Алексеевич отправился в путь, поскольку уже 21 декабря выезжал из Холмогор в Сумской острог. 4–5 января он принял дела у Климентия Иевлева¹⁹⁵. 31 мая 1674 г. И. А. Мещеринов во главе сильно увеличенного и хорошо оснащенного отряда прибыл на Соловецкий остров¹⁹⁶. С появлением нового воеводы ситуация изменилась. Боевые действия резко активизировались, проезд в монастырь и на берег с целью пополнения припасов серьезно затруднился, во всяком случае летом — в наиболее удобное время. К концу августа 1674 г. центральные власти, довольные летней кампанией, забеспокоились: надвигались холодные месяцы, сложные для осады. Теплых помещений для войск на острове не было. В предшествующие годы отряды И. А. Волохова и К. А. Иевлева уходили к осени на берег, в Сумской острог. К Мещеринову была направлена целая серия грамот с категорическим указанием: на зиму из-под монастыря не уходить. (Известны указы от 24 августа, 21 сентября и 11 октября 1674 г.¹⁹⁷) Но 24 сентября 1674 г. Мещеринов ушел на берег, вызвав этим поток доносов и взрыв недовольства со стороны московских властей¹⁹⁸.

Впрочем, надо признать, что даже после ухода с острова Мещеринов не оставил восставших в полном покое. Он организовал в береговых городках и селах надзор, препятствовавший связям монастыря с жителями Поморья. Периодически проводились вылазки под монастырь — например, 6 и 15 октября 1674 г.¹⁹⁹ Таким образом, с появлением И. А. Мещеринова под монастырем положение осажденных впервые становится весьма трудным.

Взаимоотношения воеводы и его отряда с соловецкими иноками, находившимися в Сумском остроге, были непростыми. Конфликты между самими монахами, раздоры и кляузы иноков и стрельцов друг на друга, жалобы в Москву на воевод, — все это составляет значительную часть содержания сохранившейся документации. Одной из причин постоянного напряжения были опасения соловецких старцев, принявших церковную реформу и сотрудничавших с властями, что присутствие войска в монастырских вотчинах нанесет материальный ущерб хозяйству. Отсюда — постоянное нежелание давать еду стрельцам, приводившее к вспышкам острейших конфликтов. С другой стороны, соловецкие монахи, жившие в Сумском остроге и формально покорные властям, видимо, были не вполне искренними «новолюбцами». Многие из них, судя по всему, не одобряли военные действия против монастыря и даже сочувствовали осажденным. Это приводило к взаимным подозрениям и доносам. Как пример можно привести многодневное и трудное разбирательство по обвинению старцев Кирилла Чаплина (ранее возившего к царю Пятую соловецкую челобитную, назначенного составщиками новым московским строителем в сентябре 1667 г.) и Иоила (бывшего «воровского соборного старца») в помощи повстанцам. Обвинителем выступал выходец из монастыря, ярый противник восстания чернец Матфей²⁰⁰.

Воеводы, осаждавшие обитель, регулярно отчитывались перед московскими властями. Они сообщали в своих отписках о боевых действиях, выходах из монастыря, слухах о внутреннем положении осажденных в крепости. В царской грамоте предписывалось, что надо спрашивать у выходцев: кто в монастыре «пущие непослушники и их советники», кто не хочет с ними «в совете быть», по сколько человек по обе стороны и «в чем меж ними рознь», есть ли хлебные и другие запасы в обители, надолго ли их хватит, можно ли надеяться на «скудость»²⁰¹. По этому формуляру составлялись все отписки с расспросными речами выходцев. В Москве принимались наиболее важные решения, завершались следственные дела, определялась судьба тех соловецких монахов и мирян, которые оказывались в руках воевод. Каким образом было организовано управление осадой в Москве?

На первых порах — накануне восстания, а затем в 1667 г. — во главе всех дел стояли дьяки Патриаршего приказа, церковные чины. Они направляли грамоты с указаниями, руководили следствием, получали соловецкие челобитные и отписки²⁰². Ситуация начала меняться с началом осады в 1668 г. Уже в 1667 г. наиболее важное следственное дело, связанное с Соловецким монастырем, — «дело Сильвестра» — поручено было стольнику Александру Севастьяновичу Хитрово, члену достаточно нового при дворе Алексея Михайловича, но энергично укреплявшего свои позиции рода. А. С. Хитрово получал все указания и отчитывался в Разрядном приказе. Все документы шли за приписью могущественного думного дьяка Дементия Минича Башмакова. Д. М. Башмаков возглавлял Разрядный приказ в 1662–1670 гг., после того как был официальным главой Приказа тайных дел. В эти приказы он вернулся в 1675/76 г. В 1670–1671 гг. Д. М. Башмаков одновременно возглавлял несколько приказов (Владимирский, Галицкий, Малороссийский и Посольский, который также был связан с делами Соловецкого восстания)²⁰³. Через несколько лет после разгрома восстания в Соловецком монастыре — с 15 апреля 1684 г. — Дементий Минич получил чин думного дворянина²⁰⁴.

Документы следствия сохранились в фондах Приказа тайных дел²⁰⁵. Делами осады и в последующие годы постоянно занимался Разрядный приказ, зачастую совместно с дьяками Приказа тайных дел, например с Федором Михайловым²⁰⁶, который пришел в этот приказ после руководства финансовыми органами: приказами Большой казны (1660–1666 гг.) и Большого прихода (1663 г.). После службы в Приказе тайных дел Федор Михайлов возглавил Приказ Большого дворца²⁰⁷. У Михайлова не было чина думного дьяка, но он в качестве главы Приказа тайных дел впервые был объявлен стоящим по чину сразу после думных дьяков²⁰⁸.

Из дьяков Разрядного приказа, занимавшихся делами Соловецкого восстания, назовем прежде всего его главу с 1664 г. Василия Григорьевича Семенова²⁰⁹. Он служил в Разрядном приказе до 1693 г. с постоянным повышением оклада²¹⁰. 4 мая 1676 г., через три месяца после разгрома Соловецкого восстания, Василий Григорьевич Семенов

получил чин думного дьяка. Карьера его успешно продолжалась до смерти, последовавшей 7 ноября 1693 г.²¹¹

В Разряде делами Соловецкого восстания занимались помимо главы приказа еще два дьяка: Федор Иванович Грибоедов²¹² и Петр Иванович Кавелин (Каверин)²¹³. Ф. И. Грибоедов, один из участников составления Соборного уложения 1649 г.²¹⁴, пришел в Разрядный приказ в 1664 г. из Казанского дворца, в который и вернулся в 1670 г.²¹⁵ Особой роли в борьбе с Соловецким восстанием он не сыграл. Гораздо больше соловецких дел вел П. И. Кавелин. В других центральных приказах он не служил, в Разряде был с 1670 по 1679 г.²¹⁶

Если дьяки Разряда и Приказа тайных дел руководили наиболее важными делами — идеологическими, следственными, а также назначением и смещением воевод, то повседневные вопросы решались в других инстанциях. Непосредственно за дела осады должен был отвечать территориальный приказ — Новгородский. 15 апреля 1673 г. решением царя в ведение Новгородского приказа были переданы вообще все дела восстания из Разряда и Приказа сыскных дел²¹⁷. В период Соловецкого восстания Новгородский приказ подчинялся Посольскому приказу²¹⁸. Эти два учреждения в основном и вели дела. Документы от воевод и к воеводам направляли и получали дьяки, о которых скажем особо.

Василий Иванович Бобинин²¹⁹. Он начал карьеру как подьячий Посольского приказа. В 1668 г. он стал считаться старым подьячим, а вскоре стал дьяком²²⁰. Занимался делами Новгородского приказа в 1673–1676 гг.²²¹ Через два года после разгрома Соловецкого восстания В. И. Бобинин, один из главных организаторов борьбы с монастырем, стал наравне с Емельяном Украинцевым одним из влиятельнейших дьяков Посольского приказа²²².

Емельян Игнатьевич Украинцев, в те же годы начавший служить в Посольском приказе²²³, также вел некоторые дела, связанные с Соловецким восстанием²²⁴. Его карьера развивалась независимо от событий в Соловецком монастыре.

Дьяк Посольского приказа (1671–1675/76) Григорий Карпович Богданов занимался новгородскими делами, и в частности Соловецким восстанием, в 1672–1676 гг.²²⁵ Его деятельность на данном поприще началась с получения

12 ноября 1671 г. чина думного дьяка²²⁶. Вскоре после разгрома восстания Г. К. Богданов сделал следующий шаг в карьере — он возглавил приказы Большой казны и Большого прихода (с 1677 г.)²²⁷. 19 мая 1682 г. он был сослан в Сибирь, где умер в 1686/87 г.²²⁸

Следующий дьяк Посольского приказа, который вел соловецкие дела, — Яков Ильич Поздышев²²⁹. Он занимался делами Новгородского приказа в 1670, 1672–1676 гг.²³⁰ В те же годы (1672–1675) служил в Посольском приказе дьяк Иван Евстафьев (Остафьев)²³¹. Некоторые соловецкие дела вел подьячий, затем старый подьячий и дьяк Посольского приказа Степан Полнов (Полков), занявший место Василия Ивановича Бобина, продвигавшегося выше по служебной лестнице²³².

Пожалуй, одним из наиболее заметных среди всех должностных лиц, занимавшихся делами Соловецкого восстания, был боярин Артемон Сергеевич Матвеев, родственник царицы²³³.

Итак, ведать делами восстания было поручено авторитетным, влиятельным лицам из числа приказной администрации. Большинство дьяков, занимавшихся борьбой с восстанием, вскоре после его разгрома получили повышение по службе или увеличение оклада. Это дает основание утверждать, что московское правительство уделяло большое внимание покорению обители.

В приказах накапливались отписки воевод, архимандрита Иосифа, других лиц, находившихся под монастырем или в береговых вотчинах. Сюда же поступали все записи расспросных речей выходцев из монастыря, их сказки. На основании всей этой документации регулярно составлялись доклады царю, в которых события в Соловецком монастыре и вокруг него излагались достаточно подробно. Все четыре приказа — Тайных дел, Разрядный, Посольский (с Новгородским) — действовали слаженно, согласованно. При необходимости для решения отдельных вопросов привлекались дьяки Иноземного, Рейтарского, Пушкарского, Оружейного, Стрелецкого и других приказов²³⁴.

Все это свидетельствует о важности проблемы, возникшей в связи с энергичным сопротивлением северной обители государственным и церковным реформам.

Активизация осады монастыря в 1674–1676 гг. при воеводе И. А. Мещеринове; падение Соловецкой обители

Военные действия с обеих сторон активизировались с 1674 г. Как уже говорилось, 31 мая воевода Иван Алексеевич Мещеринов с войсками отправился на острова, чтобы начать летнюю осаду²³⁵. Первые действия нового воеводы были вполне привычными для осажденных: 2 июня в монастырь прибыли полковой священник Дмитрий и стрелецкий сотник Божен Кузьмин, которым Мещеринов поручил переговоры с восставшими. На встречу с ними из монастыря вышли: келарь, городничий старец Дорофей Морж, монастырский сотник Исачко Воронин и другие. Посланников от монастыря прогнали²³⁶.

На следующий день — 3 июня 1674 г. — Мещеринов направил для переговоров с повстанцами других людей: сотника Митрофана Порошина, ранее ездившего в монастырь, и пятидесятника Андрея Трофимова. Новых посланников в обитель впустили, привели на собор. Основной темой черного собора было отношение к царю. По словам стрельцов Мещеринова, на соборе про царя «говорили непристойные речи». Конфликт между восставшими и посланниками Мещеринова оказался столь острым, что обоих стрельцов не выпустили из монастыря, а посадили в тюрьму. Только 14 июня они получили разрешение покинуть обитель²³⁷.

Тем временем Иван Мещеринов впервые за годы осады обратил внимание на Анзерскую пустынь. 4 июня сотник Божен Кузьмин привез оттуда на Заяцкий остров к воеводе старца Авраамия, черного дьякона Питирима и «соловецкого мятежника, выходца казненного» старца Александра (у него были отсечены рука и нога за участие в Коломенском восстании, после чего Александр — в миру Алексей Иванович Кадашевич — постригся в Соловецком монастыре). Общение Мещеринова с анзерскими старцами убедило воеводу в лояльности Анзерской пустыни к властям. Мещеринов настолько поверил анзерским старцам, что послал Авраамия и Питирима в Соловецкий монастырь для уговоров. (Анзерских старцев прежде посылал в обитель и К. А. Иевлев.) Навстречу Авраамию и Питириму вышли военные руководители Соловец-

кого монастыря — сотники Исачко Воронин и Самко Васильев. После недолгого разговора анзерские старцы вернулись к Мещеринову и сообщили о нежелании осажденных вести переговоры²³⁸. О судьбе Митрофана Порошина и Андрея Трофимова анзерские старцы ничего не сказали.

13 июня 1674 г. Мещеринов направил в монастырь новых увещавателей. Они повезли грамоту — на этот раз не от Ивана Алексеевича, а от двинского воеводы думного дворянина Федора Нарышкина и дьяка Афанасия Зыкова, которые исполняли царский указ об уговорах повстанцев. Нарышкин и Зыков сами выбрали посланников: священника холмогорского Спасского собора Кирилла Андреева и подьячего двинской съезжей избы Василия Истомина²³⁹. 14 июня посланники с Двины смогли пройти в монастырь. Их впустили через узкие Квасоваренные ворота и провели в Трапезную, велев не смотреть по сторонам. Это была самая короткая дорога по территории монастыря. На соборе посланникам указали келаря, но имени его не назвали. Позднее посетившие обитель двиняне заявили, что «келарь ростом мал, и чернцов с ним в Трапезе было много». Посланники передали келарю отписку двинского воеводы, но документ не был даже прочитан до конца. Призывы покориться царю вызвали сильное возмущение присутствовавших. По утверждению посланников, «в то время чернцы и белцы говорили с большим упорством, а иные чернцы в то время молчали»²⁴⁰.

Что означает «молчание» некоторых членов собора? Возможно, это проявление неуверенности в том, что нужна вооруженная борьба, сомнение в допустимости сопротивления царю. Тогда «молчание» «иных чернцов» — свидетельство того, что внутреннее единство так и не было достигнуто. Судя по тому, что из монастыря постоянно выходили недовольные восстанием монахи и миряне, наблюдение священника Кирилла Андреева и подьячего Василия Истомина вполне достоверно. Кирилл пытался увещавать повстанцев устно. Кончилось все банальной дракой. «За бороду ево, попа, драли и из монастыря их вытолкали з бесчестием»²⁴¹. В тот же день — 14 июня — выпустили и прежних посланников (Митрофана Порошина и Андрея Трофимова), находившихся в монастырской тюрьме с 3 июня.

Во второй половине июня Мещеринов столкнулся с новой проблемой. Оказалось, что Анзерская пустынь активно поддерживает повстанцев, помогает им. Выяснилось также, что все 11 человек, проживающих в пустыни, не принимают церковную реформу. Серия допросов показала, что анзерские старцы твердо стоят на своих позициях. Они отказывались каяться, даже когда их обвиняли в материальной помощи восставшим. После некоторого нажима три анзерских монаха (строитель Илларион, старцы Нафанаил и Пахомий) покаялись, заявили о принятии реформы, но так и не сообщили Мещеринову и Нарышкину никаких данных о Соловецком монастыре, упорно ссылаясь на неосведомленность. Так что нет особых оснований верить в искренность покаяния анзерских старцев. Всех троих сослали в Антониево-Сийский монастырь, предоставив им как раскаявшимся относительную свободу передвижений по территории монастыря. В ночь на 28 сентября 1674 г. Нафанаил и Пахомий бежали «неведомо куды». Остальные восемь анзерских монахов отказались приносить даже такое формальное покаяние. Главными «завотчиками» были признаны старцы Симон и Александр (тот, что был наказан за участие в Коломенском восстании)²⁴².

Переговоры с повстанцами, попытки воспрепятствовать подвозу в монастырь продуктов — все это было и в первые годы восстания. Но с лета 1674 г. резко активизируются военные действия, осадные мероприятия. Мещеринов приказал спустить часть воды из Святого озера. В результате обмелели колодцы в монастыре, остановилась мельница²⁴³. С восьми сторон Мещеринов приказал подводить шанцы, подкопы к стенам²⁴⁴. Напротив Белой, Архангельской, Корожной и Квасоваренной башен были срублены «роскаты высокие, выше монастырские городовые стены и насыпаны камнем». Оттуда из пушек и ружей начали обстрел монастыря. Стало опасно ходить по территории обители. Много было убитых, искалеченных. «И они, воры, — сообщал Мещеринов в отписке, — в туманные дни и в то время, как шанец в тех ближних местах не было, из монастыря тех побитых и рваных воров выносили в убогой дом к Анофрею²⁴⁵ и завертя в парусину без гробов в анбар метали». Позд-

нее в Анофриевской церкви нашли около 20 трупов чернецов и бельцов²⁴⁶. Были и пленные. Осенью, например, в бою были взяты 2 старца и 13 мирян²⁴⁷. Однако зимой 1674/75 г. осада ослабела. 24 сентября 1674 г. Мещеринов с войсками ушел из-под монастыря в Сумской острог, несмотря на строжайшие царские указы стоять под монастырем²⁴⁸.

Жесткая осада лета 1674 г. усилила внутренние противоречия между осажденными. Конфликт вспыхнул 16 сентября 1674 г. На черном соборе сотники Исачко Воронин и Самко Васильев от имени всех оборонявших монастырь заявили, что не будут защищать обитель, если священники продолжат молить Бога за царя²⁴⁹. Таким образом, решение черного собора от 28 декабря 1673 г. некоторыми священниками не выполнялось. Среди обитателей монастыря вновь разгорелись споры о допустимости немоления за царя, об отношении к священникам, о необходимости вооруженной борьбы. Большинство иноков и мирян были настроены на решительные боевые действия, но некоторые, судя по всему немногие, священники, монахи и бельцы не допускали возможности прямого противостояния властям, хотя и не принимали реформу. 17 сентября из монастыря самостоятельно вышли священники Митрофан и Амбросим, а также мирянин Июдка Иванов сын Рогуев. В тот же день по решению монастырских властей высланы были священники Геронтий, Павел, старцы Варлаам, Дионисий и Манассия²⁵⁰. Таким образом, очередной тур внутренней конфронтации закончился победой наиболее радикального крыла восставших.

Весной 1675 г. конфликты в монастыре вспыхнули с новой силой. На день Алексея человека Божия (17 марта) во время всенощного бдения загорелась Трапезная, примыкающая к Успенской церкви. В связи с этим пожаром начались взаимные упреки. Противники восстания обвиняли радикальных повстанцев в поджоге. Руководители движения, в свою очередь, заявили оппонентам: «Вы за государя Бога молитесь, что де от вашего богомолния гнев Божий пришел и Трапеза выгорела. А впредь де за государя станете Бога молить, и от вашего моления и весь монастырь выгорит»²⁵¹. Споры и обвинения вынудили келаря Нафанаила Тугуна начать расследование. Неизвестно, к какому выводу пришел

келарь, но его выводы возмутили радикальных повстанцев. (Возможно, была обнаружена какая-то простая и прозаическая причина пожара.) Нафанаил был смещен с должности келаря и выведен из малого собора. Через некоторое время, поостыв, радикалы вновь включили Нафанаила Тугуна в число соборных старцев, но келарем остался назначенный в середине марта Никаноров послушник Феодосий²⁵².

В конце мая 1675 г. десять человек во главе с сотником Логгином Кемлянином и Петром Запрудой поехали на берег за рыбой. Там они узнали о мерах, предпринятых Мещериновым по подготовке летней кампании 1675 г., о количестве войск и т. п.²⁵³ 25 мая И. А. Мещеринов с отрядом почти в 1000 человек пошел из Сумского острога к Соловецкому монастырю²⁵⁴. Часть войска во главе с Г. Бушем воевода направил вперед на Кузовские острова, чтобы внезапно напасть на тех соловецких иноков и мирян, которые выехали из монастыря на рыбные ловли²⁵⁵. Сам Мещеринов 31 мая с небольшим отрядом (в 185 человек) высадился в Глубокой губе у Железных ворот, напротив обители²⁵⁶. Соловецкие повстанцы, заранее узнавшие о планах воеводы, приготовились к «встрече». В узком месте — на мысу, где ладьи проходят возле берега, — повстанцы обстреляли войско из пушек. Мещеринов вынужден был отойти. После первой попытки подойти к пристани воевода направил майора Степана Келена с отрядом выбить повстанцев от Железных ворот (так назывался узкий проход возле мыса). Со стороны восставших боевыми действиями руководил Петр Запруда. После боя повстанцы с мыса отошли в монастырь²⁵⁷.

На следующий день — 1 июня 1675 г. — Мещеринов высадился в Глубокой губе перед монастырем. Тем временем другой соловецкий отряд во главе с Самойлой Васильевым занял городки, ранее построенные царскими войсками для осады монастыря, и кожевню, находившуюся вне стен обители. После продолжительного боя воеводе удалось овладеть городками. Ему помогло то, что 1 июня от Кузовских островов подошли основные силы.

В первые же дни осады Мещеринов начал интенсивный гранатный обстрел обители. Применялись зажигательные ядра²⁵⁸. Один из выходцев (псаломщик Сергей), рассказы-

вая воеводе о реакции осажденных на такой обстрел, утверждал, что первоначально действия воеводы вызвали «страх» в монастыре. «И как де граната на кровлю падет, и кровли ломало, а проходов не пробивали... А зажигальные де ядра наметывали мокрыми войлоками и тем гасили». Осажденные также заливали зажигательные ядра водой²⁵⁹.

В отписках от 6 июня и 18 июля Мещеринов признал, что после первого испуга осажденные поняли, что войска не могут нанести серьезный ущерб монастырю. С новой силой началась стрельба со стен по царскому отряду. Поскольку верхние бойницы были повреждены гранатными ядрами, повстанцы установили пушки на городской стене между Никольской и Корожной башнями (напротив лагеря Мещеринова) и стреляли «промеж зубцов», подняв пушки «на векшах» (на подъемных блоках)²⁶⁰. По утверждению Мещеринова, восставшие стреляли даже «с соборной церкви из главы из затинных пищалей в городки»²⁶¹. Мещеринов организовал в июне — начале июля строительство десяти дополнительных земляных городков вокруг Соловецкого монастыря. Особое значение он придавал двум городкам у губы — напротив Рыбных (Сельдяных) ворот. Выход из губы в море воевода прикрыл четырнадцать деревянными брусами на цепях («по семи сажень брус»), чтобы повстанцы не могли выйти на ладьях²⁶².

Чтобы укрепить монастырь, осажденные сделали на стенах и башнях рогатки и доски с крупными гвоздями в 4–6 рядов. Однако зимой эти сооружения засыпало снегом²⁶³. На башнях ставились караулы по 30 мирян. У Святых ворот — единственного широкого входа в обитель — стоял отряд в 20 человек. Остальные находились «на опасе». Каждым отрядом руководили старцы. Два сотника, Исачко Воронин и Самко (Самойла) Васильев «беспрестанно, днем и ночью, переменяючись» следили за обороной. Сотники контролировали также внутреннее положение, опасаясь новых переворотов. Вышедший 12 октября из обители шурецкий крестьянин Борис Якимов сын Боран заявил, что «которым де белцам они (сотники. — О. Ч.) не верят, и тех де белцов днем заставляють работать, а к ноче запирають под Квасоваренную башню, а на город и на башни не пускають»²⁶⁴. Свидетельство Бориса Якимо-

ва не было попыткой разжалобить воеводу или оправдаться перед властями. Сам он активно сражался с царскими войсками, а вышел, по его собственному признанию, «умереть за крест же и за молитву и за неповинные крови государевых ратных людей, которых он побивал з города... А тремя первыми персты креста на себе не воображает, и к священнику на благословение не приходит, потому что де ево совесть возбраняет. А какая совесть, того он не сказал»²⁶⁵.

Судя по другим, гораздо более лаконичным высказываниям некоторых выходцев из монастыря, в последние месяцы осады подобные настроения были вполне распространенными. Категорическая готовность умереть за веру смешивалась с ощущением собственной греховности и потребностью очиститься через принятие «мученического венца». Такие настроения созвучны тем, что привели несколькими годами позже к массовой волне самосожжений. Как правило, они исходят из понимания переживаемого времени как последнего. А в условиях надвигающегося конца света мученическая смерть представляется лучшим средством очищения души от любых грехов²⁶⁶.

В боях принимали участие не только миряне, но и иноки²⁶⁷. Это обстоятельство упоминается в источниках не один раз. Подобное нарушение устава и монашеских правил было вызвано, несомненно, крайним ожесточением ситуации и твердой убежденностью старцев, что умереть с оружием в руках за благочестивое дело гораздо праведнее, чем уступить «силам зла и нечестия».

Соловецкий монастырь, хорошо укрепленный, изолированный морем, обладавший значительными запасами продовольствия и боеприпасов, казалось, мог еще держаться не один год. И. А. Мещеринов пытался вынудить восставших сдаться, проводя активные боевые действия, оставшись на Большом Соловецком острове на зиму 1675/76 г. Но подкопы были разрушены повстанцами; несмотря на все трудности, военные действия восставших были энергичными. Поздней осенью 1675 г. Мещеринов попытался организовать строительство подкопов с юга — к Белой — и с северо-востока, от лагеря, — к Никольской и Квасоваренной башням, там, где земля была мягче²⁶⁸. Однако, по словам самого воеводы, осаж-

денные слышали подкоп под Белой башней и «пошли рвом, укрываясь от гранатных ядер досками, по вымыслу вора донского казака Гришки Кривонога, и тот подкоп переняли от башни в дву саженьях»²⁶⁹. Обрыв листа в отписке Мещеринова не дает возможности узнать, что случилось с подкопами к Никольской и Квасоваренной башням. Но, судя по всему, здесь Мещеринов также не добился успеха.

К середине декабря 1675 г. Мещеринов узнал от выходцев, что на Сельдяной башне нет караула. К этому времени в монастыре начала сказываться тяжелая и непрерывная осада. Среди восставших распространились массовые болезни, цинга. Впервые стало не хватать людей для постоянной обороны стен на всех участках²⁷⁰. Штурм монастыря Мещеринов назначил на 23 декабря. Ротмистр Степан Потапов с отрядом выступил со стороны Сельдяной башни. В это время другой отряд предпринял отвлекающий маневр у Святых ворот. Отряд Степана Потапова сумел подняться на стену, но тут наступавших заметили. Генеральный штурм монастыря 23 декабря 1675 г. не удался. С обеих сторон были убитые и раненые²⁷¹. Что касается названия башни, через которую вели штурм войска Мещеринова, то тут требуется некоторое уточнение. Сейчас в Соловецкой крепости нет Сельдяной башни, есть только Сельдяные ворота, обращенные к морю. Судя по тексту источников, «Сельдяная башня» также находилась у моря²⁷², с той же стороны, что и Святые ворота²⁷³. В эту сторону обращены три башни: Корожная, Арсенальная и Прядиленная. Речь шла об Арсенальной (Оружейной) башне, которая находится недалеко от Сельдяных (Рыбных) ворот. В устной традиции ее иногда называют Сельдяной²⁷⁴.

Как же был взят монастырь? Этот вопрос, казалось бы, давно ясен. Один из покинувших обитель монахов — Феоктист — указал, где в стенах у Белой башни есть плохо заделанная калитка. В ночь на 22 января 1676 г. отряд из 50 человек во главе с майором Степаном Келеном и старцем Феоктистом сломал калитку, вошел в монастырь, а затем, отворив ворота, впустил остальные войска²⁷⁵. Этот традиционный рассказ опирается на опубликованные документы — отчеты воеводы Мещеринова на следствии. Но среди архивных материалов есть фрагменты отписки того же Мещеринова о взятии

монастыря, составленной по горячим следам событий. В ней финальный штурм в ночь на 22 января описывается несколько иначе²⁷⁶. После неудачи у Сельдяной башни 23 декабря 1675 г. Мещеринов попытался возобновить строительство подкопов к Белой, Никольской и Квасоваренной башням, вынуждая защитников сойти со стен на этих участках. Операция оказалась успешной для Мещеринова: когда подкопы были подведены к башням, там никого на карауле не оказалось. Тогда в ночь на 22 января — «за час до свету» — у Белой и Никольской башен начался штурм. И «ратные люди на Белую башню взошли, и у той башни у калитки замок збили...». После этого начался бой внутри монастыря²⁷⁷.

Для того чтобы определить, что же произошло на самом деле у Белой башни темной и ненастной ночью на 22 января 1676 г., надо сопоставить рассказы имеющихся источников об этом событии. В нашем распоряжении есть отписка Мещеринова о взятии монастыря, составленная в январе 1676 г., его же расспросные речи на следствии по делу о пограблении Мещериновым Соловецкого монастыря после взятия. Подготовка финального штурма описывается в этих документах одинаково, но первая отписка Мещеринова более детальна. Это закономерно, если учесть, что воевода стремился дать исчерпывающую информацию о долгожданной победе. Противоречие между двумя версиями сводится к единственному моменту: кто был инициатором штурма у Белой башни, а значит, кому принадлежит главная заслуга в принятии верного решения. В отписке Мещеринов называет инициатором себя самого, а на допросах — выходца Феоктиста. Что заставляет воеводу изменить показания в достаточно важном для него моменте? Ответ можно найти в показаниях на следствии по «делу Мещеринова» подьячего Новгородского приказа Ивана Иевлева²⁷⁸. Он был свидетелем последнего штурма, а затем запечатывал церкви и прочие помещения во избежание грабежа²⁷⁹. Таким образом, Иван Иевлев — человек вполне осведомленный. Именно он впервые называет инициатором штурма у Белой башни инока Феоктиста, указавшего тайную калитку. Мещеринов лишь подтвердил его показания. Заподозрить Иевлева в недоброжелательном отношении к Мещеринову нельзя: на том же допросе подья-

чий защищает виновного в вымогательстве и грабеже монастырского имущества воеводу²⁸⁰. Позднее — в июле 1676 г. — сам Феокист также подчеркивал свою заслугу во взятии монастыря. Он даже упрекал Мещеринова за бессмысленный и кровопролитный штурм 23 декабря²⁸¹.

Таким образом, сопоставив показания дошедших до нас источников, можно прийти к выводу, что после длительного и жестокого обстрела обители войска Мещеринова вошли в монастырь через плохо заделанный ход, указанный Феокистом, и лишь потом открыли ворота основным силам. Оснований отвергать традиционный рассказ нет. Иная версия стимулирована лишь желанием Мещеринова привлечь внимание властей к собственным заслугам.

Последние защитники монастыря заперлись в «розных полатах» и — главное — в Трапезной²⁸². Высокое здание, на втором этаже которого располагалась Трапезная, опирается на прочный валунный фундамент. Дикий камень чередуется с кирпичом и в стенах здания. Перед входами — с северной и западной сторон — расположены два высоких крыльца с узкими лестницами. Подняться в Трапезную большому количеству людей одновременно нельзя. В XVII веке окна Трапезной были узкими, похожими на бойницы, поэтому штурм ее потребовал немалых усилий. Здание обстреливали, в окна метали гранатные ядра. Часть защитников погибла, многие были ранены. В руках Мещеринова оказались 63 человека. Из них 35 были посажены в тюрьму, а 28 казнены. Среди пленных были: келарь Левкий, казначей священник Леонтий, ризничий старец Вениамин, сотники Самойла Васильев и Логгин Никонов Кемлянин²⁸³. Другие имена в отписке Мещеринова о взятии монастыря отсутствуют. Имен казненных воевода не указывал.

После победоносного штурма 22 января 1676 г. монастырь оказался в полном распоряжении воеводы Мещеринова и его войска. Документы, опубликованные Н. И. Субботиным²⁸⁴, а также архивные материалы²⁸⁵ подробно представляют действия воеводы и его людей, поступивших с монастырем как с захваченной вражеской территорией. Казна, библиотека, ризницы были изрядно пограблены. По доносам оставшихся в живых соловецких монахов прави-

тельство организовало следствие во главе с дьяком Алмазом Чистого и князем В. А. Волконским. В ходе расследования имущество было возвращено в монастырь. Подробные описи ризницы, библиотеки позволяют утверждать, что за годы восстания все имущество прекрасно сохранилось.

Одним из наиболее значимых является вопрос о судьбе келейной библиотеки архимандрита Никанора. Считалось, что эти книги погибли, когда ладью Мещеринова разбило волнами о берег. Однако это не так. Дьяк Алмаз Чистого и князь В. А. Волконский провели обыск на ладье Мещеринова и обнаружили там около 200 книг: 106 печатных и 87 рукописных²⁸⁶. Из них 60 книг (и рукописных, и печатных) ранее принадлежали Никанору; Мещеринов забрал их из кельи архимандрита²⁸⁷. Все книги Волконский передал новому соловецкому архимандриту Макарию; они поступили в монастырскую книжную казну²⁸⁸. Только после этого ладью привалило к берегу и там ее «водою разбило»²⁸⁹. Есть и другое подтверждение того факта, что библиотека Никанора не погибла, а вошла в состав Соловецкого книжного собрания. В этом собрании РНБ среди сборников есть книга житий середины XVII в., на которой сохранилась полусрезанная надпись, указывающая на принадлежность книги бывшему саввино-сторожевскому архимандриту (имя соскоблено)²⁹⁰. Сохранился и канонник Никанора с записью: «А по смерти моей благословляю ученика моего священноинока Амвросия»²⁹¹. Однако библиотека Никанора вошла в состав общего соловецкого книжного фонда не полностью. Мещеринов собрал по по всем кельям «воровские письма» и отправил их в Москву в Новгородский приказ. В частности, из никаноровой кельи взяты были: наряд пушкарям, которые стоят на башнях и «в городе», т. е. на стенах, «книшки о сложении креста» (Герасима Фирсова?) и что-то еще²⁴².

Старообрядческая традиция сохранила легенду о последнем «чуде» Соловецкого восстания — видении сотника Логгина (видимо, Логгина Никонова Кемлянина). В ночь на 22 января 1676 г. неведомый голос разбудил Логгина, предупреждая его об опасности. Дважды отмахивался Логгин от тревожного голоса. На третий раз по этому неведомому зову Логгин пошел на стены, проверил караулы. Дозорные

спали. Логгин разбудил их, но ничего тревожного не заметил. Тем не менее сотник разбудил насельников монастыря, сообщил им о своем видении. Состоялась последняя общая молитва²⁹³. Таким образом, в глазах старообрядцев соловецкие монахи и миряне получили возможность предсмертного обращения к Богу с молитвой о спасении души. Освященная чудом кончина соловецких «отцов и страдальцев» превращалась в символический акт духовного торжества «верных» над нечестивыми гонителями.

Выходцы из осажденной обители

На протяжении всех восьми с половиной лет осады из обители уходили большими и малыми группами. Одни ушли добровольно, не соглашаясь с политикой монастырских властей. Такие группы покидали монастырь на разных этапах восстания. В середине сентября 1667 г. с архимандритами Варфоломеем и Иосифом, весной и в июне 1668 г. к И. А. Волохову выходило неизвестное количество людей, не желавших принимать участие ни в каких оппозиционных выступлениях²⁹⁴. К осени 1668 г. вышел из монастыря воецкий поп Иван Никифоров, который провел в обители все лето. Его также возмущало энергичное сопротивление властям²⁹⁵. Восемнадцать человек (девять старцев и девять мирян) вышли в декабре 1668 г., поскольку их не устраивала стремительная радикализация восстания²⁹⁶. 17 августа 1669 г. были арестованы в пустыни кемский поп Матвей Евстратьев и дьякон Григорий Измайлов, покинувшие монастырь из-за внутренних мятежей²⁹⁷. 14 октября 1671 г. вышли из монастыря старец Иоасаф Крылошанин и трудник Василий Аверкиев, недовольные ходом восстания²⁹⁸. 17 сентября 1674 г. вышли священники Митрофан, Амбросим и мирянин Июдка Иванов сын Рогуев — все они были противниками радикальных мероприятий восставших²⁹⁹. В начале июня 1675 г. к И. А. Мещеринову вышли соловецкие чернецы Аввакум и Игнатий (неграмотный беглый человек из Москвы, в миру носивший имя Июдка и проживший в обители около 12 лет), головщики старцы Арсений и Зоси-

ма, псаломщик инок Сергей и трудник Филька Иванов³⁰⁰. Таким образом, среди тех, кто добровольно покинул монастырь и попал в Сумской острог, — противники восстания и представители умеренного крыла (радикальные повстанцы не стремились, конечно, оказаться в руках властей).

Иные тоже уходили из монастыря сами, но не для того, чтобы принять реформу и сотрудничать с властями. Напротив, эти выходцы основывали пустыни (старцы Пимен и Григорий с дьячком Иваном Захарьевым³⁰¹, старцы Никодим и Савелий³⁰²), путешествовали по стране, рассказывая о восстании в Соловецком монастыре. Огромное влияние оказали такие проповедники на развитие Выговской пустыни³⁰³. О подобной группе мы узнаем лишь в том случае, когда пустынники попадались войскам, или по рассказам старообрядцев конца XVII–XVIII в. Многие ставшие знаменитыми соловецкие выходцы, например дьякон Игнатий, не упоминаются в источниках, связанных с восстанием. Это закономерно: власти о них не знали. Число таких проповедников подсчитать невозможно. По источникам XVIII в. можно назвать 12 ушедших из монастыря соловецких старцев, известных среди старообрядцев и не упоминавшихся среди задержанных в Сумском остроге³⁰⁴. Порой повстанцы специально направляли группы таких проповедников. Так, в 1670 г. после Покрова из монастыря отослали пять бельцов на судне на Летний берег. «А с ними де оне мятежники были в одном зговоре», — отмечают официальные документы³⁰⁵. Ни имена пятерых мирян, ни их дальнейшую судьбу прояснить не удалось.

Третья группа соловецких иноков и мирян, которых власти называли «выходцами», — это насильственно высланные из обители. Причины высылки были различны: борьба группировок в осажденном монастыре, подозрения или уверенность, что те или иные лица являются противниками восстания, нехватка продовольствия в последнюю зиму осады. Это наиболее многочисленная группа. Сюда относятся и радикалы — 37 руководителей восстания во главе с келарем Азарием и казначеем Симоном, высланные в начале сентября 1669 г.³⁰⁶, и умеренные повстанцы. (Наиболее знаменитые среди них, священники Геронтий и Павел, высланы

17 сентября 1764 г.³⁰⁷) Высылались и противники восстания. Это 12 ссыльных и 9 соловецких старцев и мирян, высланных 18 июня 1669 г.³⁰⁸; старцы Яков Соловаров и Михаил Харзеев, покинувшие монастырь 19 октября 1671 г.³⁰⁹

О времени и обстоятельствах выхода некоторых соловчан, проживавших в Сумском остроге после ухода из Соловецкого монастыря, источники не сообщают. Это конархист Дионисий, мирянин Степан Иконник, бывшие келарь Епифаний и казначей Глеб³¹⁰.

В целом, можно назвать не менее 160 человек, вышедших или высланных с лета 1668 по январь 1676 г.³¹¹ Кроме того, неоднократно в источниках зафиксирован факт выхода, но не указано число людей. Неизвестно, сколько соловецких иноков и мирян ушло из монастыря в Поморье и другие регионы страны. Так что общее число выходцев явно превышает 200 человек.

В Сумском остроге они вели себя по-разному. Одни начинали активно сотрудничать с властями. Другие отрекались от старообрядчества, принимали реформу, но к воеводе и войскам относились сдержанно. Третьи до самого конца отказывались принять церковные нововведения, отвергая даже предсмертную исповедь³¹². Однако даже покаяние не означало еще, что человек на самом деле отрекся от прежних взглядов. У некоторых выходцев покаяние было ложным. К маю 1674 г. Азарий и еще 26 «тюремных сидельцев» Сумского острога «покорились». Но когда их разослали по разным монастырям, многие бежали: из Николо-Корельского монастыря — семь человек (осталось пять), из Крестного — пять (осталось тоже пять, один сбежавший утонул при побеге)³¹³. Бежали и покаявшиеся анзерские старцы Нафанаил и Пахомий³¹⁴. Наибольшую стойкость проявили умеренный по взглядам Геронтий и его послушник Манассия³¹⁵. Они были глубоко убеждены в правоте своих взглядов, в недопустимости церковной реформы. На компромиссы с кем бы то ни было они оказались неспособны. Некоторые более радикальные иноки и бельцы, легко и быстро пошедшие на смелые догматические новшества в 1669 г., оказались и самыми гибкими в отношениях с властями. Подобная ситуация возникала и за пределами Соловецкого монастыря. Как извест-

но, достаточную терпимость к ложно покаявшимся проявлял, например, протопоп Аввакум³¹⁶.

Судьбы заключенных в тюрьмы выходцев также оказались различными. Большинство было разослано по северным монастырям в ссылку. Некоторые сумели бежать. Часть мирян была сослана в Пустозерск, где они находились рядом со знаменитыми узниками — старообрядцами Аввакумом, Лазарем, Федором и соловецким постриженником Епифанием³¹⁷.

Особое место среди выходцев занял Иван Захарьев. Лишь по отношению к нему в Сумском остроге была применена смертная казнь. Об этом факте хорошо знали выговские старообрядцы. В частности, Иван Филиппов утверждал, что Иван Захарьев «написа дивную епистолию» и «посла в Кандалакшу сидящим тамо в горцей темнице за древлецерковное благочестие»³¹⁸. Довольно подробно и точно обстоятельства «дела Ивана Захарьева» изложил Семен Денисов³¹⁹. В 1912 г. был издан короткий доклад от апреля 1671 г. по следственному делу Захарьева³²⁰. Однако в целом документы об этом деле до последнего времени не были известны историкам. Не было сведений ни о месте следствия, ни о дате казни. И главное: до последнего времени не был известен текст письма Ивана Захарьева к ссыльным ростовцам, находившимся в заточении в Кандалакшинском монастыре. Именно это письмо послужило причиной казни Ивана Захарьева. Я. Л. Барсков, основываясь на изданном докладе, предположил, что адресатами Захарьева были ростовцы Сила Богданов, Федор Логинов и Алексей Постников³²¹. С. Денисов называл имена Силы и Алексея³²².

Среди новых материалов обнаружено все дело на Ивана Захарьева³²³. 10 марта 1671 г. к соловецкому архимандриту Иосифу пришел стрелец Тарас Кутнин. Он принес письмо, найденное «в ряду». Письмо не было подписано, но по почерку узнали автора — соловецкого дьячка Ивана Захарьева. На первом допросе Иван объяснил: «было у меня чернило и бумага свое, зашло со мною в тюрьму», когда весной 1670 г. его взяли в пустыни со старцами Григорием и Пименом (они упоминаются и в письме Захарьева). 9 марта Иван написал письмо и отдал его стрельцу Федору Брошакову, стоявшему у тюрьмы на карауле, «подержать» за кусок хлеба. Федор сунул пись-

мо «за шубную крышку за крашанину» и обронил³²⁴. Судя по другим документам, сам факт письма из сумской тюрьмы не был единичным. В 1674 г. крестьянин Кольского уезда волости Ковды Евсей привез в Соловецкий монастырь письмо из Сумского острога от заключенного в тюрьму Фаддея Петрова Бородина, в котором бывший руководитель восстания призывал товарищей укреплять осаду, не сдаваться³²⁵. Особенность «дела Захарьева» лишь в том, что письмо оказалось в руках властей, а не отправилось по назначению.

Царским указом от 12 апреля велено было пытаться Ивана Захарьева, чтобы узнать все, что можно, а потом казнить³²⁶. 10 июня этот указ получил Волохов³²⁷. 13–17 июня 1671 г. в Сумском остроге состоялось основное следствие. Допрошены были все, кто сидел вместе с Захарьевым (семь человек). Они утверждали, что не знали о письме. С третьей пытки, после того как Волохов Ивана «и огнем жег многожды, и водою со лдем, пробрив темя, лил», Захарьев назвал единственного свидетеля — знаменитого радикального лидера восстания Фаддея Петрова Бородина. Но и сам Захарьев, и Фаддей твердо стояли на том, что содержание письма знал только автор³²⁸.

Иван Захарьев был публично казнен «в торгу» 17 июня 1671 г. Людей для этого собрали по волостям. Текст царского указа и покаянных речей Ивана Захарьева был зачитан по всем монастырским волостям и прибит к столбам на проезжих дорогах. Федор Брошаков был бит кнутом и посажен в тюрьму, а Тарас Кутнин получил 3 рубля и ежегодную дополнительную меру ржи «для того, чтоб на то смотря, иные от воровства унялись»³²⁹.

Что же написал Иван Захарьев в послании, которое власти называли «воровским письмом», а старообрядцы — «дивной епистолией»?³³⁰ Вот этот текст³³¹:

Юзницы юзником и заточеннии заточенным и страждущим за имя Господа нашего Исуса Христа Сына Божия, и за ево Спасителен крест, истинным рабом Владыки нашего, Тимофею, Феодору, Алексею, о Господе радоватися. Непотребнии и неключими раби, связанныи во юзах за имя Сына Божия, сумские темничники Бога моля челом бьем. Возлюбленнии, молим вашу о Господе любовь, вспомняните о нас грешных во

святых своих молитвах ко Господу. И о своем благопробывании нам ведомо учините. И своим душеспасите[л]ным наказанием нас обвеселите. А мы вашего духовного совета презе[л]не желаем. Ведомо [ж] вам буди и о сем, возлюбленном, яко зело люто належит на нас прескверный антихрист с слугами своими, наводит на нас озлобление и напасти многи. Осенес братии наших пяти человек люто мучили, но Господь Бог во время мук милосердия ради своего даровал им терпение и мужество, и болезнь им вскоре облегчил. И ныне от них того [ж] чаем. И в том во всем уповаем на милость Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия и на ваши святые молитвы; веруем в благость Божию, яко не попустит нам выше силы наша искушенным быти. Протчее [ж] помолитесь о нас ко Господу.

Убогий и многогрешный чернец Пиминище и Григорьище и белец Ивашко Пустынный Бога моля, много много челом бьем, молим вашу любо [в], возлюбленном, помолитесь о нас ко Господу Богу, да утвердит нас в любви своей и сподобит нас грешных за свое спасенное» имя и за крестное знамение и за все христианское предание пострада [т] малу скорбь в нынешнем веле. А zde[с] во всем берегу в церквах истинного благочестия не обретаеця. Истреблено все до конца. А ныне мы в Сумском остроге седим в темнице связаны во оковах вместе с рабами Божиими, которые высланы из Соловков старцы и слуги. А Соловецкой острог слуги антихристовы выжгли весь.

Как видим, среди адресатов письма Силы Богданова не было, однако упоминались два его ученика Федор (Логинов Голицын) и Алексей (Постников Шадров). Кроме них назван еще один ссыльный — Тимофей. Главный мотив краткого послания Захарьева — убеждение в конечном истреблении благочестия и в установлении господства антихриста и его слуг. Озлобление и напасти, наведенные антихристом, Захарьев усматривает и в мучениях за веру, описание которых занимает большое место в письме Ивана, и в отсутствии благочестия в церкви, и в осаде Соловецкого монастыря, и в заточении соловецких старцев и слуг. Иван Захарьев не останавливается специально на вопросе о сути антихриста — чувственной или мысленной. Его интересуют лишь проявления антихристовой власти в мире и то, как устоять в мучениях. Но по

тону письма, по тому, что Захарьев не пытается определить личность антихриста, а лишь описывает его действия, можно предположить, что Иван понимал антихриста как силы зла и нечестия, воцарившиеся в мире, т. е. мысленно.

Управление монастырем во время осады

Один из наиболее сложных и важных вопросов — это управление монастырем во время осады. В литературе сложилось представление о том, что в период восстания власть перешла из рук традиционных монастырских властей в руки мирян-сотников. Однако фактический материал полностью опровергает эту схему.

С первых до последних дней восстания во главе монастыря стоял малый собор, в который входили келарь, казначей, соборные старцы. Сохранялись должности городничих старцев. Архимандрита в Соловецком монастыре не было, но во всех списках главных «завотчиков» обязательно присутствует имя Никанора. Его титул архимандрита — память о времени, когда этот соловецкий постриженник возглавлял Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде. Но в период восстания он фактически выполнял роль настоятеля Соловецкого монастыря. Тем более что именно Никанора несколько раз называли соловецкие монахи в 1650–1660-х гг. как самого подходящего человека на пост соловецкого архимандрита.

Традиционно считается, что Никанор дошел до конца восстания и погиб от рук Мещеринова, мужественно обличив воеводу на последнем допросе. Наиболее ясно эта картина описана у Семена Денисова в «Истории об отцах и страдальцах соловецких»³³²:

[Мещеринов] призвати повеле архимандрита Никонора, иже от старости и трудов молитвопредстояния многолетних ногама ходити не можаше, но на малых саночках посланнии, взявше, привезоша. Воевода, взем его пред себе, глаголя со гневом: «Рцы ми, Никаноре, чесо ради противился еси государю, чесо ради, обещався увещати прочия, не токмо преступил обет, но

и сам с ними на сопротивление цареви совещался еси? Чесо ради воинства во обитель не пустисте и хотящия ити оружием отбиваете?» На сия священный старец отвеща: «Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противитися помышляхом когда, зане научихомся от отец к царем чествование паче всего являти, научихомся от апостола Бога боятися и царя почитати, научихомся от самого Христа воздавати кесареви кесарева, а Божия Богови. И понеже божиих неизменных законов, апостольских и отеческих преданий посреде вселенныя живущим соблюдать не попускают нововнесенныя уставы и новшества патриарха Никона, сих ради удалихомся мира, избегохом и вселенныя и в морской сей оток, в стяжание преподобных чудотворцев вселихомся, воеже в преподобием селении преподобными их чины, уставы и обычаи, тем же благочестием по стопам их руководитися желающе. Вас, иже растлiti древлецерковныя уставы, обругати священные отец труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедших, во обитель праведно не пустихом». Таковая и сим подобная блаженный глаголя, на каждая задания свободным отвеща гласом, разгнева паче воеводу иже бесчестною бранию и нелепыми словесы укаряше отца, коим [словом] отец противу мужествуя, «что величаешься, что высишися, — рече, — яко не боюся тебе, ибо и самодержца душу в руке своей имею». Сия наипаче разъяриша мучителя и, вскочив от седалища, своею тростию бияше блаженного по главе, по плещам и хребту, не усрамясь ниже иноческаго образа, ниже седин святолепных, ниже великого священства сана, и толь жестоко бияше, яко и зубы священнаго блаженника от уст изби. Таже воином повеле, ужем за нозе оцепившим, со всяким руганием и смехом (о, наглости бесчестныя!) и во единой свитце бесчестно многочиснаго влещи за монастырьскую ограду (мера влечения яко полпоприща!) и, в ров глубокий вринувшим, стрещи дондеже умрет. Повеленным скоро совершаемым, терпяще страстотерпец, яко во влечении хушняния и смехи от влекущих, ударяния и заражения главы о камение и землю, тако и в глубочайшем рве на лютном и нестерпимом мразе во единой срачице чрез всю ночь с ранами и мразом борясь. Пред озарением же дневнаго света изыде от тмы настоящего живота в немерцающий присносуший свет и от глубокаго рва в превысочайшее небесное царство.

Иной рассказ о смерти Никанора содержится в одном из прибавлений к Степенной книге конца XVII в.³³³:

...А было их архимарита Никанора стояние за старья книги святых отец. И егда Мещеринов взя и вниде в монастырь со оружием, и старцов во святых схимах прирубил и вешал и во лду замораживал и за ребра по деревьям цеплял. Самого же архимарита Никанора повеле кол велий острой в задний проход вонзити в него, и всех розными муками умучи.

Такие разногласия в описании закономерны. Никакого документального подтверждения казни Никанора обнаружить не удалось. Напротив, по источникам последних лет восстания можно предположить, что Никанор умер гораздо раньше. Его имя в последний раз упоминается среди «заботчиков» в октябре 1674 г.³³⁴ Но в октябре 1675 г. его нет в списке руководителей восстания — впервые за все время, — хотя назван «никаноров послушник» келарь Феодосий³³⁵. Ничего не сообщает о судьбе Никанора и воевода И. А. Мещеринов, докладывая о взятии монастыря в отписках, хотя он указывает имена наиболее важных пленников, руководителей восстания: келаря Левкия, казначея Леонтия, сотников Самко Васильева и Логгина Никонова. Подробность старообрядческих рассказов о казни Никанора, выразительность деталей, создающие ощущение подлинности сведений, могут быть чисто художественным приемом. Трагическая смерть Никанора в подобных рассказах должна символически выражать, обобщать гибель всего монастыря. В уста Никанора Денисов вкладывает собственные рассуждения, весьма далекие от взглядов радикальных лидеров Соловецкого восстания, к числу которых относился Никанор.

Малый собор занимался повседневными делами. Его члены созывали и проводили общемонастырский большой черный собор. Во время осады хозяйственная жизнь монастыря шла традиционно. Об этом свидетельствует то, что при смене казначеев составлялись подробные описи монастырского имущества, а к моменту занятия монастыря войсками Мещеринова казна была в полной сохранности³³⁶.

Известно, что во время осады проводились ревизии продовольственных и других запасов, велся систематический учет. Так, например, в Великий пост 1673 г. келарь Маркел с братией пересыпали зерно «для сметы»³³⁷. В октябре 1669 г. ризная казна была передана от Митрофана к Вениамину³³⁸.

Келари и казначеи за время восстания менялись несколько раз — и в результате переворотов, и по причине смерти того или иного лица. Особенно часто это происходило на последнем этапе, когда гибло много людей, а атмосфера в монастыре была крайне напряженной. По упоминаниям в расспросных речах выходцев из обители можно представить последовательность смены келарей и казначеев в монастыре. Существенные уточнения времени их правления дает Архивная опись Соловецкого монастыря 1733 г., в которой есть перечень существовавших тогда прихода-расходных книг за все время восстания. Это книги казначеев Геронтия, Симона, Глеба, Мисаила³³⁹. Сохранилась лишь одна такая книга (казначей Геронтия³⁴⁰). В Архивной описи называется время управления того или иного казначея.

Итак, за годы восстания на посту келаря последовательно были: Азарий (с октября 1666 г. по сентябрь 1669 г.³⁴¹), Епифаний (с сентября 1669 г. по август 1671 г.³⁴²), Маркел (вступил в должность в сентябре-октябре 1671 г.³⁴³ — до января 1674 г.³⁴⁴), Нафанаил Тугун³⁴⁵ (впервые упоминается в сентябре-октябре 1674 г.³⁴⁶ — был снят с должности вскоре после 17 марта 1675 г.³⁴⁷), Феодосий, послушник архимандрита Никанора (вступил в должность вскоре после 17 марта 1675 г.³⁴⁸, упоминается в октябре 1675 г.³⁴⁹), Левкий (в январе 1676 г. был взят в плен Мещериновым³⁵⁰).

Казначейми были: Геронтий (с октября 1666 г. по сентябрь 1668 г.³⁵¹), Симон (с сентября 1668 г. по 28 августа 1669 г.³⁵²), Глеб (с 1 сентября 1669 г. по 20 июня 1671 г.³⁵³), Мисаил (с 20 июня 1671 г. по конец 1675 г.³⁵⁴), священник Леонтий, который принял пост казначея без передачи казны от умирающего сына духовного Мисаила³⁵⁵. Приходо-расходных книг Леонтия в монастыре к 1733 г. не было, хотя к 1676 г. казна оставалась цела. Возможно, это был первый случай за время восстания, когда формальные правила не

соблюдались. После разгрома восстания в живых оставались помимо келаря Левкия и казначея Леонтия два прежних казначея — Геронтий и Глеб³⁵⁶.

Члены малого собора имели в монастыре значительный авторитет, но последнее слово во всех важных делах оставалось за большим черным собором, на который собирались иноки и миряне, жившие в обители. На состав черного собора влияли конфликты внутри монастыря. Так, высланный повстанцами противник вооруженной борьбы с властями старец Михаил Харзеев утверждал: при обсуждении царских грамот недовольных восстанием «в то время в соборную церковь³⁵⁷ и в Трапезу твоего, великого государя, указу слушать не пускают». В этот момент противников держали в тюрьме или в кельях под караулом³⁵⁸.

Большой черный собор существовал и до восстания. Это традиционное учреждение внутримонастырского управления. Однако в ходе восстания состав и функции этого органа изменились. Участие мирян в заседаниях черного собора не фиксируется в источниках до восстания. Во время восстания бельцы не только присутствовали на заседаниях в Трапезной палате и в Спасо-Преображенском соборе, но и выступали на черном соборе. Вспомним угрозы отказаться от защиты монастыря, прозвучавшие на соборе 16 сентября 1674 г. от сотников Исачко Воронина и Самко Васильева³⁵⁹. До восстания главными функциями черного собора в Соловецком монастыре были: во-первых, избрание кандидата на пост архимандрита для последующего его утверждения и поставления в Москве; во-вторых, коллективное подтверждение решений, принятых архимандритом и малым собором. При нормальном течении событий вторая функция черного собора была достаточно формальной. Фактически роль черного собора была невелика.

Активизация деятельности большого собора заметна уже во второй половине 1650-х — первой половине 1660-х гг. Церковная реформа 1652 г. поставила монастырь перед необходимостью принятия самостоятельных решений. Единственным органом, способным определять и выражать волю всех насельников монастыря, стал черный собор. Здесь принимались все коллективные братские челобитные и отпи-

ски. Здесь оформлялось отношение к церковной реформе, к царским указам. Постепенно черный собор Соловецкого монастыря становился официальным органом, определяющим общеобязательные догматические и обрядовые положения. Какие вопросы решались на черных соборах на протяжении восстания в период с сентября 1667 г. до января 1676 г.?

С 1667 по 1674 г. состоялось не менее 25 заседаний большого собора; о черных соборах в 1675 г. нет никаких сведений³⁶⁰. Это по весьма фрагментарной информации, попадавшей к воеводам, осаждавшим Соловецкий монастырь, но никаких других источников у нас нет.

Соборы проходили под влиянием как внутренних, так и внешних обстоятельств. Приезд в монастырь очередных посланников с грамотами от царя или от воевод вызывал необходимость собрания иноков и мирян. Такие соборы связаны были с прибытием на Соловки архимандритов Варфоломея и Иосифа в начале сентября 1667 г., пятидесятника Федосея от А. С. Хитрово 1 января 1668 г., сотника Василия Чадуева 23 февраля 1668 г., И. А. Волохова 23 июня 1668 г., десятника Петра Иванова 5 июля 1668 г. и 11 июня 1670 г., стрельца Григория Прудова в конце января — начале февраля 1669 г., Ивана Порошина в начале сентября 1671 г., Микифора Порошина 19 сентября 1672 г., сотника Митрофана Порошина и пятидесятника Андрея Трофимова 3 июня 1674 г., священника Кирилла Андреева и двинского подьячего Василия Истомина 14 июня 1674 г. Ход таких соборов лучше всего известен, поскольку официальные документы приказных фондов содержат отписки очевидцев, т. е. представителей властей, посетивших обитель. Порядок проведения таких черных соборов был следующим: сначала кто-то из монастырской верхушки (келарь, городничий старец, член малого собора) зачитывал документ, привезенный в обитель, затем начиналось обсуждение, порой доходившее до драки, тюремного заключения кого-то из участников прений.

Подобным образом проходили и черные соборы, посвященные принятию братского послания царю: Четвертой челобитной 15 сентября 1667 г., Пятой челобитной 22 сен-

тября 1667 г., Сказки и Отписки 23 февраля 1668 г., Шестой челобитной 18 июня 1669 г. Возможно, так же принимались: в июле 1668 г. — челобитная, посланная со старцем Обросимом, в сентябре 1669 г. — отписка о высылке из монастыря «мятежников» (37 руководителей восстания).

Помимо этого черные соборы могли быть вызваны необходимостью обсуждения важных идеологических вопросов, волнующих обитателей монастыря. Летом 1667 г. на черном соборе обсуждались видения инока Ипатия. 21 июля 1667 г. члены большого собора принимали решение об отказе от архимандрита Иосифа. 19 июня 1668 г. выносился приговор о закрытии монастыря перед отрядом Волохова и начале боевых действий. 7 марта 1669 г. (а возможно, и в другие весенние дни того же года) определялась радикальная политика повстанцев по отношению к новопечатным книгам, грекам, принималось решение об изъятии из молитвы за царя имени реального правителя. В начале сентября 1669 г. черный собор утвердил противоположное мнение относительно необходимости отмены радикальных реформ. Знаменитый собор 28 декабря 1673 г. вновь принял решение об отказе от молитвы за царя и постановил «стоять всем заодно». На соборах 16 и 17 сентября 1674 г. обсуждались возможность и необходимость стрельбы по царским войскам, немоление за царя.

Все коллективные решения о высылке из обители разных групп людей также принимались на черном соборе. Высылка ссыльных 18 июня 1669 г., радикальных лидеров в сентябре 1669 г., противников восстания 17 сентября 1674 г. — все это стало результатом соборных решений. Черные соборы отмечают этапы в развитии восстания, они определяли идеологическую линию, сформированную большинством повстанцев или наиболее энергичными участниками движения. С другой стороны, именно черные соборы низвергали лидеров, потерявших влияние в монастыре, отправляли несогласных в тюрьмы или за пределы обители.

Таким образом, большой черный собор обладал функциями управления, идеологическими полномочиями, а также карательной властью. По сути дела, большой черный собор являлся главным правящим органом восстания.

Роль мирян и монахов в Соловецком восстании; социальный состав повстанцев

Историографическая традиция четко делит участников Соловецкого восстания на две группы: монахи, противящиеся развитию восстания, и миряне, которые, собственно, составляли движущую силу восстания. В этом вопросе полностью совпадают взгляды историков синодального направления (И. Я. Сырцов), осуждавших выступление против церкви и светских властей и пытавшихся «вину» переложить на мирян и пришлых людей — разинцев, капитонов и т. п.; а также позиции советских исследователей восстания 1940–1960-х гг. (Н. А. Барсуков, А. М. Борисов), видевших в монахах лишь антинародную силу, религиозными лозунгами мешавшую оформить классовые интересы мирян.

Старообрядческая концепция Соловецкого «сидения» также предполагает противопоставление воюющих мирян и молящихся иноков. С. Денисов не говорит о конфликтах между ними, не делит соловецких насельников на «добрых» иноков и «злых» мирян, но различие подчеркивает. Однако и в этом случае фактический материал не укладывается в предложенные схемы. Что же можно выяснить из источников о составе повстанцев?

Прежде всего, необходимо решить давно поставленный в историографии вопрос о «пришлых людях» и их роли в Соловецком восстании. Действительно, на протяжении восстания в Соловецком монастыре появлялись как одиночки, так и целые группы людей. Значительный отток из монастыря частично компенсировался притоком новых сил. «Пришлые люди» сыграли немалую роль в организации военных действий. Еще в 1669 г. посетивший монастырь стрелец Петр Иванов отметил, что среди восставших «из московских бунтовщиков есть»³⁶¹. В 1675 г. Мещеринов заявлял: «В Соловецком монастыре воры сидят схожие изо многих стран — з Дону, и московские беглые стрелцы и салдаты, и из боярских дворов беглые холопи»³⁶². Неоднократно в источниках сообщается, что среди участников восстания в Соловецком монастыре были разинцы. Один из них — Петр — стал пушкарем, четверо других побыли

в обители и уехали назад³⁶³. Донской казак Григорий Кривоног нашел способ пробираться по рвам к подкопам Мещеринова, закрываясь от ядер досками, — так удалось сорвать строительство подкопов к стенам³⁶⁴.

Кроме практической военной помощи, приходящие в обитель разинцы оказывали влияние и на настроения повстанцев. Информация о широком народном движении по всей стране безусловно придавала уверенности осажденным. Тем более что слухи были вдохновляющими. Так, еще в августе 1670 г. один из кемских жителей Алимпий Гаврилов Никоновых, бывавший в Соловецком монастыре, рассказывал в разных местах следующую легенду о Степане Разине: по слухам, Разин «выйдет из бани наг и велит по себе стрелять, и ружье де ево неймет»³⁶⁵. Этот слух ставил казачьего атамана в особое положение, создавал вокруг него ореол сакральности, избранности. В соответствии с этим дело Разина также приобретает притягательность, получает сверхъестественное оправдание.

Нет в документах никаких сведений о появлении в Соловецком монастыре капитонов, т. е. вязниковских пустынников, большинство пришлых — это поморы, жители соловецких вотчин. Порой появлялись люди из дальних мест. Весной 1669 г., в Троицын день пришел в обитель старец Александр Верижник, некоторое время он был в монастыре псаломщиком. Этот аскет рассказывал о своих долгих странствиях: из московского Чудова монастыря в Курск, где постригся (неизвестно, в каком монастыре), затем он был «во Ржеве Володимерове», откуда через Сойму прибыл на Соловки³⁶⁶. Судя по маршруту странствий и по крайнему аскетизму старца, нельзя исключить, что Александр Верижник был связан с радикальным движением капитонов, но прямых оснований утверждать это нет.

Есть и другие сведения о приходивших в монастырь иноках и мирянах. Например, послушник Геронтия «литвин» из Елни, в иночестве Манассия. Он жил в Москве у купца гостиной сотни Андрея Племянникова, затем скитался по монастырям. В 1671 г. он пришел на Соловки и постригся. В Неноксе мужики дали ему лодку и топор, чтобы рубить дрова по дороге. Назвать имена этих крестьян воеводе Меще-

ринову Манассия отказался³⁶⁷. Высланный в группе радикалов осенью 1669 г. Антип Иванов, уроженец Полоцка, пришел на Соловки в Петров пост 1666 г. Он попал в Россию как пленный в 1654/55 г., жил в Ярославле, где был крещен в православие. Оттуда сбежал в Великий пост 1666 г. В Соловецком монастыре его духовным наставником стал священник Леонтий. Весной 1670 г. в Сумском остроге Антип Иванов заявил духовное «государево дело» на никонианских священников³⁶⁸. Список «пришлых людей» можно продолжать довольно долго. Однако нельзя утверждать, что именно «пришлые» возглавили руководство восстанием, монастырем. Тем более что общая картина приходов в монастырь в период восстания принципиально не отличается от обычной для любой известной обители в рядовой ситуации.

Если сравнить участие в Соловецком восстании монахов и мирян, следует отметить, что роль бельцов постоянно возрастала. В последнее время, когда вооруженная борьба достигла наибольшего размаха, главными действующими лицами становятся воины-миряне, хотя старцы также принимали участие в боевых действиях³⁶⁹. Причем иноки в основном были руководителями военных отрядов как на море, так и на стенах обители, а бельцы чаще всего подчинялись командованию монахов. Общее руководство военными действиями на последнем этапе осуществляли сотники из числа мирян — Исачко Воронин, Самко (Самойла) Васильев, Логгин Никонов Кемлянин и некоторые другие. Наряду с ними во главе обороны стояли городничие старцы.

С другой стороны, среди противников восстания также были и монахи, и миряне. При внимательном знакомстве с источниками оказывается, что невозможно провести четкую идеологическую границу между иноками и бельцами. Однако насельники монастыря были крайне неоднородны и по социальному составу (от беглых холопов до бояр), и по отношению к восстанию. Общий анализ восстания позволяет сделать следующие выводы. На первых порах во главе движения оказались в основном богословски образованные иноки из числа соборных старцев: Герасим Фирсов, Никанор, Геронтий, Александр Стукалов и другие. Это люди состоятельные, влиятельные. Уже говорилось, что Алексей Ива-

нович Стукалов до пострига был царским сокольником³⁷⁰. Никанор в середине XVII в. был вторым (по количеству и ценности даров) вкладчиком в ризницу монастыря. Его опережал только бывший келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников. Можно привести примеры вкладов Никанора в соловецкую ризницу: в разделе «шапки архимаричьи» из пяти две подарены Никанором. «Шапка дробницы серебряны позолочены, а в ней 16 камней изумрудов болших и малых, да 15 камней яхонтов. А меж дробниц низано болшим жемчюгом. А около жемчюгу окладывано трунцалом»; «шапка, шита золотом, а на ней херувими шиты золотом и шелком. Низана жемчюгом болшим и средним и мелким. А на ней 17 запон болших и малых, да деся[т] камней изумрудов и яхонтов и винис»³⁷¹. Герасим Фирсов, также принадлежавший к верхушке монастырской братии, уступая Никанору и по авторитету, и по состоятельности, все же мог делать следующие вклады: например, Евангелие на престольное «в черном бархате, писменое, в полдеств, застешки и наугольники серебряные»³⁷².

Их сменяют рядовые монахи — Азарий, Симон, Аника Пушкарь, получившие звание соборных старцев только в период восстания. Наряду с ними к руководству монастырем приходят радикально настроенные миряне — Фаддей Петров Бородин, Елеазар Алексеев, Григорий Черный Соболев. Из прежней верхушки монастыря среди лидеров лишь Никанор. Таким образом, радикализация идеологии движения сопровождается демократизацией социального состава.

Среди умеренных лидеров мирян нет. Монахи этого направления, как мы видели, открещиваются от союза с бельцами. Мы можем говорить о том, что умеренная партия представляла в обители интересы далеко не демократических слоев. С другой стороны, ни один из этих монахов не играл сеьезной роли в монастыре до восстания. Их имена не встречаются среди известных соборных приговоров 1650–1660-х гг., эти монахи не выполняли значительных идеологических и хозяйственных поручений в обители. Так что к монастырской верхушке умеренные лидеры не относились. Судя по всему, это выходцы из рядовой братии, которые стремились в основном к сдерживанию восстания

и установлению прочных отношений с московскими властями. Главной их целью, видимо, было погасить конфликт, утишить восстание. За счет этого они рассчитывали утвердиться во главе обители, надеялись закрепить на высших ступеньках монастырской иерархии.

Итак, достаточно уверенно можно предположить, что радикальное крыло восставших состояло из рядовой братии, части привилегированной монастырской верхушки, вошедшей в конфликт с Москвой, и мирян. Это люди, полностью и решительно порвавшие с правительством, от которого они не ждут справедливости. Умеренные формируются в основном из рядовых иноков, а также некоторых представителей образованных книжников, стоящих на традиционных религиозных позициях (Геронтий — в миру Григорий Иванович Рязанов, сын чебоксарского подьячего³⁷³). В социальном отношении это выходцы из средних слоев общества. Данная группа явно рассчитывала на союз с правительством, его поддержку. Среди умеренных были и те, кто категорически и последовательно отвергал церковную реформу. Для этих людей равно невозможен был и компромисс с властями, и смелые преобразовательные мероприятия радикального крыла восставших³⁷⁴.

Поддержка восстания со стороны поморского населения

Основной причиной силы и длительности восстания была тесная связь повстанцев с местным населением Поморья. Факт помощи крестьян осажденным общеизвестен. Однако до сих пор не предпринимался анализ материала источников о путях и формах связи монастыря и ранее подвластного ему поморского населения. Необходимо выявить конкретные пути помощи крестьян обители, имена людей, организующих доставку в осажденный монастырь продовольствия и информации о передвижениях царских войск. Власти на берегу не могли противостоять этому процессу. На это неоднократно жаловались в Москву воеводы, осаждавшие обитель. Об этом говорили и выходцы из монастыря³⁷⁵.

Местных жителей зачастую вдохновляли на протест соловецкие иноки, местные священнослужители — т. е. наиболее авторитетные в духовном смысле для крестьян люди. Так, например, 14 марта 1669 г. становится известно, что кемский поп Симеон Макавеев еще на первой неделе поста отпросился «на озерка будто молитвы давать» и исчез. Выяснилось, что до последнего времени он вел службу по-старому, и ему грозило разоблачение и наказание. К началу апреля попа разыскивали в одной из деревень Реболдской волости — т. е. на Соловецком острове (в северо-восточной, противоположной от монастыря части). Стрельцы тайно окружили избу и заглянули в окно: «а поп Семен сидит в избе и чет книгу». Симеона схватили, но это вызвало волнение в деревне. На дворе собралось больше 50 человек. Зачитали приказ об аресте попа. «И поп де Семен почал им крестьяном бить челом, чтоб его не выдавали». Хозяин двора схватил топор, его поддерживали другие. Попа отбили, а стрельцов называли «еретиками и отпадшими». Стрельцам пришлось уйти, а поп Симеон на этот раз скрылся от властей³⁷⁶.

Подобные ситуации неоднократно описываются в документах. Из той же Кеми сбежал дьячок Якушка Кивроев, ушедший потом в Олонецкий уезд и не пойманный³⁷⁷. Ушел в Соловецкий монастырь и еще один кемский священник — успенский поп Матвей Евстратьев. С ним получилось сложное: в том же 1669 г., 17 августа, он вышел из монастыря с дьяконом Григорием Измайловым и тайно поселился на берегу. Затем они подали покаянную челобитную, адресованную царю. Свое разочарование в восстании оба выходца объясняли «мятежами и несогласием» между повстанцами³⁷⁸. Можно предположить, что эти люди не были слишком убежденными старообрядцами.

Позиция многих местных священнослужителей в поддержку восстания стимулировала протест поморских жителей против реформы. Когда в Кемь прислали нового священника Иону, «крестьяне многие к церкви не почали ходить»³⁷⁹. То же самое в январе 1669 г. сообщал священник Василий Семенов, заменивший в Кеми Симеона Макавеева. Но Кемь не была исключением. Когда в Николин день Василий Семенов пошел со святой водой по крестьянским дворам в Уне-

жемском Усолье, его не впускали. Во дворе крестьянина Петра Казмина его обругали за то, как поп читал молитву³⁸⁰. В июне 1672 г. выяснилось, что церковная реформа не проведена до конца даже в Сумском остроге. Бывший соловецкий священник Герман, еще в 1657 г. выступивший в монастыре в поддержку реформы, обнаружил, что служба ведется по старому письменному Служебнику, а просфоры печатаются старыми (дореформенными) крестами³⁸¹.

Некоторые священники хранили и распространяли Пятую соловецкую челобитную. В феврале 1669 г. в Неноксе такая копия была изъята у старца Лаврентия, который взял челобитную у сумского черного попа Исая³⁸². Была Пятая челобитная и у безместного священника Феофилакta Рознухина³⁸³.

Мирское население Поморья под влиянием соловецких старцев, береговых священнослужителей активно поддерживало восставший монастырь. 27 января 1669 г. ночью сумские бобыли даже напали на холмогорских и сумских стрельцов, входивших в отряд Волохова³⁸⁴. Впрочем, это исключительный случай. Других сведений о боевых действиях поморов против властей на берегу нет. Каковы были формы связи между поморским населением и осажденным монастырем?

Прежде всего, монастырь регулярно получал «вести» о войсках. Из Шуи их посылал монастырский служка Макар Иванов сын Бешеной, из Сороки — Василий Шелонин³⁸⁵, дьячок Филька Сидоров и крестьянин Фетка³⁸⁶. Весной 1670 г. два кемлянина прибыли в монастырь за три недели до подхода отряда Волохова с подробными известиями о численности войска³⁸⁷. В 1670, 1671 гг. осажденные получали сведения о делах вотчин от большого числа крестьян³⁸⁸. Анзерские старцы заранее предупредили соловлян о появлении в Сумском остроге нового воеводы — И. А. Мещеринова, об увеличении отряда³⁸⁹.

Другой формой помощи были поставки в монастырь продовольствия. Крестьяне сами отвозили припасы либо отдавали их приехавшим из монастыря старцам и мирянам³⁹⁰. Выделяется один случай. В 1669 г. архимандрит Иосиф послал в Мурманск за рыбой старца Авдея с труд-

никами. Все они с грузом уехали на Соловки. Позднее выяснилось, что ладья попала в бурю, и они дали обет отдать рыбу чудотворцам в Соловецкий монастырь, если останутся живы. Ладью разбило, но люди и груз уцелели. Поэтому в монастырь отправился Данило Полтинин и еще четверо работных людей, чтобы позвать старцев за рыбой³⁹¹. Эта история доказывает, что главным стимулом помогать осажденным был высочайший духовный авторитет обители в Поморье. Почтение, смешанное со страхом перед божьими карами, побуждало крестьян игнорировать угрозы земных властей. Подобное настроение отражено в литературном памятнике: небольшом «Чуде Зосимы и Савватия Соловецких», написанном во время осады монастыря. Приведем его текст³⁹².

Лета 7177 сентября во 2 день, Соловецкого монастыря в службе на реце, именуемой Курье, бысть знамение преславно и памяти достойно тоя же службы человеку некоему боящуся Бога, именем Феодору. Случися ему по зависти бесовской неверием одержиму бытии ко преподобным и богоносным отцем нашим Зосиме и Саватию сюдотворцем. Помысли убо сице, в себе глаголя: Почто убо не покаряются и не приемлют новаго пения и службы в Соловецком монастыри? И, сия помыслив, усну.

Спящу же ему на одре своем сном тонцем, зрит убо к себе пришедша два старца святолепна, иноческим одеянием украшена, един от них жезл имея в руце своей. С ними же и третий человек, имея мирское одеяние. И глаголаста ми: Востани. Аз же возрех и явьствено видех их стоящих, и вопросих, откуда есте, отцы святии? Они же отвеща: Мы убо из Соловецкаго монастыря, приидох зде в Соиме купити рыбы на братию. Аз же к ним рех: Како вы, отцы, хотите сие сотворити, невозможно убо есть вам, понеже зде страха ради царева не можем и глаголати никакогого слова про Соловецкий монастырь. Вы же хотите зде таковой промысл сотворити. Но никакже есть вам возможно. Вашим убо еже ко царю непокорством монастырь пуст сотвористе и нам спону немалу сим творите.

Держай убо жезл в руце своей отвеща ми, глаголя: Почто, окаянне, возбраняеши и претиши нам дело сие сотворити, но

работник нарицаая нашего монастыря. Мы убо приидохом отселе в монастырь две лодии рыбы привести, ты же возбраниаеши нам. Но убо приими от нас наказание, яко да не токмо сам не веруеши, но верен будеши, но и инем поведеши. И, сия рек, бияше мя велми по лядвиям моим жезлом своим, иже в руце его.

Аз же, смиренный и нетерпеливый, начах кричати велими. Сущий же со мной клевети мои пришедше глаголаша ми: Почто убо вопиеши, о Феодоре, повеждь убо нам, что ты бысть, или кая нужда приключися тебе, яко сице вопиеши? Аз же грешный в себе быв, поведях всем, яже видех и слышах, показуя им биение на лядвиях своих от преподобных оных отец, явившихся мне.

Они же, видевше и слышавше сия от мене, вси прославиша Бога и его угодников, преподобных отец наших Зосиму и Саватия чудотворцев, яко сице пекутся о своих чадах, и не оставляют во время напасти, уповающих крепко на святых их молитвы. Скоро убо сих утешают, и твердо заступают, и от бед изимают. Неверующих же наказуют, по пророку, глаголющему: упасши я палицею железною, яко сосуды скуделнича сокруши я, яко да и прочий страх имут.

Мы же убо, братие, несмы обинования в погибелно вере в сна бдение души, о ней же нам все попечение да будет, яко да избавит нас Господь Бог наш от всех бед наших за молитвы пречистых его матере и преподобных и богоносных отец наших Зосимы и Саватия чудотворцев, не токмо zde, но и в будущий век³⁹³.

Что привозили в монастырь с берега? В 1669 г. крестьяне доставляли на Соловки рыбу³⁹⁴. В 1670, 1671 гг. кемские, шурецкие жители подвозили рыбу и масло³⁹⁵. Из Нименгской волости (вотчина Крестного монастыря) крестьяне привезли палтусину, из Архангельска холмогорцы Яков и Степан Собакины доставили 15 бочек вина; рыбу привозили и онежане³⁹⁶. Из Сороки Василий Шелонин и еще какие-то люди привозили сухих щук³⁹⁷. Осенью 1671 г. большое количество рыбы привезли в Глубокую губу перед Соловецким монастырем, оттуда рыбу «в монастырь в кошельях носили»³⁹⁸.

Волохов пытался ловить людей, подвозивших продукты в Соловецкий монастырь. Иногда ему это удавалось. Но поимка крестьян вблизи Соловецких островов еще не означала, что поморам грозит наказание. У них всегда оставалась возможность найти оправдание. Летом на Кузовских, Соловецких островах крестьяне косили сено, ездили на промысел. При аресте они упорно ссылались на хозяйственные дела и отрицали связи с осажденной обителью³⁹⁹. Иногда удавалось взять крестьян с поличным. Например, кемлянин Алимпий Гаврилов сын Никоновых, распространявший в Сумском остроге слухи о Степане Разине, в августе 1670 г. был взят на Муксалме с рыбой. Однако на допросе кемлянин подробно рассказывал о рыбном промысле на Мурмане, о продаже части улова в Архангельске и в Николо-Карельском монастыре. Он категорически утверждал, что на Муксалму попал случайно, поскольку его пригнал туда ветер. Алимпий Гаврилович отказывался от обвинений в связях с Соловецким монастырем. Проверить его слова Волохов не мог. Это вообще невозможно было сделать⁴⁰⁰.

Крестьяне не прекратили поставлять в монастырь продукты, т. е. обычные феодальные платежи, несмотря на царский указ, отписывающий соловецкие вотчины на царя, который зачитывал поморам новый архимандрит Иосиф⁴⁰¹. Крестьяне продолжали по традиции платить дани и в 1672-м, и в 1674 г.⁴⁰² Главная причина сохранения этой традиции — идеологическая. Соловецкий монастырь обладал огромным духовным авторитетом не только как знаменитый религиозный, но и как идеологический центр, выражающий протест местного населения против московских феодальных властей. Борьба с правительством приобретала в этой ситуации решающее значение.

Некоторые крестьяне, приехавшие в Соловецкий монастырь, оставались там. Например, когда Волохов был на Соловецком острове, его спутники узнали среди повстанцев сумского бобыля⁴⁰³. Жаловался на побег крестьян в монастырь из Кеми архимандрит Иосиф⁴⁰⁴. О крестьянах, прибывших из Сороки, и «корелянах» сообщали выходцы из монастыря⁴⁰⁵. Поморы ездили в монастырь к родственникам. Так, в октябре 1670 г. на Соловки ездила из Кеми с припасами к племянникам

Логтину и Якунке Никоновым, которые ранее ушли в обитель, «баба... Никоновых» (имя ее в документах не указывается)⁴⁰⁶. Следует отметить, что кемлянин Логгин Никонов, которого посещала заботливая тетушка, — один из главных руководителей военных действий повстанцев, попавший в плен в январе 1676 г. при взятии Соловецкого монастыря.

Достаточно часто общение повстанцев с местным населением происходило по инициативе самих осажденных. Например, из монастыря направлялись «закупочные» старцы, как это бывало до восстания. Крестьяне оказывали им содействие⁴⁰⁷. В монастыре организовывались морские рейды на ладьях с оружием. На каждой ладье было установлено по пять пушек⁴⁰⁸. На этих судах старцы и миряне ездили в бывшие монастырские волости или совершали нападения на корабли Волохова. Обычно участниками рейда были один-два монаха и группа мирян. Так выезжали, например, старец Аника Пушкарь и 26 мирян в сентябре 1668 г.⁴⁰⁹; старцы Варфоломей и Глеб Кривой с 20 мирянами в октябре 1667 г.⁴¹⁰; старец Герман Коровка «с трудники с ружьем» в Яренгу в октябре 1668 г.⁴¹¹ Могли возглавить отряд и миряне: Логгин Никонов Кемлянин и Петр Запруда «с товарищи» (десять человек) в конце мая 1675 г.⁴¹² Но это единичный случай. Видимо, это была видоизмененная традиция монастырской практики: работа мирян в усольях, на промыслах под руководством иноков.

Осажденные закупали необходимые товары с помощью приезжавших в монастырь людей. Неоднократно покупали на берегу на соловецкие деньги и доставляли в монастырь продукты старцы Ручьевской пустыни с Зимнего берега Двинского уезда во главе с настоятелем Никандром. Они привозили семгу, сига, коровье масло⁴¹³. В том же 1671 г. весной шуйские крестьяне Июдка Иванов Попов с товарищами «сам третей» взяли в Соловецком монастыре деньги, а в сентябре привезли закупленные в Архангельске лук, чеснок, перец, тресковое сало, а также холсты, сукна, подошвенные кожи⁴¹⁴. В 1672 г. безместный поп Феофилакт Рознухин купил для Соловецкого монастыря девять пудов сухих щук⁴¹⁵. Наиболее значительная роль в закупках продовольствия для осажденного Соловецкого монастыря принад-

лежала ближней Анзерской пустыни, насельники которой совершали поездки на берег беспрепятственно⁴¹⁶. Повстанцы были абсолютно уверены в том, что помешать им никто не сможет. Они, по утверждению выходца Васьяна Крюкова, говорили: «На мори де путь широк, стряпчему и архимодриту перенять нелзя»⁴¹⁷. И основой для такой уверенности служила повсеместная поддержка поморов. Волохов считал, что даже местные стрельцы ненадежны, так как у многих «есть племяна, и друзья, и знакомцы» в монастыре⁴¹⁸.

Особой формой связи Соловецкого монастыря с поморским населением были практиковавшиеся и во время осады поездки бедных крестьян из вотчин в обитель за милостыней. В 1671 г. все лето из Кеми и из Шуйской волости «нищие мужики и бабы и робята для милостыни приезжали» в монастырь⁴¹⁹. Подробно известно о двух таких посещениях Соловецкого монастыря. Весной 1670 г. на Николин день в обитель поехали шуречане Иван Барыш с тремя членами семьи, Матфей Мартемьянов с двумя и «вдовица корелка» с двумя детьми. Их встретили городничий старец Яков Соловаров и мирянин из портной швальни Григорий (родом тоже шуречанин). Приезжие получили в монастыре хлеб и немалое количество сухарей. Затем на две ночи они отправились на соседний остров в Анзерскую пустынь⁴²⁰. 17 апреля 1671 г. Иван Барыш вновь отправился на Соловки за милостыней, но уже с другими спутниками. С ним поехали шуречане Ананий Ларионов, Ефим Мингал, тринадцатилетний Яков Пиминов Ульяшов и два человека, о которых известно, что их звали Пимин и Автоном (видимо, они тоже были шуречанами). Все эти люди (естественно, кроме Якова Ульяшова) взяли в поездку своих пяти-шестилетних детей. Шуречане подъехали к Соловецкому острову с севера — «к Сосновскому караулу» (т. е. в Сосновую губу, где находился Савватиевский скит Соловецкого монастыря). Оттуда нищие по очереди ходили в монастырь за хлебом и сухарями. Затем шуречане отправились на Анзер, где десять дней работали и получили гораздо более обильную милостыню (муку, солод, горох, толокно)⁴²¹. Видимо, осажденный Соловецкий монастырь, сохраняя традицию раздачи милостыни, вынужден был сильно сократить ее размер и состав.

Количество погибших повстанцев

Традиционно считается, что при взятии Соловецкого монастыря погибли и были казнены сотни защитников. Основываясь на ранних рассказах, Семен Денисов утверждал: «Всех убо в киновии пострадавших, различными казнями течение скончавших, иноков и белцов всякого чина, кроме малых оставших или предавшихся, их же число вящше трех сот и к четырем стом приближашеся, или до пяти сот, яко неции глаголаша»⁴²². Попробуем подсчитать, сколько жертв было при взятии обители на самом деле. Прямых указаний документальных источников о количестве погибших, видах казни почти нет. Поэтому все цифры основываются на предположениях и приблизительных вычислениях.

Несколько раз в показаниях выходцев из монастыря указывалось количество проживающих в обители людей. К началу осады в монастыре было около 700 монахов и мирян⁴²³. Осенью 1670 г. выходцы называли цифру 500 — подразумевая и бельцов, и монахов⁴²⁴. Осенью 1671 г. со слов нарядника Нектария выходцы называли следующие цифры: 200 старцев, 70 больничных иноков и 430 мирян, или 200 монахов, включая больничную братию, и 430 мирян, т. е. 630 или 700 человек всего⁴²⁵. Возможно, речь шла не о реальном количестве насельников к осени 1671 г., а об обычном, при мирном укладе жизни монастыря. Порой выходцы не были лояльны к властям и явно стремились преувеличить силы обители. В 1672/73 г. называют цифру 290 иноков и мирян в обители⁴²⁶, а в январе 1674 г. — 150 старцев и 400 мирян⁴²⁷. Летом 1674 г. снова звучит максимальная цифра 700 — около 300 монахов и 400 бельцов⁴²⁸, а в сентябре того же 1674 г. количество насельников определяется в 500 человек — 200 иноков и 300 мирян⁴²⁹. Во второй половине 1674 г. посетивший монастырь стрелец увидел человек 300–400, так ему показалось, но он не был уверен в числе, а кроме того, это могли быть не все проживающие в монастыре⁴³⁰. В 1675 г. говорили о 400 находящихся в обители⁴³¹. Таким образом, показания выходцев абсолютно разноречивы и едва ли могут считаться авторитетным источником информации. Един-

ственные достоверные сведения относятся к моменту начала осады — осенью 1668 г. в обители была проведена перепись, по которой в монастыре насчитывалось 273 чернеца и 400 бельцов. Перепись проводил дьячок Роман Ерофеев Турчасовец⁴³².

Все стороны — и осажденные, и воеводы — были заинтересованы в том, чтобы сообщать в Москву завышенные данные о числе иноков и мирян в Соловецком монастыре. Если осажденные и сочувствующие им выходцы стремились поднять значение оппозиции, то воеводы, преувеличивая число восставших, пытались подчеркнуть трудности осады и свои заслуги. А потому динамику численных изменений надо вычислять не на основании прямых документальных указаний о количестве людей в монастыре, а по косвенным данным.

Итак, безусловный начальный уровень около 700 человек (673 по переписи). Это соответствует обычному количеству насельников обители до восстания. На протяжении восстания из монастыря уходили люди, гибли от болезней и в боях осажденные. Посчитаем потери. Число выходцев, известное по источникам, — 160 человек⁴³³. На деле их было не менее 200. В боях и от болезней погибли: около 30 человек за три осенне-зимних месяца 1675 г., положенных в кладбищенскую Анофриевскую церковь⁴³⁴; еще около 20 человек за остальное время, всего 50 человек. Таким образом, из первоначальных насельников монастыря оставалось не более 350 человек (число максимальное, заведомо преувеличенное). Надо учитывать, что реальное количество умерших от болезней неизвестно. И. Я. Сырцов сообщал, что в XIX в. при строительстве перехода из братского корпуса в Трапезную наткнулись на могилу, в которой похоронено несколько десятков покойников. Видимо, это захоронение относилось ко времени осады, поскольку в другие периоды на территории обители не хоронили⁴³⁵.

Остается учесть это сообщение о неопределенном количестве умерших, а также тот факт, что потери частично компенсировались приходом в монастырь новых людей, по большей части мирян. Если предположить, что эти два неопределенных потока примерно равны, то остается циф-

ра — около 350 человек накануне финального штурма монастыря. Обратимся теперь к сведениям о взятии обители.

Мещеринов сообщал о том, что взял в плен 62 человека «пущих воров». Это не все оставшиеся в живых после штурма. Например, в документах упоминаются шесть крестьян, живших в обители во время восстания⁴³⁶; судя по всему, были и другие люди, не названные в источниках. Несколько десятков защитников погибло при взятии, в том числе при обороне Трапезной палаты. Видимо, в бою погибло не меньше сотни иноков и мирян. 28 человек из 62 пленных руководителей восстания были казнены Мещериновым. Таким образом, неясна судьба 100–150 людей, которые должны были остаться в живых к моменту окончания штурма. Известно, что из монахов были живы 34 человека, но к моменту приезда на Соловки нового архимандрита Макария осталось лишь 14 иноков⁴³⁷. О мирянах никто не писал. Часть повстанцев была разослана по монастырям, острогам, но о количестве ссыльных говорить трудно. Более того, нет сведений о ссылке монахов, взятых в монастыре в январе 1676 г. Точно известны имена десяти мирян, сосланных в Пустозерск: сотник Логгин Степанов, Дмитрий Борисов, Игнатий Иванов, Данило Терентьев, Василий Иванов, пушкар Клим Федоров, Тихон Малафеев, Фаддей Семенов, Петр Козмин, Федот Никитин⁴³⁸. Однако среди них есть и те, кто попал в плен в числе 62 «пущих воров», и взятые в бою ранее. На небольшом островке Бабыя Луда напротив монастыря весной 1676 г. архимандрит Макарий приказал сделать могилу, в которой похоронили тех, чьи тела с января лежали на льду Глубокой губы перед монастырем. Часть тел унесло морем⁴³⁹. Нет указаний в источниках ни о том, сколько людей похоронено на Бабыей Луде, ни о том, были ли это погибшие в бою или казненные. Нет документальных источников, подтверждающих рассказы о зверских казнях последних соловецких защитников воеводой Мещериновым. Невозможно сказать, сколько людей пережило первые месяцы после штурма, — во всяком случае, меньше сотни.

Важно то, что число погибших — не менее двухсот, что богатейший северный монастырь с глубокой культу-

рой и уникальными хозяйственными традициями пришел в упадок, от которого по-настоящему никогда не оправился. Если в первой половине — середине XVII в. Соловки были одним из главных культурных центров России, то лишь к концу XIX в. монастырь едва достиг уровня обычного крепкого монастыря, скорее страшного тюремными традициями, чем славного передовой культурой. Первоначальная независимость, оппозиционный дух северной обители ушли навсегда вместе с последними защитниками Соловецкого монастыря, погибшими, исчезнувшими в небытии.

Глава 3

Идеология Соловецкого восстания

Проблемы церкви и священства в восстании: традиции и новации

В силу того, что церковь оставалась центром мировосприятия для российского населения XVII в., единственно возможной формой идеологии восстания в крупнейшем монастыре была религиозная. Закономерно, что главное внимание оппозиции было сосредоточено на проблеме церковной жизни, догматических и обрядовых вопросах, отношении к священству и высшим иерархам.

Структура церковной организации основывается на строгом иерархическом принципе. Сообщество верующих приобщается благодати только через посредство духовных лиц. Лишь священники, а в ряде случаев только высшие иерархи, святители могут совершать таинства. Без них не могут быть осуществлены важнейшие христианские обряды, в частности отпевание умерших, постриг в монахи. По канону нормальная христианская жизнь без священства невозможна. Как известно, старообрядцы очень рано столкнулись с почти неразрешимой проблемой отношения к «никонианской» реформированной церкви, которая, по их мнению, окончательно отступила в нечестие, осквернилась. Каким образом складывалось отношение к реформированной церкви на Соловках?

Уже во второй половине 1650-х гг. в Трактате о двуперстии к проблеме нечестивых иерархов и лживых пастырей обратился Герасим Фирсов. Он, безусловно, признавал иерархический

принцип организации церкви, всеобщность которого провозглашал, опираясь на Дионисия Ареопагита. Псевдо-Дионисий Ареопагит представлял мир как иерархически организованное целое. Идея иерархии требовала беспрекословного подчинения низших ступеней высшим¹. Из этого Фирсов делал вывод о необходимости учиться у глав церкви.

Права учителя, пастыря тесно связаны с рядом важных обязанностей. Первая среди них — умение повести за собой верующих, убедить их. Герасим утверждает: надо обличать, умолять, убеждать, но «не бить». По апостольскому правилу, епископ, священник или дьякон, бьющий верных и неверных, извергается из сана, — заявляет Фирсов. И, сказав это, замечает: ныне применение силы в вопросах веры считается уже не грехом, а добродетелью и заслугой. Герасим определенно отрицает применение силы в духовной жизни. Главным способом воздействия пастыря на рядовых верующих Герасим считал идеологическую обработку, психологические средства. Для существования иерархии нужен не мертвый враг, а преданный слуга, поэтому надо не убить, а убедить².

Одной из наиболее страшных угроз для верующего было проклятие, отлучение от церкви. Право предавать еретиков анафеме принадлежит собору епископов. Оно тесно связано с признанием иерархического принципа организации церкви. Не случайно против права проклятия выступали многие еретики, в частности стригольники, критиковавшие иерархию с демократических позиций. Герасим Фирсов, признавая за святителями право проклятия, упоминает об ограничениях. Если святители отлучают неправильно, их клятва не действует. Запрещения без правды «не вяжутся от Бога». Ссылаясь на Василия Великого, Герасим доказывает, что неправильно отлучающие сами оказываются вне церкви. Повиноваться церковным иерархам надо лишь в тех случаях, когда они учат от божественных писаний, а «не по своим похотех». Нельзя осуждать пастырей за жизнь, не соответствующую их духовному чину, — заявляет Герасим (в этом он расходится во взглядах с большинством демократически настроенных старообрядцев). Но если духовные наставники погрешат против веры и будут учить отреченным ересям,

то и это не пастыри, а лжеучители, значит, и прокливаемые ими достойны похвалы. Отошедшие от еретичествующих глав церкви сподобляются даже исповеднической чести, а те, кто гонится за новым учением, устраивают бурю в церкви. Это последнее утверждение — прямое противопоставление традиционному христианскому идеалу «косности», покоя, тишины. «Косность была равновелика церковному идеалу благообразия, благолепия и благочиния»³. Вину за смущение в церкви в середине XVII в. Фирсов полностью возлагает на верховных иерархов. Проводя реформу, они-де впали в грех, нарушили истинное учение. В Трактате о двуперстии Герасим выстраивает теоретическую конструкцию, определяющую условия неповиновения церковным иерархам, прежде чем перейти к непосредственным и убедительным, с его точки зрения, доказательствам еретичности современных ему глав церкви, никонианского духовенства. Фирсов не делает прямого вывода о том, что надо прекратить общение с никонианскими священниками, не говорит о такой практике⁴.

Как видим, еще за десять лет до восстания, вскоре после начала церковной реформы на Соловках были сформулированы теоретические положения, пригодные для обоснования беспоповщины. Конечно, это не была цельная, завершенная концепция. Герасим Фирсов сделал лишь первый — но чрезвычайно важный в идеологическом отношении шаг⁵.

Недоверие к священству на Соловках усиливалось за счет несовпадения позиций большинства повстанцев и местных иеромонахов. В конце 1650-х — начале 1660-х гг. в монастыре начались первые споры об отношении к церковной реформе. Некоторые священники с самых первых шагов категорически выступили в защиту исправленных книг, написали жалобу патриарху Никону. Это упоминавшиеся выше священники Виталий, Герман⁶. В годы восстания большинство священников также проявили лояльность по отношению к властям. Они были либо противниками восстания (Митрофан, Измайло, Илларион), либо сторонниками умеренного течения (Геронтий, Амбросим, Павел). Лишь два священника до конца находились во главе движения, активно выступали про-

тив соглашений с правительственными войсками — это Никанор и Леонтий⁷.

Тот факт, что большинство соловецких священников не проявляли решительности, настраивал повстанцев негативно по отношению к священству вообще. Как уже говорилось, к весне 1669 г. на Соловках появляется беспоповская практика, наиболее ранняя из зафиксированных в старообрядчестве. Причем инициатором и защитником этой практики стал священник Никанор. К концу восстания (с 1673–1674 гг.) беспоповская практика становится в монастыре нормой. Одним из первых практических шагов к этому стало решение 1667 г. не пускать архимандрита Иосифа, принявшего реформу, в алтарь и к причастию⁸. Позднее выходцы из обители неоднократно сообщали, что радикально настроенные миряне и иноки в церковь не ходят, «и на исповедь к отцам духовным не приходят, а исповедываются промеж собою у простолюдинов, и помирают без покаяния и без причастия», «и в ямы их кладут без отпевания священнического»⁹. Трое священников — Никанор, Леонтий и Селивестр — отказались служить. При этом Никанор заявил: «Мы де и без священников проживем, и в церкви де часы станем говорить, а священники де нам не нужны»¹⁰. Высказывание Никанора очень похоже на утверждение протопопа Аввакума в Послании «всей тысящи рабов Христовых»: лучше «исповедатися искусному простолюдину, нежели невеже попу, паче же еретику. Аще нужда привлечет, и причаститися без попа можно»¹¹.

Беспоповская практика в Соловецком монастыре представляла собой решительное изменение церковной традиции. Чтение богослужебных текстов перешло от священников к верующим. Исповедь, погребальный обряд были видоизменены по причине убежденности повстанцев в том, что священники, не поддерживающие радикальных новшеств, — еретики¹². Аналогичная соловецкой погребальная практика сложилась в середине XVII в. у капитонов, которые хоронили мертвых в лесу «просто», без пения и молитв¹³. Нет никаких данных о заимствовании обряда. Скорее всего, это параллельные независимые идеологиче-

ские процессы, происходящие в сходных ситуациях крайнего радикализма.

Высланные осенью 1669 г. из обители лидеры радикальной группы, находившиеся в 1670-х гг. в тюрьме Сумского острога, также предпочитали смерть без покаяния общению с никонианскими священниками. В отписках И. А. Волохова от 21 февраля 1670 г. и 5 октября 1671 г. сообщается о неоднократном отказе умирающих от исповеди и причастия. «Тюремные сидельцы», пришедшие к беспоповской практике еще в 1669 г., заявляли, что в Сумском остроге есть единственный достойный священник — соловецкий черный поп Дмитрий, также заключенный в тюрьму¹⁴. Можно предположить, что на первом этапе — в 1669 г. — беспоповская практика была неполной. Повстанцы не отказывались от священника вообще, а лишь ограничивали себя общением с теми пастырями, которых признавали православными. При этом происходило неизбежное нарушение порядка повседневных и еженедельных богослужений. В июне 1675 г. выходцы из монастыря утверждали: «А литоргия Божия у них (т. е. у повстанцев. — О. Ч.) бывает с недели на неделю, а иное недели и в три не бывает. И многие де воры к церкви Божий не ходят»¹⁵. Последнее заявление может быть несколько преувеличенным, но тенденция к разобщению между более традиционными священниками и радикально настроенными повстанцами приводила к практическому разрыву, отмеченному многими очевидцами.

Беспоповская традиция на Соловках сложилась как результат двух процессов. С одной стороны, теоретические рассуждения о никонианском духовенстве как отрекшемся от Бога, подпавшем под собственные проклятия постепенно готовили идеологическую почву для радикального новшества: службы без священников. Размышления о несправедливом проклятии, наложенном церковными иерархами на старообрядцев, укрепляли убеждение повстанцев в необходимости полного разрыва с официальной церковью. С другой стороны, позиция большинства соловецких священников не просто усиливала недоверие к духовенству. Возникала ситуация, когда некому было служить. Священникам не доверяли,

поскольку чистота их веры представлялась сомнительной многим повстанцам. В результате восставшие избегали посещать службы, проводимые такими священниками. Весьма пожилой уже Никанор и Леонтий, видимо, не справлялись с исповеданием всех обитателей монастыря, с проведением повседневных служб в соловецких церквях. В силу этого складывалась видоизмененная практика церковной жизни. Подобная — и даже более острая — ситуация побудила старообрядцев в конце XVII — начале XVIII в. перейти к беспоповщине или искать другие пути решения проблемы. Изменения в службе, системе поведения накапливались постепенно, зачастую незаметно для самих восставших. Первоначальная установка на сохранение старины на протяжении всего восстания оставалась главным лозунгом, основной мотивировкой всех действий. Однако во имя этой установки зачастую предпринимались кардинальные меры по изменению привычных обрядов, замене символов. Обратимся к конкретным обрядово-догматическим вопросам, которые привлекали наибольшее внимание восставших. Порой это не самые главные проблемы вероисповедания. Но тем важнее понять, что в них вызывало повышенный интерес участников движения.

Первая проблема обряда, о которой пошла речь в обители, — перстосложение для крестного знамения и благословения. Внутри монастыря вопрос представлялся простым и ясным: двуперстие является единственно приемлемой формой. Так что вся полемика против трехперстия обращена вовне — к никонианам. Аргументацию в защиту двуперстия разработал первый идеолог оппозиции — Герасим Фирсов в Трактате о двуперстии. Позднее его доводы в сокращенном виде повторил Геронтий в «Ответе вкратце Соловецкого монастыря...» и Пятой соловецкой челобитной. Почему Герасим посвятил частному обрядовому вопросу целый трактат? Это не было проявлением ограниченности, малой образованности автора или его читателей, не было формальным «обрядоверием», в котором часто упрекали старообрядцев их противники¹⁶. Сам Герасим не уравнивал обряд и стоящий за ним догмат, теоретическое положение. Двуперстие стало одним из глав-

ных пластических символов протеста. Это обряд, знакомый и доступный каждому, независимо от социального положения и образованности. Но Фирсов подчеркивает: дело не в самой форме перстосложения, а в тех догматах, которые она должна напоминать верующему. Для религиозного сознания этот обряд был связан с основополагающими богословскими идеями: учением о Троице и Христе как Богочеловеке. По мнению Герасима Фирсова, предпочтительнее та форма перстосложения, которая точнее напоминает о верных догматах, несмотря на всю принципиальную разницу между телесным знаком и непостигаемыми божественными тайнами.

В Священном писании нигде нет указания, как надо складывать пальцы для крестного знамения. Согласно Е. Е. Голубинскому, в древности — во времена раннего христианства — крестились одним пальцем или всеми пятью¹⁷. С конца IX в. в Византии употреблялось двуперстие. Оно должно было напоминать верующим о двух природах Христа — божественной и человеческой — и было принято в полемике с монофизитами, провозглашавшими единую природу Христа¹⁸. В последней четверти XII в. у греков вошло в обиход троеперстие — символ троичности Бога¹⁹. Русские приняли христианство от греков еще в то время, когда у тех было распространено двуперстие. Стоглавый собор 1551 г. провозгласил двуперстие единственно правильным и проклял все другие формы обряда. В 1652 г. в числе первых изменений патриарх Никон провозгласил единственно правильным троеперстие. С этого момента двуперстие стало символом борьбы против реформы. Что касается перстосложения для благословения, то, по мнению Е. Е. Голубинского, до реформы оно было таким же, как для крестного знамения, т. е. двуперстным²⁰. По реформе в России вводилась отдельная форма для благословения: именословное перстосложение, т. е. изображение рукой литер ИС ХС (имени Христа).

Герасим Фирсов, используя две системы доказательств — от авторитета (ряд цитат почитаемых авторов в защиту двуперстия) и от логики (свободные богословские рассуждения о соотношении обряда и догмата, о принципах выбора луч-

шей формы знака-символа), предпринял серьезную попытку доказать несостоятельность этой части церковной реформы. Тем самым он создавал теоретическую основу для сохранения привычной практики²¹.

В отличие от вопроса о перстосложении проблема формы креста вызвала серьезные разногласия между самими повстанцами. Спорными оказались, собственно, два момента: сама форма креста (восьми- или четырехконечный) и текст титула, т. е. надписи на кресте.

Как известно, все старообрядцы отвергали четырехконечный крест, называя его «латинским крыжем». Главным доводом в защиту восьмиконечного креста представлялось то, что крест Христов был трехсоставным, собранным из трех пород дерева. На Соловках выступления против «крыжей» приняли предельно резкую форму. Члены радикальной группы весной-летом 1669 г. уничтожали в монастыре и старые кресты, и предметы церковной утвари, на которых были изображены четырехконечные кресты²². Поскольку до реформы Никона на Руси сосуществовали и восьмиконечные, и четырехконечные кресты (с явным преобладанием первых), подобные действия по уничтожению старых, привычных предметов, ранее не вызывавших протеста, породили споры в обители. Радикальные лидеры настаивали на замене всех крестов на восьмиконечные во имя очищения практики. Умеренные посчитали это новшеством. Выступая против утверждения Никона о преимуществе четырехконечных крестов, они отрицали и любые другие новации. Таким образом, в этом конфликте встретились два принципиально разных подхода к вопросам веры, обряда, где критерием истинности в одном случае выступала старина, а в другом — «правильность» с теоретической точки зрения. И дело не в том, какая группа повстанцев была в том или ином споре права в объективно-историческом смысле, а в том, какой подход, критерии оценки выбирали радикалы и умеренные. Самостоятельный осознанный выбор совершали, безусловно, лидеры, идеологи движения. Основная масса рядовых участников восстания поддерживала то радикалов, то умеренных, тем самым выражая свое отношение к их теоретическим построениям.

Что касается вопроса титла, т. е. надписи на верхней табличке, то евангелия дают разные варианты текста надписи, сделанной по приказанию Понтия Пилата: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27, 37); «Царь Иудейский» (Мк. 15, 26); «Сей есть Царь Иудейский» (Лк. 23, 38); «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин. 19, 19). На Руси была наиболее распространена последняя из этих формул, заимствованная из Евангелия от Иоанна, в сокращенном виде: ИИЦИ. Соловецкий дьякон Игнатий разработал свое учение о правильном написании титлы на кресте. Категорически отвергая общепринятый вариант ИИЦИ, Игнатий требовал писать на крестах «Исус Христос Царь Славы» (ИХЦС). Свои выводы, основанные на доводах от авторитета, Игнатий изложил в Челобитной Алексею Михайловичу²³. Не разворачивая аргументацию по содержанию надписи, Игнатий приводил многочисленные примеры почитаемых крестов, содержащих защищаемую дьяконом титлу. Позднее, после разгрома восстания, Игнатий указал и на главную причину, по которой он настаивал на отказе от евангельского текста «Исус Назарянин Царь Иудейский»: Пилат приказал написать текст, который должен был указывать на место рождения Христа (Назарет) и на его вину (называл себя Царем Иудейским), но христиане — в отличие от Пилата — знают истинное божественное величие Христа, рассуждал Игнатий. Назарет — место случайное и незначимое по сравнению с предвечным божественным рождением Бога-Слова. Царство Христа — не Иудея, оно «не от мира сего». Поэтому христиане, по мнению Игнатия, не должны повторять слова язычника Пилата о Христе, им следует указывать его истинное имя²⁴. Таким образом, Игнатий выступал не столько за сохранение верной традиции, старины, сколько за обновление, улучшение ее. Основываясь на богословских рассуждениях, выстраивая собственные комментарии к авторитетным текстам, соловецкий дьякон пытался доказать необходимость замены внешней точности в следовании евангельским словам более глубоким, по его мнению, подходом, основанным на духовном понимании вопроса.

Дьякону Игнатию возражал уставщик Геронтий в своем «Ответе священноинока Геронтия к востязающим

мя...»²⁵. Он защищал привычное, «историческое» надписание «Исус Христос Царь Иудейский» (ИХЦИ). Главным доказательством правильности такого текста титулы представлялось Геронтию то, что именно такие слова содержатся в Евангелии, именно такая надпись является наиболее традиционной, общепринятой. Богословских рассуждений, теоретических обоснований этого вопроса в сочинении Геронтия нет. Автор возмущен любыми попытками обновления обряда.

Каждый из соловецких идеологов имел в монастыре сторонников. На первом этапе конфликта в связи с вопросом о написании титулы на кресте в 1666–1667 гг. победили защитники традиционной версии «Исус Назареенин Царь Иудейский» (ИНЦИ). Дьякон Игнатий был вынужден покинуть Соловецкую обитель. Он отправился в двадцатилетние странствия по Русскому Северу, в ходе которых развил и аргументировал свое учение, подкрепив его не только авторитетными свидетельствами, но и логическими доводами. Возможно, многие из них были обдуманы Игнатием еще в Соловецком монастыре, а записаны гораздо позднее — уже после 1676 г., после разгрома восстания, освободившего дьякона от наложенного им на себя запрета писать²⁶.

Однако в Соловецком монастыре оставались сторонники дьякона Игнатия. В марте 1669 г. среди других радикальных реформ была проведена замена крестов с «неверной» титулой ИХЦИ. Возглавил действия один из главных лидеров радикальной группы мирянин Фаддей Петров Бородин (иногда его называли еще Кожевником). Имена других сторонников Игнатия неизвестны. Можно предполагать, что к их числу относились товарищи Фаддея Бородина по радикальной группе²⁷.

В ходе восстания обсуждался еще ряд вопросов обрядово-догматического характера: особенности монашеской одежды, чина и устава монастырской жизни, порядок богослужения и т. п. В основном это были частные проблемы, полемическая острота которых воспринималась в контексте общего противостояния официальной церкви. Яростные, ожесточенные споры между радикальной и умеренной

группировками восставших привлекают особое внимание не просто к частным поводам конфликтов, но к более общей, принципиально важной проблеме соотношения традиций и новаций во взглядах повстанцев.

При анализе идеологической обстановки в Соловецком монастыре накануне восстания говорилось о двух подходах к проблеме церковной реформы вообще²⁸. Часть монахов допускала возможность и даже необходимость проведения реформы обряда, исправления богослужебных книг при сохранении в неизменности догматики. Другие иноки считали вредными любые, даже самые малые, изменения. Такие взгляды связаны с различной культурной ориентацией участников движения. Наиболее ярко и определенно два типа духовной культуры проявились в творчестве ведущих идеологов восстания — Герасима Фирсова и Геронтия. Контраст между ними заметен во всех взглядах, в поведении, в стиле их писаний. Различия базируются на принципиальном противостоянии традиционалистов и барочных интеллектуалов XVII в.²⁹

Геронтий, создавая энциклопедическое сочинение «Ответ вкратце Соловецкого монастыря...», а также другие произведения, избегал украшений стиля, излишеств формы. Его труды отличаются сухим сдержанным стилем, обильным цитированием, сквозь которое не всегда легко проследить собственную мысль автора. Одна тема четко отделяется от другой. Но в целом структура сочинений Геронтия слабо организована, повторы и возвращения постоянны, нет единой линии. Главное достоинство его произведений — предельная информационная насыщенность, точность цитат и сносок — указаний на источники цитирования на полях. «Ответ вкратце...», главное произведение Геронтия, — плод многомесячных трудов добросовестного книжника, располагавшего первоклассной библиотекой, навыками работы и как минимум одним квалифицированным помощником.

Сочинения Герасима Фирсова поражают в первую очередь совершенством формы: азбучная Служба на перенесение мощей митрополита Филиппа, построенное «лествицей» Похвальное слово Иоанну Лествичнику, стройная

кольцевая композиция Трактата о двуперстии, архаичный, усложненный язык сочинений, написанных в стиле «плетения словес», — все это говорит не только об опыте книжника, но и о таланте писателя.

И Фирсов, и Геронтий прошли в библиотеке Соловецкого монастыря одну школу, основы которой были разработаны Сергием Шелониным. Геронтий и сочинениями, и жизнью отстаивал неизменность этих традиций, не допуская никаких «новин» — ни никонианских, ни радикальных. В этом он близок к епископу Александру Вятскому, не принимавшему ни реформы Никона, ни нововведений боголюбцев³⁰. Фирсов гораздо свободнее относился к вопросам веры и обряда, допуская необходимость уточнения, «улучшения» церковной традиции.

Если Герасим Фирсов стоял на позициях «интеллектуального аристократизма», свойственного деятелям барочной культуры³¹, то Геронтий был образованным традиционалистом — не от невежества, а, напротив, от глубины знакомства с культурной традицией. Геронтий выстраивал свою аргументацию по примеру деятельности русских святых, среди которых были и «невегласи», «препрости», а были и книжники. Сфера применения «грамматического учения» — правила, «коеже праве глаголати и писати». Поэтому праведность определяется не наличием или отсутствием грамотности, а глубиной веры и силой добрых дел.

Соотношение взглядов этих двух идеологов с позициями других лидеров, взаимосвязь между программами, теоретическими положениями и массовым сознанием рядовых повстанцев, — все это крайне важно для характеристики идеологии восстания. Однако источники почти не дают возможности для исследования идеологических взглядов основной массы повстанцев. Их позиция проявлялась лишь в редких и кратких высказываниях, цитируемых в донесениях и описках воевод, а также — главным образом — в конкретных практических действиях, в массовой поддержке или осуждении той или иной группы идеологов. Обратившись еще раз к конфликтам 1669 и 1673–1674 гг., можно проследить смену в настроениях повстанцев, зафиксировать их отношение к двум основным теоретическим направлениям в идео-

логии восстания: ориентации на сохранение старины и установки на очищение и улучшение веры, обряда.

Сторонники умеренной позиции последовательно выполняли коллективные декларации о сохранении в неизменности «старины», «предания Зосимы и Саватия». Искренность Геронтия и многих его сторонников не вызывает сомнений. Достаточное тому доказательство — нежелание Геронтия, его послушника Манассии и некоторых других отречься от своих взглядов ни перед радикалами, ни перед воеводой. Наряду с убежденными защитниками «старины» в группе умеренных оказались и те, кого можно назвать соглашателями. Эти люди (келарь Елифаний, казначей Глеб и другие) стремились к компромиссу, примирению, но не с радикально настроенными товарищами, а с более сильными противниками. Таким образом, умеренные либо с легкостью примирялись с властями, либо искренне и до конца отстаивали свои убеждения. Традиционализм, сохранение привычного и устоявшегося (понимаемое по-разному), — вот главный, определяющий стержень идеологических установок искренних членов этой группы.

Члены радикальной «партии», персональный состав которой неоднократно обновлялся на протяжении восстания, совсем иначе смотрели на вопросы вероучения. Постоянно повторяя декларации об истинности своей веры, они снова и снова самым решительным образом ломали стереотипы, изменяли привычные обряды, занимались очевидным догматическим творчеством. Весь бесконечный ряд новаций совершался во имя той же самой «истинности», чистоты веры. Обновление ради совершенствования веры — вот главный ориентир радикальных идеологов и руководителей восстания от Герасима Фирсова и Фаддея Петрова Бородина до Никанора, священника Леонтия, сотника Логгина Никонова Кемлянина.

Наиболее характерной чертой радикалов была гибкость поведения. Они не останавливались даже перед очевидным внешним вероотступничеством. Вспомним ложное покаяние радикалов в тюрьме Сумского острога и их последующие побеги³². Но ведь подобное поведение тщательно аргументировал еще Герасим Фирсов в 1650-х гг. в Послании

к Никанору («Показание от божественных писаний...»). Он называл главным качеством учителя, пастыря — разум, премудрость, что проявляется и в умении убеждать, и в постоянном внимании к «пасомым», и даже в обмане. Причем последнее, по мнению Фирсова, требует особого искусства, ума, осторожности.

У Герасима нет сомнений в нравственности этого метода. Он ссылается на врачей. «Некогда некто» впал «во огницу» и не желал принимать того, что могло ему помочь, — воды. У всех он просил неразбавленного вина. Врач взял сосуд, окунул его в вино и наполнил водой. Затем он велел занавесить комнату, где лежал больной, и дал ему пить. Тот накинулся на кувшин и испытал облегчение. Если можно прибегать к обману для лечения тела, то тем более важно делать это для спасения души, — заключает Фирсов. Он приводит пример апостола Павла, который якобы применял обман для «исцеления» иудеев. Подобная ложь, — утверждает Герасим, — не «прельщение», а «строение», премудрость, искусство. Но пользоваться обманом надо очень осторожно, учитывая обстоятельства, ситуацию³³. Такая позиция близка к иезуитской системе: «цель оправдывает средства», «главное — победить врага, неважно как»³⁴. Ситуация в осажденном Соловецком монастыре оказалась достаточно напряженной, а царские войска воспринимались однозначно как враги, а потому система, обоснованная Фирсовым, с успехом действовала. Глубина веры в сочетании с новыми веяниями барочной культуры середины — второй половины XVII в. порождала удивительную смелость и гибкость воззрений радикалов на проблемы догматики и обряда, на представления о границах допустимого поведения.

Рядовые участники восстания оказались в поле постоянного взаимодействия двух установок — на сохранение и очищение веры. До определенного предела в сознании большинства людей спокойно сочетаются эти контрастные установки. Однако в критические моменты то одна, то другая позиция становится определяющей. На первых порах, когда противостояние между умеренной и радикальной группировками только формировалось, когда восстание лишь начиналось — до 1669 г., — движение воз-

главили решительные, энергичные лидеры, занимавшие самые крайние позиции. Для основной массы повстанцев не была, видимо, ясна разница между группировками. Однако радикальные реформы весны-лета 1669 г. привели к четкому разделению двух направлений в восстании. О настроении масс говорит тот факт, что они решительно поддерживали умеренную партию в момент переворота. Изгнание радикальных руководителей первого этапа восстания не вызвало недовольства его участников. Они были явно не готовы к преобразованию привычных норм церковной жизни.

За два года правления в монастыре умеренной группировки — с осени 1669 г. по осень 1671 г. — произошла, видимо, не зафиксированная в источниках перемена настроений в среде повстанцев. По документам виден лишь результат развития радикальных настроений: новый переворот, в ходе которого умеренные лидеры утратили свои позиции в монастыре. С осени 1671 г. и до конца восстания процесс радикализации шел непрерывно, хотя по источникам можно заметить существование умеренных групп внутри обители. Конфликт радикалов и умеренных по вопросу о стрельбе по царским войскам, неоднократные высылки противников радикальной линии описаны выше. Судя по всему, значительная масса рядовых повстанцев все решительнее поддерживала радикальных лидеров. Это говорит о том, что через все повороты восстания к 1670-м гг. утвердился радикальный, новаторский по сути подход к вопросам культа. Отказ от традиционной церковной иерархии, предпочтение «верных» форм креста традиционным, поиски глубокого духовного смысла в привычных и новых формулах надписи титлы на кресте и др., логический подход радикальных лидеров к трактовке догматических вопросов — все это свидетельствует о постепенном формировании новых, реформационных по сути тенденций, направленных на создание «очищенной», «истинной» церкви — не формальной, а духовной.

Эту картину, равно далекую от правительственной и старообрядческой трактовок конца XVII–XVIII в., следует сопоставить с тем путем, по которому шел протопоп

Аввакум в своем отношении к церкви. А. И. Клибанов, анализируя взгляды Аввакума на церковь, также отметил «реформационные (на западный лад)» потенции в творчестве страстного протопопа, пугавшие его самого³⁵. Испуг соловецких повстанцев от собственной смелости, заставивший их от первоначального радикализма 1669 г. вернуться к умеренной политике, объясним и понятен. Кроме того, следует, видимо, различать позиции идеологов и рядовых участников восстания. Реформационные тенденции во взглядах лидеров, неочевидные для них самих, едва ли сопровождались глубоко осознанной радикализацией воззрений всех повстанцев. Скорее всего, большинство восставших на последнем этапе поддерживало крайние установки лидеров не из теоретических соображений, а в силу объективного напряжения ситуации, обострения конфронтации с властями с одной стороны и с умеренными деятелями, готовыми на предательство восстания, — с другой. Объективная победа радикальных идеологических установок внутри обители свидетельствует именно о таком напряжении ситуации, когда оппозиционные настроения достигают предельного развития.

Взгляд соловецких повстанцев на самих себя и переживаемое время

Исследователи неоднократно отмечали общую ориентацию раннего старообрядчества на восприятие своего времени как последнего³⁶. Эсхатологическое мироощущение формировалось на базе концепций украинских и белорусских публицистов, сочинения которых, включенные в Кириллову книгу и Книгу о вере, были очень популярны у старообрядцев. Эсхатологические настроения получили развитие и в идеологии Соловецкого восстания³⁷. На Соловках к 1666 г. сформировалось представление о том, что антихрист уже пришел в мир. Его воплощением считали бывшего патриарха Никона. Как уже говорилось, подтверждение этого мнения усматривали, например, в том, что мирское имя Никона — Никита (Никитиос) — возможно сосчитать как антихри-

стово число 666; что патриарх пытался построить Новый Иерусалим на земле (Воскресенский монастырь). Отношение к царю Алексею Михайловичу также было негативным. Постепенно формировалась теория царя-антихриста. Подобные взгляды еще не были в 1666 г. оформлены окончательно, не четко выражались. В целом антихрист понимается соловецкими иноками и мирянами чувственно — т. е. как вполне конкретное, реальное лицо. Соответственно идет поиск человека, являющегося воплощением антихриста.

Поскольку приход антихриста в мир представлялся на Соловках, как и в других старообрядческих центрах, неоспоримым фактом, участники движения пытались определить сроки конца света. Документы дают возможность назвать две даты, вычисленные в Соловецком монастыре. Геронтий рассчитал, что конец света должен наступить в 1674 г. Когда этот срок прошел, а конец света не наступил, Геронтий утратил остатки доверия со стороны повстанцев³⁸. Неизвестно, на чем основывались вычисления Геронтия. П. С. Смирнов предполагал, что допустимой базой могло стать мнение Никифора Каллиста из Книги о вере, будто антихрист будет царствовать семь лет. В таком случае Геронтий мог считать первым годом борьбы с антихристом 1668, т. е. год начала осады Соловецкого монастыря³⁹.

Другая дата — 1690/91 г. Эти расчеты принадлежат головщику старцу Матвею, бывшему дьячку церкви Всемилостивого Спаса в г. Архангельске. Он написал тетради «про пришествие Христово, что пришествие Христово будет в 199 году»⁴⁰. К сожалению, оба срока названы лишь в официальных документах властей, а потому аргументация соловецких идеологов, содержание их эсхатологических построений остаются неизвестными. В нашем распоряжении есть лишь два сочинения соловецких авторов, где поднимаются эсхатологические вопросы. Это вторая часть «Ответа вкратце...» Геронтия и Послание к ссыльным ростовцам Ивана Захарьева («дивная епистолия», по определению поздних старообрядцев).

Вторая часть «Ответа вкратце...» была написана после сентября 1667 г.⁴¹ В этом сочинении нет конкретной даты конца света. Видимо, вычисления эти были проведены

Геронтием позднее. Автор не рассуждает, а строит текст из почти непрерывного ряда цитат, поэтому собственную концепцию Геронтия выявить сложно. Источниками для этого сочинения Геронтия послужили: Ефрем Сирий (Слово 105), Кириллова книга, Книга о вере, Слово Ипполита папы римского о втором пришествии, Книга «Небеса» Иоанна Дамаскина (Слово 47), Большой Катехизис (глава 23 о знамениях последнего времени), Беседы апостольские, Житие Павла Исповедника, написанное Иоанном Златоустом. Кроме того, Геронтий, естественно, опирался на тексты Апокалипсиса, евангелий, а также Экклезиаста. Эсхатологическим построениям Геронтий посвятил 15 глав (79–93)⁴².

Идея Геронтия такова. Главной чертой последнего времени является отступление от веры. Обращаясь к широко распространенной теории трех отступлений, он приходит к убеждению, что после года 166-го восьмой тысячи лет (т. е. после 1657 г.) надо опасаться гибели православного мира. В происходящих событиях Геронтий видит подтверждение самых мрачных пророчеств. Когда же наступит конец света? Автор обращается к евангельским словам о том, что день и час второго пришествия не известен ни ангелам, ни людям. Обращаясь к теме антихриста, Геронтий высказывает убеждение в его телесной, чувственной природе. Сопровождение антихристу и его установлениям Геронтий провозглашает высшей заслугой верующего. Такие люди встанут выше первых мучеников христианства, поскольку те «того слуги победиша, сии же самого того сына погибельнаго попрут и победители будут» (гл. 84).

Знамения, указывающие на последнее время, Геронтий называет, опираясь на Большой Катехизис, отвергнутый церковными властями при патриархе Филарете. (На Соловках в монастырской библиотеке хранилось несколько списков запрещенной книги. Судя по всему, соловецкие книжники не разделяли негативное мнение церковных властей о Катехизисе.) Все знамения Геронтий видит исполнившимися. Скорый приход антихриста представляется автору несомненным.

Дополнительное подтверждение тому Геронтий видит в немилосердии и гневливости пастырей церкви, в измене-

нии церковных обрядов, которое разрушает саму церковь. Опираясь на Большой Катехизис, Кириллову книгу, привлекая некоторые положения вселенских соборов из Кормчей, Геронтий строит доказательства еретичности никонианской церкви. При этом он не конкретизирует отдельные нарушения службы и обряда, так как это сделано в первой части «Ответа вкратце...» («Собрании от божественных писаний... против новых книг»). Единственным спасением от еретичества в условиях надвигающегося конца света Геронтий считает сохранение веры каждым христианином индивидуально и прекращение всех контактов с отступниками⁴³. Лучше умереть за истину, чем «к сласти человеком творити и душу свою во веки погубити», провозглашает он (гл. 93). Выбор между гибелью вечной и временными земными мучениями становится, по Геронтию, главной проблемой, значение которой неизмеримо возрастает в условиях наступивших последних времен и надвигающегося конца света.

Иван Захарьев не анализировал эсхатологические проблемы. Но в его послании⁴⁴ проявилось отношение автора к окружающему миру. Как уже говорилось, он понимал антихриста мысленно, а не чувственно, поскольку говорил о нем как о силе зла и нечестия, распространившейся в мире.

Итак, анализ тех немногочисленных сведений об эсхатологических взглядах повстанцев, которые сохранились до настоящего времени, позволяет сделать следующее заключение. В ходе восстания происходило постепенное формирование двойственного взгляда на природу антихриста — и как чувственного, и как духовного. Параллельно с поисками конкретного воплощения антихриста развивалось восприятие окружающего мира как погибшего, наполненного антихристовым духом, т. е. духом нечестия. Окончательное формирование двух концепций антихриста, превращение их в разработанные системы с ярко выраженным политическим содержанием — все это происходило уже вне стен Соловецкого монастыря и гораздо позднее⁴⁵. Для понимания идеологии Соловецкого восстания важно отметить сам факт одновременного и на первых порах непротиворечивого развития двух тенденций в трактов-

ке эсхатологических проблем. Не случайно одну из наиболее ранних концепций духовного антихриста разработал позднее выходец из Соловецкого монастыря дьякон Игнатий в Книге о титле («Писании обличительном...»). Поскольку конец этого сочинения, содержащий эсхатологические построения, до последнего времени не был известен исследователям, следует изложить теорию Игнатия, вполне созвучную ранним высказываниям Ивана Захарьева. Не исключено, что взгляды Игнатия на антихриста начали формироваться еще в Соловецком монастыре. Принимая понятие о чувственной природе антихриста как нечто само собой разумеющееся, Игнатий выстроил оригинальную эсхатологическую схему.

По мнению дьякона, антихрист приходит в мир и в телесном, и — главное — в духовном смысле. Вывод о наступивших уже последних временах подкрепляется богословскими рассуждениями с применением аллегорического толкования евангельского текста⁴⁶. Христос символизирует истинную веру, рождаемую святой церковью, аллегорией которой является Дева Мария. В противоположность Христу антихрист может быть определен как нечестивый дух ложного учения, порождаемый «девкою-блудницею», т. е. скверной никонианской церковью. Соответственно, с момента церковной реформы патриарха Никона антихрист в духовном смысле уже явился в мир и постепенно распространяет свое влияние. Отсюда вытекает мысль о необходимости избегать никонианской церкви, священства, всех «никониан». Будущее мира представляется Игнатию, знавшему о разгроме Соловецкого монастыря, в мрачном свете⁴⁷.

Эсхатологическое мироощущение соловецких повстанцев вынуждало их к определению своего места в гибнущем, отступившем от благочестия мире. В ходе восстания достаточно рано начинаются разговоры о «явных чудотворениях», происходящих в монастыре⁴⁸. Источники сохранили только отрывочные сведения о чудесах, вызывавших интерес и длительные разговоры⁴⁹. Что конкретно известно?

1. Протопоп Аввакум писал о благоухающих мощах бывшего соловецкого игумена Иринарха, открытых ранее в монастыре. В этом он видел знамение богоизбранности,

святости обители, символ ее торжества над нечестивыми «никонианами»:

И ныне явился новой святой Иринарх в Соловецком монастыре, — вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумеите: не прах ли был Иринарх-от, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне, яко мирсина, взошел, зело завонял во всю Рускую землю. Мирьсина бо есть древо райское, обретается к восточным странам, посреде кедров и кипарисов, и зело древо уханно, еже есть вонь исполнено благой, издалече приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониан и възбесил и скорбь им наведе явлением своим, понеже старья наша изгнанныя православныя веры крин процвете на обличение никониянам-новолюбцам, врагом и отступникам от Христа, и от пречистой Богородицы, и от соловецких чудотворцов.

Как вы, никонияня, скрыть чудо сие умыслите? Али сице рцете, яко вашего ради достояния земля Иринарха-отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы! Обмишулились, — не так, не так! Не лгите на истинну: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят седьм годов, алчни и жадни, и наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, Бог изведе из земля старого игумна Иринарха, бывшего древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всяя Руси⁵⁰.

2. Видения инока Ипатия (Ипата) Чюдесника, содержание которых зафиксировано в Повести о видении инока Ипатия⁵¹. В этом сочинении эсхатологические проблемы оказываются в центре внимания автора. Согласно видению, «новая вера» была принесена на Русь двумя «великими черными ефиопы». Они «пришли из Риму, а были в Турской земли. А принесли с собою книгу велику, а говорят, ту де книгу сам сатана со еретики во аде строил 30 лет. И тою книгою смутил и Рим, и Греческую землю, и Рускую». Когда к этой мистической книге прикасаются соловецкие монахи и миряне (она упала на крыльцо церкви в обители), они тут же уми-

рают. Бог угрожает жестокими наказаниями всем последователям «новой веры»: отбросив первоначальные планы всех сжечь или побить камнями, он придумал особенное наказание, которое хранит в тайне. Кроме того, в Повести есть описание действий бесов, пытающихся отвратить Ипатия от истинной веры: они уговаривают его плюнуть на крест и потоптать его. Это вполне обычные действия при заключении сделок с нечистой силой⁵². В частности, именно такие поступки приписывали соловецкие рассказчики патриарху Никону (ношение креста и образов святых на стельках и т. п.⁵³). При сопоставлении всех возможных грехов, с одной стороны, и отступления от веры — с другой, Ипатий делает решительный вывод: все, кроме «новой веры», может быть прощено Богом, надо лишь покаяться. А «новая вера» губит безоговорочно. Пытаясь оценить состояние мира, Ипатий приходит к заключению: Москва, последнее православное царство, «Третий Рим» — отступила от благочестия. Однако такое убеждение ставило Ипатия в затруднительное положение. Он находился, с одной стороны, перед необходимостью утверждать светлые перспективы для Соловецкого монастыря, а с другой — под гнетом всей обширной эсхатологической традиции, утверждавшей неизбежность конца света после третьего отступления. Автор достаточно уверенно нашел выход из сложной ситуации, опираясь на другие традиционные представления — о божественном царстве как Новом Иерусалиме. Соловки, по утверждению Богоматери в видении Ипатия, могут стать этим последним оплотом благочестия на земле.

Переход от идеи Третьего Рима к концепции Нового Иерусалима не был случайным или нарушающим традиционные идеологические схемы. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, анализируя концепцию Москвы — Третьего Рима, подчеркивали ее двойственную природу. С одной стороны, здесь есть теократический аспект, акцентируется связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями; с другой стороны, речь идет о мировой империи. В политическом варианте центром вселенского организма является Рим. В духовном плане «символическое выражение истинного царства — Иерусалим. Еще в XVI в. с иде-

ей Москвы — Нового Иерусалима спорил Максим Грек. Широко известную и осужденную современниками попытку построить Новый Иерусалим предпринял патриарх Никон»⁵⁴. Принципиальное отличие подхода соловецких идеологов к утверждению своего монастыря как Нового Иерусалима от того, который предпринимал Никон, видно в Повести о видении Ипатия. На Соловках эта теория трактовалась в духовном, аллегорическом плане, без попыток соотнести сам монастырь с «небесным градом». Патриарх Никон совершал кощунственную, с точки зрения традиции, акцию по подмене небесного Иерусалима земной копией города⁵⁵.

Поиски теории, обнадеживающей верующих в условиях духовного падения «Третьего Рима», велись не только на Соловках. Для сравнения можно обратиться к другой попытке решения проблемы: упоминанию о «Четвертом Риме» в Повести о Петре и Евдокиме, современной Повести о видении Ипатия. В комментариях В. С. Кузнецовой к тексту памятника показана противоречивость и неясность этой трактовки⁵⁶. Следует признать, что в видении Ипатия предложен, пожалуй, оптимальный для старообрядцев вариант оптимистического подхода к теме.

Восприятие Соловецкого монастыря как Нового, духовного Иерусалима вышло за пределы обители, пришлось по душе позднейшим старообрядцам, считавшим себя наследниками соловецких отцов. Так, Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни» говорит об ушедших из Соловецкого монастыря иноках: «яко из Иерусалима послани Духом Святым»⁵⁷. Беловодье, куда якобы дошли некоторые соловецкие иноки, старообрядцы называли то Новым Иерусалимом, то Новыми Соловками, явно приравнивая эти определения друг к другу.

3. Видение о пророчестве соловецких чудотворцев царю Алексею Михайловичу в июле 1668 г.⁵⁸ Два старца являются в видении в Москве, у Покровских ворот, тайнозритель опознает в них преподобных Зосиму и Савватия и называет их «соловецкими челобитчиками». Они требуют оставить монастырь в «древнем предании и чину неизменно», иначе предвещая в обращении к царю «преставление све-

та». Редактор внес небольшое, но принципиальное изменение: «преставление *твоему от* света», т. е. смерть Алексея Михайловича. Таким образом, изначально сказание соответствовало настроению, выраженному и в видении Ипатия: Соловецкий монастырь — последний оплот правой веры, если он падет, наступит конец света. Позднее характер сочинения был изменен, оно превратилось в частное пророчество о смерти царя⁵⁹.

4. Повесть о чудесном исцелении соловецкого инокса Исая в Анзерской пустыни в сентябре 1667 г.⁶⁰ Содержание сочинения достаточно простое, образы не отличаются оригинальностью. Автор постоянно сбивается с третьего лица («некто инок Исая», «ево Исаяю») на первое («И я де стихи крещенские пел и слово Поладия мниха чел с начала и до конца наизусть, и братия то слышали многие, а потом, егда в разум приде, и того слова наизусть ничего не помню» — л. 237–237 об.). Судя по всему, запись о чуде сделана была самим тайнозрителем. Исая, бывший келейник знаменитого соловецкого старца Сергия Шелонина, 5 мая 1664 г. стал свидетелем первого видения, потрясшего его до помрачения рассудка: в монастырь прилетели два змея, один из которых напал на Исаяю, разбив окно его кельи, а другой — большой по размерам и трехглавый — уселся на кресте Трапезной возле Успенской церкви, свесив хвост до кровли. Потрясение Исая было столь велико, что его поместили в больницу, а затем в беспамятном состоянии перевели в Анзерскую пустынь. Там Исая «конечне всего ума своего отступил и людей не почал знати». Его видения стали регулярными: полчища бесов «в различные лица в человецы и звери и гады» доставляли иноку бесчисленные неприятности. Они пытались уговорить монаха покинуть острова и, скинув чернеческое платье, уйти в Вологду.

Затем наступил перелом. Вместо бесов Исаяе явились святые: Зосима, Савватий, Герман, митрополит Филипп, игумен Иринарх и Елеазар Анзерский. Они приходили несколько раз группами от двух до шести человек. 28 сентября 1667 г. в субботу ночью святые изгнали бесов, досаждавших Исаяе. Змея, пытавшегося проникнуть в Соловецкий

монастырь, уничтожили и сожгли по указанию Богоматери. Мария утверждала, что змей «много зла сотворил святей обители и сему месту⁶¹, хотя тако же зло сотворити и навести пакость и братиею смясти». Вернув память и разум Исаяе, Богоматерь послала его с проповедью ко всем анзерским и соловецким инокам, сказав для передачи им следующее: «Стражете вы за истинну, за сына моего, показующе — за сего младенца, и за мене, и за законы отеческия, и за предание преподобных отец Зосимы и Саватия и Германа неразделно вы з братиею заедино и за монастырь, и вы не убойтесь, я за вас молебница и ходатаица буду к сыну своему Христу и Богу нашему».

Таким образом, в Повести об исцелении инока Исаяи звучит отчетливая надежда на спасение посреди антихристового мира. Змей — как и в видениях Ипатия — уже залетает на Соловки, но противостоящие ему силы побеждают сатанинскую напасть. Показательна дата исцеления — 28 сентября 1667 г., т. е. через неделю после принятия Пятой соловецкой челобитной (22 сентября), в момент разрыва монастыря с властями⁶². Повесть насыщена эсхатологическим мировосприятием, не случайно в забытии Исаяя читает именно Слово Палладия Мниха о втором пришествии. Тревожное, напряженное состояние переплетается с уверенностью в правоте своих убеждений, с надеждами на спасение.

5. Наконец, неизвестные по содержанию видения ссылного мирянина Андрея Веревкина, человека с весьма сомнительным прошлым⁶³. То, что соловецкие повстанцы признали истинными видения человека откровенно «недостойного», не заслуживающего высокой чести божественного знамения, характерно само по себе. Исследователь жанра видений Н. И. Прокофьев отмечал, что появление необычного — «недостойного» — тайнозрителя обозначает момент резкого обострения идеологической напряженности, подчеркивает предельную оппозиционность настроений⁶⁴. Главное здесь — возможность выразить наиболее категоричные идеи, закрепить уверенность в собственной правоте, обратившись к такой своеобразной форме сознания, как чудеса и видения. Авторитет Бога, святых должен утвердить

позиции повстанцев. Чудеса были могучим доказательством богоизбранности восставших, истинности их идей и справедливости действий. Подъем мистических настроений, обостренное ожидание чудес и знамений объективно отражали глубину и остроту оппозиционности, готовность к самому решительному и последовательному сопротивлению властям.

Видимо, из этого напряженного мироощущения повстанцев вышло то невероятно почтительное, порой даже боязливое отношение к Соловецкому монастырю, которое распространилось в Поморье во время восстания и вскоре после его разгрома. Об этом можно судить по трем памятникам, созданным вне стен Соловецкой обители:

1. Краткое чудо Зосимы и Савватия Соловецких времени осады монастыря⁶⁵. Соловецкие чудотворцы предстают в сочинении карающими за отказ от помощи осажденной обители. Тональность этого произведения определяют авторитет монастыря, святых и страх перед карами более серьезными, чем царские наказания.

2. «Чудо» Зосимы и Савватия от 14 июня 1668 г.⁶⁶ Рассказ содержит несколько чудес, относящихся к разному времени. Одно чудо связано с выброшенными из монастыря новопечатными книгами (они были заперты в церкви, а наутро помимо человеческой воли оказались на берегу моря, вне стен обители). Второе чудо — когда обстрел монастыря из ружей не дал результата, поскольку пули сами собой отлетали от стен крепости, не причиняя никому вреда. Третье — чудо взлетевшего на воздух монастыря при появлении крупного военного отряда. И, наконец, четвертое чудо — когда лабьи стрельцов не смогли достичь острова. Таким образом, все эти чудеса призваны были подтвердить несокрушимость Соловецкого монастыря, охраняемого высшими силами. Подобные настроения соответствовали убеждениям самих повстанцев. Нападавшие испытывали перед обителью трепет, о страхе стрельцов перед могущественным монастырем в рассказе говорится много.

3. Тот же страх определяет настроение еще одного рассказа о чуде — видения караульного на Соловках из фраг-

мента расспросных речей 1680 г.⁶⁷ События происходят в день памяти святых Зосимы и Савватия. Явившийся от монастыря старец пугает кустодея (стражника), не совершая ничего угрожающего — он лишь быстро проходит («протекает») от Соловецкого монастыря до места караула и далее, к шатру воеводы. На том видение кончается. «Ужас» тайнозрителя, а затем и его товарищей, услышавших о видении, можно объяснить лишь общим настороженным и боязливым отношением к обители со стороны стрельцов, осаждавших монастырь.

То, что пугало противников восстания, вызывало уверенность повстанцев и их сторонников в необходимости защищать Соловецкий монастырь — последний оплот благочестия посреди погибшего, отступившего от истинной веры мира. Когда Семен Денисов в 1710-х гг. создавал «Историю об отцах и страдальцах соловецких», именно подобные сочинения и слухи формировали его собственное отношение к обители как к месту святому и богоизбранному⁶⁸.

Взгляд поздних старообрядцев на соловецких иноков и мирян, на их роль в защите истинной веры складывался на основании сказаний о чудесах и видениях в осажденной обители и рассказов о стойкости повстанцев. Уверенность в правоте своего дела поддерживала дух соловецких насельников. В старообрядческом сборнике XVIII в. сохранилась краткая запись о поведении на допросах одного из соловецких мирян — слуги Кондратия⁶⁹.

В нынешней год на 179 страдалцев Божиих о благочестии сядят на Мстиславском дворе во оковах девять человек, в них же есть бывшей слуга Соловецкаго монастыря, Кондратием зовут. И приведен был перед властей, и они его расспрашивали, и он им отвечал со всею святою простотою. Власти говорили: «Кондратей, погибаешь ты безумной». И он рек им: «Те безумныя погибают, иже веру Христову и апостольскую разоряют». И они рекли: «Проклят ты буди, враг Божий». — «Те враги Божия прокляты, иже предание отеческое разоряют». И они ему рекли: «Враг ты Божий, кто разорил веру». И он им рекл: «А кто разорил, тот и враг Божий». И думной дьяк возьм нека-

ко древо в сенех и довольно на него раны наложил, но и цепь положить повелел на него с стулом и в пустую избу посадили в великой пост на первой недели до ныне так ходит и зело благодарит Бога.

Подобная твердость — реальная и превратившаяся в факт письменности — свидетельствует об общей самооценке восставших.

Однако самооценка соловецких повстанцев не ограничивалась мистическими построениями. Углубляясь в догматические поиски для обоснования своего пути, восставшие не забывали делать вполне конкретные политические выводы из своих рассуждений:

Да оне [ж] воры говорят: нам де никакой указ от великого государя не надобно, и не слушаем ни по-новому, ни по-старому, делаем по-своему. А все называют своим, а не великого государя. Остров де наш, и в монастыре все наше, и вотчины де монастырские завладели напрасно⁷⁰.

Даже если в этом высказывании, записанном воеводой, допущены некоторые преувеличения, нашло место отношение к побережным вотчинам как к неотъемлемому владению монастыря, восприятие островов как своей общей братской собственности, безусловно, приводило соловецких насельников к ясному определению: «царская земля по монастырь, а монастырь — не царская земля»⁷¹. Вся практика общения с вотчинами во время осады, все действия повстанцев показывают, что формула эта не оставалась простой декларацией. Взгляд соловецких повстанцев на свое место в мире и на состояние всего государства во многом совпадает с антитезой, сформулированной протопопом Аввакумом: «чужая земля», никонианская Русь, отпавшая и погибшая, — и «свое отечество» как единство праведников⁷². Однако своеобразные условия монастыря определили большую, чем у Аввакума, четкость в характеристике «своего отечества». А. С. Елеонская отмечала, что образ «отечества» у Аввакума иллюзорен и расплывчат: «То он возникает как мечта о справедливом государстве, то сводится

к замкнутому братству „верных“, то и вовсе ассоциируется с райским блаженством»⁷³. На Соловках «свое отечество» предстает большой вотчиной с центром — монастырем на острове. Территория, хозяйственные связи, культурные традиции составляли вполне конкретное содержание идеала, на защиту которого встали иноки и миряне, поддержанные поморским населением. Недовольство церковной реформой, эсхатологическое мировосприятие формировали общую оппозиционность настроений, их остроту и силу. Постепенно определялось и главное направление конфронтации. В центре внимания оказывался вопрос об отношении к царской власти.

Отношение повстанцев к царской власти

Главным актом сопротивления властям стала решительная борьба с военным отрядом, осаждавшим монастырь, организованная повстанцами. Стрельба по царским войскам — одиночная, затем массовая — была повседневной реальностью восстания. Однако подобные действия не могли однозначно оцениваться всеми осажденными. Как уже говорилось, в ходе восстания очень рано начались споры о допустимости вооруженного сопротивления войскам, присланным самим царем. Давно известно, что Геронтий «о стрельбе запрещал и стрелять не велел»⁷⁴. Но идеологи радикальной группы воспринимали вооруженный отпор царю не просто как возможный, а как богоугодный. Вспомним многократно описанный в исторической литературе проход архимандрита Никанора по стенам соловецкой крепости, когда он кропил пушки святой водой⁷⁵. Это не только полумагический ритуал, должный усилить и улучшить боевые качества «матушек-галаночек». Это еще и вполне христианский по духу символический обряд, поднимающий вооруженные действия против царских войск на сакральную высоту, превращающий сопротивление властям в святое праведное дело борьбы с нечестивым антихристовым воинством. Столкновение двух позиций — за и против стрельбы — было неизбежным. Когда Геронтий

написал приговор против стрельбы по царским войскам⁷⁶, его за это посадили в тюрьму⁷⁷. Сомнения в необходимости военных действий не всегда носили идеологический характер. Некоторые насельники Соловецкого монастыря высказались в 1668 г. против перестрелки, опасаясь, что боевые действия приведут к гибели монахов и мирян. Так, старец Исидор Братошинец вступил в резкий конфликт с иноком Тихоном Долгим и архимандритом Никанором, обвинив их в том, что они «стреляют братцкими головами, а не ядры»⁷⁸.

Проблема вооруженного сопротивления властям как ярко социальная всегда привлекала внимание исследователей истории Соловецкого восстания. Одни рассматривали вооруженные действия как результат вредного влияния мирян, захвативших власть в обители⁷⁹. Другие говорили о тех же событиях как высшем проявлении классовой борьбы мирян, освободившихся от влияния монахов. Вооруженная борьба в таком случае рассматривалась как свидетельство освобождения сознания бельцов от «религиозной оболочки»⁸⁰. В обоих случаях исследователи предпочитали датировать начало боевых действий возможно более поздними сроками: 1670, 1673, 1674 гг. Однако дело не только в том простом и очевидном факте, что стрельба с разной интенсивностью велась с лета 1668 г. по январь 1676 г. И не только в том, что монахи и миряне были как среди сторонников, так и среди противников боевых действий. (Здесь, действительно, возможно некоторое противопоставление: стрельцы-миряне, привычные к оружию, к концу восстания настроены были на самые решительные действия; священники, часть монахов опасались развития вооруженного противостояния. Но нельзя забывать о том, что подобное противопоставление — только часть картины.) У проблемы вооруженной борьбы против царских войск были и другие стороны.

Во-первых, это заметная связь между оправданием боевых действий и эсхатологическими построениями. Активизация боевых действий, их освящение всегда сопровождалась введением немоления за царя и обостренным ожиданием конца света⁸¹. Так было, как теперь удастся уста-

новить, весной-летом 1669 г.; так было и зимой 1673/74 г. П. С. Смирнов, анализируя историю развития в раннем старообрядчестве концепции царя-антихриста, отметил связь между усилением военных действий оппозиции и ростом уверенности в том, что царь Алексей Михайлович является воплощением антихриста⁸². Источники не дают определенных сведений о том, что стрельба по царским войскам оправдывалась именно этой концепцией, но и не опровергают такое предположение. Безусловно, царское войско считалось нечестивым, подверженным влиянию антихристового духа, нехристианским⁸³. Возможно, и царь, по мнению повстанцев, был связан с антихристом. В целом нет сомнений, что именно острота эсхатологических настроений определяла убежденность соловецких повстанцев в необходимости вести боевые действия.

Второй момент, связанный с проблемой восприятия вооруженной борьбы самими восставшими, — это отношение участников движения к христианскому идеалу страдания за веру. В Сказке от 6 октября 1666 г., во Второй-Третьей челобитной заметна последовательно излагаемая идея: хотим умереть за веру⁸⁴. В прениях с ярославским архимандритом Сергием Никанор публично заявил: «Я де готов пострадать» за веру. Для этого он просил послать его в Москву. Остальные участники черного собора также выражали желание «все пострадати единомудушно»⁸⁵. В Четвертой челобитной сформулирована просьба прислать в монастырь «меч царьской», т. е. войско, и «от сего мятежнаго жития переселити нас на оное безмятежное и вечное житие». Далее иноки и миряне заявляли: «А мы тебе, великому государю, не противны; ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим и вси с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертный час готовы»⁸⁶. Аналогичное положение сформулировано в финале Пятой челобитной: «Лучше нам временную смерть умереть, нежели вечно погибнуть»⁸⁷. В Пятой челобитной дано также развернутое объяснение подобных взглядов соловецких насельников: «И воистину, государь, блажен той, его же сподобит Господь от таковых нынешних учителей до смер-

ти пострадать, и веруем Божественному писанию, яко тии паче прежних мучеников у Бога обрящутся. О сем бо и мы молим человеколюбие Божие, яко да и нас грешных сподобит от них пострадати, и понемалу отраду в будущем веке за своя согрешения получитьи»⁸⁸.

Идеал страдания — добровольного и безвинного — на первых порах был очень популярен в Соловецком монастыре. Эти настроения опираются на одну из своеобразных традиций в понимании святости не просто как мучения за веру, но как мучения в непротивлении злу, как принесение самих себя в жертву за грешный мир⁸⁹. На деле бурный соловецкий черный собор, радикальные лидеры (например, Никанор) были весьма далеки от провозглашаемого ими идеала кротких страдальцев, не противящихся злу. Это несоответствие было заметно и самим участникам движения: вспомним, как упрекали Никанора за то, что он не пострадал за веру в Москве, а с помощью ложного покаяния вернулся в монастырь⁹⁰. Но показательно, что сознание повстанцев в критические моменты обращается к привычному представлению о святости. В таком подходе есть и чрезвычайно взрывоопасный элемент восприятия власти как «силы тьмы». Поскольку православное эсхатологическое мировосприятие делит вселенную на «Божий мир» и на области, отступившие в нечестие, власти-насильники, отошедшие от истинной веры, оказываются совершенно очевидными слугами антихриста. Таким образом, в самой идее страдания за веру заключен момент столь резкого осуждения властей, что переход от идеала пассивного страдания и непротivления насилию к практике вооруженной борьбы не представлял неразрешимого противоречия. Это одно из тех противоречий, которые укрепляют, а не ослабляют систему мировосприятия.

Официальным властям в последующие времена неоднократно приходилось сталкиваться с опасными для них последствиями лозунгов страдания за веру. Не случайно в 1722 г. был принят указ Синода, подготовленный Феофаном Прокоповичем, о вредности страдания за веру, не одобренного правительством. Согласно мнению властей, «не всякое страдание, но токмо страдание законно бываемое, то

есть за известную истину... полезно и богоугодно есть», гонимый же за правду «в Российском, яко православном государстве, опасатися не подобает, понеже то и быти не может». Соответственно, страдание за веру в Российском государстве не является истинным и богоугодным делом⁹¹. Во время Соловецкого восстания антигосударственный характер идеи страдания за веру лишь начал формироваться. Двойственность этой идеи по-разному проявлялась в меняющихся обстоятельствах восстания. Вспомним Бориса Якимова сына Борана, который вышел из монастыря пострадать за свои убеждения, чтобы очиститься от пролитой им крови ратных людей⁹². Он ни на йоту не отрекся от своих взглядов, не жалел о том, что стрелял, сражался. Единственным побуждением Бориса Якимовича было спасти душу через добровольную жертву. Борьба с нечестивым царским войском — доброе, благое дело. Пролитие крови в любом случае грех. Но добровольное безвинное страдание — святой поступок. Так что, сдаваясь властям, Борис Якимович Боран не только не считал себя тяжким грешником, напротив — он видел себя готовым к спасению души, к святости. Подобные действия сходны с позднейшей массовой готовностью старообрядцев к самосожжению. И все это укладывается в русло христианских традиций аскетизма и самопожертвования, с одной стороны, и крайнего отрицания сатанинского начала — с другой.

Позднейшая старообрядческая традиция вознесла и усилила идеи «сидения», страдания святых соловецких подвижников за правую веру. Вспомним «Историю об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Необходимо признать, что в данном случае старообрядцы развивали концепцию, выдвигаемую самими участниками Соловецкого восстания. Но более важно то, что в реальности из двойственной структуры «страдание за веру — осуждение нечестивых слуг антихристовых» вырастала яростная и непримиримая борьба с царскими войсками — вплоть до последних выстрелов осажденных из высоких окон запертой Трапезной. А мученичество последних защитников Соловецкой обители оказалось иным по сути, отличным от христианского идеала, но не менее тяжким.

Итак, совершенно очевидно, что отношение повстанцев к московским властям было постоянно и определенно негативным. Гораздо сложнее выстраивалось отношение к личности царя. Господствовавшие в народном сознании традиции «наивного монархизма» определяли изначальный уровень, отправную позицию в отношении к царю. Первоначальное ожидание, что царь отменит реформу патриарха Никона, постоянные апелляции к царской милости и к примеру благочестивого царя Михаила Федоровича — все это соответствует традиционно-монархическому сознанию. В 1650-е гг. в культе митрополита Филиппа Колычева, погибшего из-за выступления против монарха, нашли отражение идеи морального осуждения крайностей тиранического правления⁹³. Как уже говорилось, в 1666 г. во время следствия по делу дьякона Сильвестра выявляются слухи, свидетельствующие о зарождении идеи о царе-антихристе. И все же главным, господствующим оставалось убеждение, что царь может изменить положение в церкви и стране к лучшему. Такие надежды выражены в письмах соловецких старцев Иева Щербака и Амбросима к Александру Стукалову, написанных в сентябре 1667 г.⁹⁴ Постепенно складывалось двойственное настроение, где объединялись надежды на царскую милость, справедливость — и готовность к сопротивлению. Резкое изменение в настроениях повстанцев наступило после принятия в декабре 1667 г. царского указа, отбирающего у монастыря побережные вотчины. Шестая челобитная, высылка ссыльных — все это означало перелом в сознании повстанцев. Их отказ выполнять государеву службу стал ответом на отмену царем прав и привилегий обители, четко определившую общее отношение царя к взбунтовавшемуся монастырю.

В ходе Соловецкого восстания впервые в истории старообрядчества радикально настроенные повстанцы отменили общеобязательную молитву за царя. Известный исследователь старообрядчества П. С. Смирнов пришел к выводу, что немоление за царя было вызвано размышлениями на эсхатологические темы. «Известно, что толки об исполнении последнего отступления и о наступлении царства

антихриста выразились, между прочим, в представлении о царе то как о роге антихриста, то как о самом антихристе. Последовательное проведение этого взгляда прямо приводило к отрицанию молитвы за царя. В самом деле, возможно молиться за царя неверного и подобает молиться по апостолу, но невозможно молиться за антихриста или за чрезвычайный сосуд его, потому что это было бы даже грешно»⁹⁵.

Вопрос о молитве за царя, отступившего от благочестия, в ходе восстания вставал дважды: в 1669 г. (во время проведения радикальных реформ) и в декабре 1673 г. (решение собора от 28 декабря о немолении за царя, которое оставалось в силе до конца восстания). Следует отметить, что повстанцы по-разному трактовали вопрос о молебнии за царя в 1669 г. и в конце восстания. На первом этапе речь шла о замене имени конкретного царя — Алексея Михайловича — общей формулой о «благочестивых князях». Таким образом, восставшие, как отмечалось в предшествующей главе, не отказывались от молитвы за царя. Они возвращались к практике, существовавшей до воцарения Алексея Михайловича. Введение царского имени в молитву вызвало протест у многих — не только в Соловецком монастыре, но и за его пределами. Решительным противником поименования царя в молитве был протопоп Аввакум. В «Книге толкований и нравоучений» он резко и определенно заявил:

Так-то и царя тово враг Божий омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: «Благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшего государя нашего (такова и сякова, великаго, болши всех святых от века!) да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков!»... А цар-ет в те поры чается и мнится бытто и впрямь таков, святее ево нет!.. Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: «Всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». А до царя дошед, глаголют: «Да помянет Господь Бог благородие твое во царствии своем»... А не в лице говорили именем его, посы-

лая во царство небесное. Будь он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется... А ныне у них все накость да поперег: жива человека в лице святым называй — коли не пропадет?⁹⁶

Возмущение Аввакума — «от века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор Вавилонский! Да досталось ему, безумному!»⁹⁷ — было, видимо, вполне понятно радикальным лидерам Соловецкого восстания. Однако, как указывалось в предшествующей главе, большинство насельников монастыря не было в 1669 г. готово к отказу от поименования царя в молитве. Такие действия представлялись — вполне справедливо — как открытое антицарское выступление. Но большинство иноков и мирян к 1669 г. оставалось на позициях «наивного монархизма».

Не исключено, что вопрос об отказе от моления за царя вообще вставал уже в 1669 г. В извете священника Василия Семенова от 17 января 1669 г. на кемского попа Симеона Маковеева среди прочих фактов неповиновения властям указывается следующий: в кемской церкви, где служил Симеон, «на переносе де за государское многолетное здоровье Бога не молят»⁹⁸. Трудно сказать, о чем идет речь: возможно, так Василий Семенов охарактеризовал изъятие из молитвы конкретного имени, но не исключено и буквальное значение текста — отмена всей молитвы. В любом случае, на первом этапе вопрос о немолении за царя оказался слишком сложным и послужил одной из основных причин свержения радикальных лидеров восстания. Радикализация основной массы восставших заняла около четырех лет. Лишь в декабре 1673 г. вводится в монастыре немоление за царя, отказываются повстанцы и от заздравной чаши за царя и членов его семьи⁹⁹. Впрочем, решительные антицарские настроения и в конце восстания стали не всеобщими, но лишь преобладающими.

Например, священник Митрофан просил у келаря Нафанаила чашу меда за здоровье царевны Софьи Алексеевны в день ее ангела. Ему было отказано¹⁰⁰. Священник Павел с послушником Дионисием и Арсением уже после 28 декабря 1673 г. записали в синодик имя царицы Марии

Ильиничны. За это их называли еретиками, а имя из синодика выскребли¹⁰¹. Некоторые священники на черном соборе заявили, что не прекратят богомолie за царя¹⁰². Противостояние сторонников и противников немоления было постоянным фактором идеологической обстановки в монастыре в 1674–1675 гг. Вспомним черный собор 16 сентября 1674 г., на котором сотники Исачко Воронин и Самко Васильев требовали последовательного проведения соборного решения об отмене молитвы за царя; вспомним конфликт в связи с пожаром в Трапезной 17 марта 1675 г., когда радикалы заявили, что причина бедствия — моление за царя в Успенской церкви¹⁰³. Характерно, что пожар, произошедший, по мнению радикалов, из-за молений о здравии царя, пришелся на день Алексея человека Божия — т. е. патрона Алексея Михайловича. В июне 1675 г. один из выходцев из монастыря — старец Аввакум — утверждал: «Как де на отпуске литургии Божий запоют многолетие за великого государя, и воры де в то время из церкви выходят и за великого государя богомолia и слышать не хотят»¹⁰⁴. Так что молитвы за царя произносились в обители и в середине 1675 г. Неизвестно только, с именем Алексея Михайловича или без конкретного поименования.

С другой стороны, священник Леонтий специальный молебен «на том пел, что за великого государя Бога не молить»¹⁰⁵. После разгрома восстания ризничий старец Вениамин находился взаперти у себя в келье. Но даже пребывая под стражей, он не оставил своих убеждений: «Тот де Веньямин караульщика Гришку Спирова бил по щекам и за бороду драл за то, что де он, Гришка, за великого государя Бога молил»¹⁰⁶. Таким образом, на протяжении восстания произошло усиление радикальных взглядов, выразившееся, в частности, в установлении догмата немоления за царя — острополитической формы протеста.

Утвердившееся в Соловецком монастыре негативное отношение к царю выразилось и в том, что со стен обители осажденные кричали стрельцам, осаждавшим крепость, «непристойные слова» про царя. Содержание этих выкриков неизвестно, поскольку в официальном отчете воеводы Мещеринова в Москву написано лишь, что «не толко те их

злодейственные непристойные речи написать, но и помыслить страшно»¹⁰⁷.

Можно сделать вывод, что соловецкие повстанцы отрицали не только московские власти в целом, но постепенно пришли к отказу от царистских иллюзий, причем сделали это одними из первых среди старообрядцев.

Разгром Соловецкого восстания, потрясший всех российских старообрядцев, породил знаменитую легенду, где неблагоприятная кончина царя Алексея, занемогшего 23-го и умершего 29 января 1676 г., «в канун дня Страшного суда», ставилась в прямую зависимость от казни соловецких монахов¹⁰⁸. Именно после падения Соловецкого монастыря происходит резкое усиление антицарских настроений в старообрядчестве, лишь временно и незначительно смягченное надеждами на нового царя — Федора, в правление которого казнь пустозерских узников окончательно создала непреодолимую пропасть между властями и старообрядцами. Исчезновение царистских иллюзий в старообрядческой среде в значительной степени вызвано было разгромом Соловецкого восстания. Так что если обратиться к привычному для сознания русских людей XVII в. символическому ряду, легенда о наказании царя соловецкими старцами оказалась вполне обоснованной.

Заключение

Соловецкое восстание 1667–1676 гг., одно из наиболее ярких в череде народных восстаний XVII в., прошло через несколько этапов, различных по направленности, целям руководителей, темпу и интенсивности действий повстанцев. Эти этапы определяются на основании внутренних процессов в монастыре, а не по мероприятиям властей, направленным против восстания.

Канун восстания — от принятия Соборного уложения 1649 г. и проведения церковной реформы, начатой в 1652 г., до начала восстания в сентябре 1667 г. — характеризовался постепенным нарастанием недовольства в монастыре, направленного как против церковных, так и против светских властей. В это время складываются представления, послужившие основой для развития идеологии восстания. Определяется расстановка сил внутри обители: возникает промосковская группировка, убежденная в необходимости полного подчинения центральной власти, и оппозиция, весьма разнообразная по составу. Накануне восстания разногласий внутри оппозиции не было, хотя культурная ориентация и политические взгляды ее участников значительно расходились. Основные усилия оппозиции еще были направлены на смену монастырских властей, на попытки убедить правительство в необходимости отмены церковной реформы Никона и предоставления церковным институтам большей самостоятельности внутри государства.

Первый этап восстания — с сентября 1667 г., ознаменованного принятием на черном соборе Пятой соловецкой

челобитной, содержащей решение о сопротивлении властям в случае их отказа от отмены церковной реформы, до сентября 1669 г., когда быстрая радикализация восстания была прервана внутренним переворотом. Этот этап характеризуется стремительной радикализацией движения. Во главе восстания становятся решительно настроенные лидеры из числа иноков и мирян (келарь Азарий, архимандрит Никанор, старцы Аника Пушкарь, Тихон Долгий, Варфоломей Попрыгин, миряне Фаддей Петров Бородин, Елеазар Алексеев и др.). Происходит резкий разрыв с властями, начинается осада монастыря. Восставшие предпринимают ряд кардинальных изменений обряда и догматики, организуют оборону обители. Но большинство повстанцев не готово к проведению радикальной линии.

Второй этап — от консервативного переворота в сентябре 1669 г. до радикального переворота в августе 1671 г. Во главе восстания оказываются умеренные лидеры — келарь Епифаний, казначей Глеб, священник Геронтий; миряне отступают на второй план. Происходит попятное движение в области идеологии восстания, что сначала приветствуется основной массой восставших. Начинаются переговоры с московскими властями об условиях, на которых восстание может быть прекращено. Но постепенно внутри обители назревает недовольство чернецов и белцов политикой умеренных лидеров. Формируется внутренняя готовность к радикализации движения.

Третий этап — от радикального переворота августа 1671 г. до 22 января 1676 г., т. е. до взятия монастыря правительственными войсками. Заключительный этап восстания характеризуется новой волной радикализации, не столь стремительной, как на первом этапе, но более глубокой, стабильной и массовой. Во главе восстания оказываются радикальные лидеры (архимандрит Никанор, старцы Дорофей Морж, Нафанаил Тугун, священник Леонтий, миряне Логгин Никонов Кемлянин, Самойло Васильев, Исачко Воронин). На третьем этапе радикальные настроения свойственны подавляющей части иноков и мирян. Восстание приобретает четко выраженный антицарский, антиправительственный характер. Активизируются боевые действия повстанцев.

Состав участников Соловецкого восстания весьма разнообразен. Мы видим среди них представителей всех слоев общества — от бывших придворных до беглых холопов. Это люди из различных областей страны — от Урала до Литвы, от Дона до Поморья. Основной приток в осажденный монастырь шел за счет местного поморского населения, которое оказывало также широкую поддержку восставшим, посылая в монастырь вести с берега, продукты и т. п. Однако определяющую роль в развитии соловецкой оппозиции играли не вновь приходящие люди, а постоянные насельники монастыря — и чернецы, и трудники. Основным органом управления во время осады оставался черный собор — традиционный институт, который в годы восстания получил новые функции, расширился за счет участия мирян в его деятельности (на первом и третьем этапах).

Значительную роль в истории старообрядчества сыграли выходцы из Соловецкого монастыря, распространявшие информацию о действиях и идеологических воззрениях повстанцев. Благодаря их деятельности Соловецкое восстание оказало серьезное влияние на становление такой специфической формы антифеодального протеста конца XVII—XVIII в., какой являлось старообрядчество.

По мере развития оппозиции в Соловецком монастыре происходило зарождение и формирование самостоятельной системы воззрений на церковь и священство, приведших к становлению беспоповщины. Утверждение новых взглядов потребовало длительного времени, полное единодушие здесь достигнуто не было.

Оценивая состояние окружающего мира, повстанцы почти единодушно приходили к осознанию своего времени как последнего. Эсхатологические воззрения тесно переплетались с высокой самооценкой участников движения, попытками утвердить авторитет Соловецкого монастыря через рассказы о чудесах и мистических видениях в обители и вокруг нее.

Неоднозначный и непрямой процесс развития идеологии Соловецкого восстания в конечном счете привел к формированию решительных антиправительственных и антицарских настроений повстанцев. В монастыре к концу восста-

ния сложились первые в старообрядчестве антицарские идеи (в форме догмата немоления за царя, некоторых элементов теории царя-антихриста), а также установилось убеждение в необходимости самостоятельности обители в хозяйственном и политическом отношении.

Становление идеологии восстания проходило в постоянной борьбе двух основных группировок — умеренной и радикальной. Численность и персональный состав, положение в обители этих групп постоянно менялись. Однако к концу восстания произошло утверждение наиболее решительных, радикальных программ. Неровный, многослойный процесс формирования новой старообрядческой идеологии в ходе Соловецкого восстания был прерван разгромом и продолжен уже за пределами обители, на берегах Белого моря, на Керженце, в Сибири — там, куда уходили старообрядцы.

Список сокращений

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.
- АИ — Акты исторические. СПб., 1841–1842. Т. 1–5.
- Барсков — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсов — Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым. М., 1890.
- БРАН — Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
- ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва).
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- СПБИН РАН — Санкт-Петербургское отделение Института истории АН РАН.
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПЭ — Православная энциклопедия.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- РИБ — Российская историческая библиотека.
- РНБ — Российская национальная библиотека.
- Субботин — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1875–1895. Т. I–IX.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей древней письменности.

Примечания

Введение

- ¹ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.) Воронеж, 1975. С. 6, 236, 242.
- ² Повесть об осаде Соловецкого монастыря // Памятники литературы Древней Руси. М., 1988. XVII век: Кн. первая. С. 155–191. Детальный и глубокий анализ всех известных источников сочинения Денисова предприняла Е. М. Юхименко. — См.: Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник Выговской литературной школы первой половины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991; Она же. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История об отцах и страдальцах соловецких» // Архив русской истории. М., 1992. С. 71–92 (статья первая); Она же. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История об отцах и страдальцах соловецких» (статья вторая) // Очерки феодальной России. М., 1998. С. 248–265.
- ³ Подобное смещение исторической действительности в соответствии с выговской компромиссной политикой по отношению к властям отмечалось исследователями и при анализе другой повести Семена Денисова — о Тарском бунте: Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 227–241; Покровский Н. Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 62, 66.

- ⁴ См.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 206–207.
- ⁵ Игнатий, архиепископ Донской и Новочеркасский. Истина св. Соловецкой обители против неправды Челобитной, называемой Соловецкой о вере. СПб., 1844; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1853; Никанор, архимандрит (Бровкович А.). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 62–72.
- ⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI, т. 11–12. С. 200, 272–276, 314–318.
- ⁷ Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. // Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 414, 456.
- ⁸ Казанский П. С. Кто были виновники соловецкого возмущения от 1666 до 1676 г.? // ЧОИДР. М., 1867. Вып. IV. С. 1–10.
- ⁹ Соколов П. Очерк истории соловецкого мятежа // Душеполезное чтение. 1887. Т. 2, июль. С. 249–289; Сырцов И. Я. Соловецкий монастырь накануне возмущения монахов-старообрядцев // Православный собеседник. 1879. Ноябрь. С. 271–298; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888.
- ¹⁰ Молчанов А. Бунт соловецких монахов и его значение для раскола вообще и в частности для раскола поморского // Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год. Архангельск, 1909. С. 1–38; Знаменский П. В. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // Православное обозрение. 1882. Февраль. С. 282–314; Апрель. С. 666–686; Знаменский П. В. Произведения соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Православное обозрение. 1883. Апрель. С. 768–785; Владимиров П. В. Очерки из истории литературных движений на севере России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1879. Октябрь. С. 228–249; Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам // ПДП. СПб., 1916. Т. 188.
- ¹¹ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.

- ¹² Барсуков Н. А. Соловецкое восстание (1668–1676 гг.). Петрозаводск, 1954; Барсуков Н. А. Соловецкое восстание (1668–1676 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. При обращении к книге Н. А. Барсукова следует также помнить, что автор допустил много фактических неточностей в именах, датах и т. п.
- ¹³ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. С. 84, 203–209, 215; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 110–128; Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 30–32; Розов Н. Н. Соловецкая библиотека // Там же. С. 330; Розов Н. Н. Соловецкое восстание 1668–1676 гг.: История и ее отражение в русской рукописной книжности и литературе // Повесть о Соловецком восстании. М., 1982. С. 23–36.
- ¹⁴ Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV: «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 318–325; Ромодановская Е. К. Сочинение современника о начале Соловецкого восстания // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 194–199; Иткина Е. И. Повесть «Описание лицевое великой осады и разорения монастыря Соловецкого» и ее литературные и изобразительные источники // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 241–259.
- ¹⁵ Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря; Бубнов Н. Ю. Книготворчество московских старообрядцев XVII в. // Русские книги и библиотеки в XVI–XIX в. Л., 1983. С. 23–37; Бубнов Н. Ю. Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 36–51; Он же. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 92–114; Описание РО БАН СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. С. 18–23; Он же. Работа древнерусских книжников монастырских библиотек (источники соловецкого «Сказания о новых книгах») // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985.

С. 37–58; Он же. «Сказание о новых книгах» (1667 г.) — источник Пятой соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам РО БАН за 1985 год. Л., 1987. С. 112–133; Он же. Книги на «новую веру» (Сборники-автографы старообрядческих писателей XVII в. в БАН СССР) // Книжные сокровища: К 275-летию БАН СССР. Л., 1990. С. 84–104; Он же. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы, эволюция. Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1990; Он же. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995; Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С., Чумичева О. В. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Игнатия Соловецкого, Возвешение от сына духовного ко отцу духовному, Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума. СПб., 1998; Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого, История о патриархе Никоне. СПб., 2006.

- ¹⁶ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 170–252; Сапожникова О. С. Новые сведения о Соловецком книжнике Сергии Шелонине // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1996. С. 617–623; Она же. Сергей Шелонин — писатель и книжник XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999; Она же. Азбуковник Сергия Шелонина, его особенности и отношение к реформе патриарха Никона на Соловках // Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв. Соловки (в печати); Она же. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин и его творчество. СПб., 2009 (в печати); Севастьянова С. К., Чумичева О. В. Повесть о чудесном исцелении инока Исая в Анзерской пустыни: на пересечении традиций // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 684–694; Панченко О. В. Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 444–464; Он же. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Там же. С. 465–472; Он же. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Там же. С. 473–482; Он же. Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия (Из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб.,

2004. С. 336–370; Шевченко Е. Э. Записка соловецкому старцу Александру // Там же. С. 330–335.

¹⁷ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 170–252.

¹⁸ Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 59–76; Она же. Новые материалы по идеологии Соловецкого восстания // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII–XX веков: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1988. С. 26–28; Она же. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666–1671 гг.) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 58–76; Она же. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1671–1676 гг.), ч. 2 // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 37–53; Она же. Страницы истории Соловецкого восстания // История СССР. 1990. № 1. С. 167–175; Она же. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 285–292; Она же. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59–69; Она же. Инок Герасим Фирсов — соловецкий писатель XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы: XVII — начало XVIII в. М., 1992. Сб. 4. С. 87–135; Она же. Арсений Грек в России: судьба и легенды // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 13–22; Дмитриев Л. А., Сапожникова О. С., Чумичева О. В. Сергей Шелонин // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII век, кн. 3. СПб., 1998. С. 343–351; Чумичева О. В. Соловецкое восстание (1667–1676 гг.): основные этапы, движущие силы, идеология. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992; Турилов А. А., Чумичева О. В. Арсений Грек // ПЭ. Т. 3. М., 2000. С. 428–429; Чумичева О. В. Герасим Фирсов // ПЭ. Т. 11. М., 2006. С. 161–163; Она же. Геронтий // Там же. С. 415–416.

- ¹⁹ Анализ различных групп источников и краткую характеристику отдельных повествовательных памятников см.: Приложение.

Глава 1

- ¹ Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря: Исторический очерк. М., 1908. С. 3.
- ² Буров В. А., Скопин В. В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 58–70.
- ³ Подробнее см.: Скопин В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 57–69.
- ⁴ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 141–142; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 17, 19; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1966. С. 138.
- ⁵ Описание центральных строений монастыря см.: Скопин В. В. На Соловецких островах. С. 40–48.
- ⁶ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 208–210, 211–212.
- ⁷ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года: Учебное пособие для высшей школы. М., 1961. С. 210–211.
- ⁸ Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 197.
- ⁹ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888. С. 13.
- ¹⁰ Там же. С. 14. (Бежать из Соловецкого монастыря было крайне сложно, поэтому за большинством ссылных специального надзора не было. Они могли свободно перемещаться по территории обители.)
- ¹¹ Там же. С. 14.
- ¹² Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 262. Никон требовал от монахов определенных даров сверх обычных подношений митрополиту. — РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 461, л. 13 об. — 14.
- ¹³ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 18.
- ¹⁴ Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 262.

- ¹⁵ О взаимоотношениях Соловецкого монастыря и Анзерской пустыни, Никона и Елеазара Анзерского см.: Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230–242; Севастьянова С. К. Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001.
- ¹⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 125–127; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 373–385.
- ¹⁷ Подробнее о соловецкой библиотеке см.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера.
- ¹⁸ Там же. С. 62.
- ¹⁹ Никанор стал книгохранителем не позже августа 1647 г. — РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 244, л. 17 об. Он оставался в этой должности по крайней мере до мая 1653 г. — Там же, д. 51, л. 14 об., 31, 43 об., 61, 67, 78, 83 об. 16 июня 1653 г. Никанор уехал в Москву, чтобы стать архимандритом. — Там же, д. 255, л. 2. О его отъезде см.: Гл. 1, п. 3 данной работы.
- ²⁰ Там же, д. 484, л. 15 об.
- ²¹ Об этом сочинении см.: Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 43–57; Она же. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 102–141.
- ²² См. в данной работе: Гл. 3, п. 1 и Приложение.
- ²³ Хотя Геронтий, автор наиболее знаменитого идеологического памятника Соловецкого восстания — Пятой челобитной, — и был уставщиком в начале 1660-х гг., он не пользовался авторитетом в монастыре в 1640–1650-е гг. и едва ли был тесно связан с кружком книжников в этот период. О нем подробнее см.: Гл. 1, п. 3 и Гл. 3.
- ²⁴ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Гeрасима Фирсова по неизданным текстaм // ПДП. СПб., 1916. Т. 188. С. XXVIII–XXIX. В настоящее время существует предположение, что автор Жития Анны Кашинской старец Игнатий — это уставщик Игнатий: Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу //

Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 93–94; Семячко С. А. Почитание святой благоверной княгини Анны Кашинской и агиографические памятники, ей посвященные // Русская литература. 1998. № 3. С. 153; Она же. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 221–222; Панченко О. В., Юхименко Е. М. Игнатий Соловецкий // ПЭ (в печати). Но при всей вероятности предположения пока не найдено прямых доказательств, что речь идет именно об *уставщике и головщике* Игнатии.

²⁵ Там же. С. XXIX, 110.

²⁶ Там же. С. 115.

²⁷ Там же. С. 131–132.

²⁸ Субботин. Т. 3. С. 86.

²⁹ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 80, 97; образцы его почерка см.: Там же. Рис. 20, 21.

³⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 298, № 215. О судьбе библиотеки Никанора см.: Гл. 2.

³¹ Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 200–210; Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 36–37; Пигин А. В. К изучению Повести Никодима типикариса Соловецкого о некоем иноке // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 282–310.

³² Знаменский П. В. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // Православное обозрение. 1882. Февраль. С. 282–314. Апрель. С. 666–686; Знаменский П. В. Произведения соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Православное обозрение. 1883. Апрель. С. 768–785; Прохоров Г. М. Сергей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 2. С. 320–321; Прохоров Г. М. «Лествица» Иоанна Синайского (или Лествичника) // Там же. С. 15–16; Дмитриев Л. В., Сапожникова О. В., Чумичева О. В. Сергей Шелонин // Там же. СПб., Вып. 3: XVII в., ч. 3. СПб., 1998. С. 343–351; Сапожникова

- ва О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин и его творчество. СПб., 2009 (в печати).
- ³³ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 98–102; образцы его почерка см.: Там же. Рис. 23–25.
- ³⁴ См.: Там же. Рис. 23 (здесь воспроизведен л. 46 со сменой почерков). О рукописи РНБ, Солов. собр. 283/87 (87/87), см.: Приложение. О. С. Сапожникова установила, что умер Сергей Шелонин не в 1662-м, а в период между концом 1664 — сентябрем 1665 г. См.: Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергея Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 200.
- ³⁵ Об этой рукописи см.: Владимиров П. В. Очерки из истории литературных движений на севере России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1879. Октябрь. С. 228–249; Шашков А. Т. Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. С. 65. А. Т. Шашков ошибочно приписывает рукопись самому Шелонину, но впервые датирует ее по филиграммам — не ранее 1669 г., что исключает авторство Сергея Шелонина, умершего в 1664–1665 г.
- ³⁶ Панченко О. В. Писатели и книжники Соловецкого монастыря XVII в. (20-е — сер. 50-х гг.). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- ³⁷ Ср.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 100–101 (о Шелонине) и Бубнов Н. Ю. «Сказание о новых книгах» (1667 г.) — источник Пятой соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам ОР БАН за 1985 год. Л., 1987. С. 112–133; Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 59–76.
- ³⁸ Прохоров Г. М. «Лествица» Иоанна Синайского (или Лествичника). С. 15–16.
- ³⁹ Эта статья опубликована: Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1894. Т. 2. С. 120–124.
- ⁴⁰ Издано: Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова... С. 106–143.
- ⁴¹ Белокуров С. А. Арсений Суханов. Т. 2. С. 120.

- ⁴² Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 72–73.
- ⁴³ На практике работа по исправлению книг, вполне соответствовавшая воззрениям Герасима Фирсова, велась в 1640–1650-е гг. Сергием Шелониным. См.: Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин и его творчество. СПб., 2009 (в печати).
- ⁴⁴ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова... С. 74–103.
- ⁴⁵ О проблеме восприятия православных народов, живших вне российских границ, в эпоху патриарха Филарета см. подробно: Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 46–71, 142–192; Булычев А. А. История одной политической кампании XVII века. М., 2004.
- ⁴⁶ Белокуров С. А. Арсений Суханов. Т. 2. С. 119. О перипетиях сложной судьбы Арсения Грека см.: Каптерев Н. Ф. Следственное дело об Арсении Греке и ссылка его в Соловецкий монастырь // ЧОЛДП. 1881. Июль. С. 70–96; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 108–109, 119–125; Чумичева О. В. Арсений Грек в России: судьба и легенды // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 13–22; Турилов А. А., Чумичева О. В. Арсений Грек // ПЭ. Т. 3. М., 2000. С. 428–429.
- ⁴⁷ Издано: Белокуров С. А. Арсений Суханов. Т. 2. С. 117–120. Текст Соловецкого сказания об Арсении Греке см. в Приложении.
- ⁴⁸ Его переводы составили сборник «Анфологион, си есть Цветословие» (М., 1660). Перевод Божественной литургии Иоанна Нафанаила содержит больше половины осуждаемого всеми старообрядцами сборника «Скрижаль» (М., 1656), изданного в защиту реформы. См.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Вып. 2. С. 152.
- ⁴⁹ Субботин. Т. 3. С. 273.
- ⁵⁰ На самом деле Никон забрал Арсения сперва в Новгород, а потом увез с собой в Москву. Сочинение, содержащее легенду (БРАН, собр. Дружинина, 77/102, л. 130–130 об.), называется: «Истинного благочестия ревнителем и душеспасительныя стези ревновати и душепагубныя и нечестивыя антихристо-

вы помраченные прелести известного познания», начинается: «Некто убогий скитник, поморских пустынных мест житель...» (л. 124 об. — 145 об.), эсхатологического содержания. Сборник конца 1720-х гг., содержит также «Ответ священноинока Геронтия к востязающим мя...».

⁵¹ Демкова Н. С. «Писанейце» Аввакума Федору Михайловичу Ртищеву // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 387–389.

⁵² Такое положение Фирсов защищает в Показании от божественных писаний, основываясь на тексте из Первого послания апостола Павла коринфянам: «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1 Кор. 3, 1–2). Характерно, что к той же цитате и в тех же целях прибегает католический проповедник XIII в. Этьен де Бурбон, призывая оставить «возвышенное — возвышенным духом и тонкое и глубокое — умам тонким и глубоким. А немощных в знаниях и грубых в вере питать млеком примеров и притч, а не твердой пищей богословия». См.: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII в.). М., 1989. С. 56.

⁵³ Ключевский В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. // Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С. 419.

⁵⁴ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова... С. 109.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // История СССР. 1963. № 6. С. 86.

⁵⁷ См.: например: Зимин А. А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы религии и атеизма. М.; Л., 1963. Т. 11. С. 269–292; Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировке) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 31–61.

⁵⁸ Там же. С. 31, 44.

⁵⁹ Там же. С. 54–55. Новейшие исследования истории редакций Жития митрополита Филиппа см.: Колобков В. А. Митропо-

- лит Филипп и становление московского самодержавия. СПб., 2004. С. 76–130, 545–619; Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.
- ⁶⁰ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 90–91.
- ⁶¹ Полознев Д. Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 283–293.
- ⁶² Чумичева О. В. Иаков, игумен соловецкий // ПЭ (в печати).
- ⁶³ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова... С. 46–48, 110–111. Автограф – РНБ, Солов. собр., 973/1083.
- ⁶⁴ Знаменский П. В. Сергей Шелонин. С. 667–668. Автограф – РНБ, Солов. собр., 939/1049.
- ⁶⁵ Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. С. 33–34.
- ⁶⁶ Там же. С. 36.
- ⁶⁷ Об этом подробнее см.: Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова...
- ⁶⁸ Анализ Жития Филиппа, составленного Сергием, см.: Знаменский П. В. Сергей Шелонин... С. 666–686; но главное: Сапожникова О. С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 183–213.
- ⁶⁹ Сапожникова О. С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 178–203.
- ⁷⁰ Об имени Сергия Шелонина и его значениях см.: Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин и его творчество. СПб., 2009 (в печати).
- ⁷¹ Знаменский П. В. Сергей Шелонин... С. 681.
- ⁷² Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 180. Мартирий был духовником Арсения Грека.
- ⁷³ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 35–36; РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 255; Там же, д. 51, л. 96 об.
- ⁷⁴ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова. С. 106.

- ⁷⁵ Записка о жизни Ивана Неронова // ПЛДР. М., 1989. XVII век, кн. вторая. С. 339; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев.... С. 10.
- ⁷⁶ Там же. С. 19.
- ⁷⁷ Субботин. Т. 3. С. 3–5.
- ⁷⁸ Там же. С. 7.
- ⁷⁹ См.: Введение, а также Гл. 1, п. 2 данной работы.
- ⁸⁰ Субботин. Т. 3. С. 9.
- ⁸¹ Там же. С. 8; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 49.
- ⁸² Субботин. Т. 3. С. 6–7.
- ⁸³ Там же. С. 6–12.
- ⁸⁴ РНБ, Солов. собр., 19/1478, с. 173–178.
- ⁸⁵ Там же, № 98.
- ⁸⁶ См.: например: Там же, с. 180–195, 230–231; РГАДА, ф. 1201, оп. 11, д. 365, л. 29–33.
- ⁸⁷ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 59.
- ⁸⁸ Там же. С. 61.
- ⁸⁹ Субботин. Т. 3. С. 13–14.
- ⁹⁰ Там же. С. 80–81.
- ⁹¹ Там же. С. 111.
- ⁹² Архимандрит Варфоломей в это время выехал из монастыря, поэтому все события подробно описаны в посланиях к нему и других документах.
- ⁹³ Субботин. Т. 3. С. 14–15.
- ⁹⁴ Там же. С. 18–19.
- ⁹⁵ Там же. С. 21–22. (Ему замазали окошки кельи калом.)
- ⁹⁶ Григорий Черный был в монастыре уже в июле 1647 г. — РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 244, л. 16. О его дальнейшей судьбе см.: Гл 2.
- ⁹⁷ Субботин. Т. 3. С. 21.
- ⁹⁸ Там же. С. 25–29.
- ⁹⁹ Там же. С. 19–20.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 17.
- ¹⁰¹ Там же. С. 39–40.
- ¹⁰² Таким образом, нельзя принять ни утверждение Н. А. Барсукова и А. М. Борисова о действительном нарушении службы Геронтием, ни их же мнение о том, что соборное постановление от 16 февраля 1663 г. было принято под давлением демократических

слоев (постановление, как видим, носит явно антидемократический характер). — Барсуков Н. А. Соловецкое восстание (1668–1676 гг.). Петрозаводск, 1954. С. 26; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря... С. 226–227.

¹⁰³ Субботин. Т. 3. С. 198–199.

¹⁰⁴ Там же. С. 338.

¹⁰⁵ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 208–209.

¹⁰⁶ Субботин. Т. 3. С. 99–100.

¹⁰⁷ Там же. С. 43. Подобный запрет был осуществлен в 1658 г. при архимандрите Илье. — Там же. С. 6.

¹⁰⁸ Там же. С. 54–55, 68.

¹⁰⁹ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 136–137.

¹¹⁰ Его подписи нет под соборными приговорами 1661 и 1663 гг. — Субботин. Т. 3. С. 13–16. Официально Фирсов был лишен звания соборного старца в 1665 г. — Там же. С. 84–85.

¹¹¹ Там же. С. 100, 105.

¹¹² Там же. С. 99. В этот период Геронтий был вполне лоялен к властям, хотя не принимал реформу.

¹¹³ Там же. С. 102–104.

¹¹⁴ Там же. С. 45–47.

¹¹⁵ Там же. С. 44.

¹¹⁶ ГИМ, Синод. собр., стлб. 1184.

¹¹⁷ РГАДА, ф. 27, д. 538, л. 37–38.

¹¹⁸ Там же, л. 39–40.

¹¹⁹ Там же, л. 40–41.

¹²⁰ Там же, л. 41.

¹²¹ Там же, ф. 1201, оп. 1, д. 484, л. 55.

¹²² Субботин. Т. 3. С. 67–73.

¹²³ Там же. С. 74–76.

¹²⁴ Упомянутый здесь старец Игнатий более известен как черный дьякон Игнатий.

¹²⁵ Субботин. Т. 3. С. 96, 102–103; РГАДА, ф. 27, д. 538, л. 42.

¹²⁶ РГАДА, ф. 27, д. 538, л. 41.

¹²⁷ Субботин. Т. 3. С. 66. Вениамин, как отмечено выше, отрекся от участия в оппозиции. Может быть, он выдвигался в качестве нейтральной фигуры для большей беспристрастности. С другой стороны, Вениамин — с небольшим перерывом — оставал-

- ся ризничим старцем до конца восстания и был взят в плен в январе 1676 г. как «мятежник». О его поведении после ареста см.: Гл. 2.
- ¹²⁸ Исакова пустынь находится на Большом Соловецком острове к северу от монастыря.
- ¹²⁹ Субботин. Т. 3. С. 107–110.
- ¹³⁰ Там же. С. 110–111.
- ¹³¹ Там же. Т. 2. С. 17.
- ¹³² Там же. Т. 3. С. 110–113.
- ¹³³ Там же. С. 122.
- ¹³⁴ Там же. С. 100–105.
- ¹³⁵ Там же. С. 125–127.
- ¹³⁶ Там же. С. 114–117; Там же. Т. 2. С. 17.
- ¹³⁷ Там же. Т. 3. С. 81–100.
- ¹³⁸ Там же. С. 122–125.
- ¹³⁹ Там же. С. 117–122.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 126, 129.
- ¹⁴¹ Там же. С. 181.
- ¹⁴² Там же. С. 160–164, 164–171. Это две редакции одной челобитной. Подробнее см.: Приложение.
- ¹⁴³ Там же. С. 138, 144, 151.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 144–145.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 145. Клобуки на приезжих были, видимо, нового образца — «рогатые», введенные патриархом Никоном.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 146–148.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 149.
- ¹⁴⁸ РГАДА, ф. 6, д. 4, л. 1.
- ¹⁴⁹ Субботин. Т. 3. С. 152–160.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 155.
- ¹⁵¹ СПБНИИ РАН, колл. 2, оп. 1, д. 153, л. 98 об., 33 об.; РНБ, Солов. собр., 19/1478, с. 232. (Эти документы относятся к январю 1667 г.) Традиционно считалось, что о назначении Азария и Геронтия даже не сообщали властям. Напр.: Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 264. Это мнение следует признать ошибочным.
- ¹⁵² Субботин. Т. 3. С. 171–175.
- ¹⁵³ Там же. С. 175–178.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 182.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 180.

- ¹⁵⁶ Там же. С. 182.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 198. За это Макария сместили с должности приказного старца, заменив его Геннадием Качаловым.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 181–187. Были попытки переслать челобитчикам деньги из монастыря. Иногда правительственным агентам удавалось перехватить посыльных. — ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 119–120; Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 264.
- ¹⁵⁹ РГАДА, ф. 27, д. 553, л. 3 об.
- ¹⁶⁰ РНБ, Солов. собр., 20/1479, с. 447–448.
- ¹⁶¹ Там же, с. 446.
- ¹⁶² Там же, с. 459–461, 466–467. Таким образом, бывший сокольник Алексей Стукалов (в иночестве Александр) прожил в обители 14 лет, постригшись в 1656 г. — РНБ, Солов. собр., 19/1478, № 75.
- ¹⁶³ Субботин. Т. 3. С. 187–196.
- ¹⁶⁴ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 9.
- ¹⁶⁵ Там же, л. 10–11; Там же, д. 538, л. 61.
- ¹⁶⁶ Субботин. Т. 3. С. 100–101, 105.
- ¹⁶⁷ РГАДА, ф. 27, д. 538, л. 92.
- ¹⁶⁸ Там же, л. 85. Питирим сидел в тюрьме за убийство соловецкого старца Мартирия.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же, л. 61.
- ¹⁷¹ Там же, л. 62–63, 71, 66–67.
- ¹⁷² О побеге старца Иоакима и четверых других см. выше.
- ¹⁷³ Там же, д. 533, л. 4.
- ¹⁷⁴ Там же, л. 4–6.
- ¹⁷⁵ Там же, л. 6–8.
- ¹⁷⁶ Там же, д. 533 и 538.
- ¹⁷⁷ Там же, д. 538, л. 43, 58–60, 65, 70, 107 об. Обрывки заговоров сохранились в следственном деле. Это л. 52–56, 105, 106.
- ¹⁷⁸ Там же, д. 533, л. 9–11. До сих пор в историографии существовало мнение, что А. С. Хитрово ничего не добился, его поездка была бесплодной. — Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 183–186; Барсуков Н. А. Соловецкое восстание... С. 31–32. Считалось также, что Хитрово не решился ехать на Соловецкий остров. — Савич А. А. Соловецкая вотчина... С. 264. Новые источники дают совершенно иную картину поездки А. С. Хитрово.

- ¹⁷⁹ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 14; СПБИБИ РАН, колл. 2, оп. 1, д. 151, л. 33 об.; РНБ, Солов. собр., 19/1478, с. 232.
- ¹⁸⁰ Субботин. Т. 3. С. 196–197.
- ¹⁸¹ Там же. С. 197–199.
- ¹⁸² РГАДА, ф. 27, д. 585–6, л. 1.
- ¹⁸³ Там же, д. 538, л. 36, 92–95.
- ¹⁸⁴ Там же, л. 107 об.
- ¹⁸⁵ Там же, л. 94. М. В. Львов был переведен в Антониево-Сийский монастырь в конце 1666 г.
- ¹⁸⁶ Там же, д. 533, л. 22.
- ¹⁸⁷ В 1655 г. в г. Романове «гуляющий человек» Федор Иванов сын Зыков был уличен в бегстве от бояр Милославских. Он заявил «государево слово» и был доставлен в Москву. — РГАДА, ф. 141, оп. 3, 1655, д. 29. Сохранилось его следственное дело, но оно не выдается из-за плохой сохранности (Там же, д. 33). По итогам следствия Зыков был сослан на Соловки.
- ¹⁸⁸ РГАДА, ф. 27, д. 538, л. 37–42, 21–22, 1–5, 7, 32–31, 17, 11, 12, 9, 14, 13, 16, 91–89, 116, 117, 114, 115, 113, 107, 111, 112, 108, 99–104. Точное число допрошенных невозможно указать из-за сильной дефектности источника.
- ¹⁸⁹ Там же, л. 6, 8.
- ¹⁹⁰ Там же, д. 585–6, л. 2.
- ¹⁹¹ Там же, л. 1.
- ¹⁹² Там же, д. 538, л. 26–24, 19.
- ¹⁹³ Там же, л. 33, 28.
- ¹⁹⁴ Там же, л. 20, 23, 18.
- ¹⁹⁵ Филипов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 120–121.
- ¹⁹⁶ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе. С. XII–XIII.

Глава 2

- ¹ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 84, 93–95.
- ² Чумичева О. В. Повесть о видении инок Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 285–292.
- ³ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 84, 93–95.
- ⁴ Там же, л. 84 (показания Семена Калашникова).
- ⁵ Субботин. Т. 6. С. 94.

- ⁶ Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 314, 318, 322.
- ⁷ Субботин. Т. 3. С. 199–201.
- ⁸ Там же. С. 202.
- ⁹ Там же. С. 203.
- ¹⁰ Там же. С. 204–206.
- ¹¹ РНБ, Солов. собр., 19/1478, № 121. Текст грамоты утерян еще в XVIII в., информация — из заглавия документа в перечне.
- ¹² Субботин. Т. 3. С. 292. Не только Никанор, но и другие соловецкие старцы, покаявшиеся на соборе 1666–1667 гг., вернулись в монастырь. Единственный сосланный — Герасим Фирсов. Священник Обросим (Амбросим) и дьякон Пахомий впоследствии — во время восстания — покинули Соловецкий монастырь. (Там же. С. 324–325; Барсков. С. 131.) О судьбе старца Никиты ничего не известно. Все трое поехали в Москву вместе с Никанором 18 февраля 1667 г. — РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 490, л. 3 об.
- ¹³ Субботин. Т. 3. С. 207–208, 212–213. Отписки идентичны по содержанию.
- ¹⁴ Там же. С. 288–291.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60–66.
- ¹⁶ Субботин. Т. 3. С. 276–282.
- ¹⁷ Там же. С. 282–285. Имена служек: Иван Иевлев сын Зажигалов, дьячек Михаил Алексеев сын Волков, Семен Ермилов, повар Назар Кузмин. Все они утверждали, что не принимали непосредственного участия в событиях.
- ¹⁸ Там же. С. 291–292.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 34–35.
- ²⁰ Там же, ф. 27, д. 553, л. 3, 4.
- ²¹ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60.
- ²² О поездке Александра Стукалова с челобитной на архимандрита Варфоломея см.: Гл. 1, п. 3.
- ²³ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60.
- ²⁴ Там же, л. 60–61, 68, 80.
- ²⁵ Там же, л. 66.
- ²⁶ Это не Варфоломей Попрыгин — он еще не приехал в монастырь, — а другой старец.
- ²⁷ Там же, л. 61.

²⁸ Там же.

²⁹ Субботин. Т. 3. С. 288–289. Эту дату (13 сентября) называет сам Варфоломей. Соловецкий старец Кирилл в конце ноября указывал на 14 сентября. — Там же. С. 277. Но он, видимо, не помнил точную дату. 14 сентября уже состоялась встреча архимандритов с соловецкими иноками после ночевки на Заяцком острове.

³⁰ Субботин. Т. 3. С. 289.

³¹ Там же. С. 279.

³² РГАДА, ф. 27, д. 553, л. 4.

³³ Субботин. Т. 3. С. 279, 289.

³⁴ Там же. С. 207, 289.

³⁵ Там же. С. 289.

³⁶ Там же. С. 207–208, 290–291. Чуть позднее — в прибавлении к Пятой челобитной — повстанцы утверждали, что архимандриты «из святой обители не от человек, но сами Божиим страхом гонимы выехали». — РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 35.

³⁷ Субботин. Т. 3. С. 208; РГАДА, ф. 27, д. 553, л. 3, 4.

³⁸ Субботин. Т. 3. С. 210. Текст челобитной см.: Там же. С. 208–211.

³⁹ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 34.

⁴⁰ Субботин. Т. 3. С. 291. К сожалению, число высланных неизвестно.

⁴¹ Они вышли из монастыря летом 1669 г., см.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 12.

⁴² РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60–66.

⁴³ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 12, 38, 40.

⁴⁴ Там же, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 34–35.

⁴⁵ Там же, ф. 27, д. 553, л. 3, 4.

⁴⁶ Там же, л. 3, 3 об.

⁴⁷ Субботин. Т. 3. С. 281.

⁴⁸ Там же. С. 277.

⁴⁹ Там же. С. 282.

⁵⁰ Это, впрочем, не помешало Никанору вписать стоимость нового клобука в монастырский счет своей поездки в Москву. — См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927. С. 265.

⁵¹ Субботин. Т. 3. С. 284.

⁵² Там же. С. 213–276.

- ⁵³ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60.
- ⁵⁴ Субботин. Т. 3. С. 335.
- ⁵⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60.
- ⁵⁶ Субботин. Т. 3. С. 282, 277.
- ⁵⁷ РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 1–11, 13–35.
- ⁵⁸ Там же, л. 1–11.
- ⁵⁹ Там же, л. 13–35.
- ⁶⁰ Там же, л. 34–35.
- ⁶¹ Подробнее см.: Бубнов Н. Ю. «Сказание о новых книгах» (1667 г.) — источник Пятой соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам ОР БАН за 1985 год. Л., 1987. С. 112–133.
- ⁶² Субботин. Т. 3. С. 261.
- ⁶³ Там же. С. 261–262.
- ⁶⁴ Там же. С. 285–288.
- ⁶⁵ Обе грамоты значатся в Главной описи письменности Соловецкого монастыря 1863 г. — СПБИБИ РАН, колл. 2, оп. 1, № 151.
- ⁶⁶ РГАДА, ф. 27, д. 585–6, л. 2.
- ⁶⁷ Там же; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 12; Барсов. С. 136–137.
- ⁶⁸ Барсов. С. 137.
- ⁶⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 63.
- ⁷⁰ Там же, л. 74.
- ⁷¹ Субботин. Т. 3. С. 288–291.
- ⁷² Там же. С. 292–296.
- ⁷³ Там же. С. 297.
- ⁷⁴ Там же. С. 297–311 (Сказка) и 311–315 (Отписка).
- ⁷⁵ Там же. С. 312.
- ⁷⁶ Там же. С. 314. Вопрос о «чюдотворениях» в монастыре и о восприятии их повстанцами требует специального рассмотрения. См. об этом: Гл. 3, п. 2.
- ⁷⁷ ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. С. 339.
- ⁷⁸ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 25.
- ⁷⁹ Там же. До последнего времени на основании опубликованных источников начало осады датировалось ноябрем 1668 г. (Барсков. С. 116, 119).
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 25.
- ⁸¹ Там же, л. 25–26.
- ⁸² Там же, л. 26.
- ⁸³ Там же, л. 26–27.

- ⁸⁴ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 71–72.
- ⁸⁵ Там же, л. 86, 88, 90.
- ⁸⁶ Там же, л. 88.
- ⁸⁷ Там же, л. 90.
- ⁸⁸ Там же. Об аресте Геронтия см. также: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 1.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 83, 87, 90.
- ⁹⁰ Там же, л. 91.
- ⁹¹ Там же, л. 94.
- ⁹² Текст этих грамот: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 29–30, 31–35. Это копии, сделанные для отчета и направленные Волоховым в Москву.
- ⁹³ Там же, л. 36. Текст этой грамоты — л. 31–35.
- ⁹⁴ Там же, л. 39.
- ⁹⁵ Там же, л. 37.
- ⁹⁶ Текст этой грамоты см.: Там же, л. 29–30.
- ⁹⁷ В ноябре 1668 г. Волохову рассказал об этом воецкий поп Иван Никифоров, который провел лето 1668 г. в Соловецком монастыре. — РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 90 (см. выше).
- ⁹⁸ Подробнее об организации таких групп см. ниже.
- ⁹⁹ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 30.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 84.
- ¹⁰¹ ДАИ. Т. 5. С. 340–341 (подлинник документа см.: РГАДА, ф. 141, оп. 4, 1668, д. 284).
- ¹⁰² РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 38. Волохов считал, что для осады «нужна не одна тысяча людей». Будущее показало, что количество войск под монастырем пришлось постоянно увеличивать. К моменту взятия обители отряд превышал тысячу человек.
- ¹⁰³ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 1.
- ¹⁰⁴ Там же, л. 6.
- ¹⁰⁵ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 3–4.
- ¹⁰⁶ РНБ, Солов. собр., 670/728. По филиграмм сборник датировать невозможно: чередуются листы бумаги с большим количеством водяных знаков, датирующихся по альбомам серединой XVI — первой четвертью XVII в. Два почерка рукописи чередуются, одним из них сделана запись не ранее 1669 г. — См.: Приложение.
- ¹⁰⁷ Архимандрит Никанор не принимал участия в уничтожении книг. См.: Субботин. Т. 3. С. 342.

- ¹⁰⁸ Может быть, владельцами новых книг в драгоценных окладах были ссыльные киевляне, а не соловецкие монахи. С другой стороны, известны переплетчики — сторонники реформы: Макарий Селивестров сын Тихвинец, Петр Акиндинов (Барсков. С. 118).
- ¹⁰⁹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7–18.
- ¹¹⁰ Там же, л. 4–5, 35–36.
- ¹¹¹ Там же, л. 9.
- ¹¹² Подробнее вопрос о титле на кресте будет рассмотрен в Гл. 3, п. 1.
- ¹¹³ Строев П. Замечания для истории церковного пения в России. Приложение III. Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря, составленному в 1678 г. при архимандрите Макарии // ЧОИДР. М., 1846. Вып. 3, отд. 1. С. 37. Самого Игнатия к этому времени уже не было в монастыре.
- ¹¹⁴ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 96, 101.
- ¹¹⁵ Подробнее об этом см.: Гл. 3, п. 3.
- ¹¹⁶ Субботин. Т. 3. С. 337, 344.
- ¹¹⁷ Барсов. С. 121.
- ¹¹⁸ Субботин. Т. 3. С. 337.
- ¹¹⁹ Там же. С. 344.
- ¹²⁰ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 42, 39.
- ¹²¹ Там же, л. 7–18.
- ¹²² Там же, л. 57.
- ¹²³ Там же, л. 3–4.
- ¹²⁴ Там же, л. 32.
- ¹²⁵ Субботин. Т. 3. С. 297–311.
- ¹²⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32.
- ¹²⁷ Там же, л. 33.
- ¹²⁸ Настоящее имя Иван Мартынов, в иночестве Иев. Салтыковым он назывался самовольно, что связано с его «виной». Причины этого самозванчества неизвестны. Постригся в Соловецком монастыре в июне 1649 г. — РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 461, л. 10, 32.
- ¹²⁹ РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1664, л. 151–151 об.
- ¹³⁰ О них см. ниже.
- ¹³¹ О них см.: Гл. 1, п. 3.
- ¹³² Колчин М. А. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: Исторический очерк. М., 1908.

- ¹³³ В. С. Румянцева предполагает, что Сысой был последователем Феодосия Косого и отрицал божественную природу Христа. — Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 77.
- ¹³⁴ Список ссыльных с краткими данными о каждом из них см.: Приложение.
- ¹³⁵ Об Арсении Греке см.: Гл. 1, п. 2.
- ¹³⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32 (Шестая соловецкая челобитная).
- ¹³⁷ Там же, оп. 2, д. 68.
- ¹³⁸ Там же; РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 38; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 77 (это отписка Волохова от 5 января 1669 г.).
- ¹³⁹ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 34.
- ¹⁴⁰ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 98.
- ¹⁴¹ Барсов. С. 50.
- ¹⁴² Старца Глеба как руководителя восстания еще до переворота называли выходцы из монастыря в декабре 1668 г. — Барсков. С. 117; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 79, 81–84, 87, 92, 95; Там же, д. 389, л. 27, 29. О Епифании до 1669 г. сведений нет.
- ¹⁴³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 96.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 94.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 99.
- ¹⁴⁷ Там же, 1671, д. 31, л. 27.
- ¹⁴⁸ Там же, 1669, д. 5, л. 98–99.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же, л. 100.
- ¹⁵¹ Там же, л. 298.
- ¹⁵² Там же, л. 323.
- ¹⁵³ Там же, л. 328.
- ¹⁵⁴ Субботин. Т. 3. С. 327.
- ¹⁵⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 5.
- ¹⁵⁶ Субботин, Т. 3. С. 327.
- ¹⁵⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 382–390.
- ¹⁵⁸ Там же, л. 384.
- ¹⁵⁹ Там же, 1673, д. 16, л. 28.
- ¹⁶⁰ Белокуров С. А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады // Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 76.

- ¹⁶¹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 35.
- ¹⁶² Там же, л. 131.
- ¹⁶³ Там же, 1670, д. 5, л. 4, 193, 267.
- ¹⁶⁴ Там же, л. 4; Там же, 1671, д. 31, л. 33.
- ¹⁶⁵ Там же, 1670, д. 5, л. 71.
- ¹⁶⁶ Там же, л. 118, 141.
- ¹⁶⁷ Там же, л. 122–123, 131, 141–142.
- ¹⁶⁸ Там же, л. 218–225.
- ¹⁶⁹ Там же, л. 188–189.
- ¹⁷⁰ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 190.
- ¹⁷¹ Субботин. Т. 3. С. 317–318.
- ¹⁷² РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 191–197.
- ¹⁷³ Барсов. С. 57.
- ¹⁷⁴ РГАДА, ф. 159, оп. 3, 1674, д. 411, л. 2.
- ¹⁷⁵ Субботин. Т. 3. С. 337.
- ¹⁷⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 6.
- ¹⁷⁷ Там же, ф. 27, д. 533, л. 25.
- ¹⁷⁸ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 261.
- ¹⁷⁹ Там же, 1671, д. 1, л. 8.
- ¹⁸⁰ Там же, 1670, д. 5, л. 133.
- ¹⁸¹ Там же, 1671, д. 31, л. 26, 33–34, 36–37.
- ¹⁸² Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888. С. 262–263, 271–275.
- ¹⁸³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 46–47, 49–57.
- ¹⁸⁴ Там же, 1669, д. 5, л. 467.
- ¹⁸⁵ РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1690, л. 24 об.
- ¹⁸⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1672, д. 14, л. 2–10.
- ¹⁸⁷ Там же, 1671, д. 31, л. 55.
- ¹⁸⁸ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 190.
- ¹⁸⁹ Там же, ф. 159, оп. 3, 1674, д. 411, л. 2.
- ¹⁹⁰ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 276–284; Барсов. С. 45.
- ¹⁹¹ Субботин. Т. 3. С. 318–322.
- ¹⁹² Одновременно с царским указом в мае 1673 г. Иевлеву направили из Москвы царскую увещательную грамоту к соловецким «мятежникам». — Субботин. Т. 3. С. 317–318.
- ¹⁹³ Барсов. С. 76; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 25, л. 2.
- ¹⁹⁴ РГАДА, ф. 159, оп. 3, 1674, д. 411, л. 1.
- ¹⁹⁵ Там же, л. 1–2.

- ¹⁹⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 25, л. 2.
- ¹⁹⁷ Там же, 1675, д. 15, л. 3.
- ¹⁹⁸ Там же, 1674, д. 14, л. 1; Там же, д. 25, л. 4–5; Там же, 1675, д. 15, л. 1.
- ¹⁹⁹ Там же, 1674, д. 26, л. 5–6, 8.
- ²⁰⁰ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 7–8; Там же, д. 389, л. 24.
- ²⁰¹ ДАИ. Т. 5. С. 340.
- ²⁰² Все документы этого времени находятся ныне в Синодальном собрании ОР ГИМ, т. е. в фондах Патриаршего приказа. Изд.: Субботин. Т. 3. О роли этого и других приказов можно судить по подписям на грамотах и адресам, по которым направлялась в Москву документация. Иногда — по докладам царю, составленным в том или ином приказе.
- ²⁰³ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 235.
- ²⁰⁴ Crummeу R. O. *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton, 1983. P. 194–195. Документы за приписью Д. М. Башмакова, см., напр.: ДАИ. Т. 5. С. 341; РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 18, 23, 27, 38; Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 24, 65, 69; Там же, 1671, д. 31, л. 3; Там же, ф. 27, д. 585-6, л. 1–2; Там же, ф. 141, оп. 4, 1668, д. 284; Там же, ф. 21, оп. 13, д. 375, л. 78; Там же, д. 383, л. 5.
- ²⁰⁵ РГАДА, ф. 27, д. 533, 537.
- ²⁰⁶ Там же, д. 533, л. 27; Субботин. Т. 3. С. 292.
- ²⁰⁷ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 276.
- ²⁰⁸ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 81.
- ²⁰⁹ Там же. С. 42.
- ²¹⁰ Там же. С. 95, 101, 102, 153; Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 295.
- ²¹¹ Crummeу R. O. *Aristocrats and Servitors...* P. 199. Соловецкие дела, которые шли за его приписью, см.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 3, 49–57, 81–84; Там же, 1670, д. 5, л. 27, 309, 310; Там же, 1669, д. 5, л. 4, 27.
- ²¹² Дела за его приписью см.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, л. 4.
- ²¹³ Дела за его приписью см.: Там же, 1670, д. 5, л. 309; Там же, 1671, д. 31, л. 87–98.
- ²¹⁴ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 84.
- ²¹⁵ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 248.
- ²¹⁶ Там же. С. 258; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 158.

- ²¹⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 202–211.
- ²¹⁸ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 94–95.
- ²¹⁹ Дела за его приписью см.: Субботин. Т. 3. С. 43, 55; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 6; Там же, 1675, д. 20, л. 9; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44. Во всех случаях здесь и далее названы лишь некоторые дела, подписанные этими дьяками.
- ²²⁰ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 214, 83.
- ²²¹ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 237.
- ²²² Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 141.
- ²²³ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 305.
- ²²⁴ См.: напр.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 9, 50; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44.
- ²²⁵ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 237.
- ²²⁶ Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors... P. 197. Дела за его приписью см.: Субботин. Т. 3. С. 43, 55; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 6; Там же, 1675, д. 20, л. 9; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44.
- ²²⁷ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 42; Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 237.
- ²²⁸ Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors... P. 197.
- ²²⁹ Напр.: Субботин. Т. 3. С. 43, 55; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 6.
- ²³⁰ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 285.
- ²³¹ Там же. С. 252, 282. Дела за его приписью: Субботин. Т. 3. С. 43, 55; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44.
- ²³² Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 285; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия... С. 144, 162, 220. Его дела: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 6; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44.
- ²³³ Дела за его приписью: Субботин. Т. 3. С. 43, 44, 51, 55, 57, 76, 77, 82, 94, 106; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 4–4 об.; Там же, 1675, д. 20, л. 9; Там же, ф. 159, оп. 3, 1679, д. 1179, л. 3; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 203; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 29, 44.
- ²³⁴ Напр.: Субботин. Т. 3. С. 43, 48, 55; РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 17–18, 20, 23; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 384; Там же, 1674, д. 25, л. 7; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 1009, л. 204, 212.
- ²³⁵ Барсов. С. 98–99.
- ²³⁶ Там же. С. 99. Келарем в это время был Маркел. — РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 35; Там же, 1670, д. 5, л. 130; Там же, 1674, д. 26, л. 9; Барсов. С. 46, 57.

- ²³⁷ Там же. С. 99.
- ²³⁸ Там же. С. 100.
- ²³⁹ Там же. С. 105; РГАДА, ф. 163, оп. 1, д. 5, 1674, л. 123.
- ²⁴⁰ Барсов. С. 108.
- ²⁴¹ РГАДА, ф. 163, оп. 1, д. 5, 1674, л. 123.
- ²⁴² Барсов. С. 109–113, 124–127; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 1–4.
- ²⁴³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 3, 11.
- ²⁴⁴ Там же, л. 3; Там же, 1674, д. 26, л. 1.
- ²⁴⁵ Анофриевская кладбищенская церковь находилась вне стен монастыря, к югу. К настоящему времени ее остатки сохранились на о. Большая Муксалма.
- ²⁴⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 3–4.
- ²⁴⁷ Там же, 1676, д. 39, л. 24; Там же, 1674, д. 26, л. 5–6.
- ²⁴⁸ Там же, д. 14, л. 1; Там же, д. 25, л. 2, 4–5; Там же, 1675, д. 15, л. 1.
- ²⁴⁹ Субботин. Т. 3. С. 328.
- ²⁵⁰ Там же. С. 324; Барсов. С. 350–352; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 52. Дионисий позднее утверждал, что все время с 28 декабря 1673 г. до 17 сентября 1674 г. вместе с Павлом сидел в тюрьме. — РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 6.
- ²⁵¹ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 5.
- ²⁵² Там же, л. 5–6.
- ²⁵³ Там же, л. 8.
- ²⁵⁴ Там же, л. 22–23.
- ²⁵⁵ Там же, л. 25.
- ²⁵⁶ Там же, л. 25–26.
- ²⁵⁷ Там же, л. 10, 26.
- ²⁵⁸ Там же, л. 10, 26–27.
- ²⁵⁹ Там же, л. 13, 37.
- ²⁶⁰ Там же, л. 27–28, 37–38.
- ²⁶¹ Там же, л. 38.
- ²⁶² Там же, л. 36–37.
- ²⁶³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 5.
- ²⁶⁴ Там же, л. 10.
- ²⁶⁵ Там же, л. 12.
- ²⁶⁶ Подробнее об этом см.: Гл. 3, п. 2.
- ²⁶⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 5; Там же, ф. 27, д. 533, л. 29–30; Субботин. Т. 3. С. 352.
- ²⁶⁸ Барсов. С. 45.

- ²⁶⁹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 9.
- ²⁷⁰ Там же, 1676, д. 39, л. 1.
- ²⁷¹ Там же, 1673, д. 16, л. 10; ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 16.
- ²⁷² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 9–10.
- ²⁷³ Там же, 1676, д. 39, л. 19.
- ²⁷⁴ Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 23.
- ²⁷⁵ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 301–303.
- ²⁷⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 2–12.
- ²⁷⁷ Там же, л. 10–12.
- ²⁷⁸ Там же, ф. 159, оп. 3, 1676/9, д. 640, л. 5–8; Там же, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 60.
- ²⁷⁹ Там же, ф. 159, оп. 3, 1676/9, д. 640, л. 6.
- ²⁸⁰ Там же, л. 7–8.
- ²⁸¹ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 15–16.
- ²⁸² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 39, л. 21.
- ²⁸³ Там же, 1673, д. 16, л. 12, 2. Этой информацией впоследствии оперировали официальные лица; других сведений о казнях в документах нет. См.: Субботин. Т. 3. С. 354.
- ²⁸⁴ Субботин. Т. 3. С. 353–368, 383–440.
- ²⁸⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 6; д. 39; д. 40; д. 48; Там же, 1673, д. 16; Там же, ф. 159, оп. 3, 1676/9, д. 640.
- ²⁸⁶ Там же, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 22.
- ²⁸⁷ Там же, л. 57.
- ²⁸⁸ Там же, л. 26–27.
- ²⁸⁹ Там же, л. 46.
- ²⁹⁰ РНБ, Солов. собр., 838/948, внутренняя сторона верхней крышки переплета.
- ²⁹¹ РНБ, Солов. собр., 379/399, л. 11. Амвросий вышел из монастыря 17 сентября 1674 г. Имя его в записи зачеркнуто. Возможно, это сделал сам Никанор после того, как ученик порвал с восставшими.
- ²⁹² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 56–57.
- ²⁹³ Повесть об осаде Соловецкого монастыря // ПЛДР. М., 1988. XVII век, кн. 1. С. 170.
- ²⁹⁴ Субботин. Т. 3. С. 291; РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 26; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 74.

- ²⁹⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 90.
- ²⁹⁶ Барсков. С. 116–122, 130–138; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375; д. 389, л. 26–30.
- ²⁹⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 154.
- ²⁹⁸ Там же, 1671, д. 31, л. 25, 33–38; Там же, 1670, д. 5, л. 113–115, 130–138; ДАИ. Т. 5. С. 347.
- ²⁹⁹ Барсов. С. 350–352; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 52.
- ³⁰⁰ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 4, 12–13, 13–14.
- ³⁰¹ Барсков. С. 30.
- ³⁰² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 2–4.
- ³⁰³ Crummeу P. O. The Old Believers and the World of Antichrist. Madison, Milwaukee, L., 1970. P. 30–38.
- ³⁰⁴ Список известных проповедников см.: Приложение. О соловецких инокaх в Поморье см. также: Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник Выговской литературной школы первой половины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. С. 8–10; Она же. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 15–21, 60, 195–198, 201–204, 207–208, 215–216.
- ³⁰⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 4.
- ³⁰⁶ Там же, 1669, д. 5, д. 99, 101, 153; Там же, 1671, д. 31, л. 27; Там же, 1675, д. 20, л. 19.
- ³⁰⁷ Субботин. Т. 3. С. 350–352; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 52.
- ³⁰⁸ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 67; Там же, 1670, д. 5, л. 74.
- ³⁰⁹ Там же, л. 118–126, 141–145, 182–183.
- ³¹⁰ Может быть, это одно лицо со Степаном Митиным, вышедшим в декабре 1668 г. — РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 80.
- ³¹¹ Перечень выходцев см.: Приложение.
- ³¹² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 68.
- ³¹³ Там же, 1675, д. 20, л. 19–20.
- ³¹⁴ Там же, 1674, д. 30, л. 4.
- ³¹⁵ Там же, 1675, д. 20, л. 52–53.
- ³¹⁶ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе XVII в. СПб., 1898. С. 118.
- ³¹⁷ РГАДА, ф. 159, оп. 3, 1676, д. 644; Там же, 1679, д. 1179.
- ³¹⁸ Филипов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 28.
- ³¹⁹ Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 164.

- ³²⁰ Барсков. С. 143–145.
- ³²¹ Там же. С. 361. О деле ростовцев см.: Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 133–136, 223–225.
- ³²² Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 164.
- ³²³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 30–45; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 416, л. 57–63. О «деле Захарьева» см. также: Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 18; Чумичева О. В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1671–1676 гг.), ч. 2 // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 41–43; публикация всех материалов: Юхименко Е. М. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История об отцах и страдальцах соловецких» (статья вторая) // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 248–265.
- ³²⁴ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 37–41.
- ³²⁵ Барсов. С. 121–122.
- ³²⁶ Барсков. С. 144–145.
- ³²⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 37.
- ³²⁸ Там же, л. 43, 30.
- ³²⁹ Там же, л. 30–31.
- ³³⁰ Утверждать, что старообрядцы были знакомы с текстом послания Захарьева, нет оснований. Так, Семен Денисов, точно описавший следствие и казнь Захарьева, ошибается в том, кому было адресовано письмо.
- ³³¹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 38.
- ³³² Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 171–172.
- ³³³ РНБ, Ф. XVII.16, л. 473–473 об. Рукопись указал Д. О. Серов.
- ³³⁴ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 9.
- ³³⁵ Там же, 1675, д. 20, л. 10.
- ³³⁶ В. А. Волконский и дьяк Алмаз Чистого допрашивали в 1676 г. последнего казначея священника Леонтия о местонахождении монастырской казны. Он заявил, что на предсмертной исповеди его духовный сын казначей Мисайло сказал, что под денежной палатой закопано в землю 7 тысяч рублей, а в другом месте — 1 тысяча. В результате поисков вынули 7 тысяч и 1124 рубля 11 алтын. «А книг де и записки тем деньгам нет». — РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 48, л. 2–3. Отсутствие записей объясняется внезапной смертью Мисаила, не успев-

шего в условиях болезни и последних месяцев осады передать казну Леонтию по всем правилам. Смерть Мисаила произошла непосредственно перед «взятьем» монастыря, Леонтий не успел даже посмотреть казну. — Там же, л. 18.

³³⁷ Барсов. С. 57.

³³⁸ Отводная книга сохранилась. — СПБИН РАН, колл. 2, оп. 1, д. 142. Она не была закончена, не оформлен конец, нет скреп.

³³⁹ Там же, д. 149, л. 502 об. — 503.

³⁴⁰ РГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 490 (от 20 октября 7175, т. е. 1667 г.); Там же, д. 484 (от 6 февраля 7175, т. е. 1666 г.).

³⁴¹ СПБИН РАН, колл. 2, оп. 1, д. 153, л. 98 об., 33 об.; РНБ, Солов. собр., 19/1478, с. 232; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 94.

³⁴² РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, л. 96, 98; Там же, 1671, д. 31, л. 35.

³⁴³ Там же, 1670, д. 5, л. 130.

³⁴⁴ СПБИН РАН, колл. 2, оп. 1, д. 149, л. 503.

³⁴⁵ В литературе ошибочно: Тугин.

³⁴⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 26, л. 9; Субботин. Т. 3. С. 327–328.

³⁴⁷ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 5–6.

³⁴⁸ Там же, л. 6.

³⁴⁹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 10.

³⁵⁰ Там же, 1673, д. 16, л. 12.

³⁵¹ СПБИН РАН, колл. 2, оп. 1, д. 149, л. 503.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Там же; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 48, л. 18.

³⁵⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 33.

³⁵⁶ Белокуров С. А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады. С. 76.

³⁵⁷ Т. е. в Спасо-Преображенский собор.

³⁵⁸ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 125.

³⁵⁹ Субботин. Т. 3. С. 328.

³⁶⁰ Список черных соборов см.: Приложение 4.

³⁶¹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 96.

³⁶² Там же, 1675, д. 20, л. 5.

³⁶³ Там же, 1670, д. 5, л. 137.

³⁶⁴ Там же, 1673, д. 16, л. 9.

³⁶⁵ Там же, 1670, д. 5, л. 262.

³⁶⁶ Там же, 1669, д. 5, л. 46–47.

³⁶⁷ Субботин. Т. 3. С. 340.

- ³⁶⁸ Барсков. С. 29–30.
- ³⁶⁹ Напр.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 10; Субботин. Т. 3. С. 352.
- ³⁷⁰ См.: Гл. 1, п. 3.
- ³⁷¹ СПБИБИ РАН, колл. 2, д. 142, л. 92–92 об.
- ³⁷² Белокуров С. А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады. С. 18. (По описи 1676 г. это самое дорогое на престольное евангелие в Соловецкой библиотеке.)
- ³⁷³ Субботин. Т. 3. С. 334.
- ³⁷⁴ Таким был Геронтий, не принявший реформу и в тюрьме Сумского острога. См.: Там же.
- ³⁷⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7, 28–29, 70, 85, 93, 97, 331.
- ³⁷⁶ Там же, л. 25–26. Симеон был схвачен вместе с реболдским крестьянином Феткой Фокиным 13 декабря 1669 г. Оба доставлены в Новгород к митрополиту Питириму. См.: Там же, л. 160.
- ³⁷⁷ Там же, л. 25–26.
- ³⁷⁸ Там же, л. 150, 154.
- ³⁷⁹ Там же, л. 25.
- ³⁸⁰ Барсков. С. 132–135; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 9.
- ³⁸¹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 50, л. 293–299, 308–310.
- ³⁸² Барское. С. 134; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 10.
- ³⁸³ Барсков. С. 135; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 4.
- ³⁸⁴ Барсков. С. 127.
- ³⁸⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 4.
- ³⁸⁶ Там же, 1669, д. 5, л. 42, 88. Филька Сидоров и Фетка в июне 1669 г. попали в руки Волохова и оказались в тюрьме. Там Филька занялся переписыванием «воровских писем» для высланного повстанца Григория Черного. Бумагу и ножик для заточки перьев ему дал сторож Лазарко Васильев. Однако нашелся доносчик — бывший товарищ Фильки Фетка. См.: Там же, л. 88, 120, 165–166.
- ³⁸⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 4.
- ³⁸⁸ Там же, л. 266–268; Там же, 1671, д. 31, л. 26, 34.
- ³⁸⁹ Там же, 1674, д. 26, л. 10.
- ³⁹⁰ Там же, 1669, д. 5, л. 7, 42, 298, 330; Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 93.
- ³⁹¹ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 96, 101.
- ³⁹² Полный текст рассказа издан О. В. Панченко по рукописи конца 1660-х — начала 1670-х гг. ИРЛИ, Карельское собр.,

11. — Панченко О. В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 465–472 (публикация текста — с. 471–472). Однако автор статьи почему-то не заметил, что текст с небольшим дефектом (пропуском первого абзаца) был опубликован нами в первом издании данной книги (автор ссылается на нее в связи с другими «видениями»), и потому О. В. Панченко ошибочно утверждает, что сочинение вообще не было известно в литературе. См.: Там же. С. 465. Ср.: Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 94.

³⁹³ В первом издании книги текст был опубликован по немного дефектному списку РНБ, 0.1.304, л. 28–32. Сборник конца XVII в. В данном случае приведен текст по изданию, осуществленному О. В. Панченко.

³⁹⁴ Барсков. С. 128; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 332.

³⁹⁵ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 26, 36–37.

³⁹⁶ Там же, л. 34, 37, 134; Там же, 1674, д. 26, л. 10.

³⁹⁷ Там же, 1670, д. 5, л. 2, 4.

³⁹⁸ Там же, 1671, д. 31, л. 33.

³⁹⁹ Там же, 1670, д. 5, л. 115.

⁴⁰⁰ Там же, л. 263.

⁴⁰¹ Там же, 1669, д. 5, л. 331. Иосиф жаловался, что многократные чтения памятей с царской грамоты не помогают.

⁴⁰² Там же, 1674, д. 26, л. 10.

⁴⁰³ Там же, 1669, д. 5, л. 97.

⁴⁰⁴ Там же, л. 330–331.

⁴⁰⁵ Там же, л. 298.

⁴⁰⁶ Там же, 1670, д. 5, л. 134.

⁴⁰⁷ Там же, 1669, д. 5, л. 7, 42.

⁴⁰⁸ Там же, л. 8.

⁴⁰⁹ Там же, л. 14; Там же, ф. 27, д. 533, л. 1 (в этом рейде принимал участие Фаддей Петров Бородин).

⁴¹⁰ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 16.

⁴¹¹ Там же, 1671, д. 31, л. 32.

⁴¹² ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 8.

⁴¹³ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 130, 131; Там же, 1671, д. 31, л. 34, 36.

⁴¹⁴ Там же, л. 36; Там же, 1670, д. 5, л. 134.

- ⁴¹⁵ Там же, л. 112–113, 131.
- ⁴¹⁶ Там же, 1669, д. 5, л. 130–131; Там же, 1674, д. 26, л. 10; Там же, ф. 159, оп. 3, 1674/5, д. 374.
- ⁴¹⁷ Там же, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 39.
- ⁴¹⁸ Там же, л. 85.
- ⁴¹⁹ Там же, 1671, д. 31, л. 34, 36–37.
- ⁴²⁰ Там же, 1670, д. 5, л. 267–268.
- ⁴²¹ Там же, л. 266–267.
- ⁴²² Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 174.
- ⁴²³ РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 27.
- ⁴²⁴ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 3.
- ⁴²⁵ Там же, 1671, д. 31, л. 33, 132.
- ⁴²⁶ Барсов. С. 59.
- ⁴²⁷ Там же. С. 46.
- ⁴²⁸ Там же. С. 100.
- ⁴²⁹ Субботин. Т. 3. С. 330.
- ⁴³⁰ Барсов. С. 108.
- ⁴³¹ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 17, л. 1.
- ⁴³² Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 81, 83, 85, 93, 95.
- ⁴³³ О выходах см. выше.
- ⁴³⁴ Упоминания о погибших во время осады см. выше.
- ⁴³⁵ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 301.
- ⁴³⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 47.
- ⁴³⁷ Субботин. Т. 3. С. 441.
- ⁴³⁸ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 46, л. 55. К июлю 1680 г. Данило Терентьев умер, остальные по-прежнему находились в Пустозерске. — Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопopa Аввакума» // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 322.
- ⁴³⁹ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев... С. 306.

Глава 3

¹ Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 90–91.

² Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам // ПДП. СПб., 1916. Т. 188. С. 125–126, 133.

- ³ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 6.
- ⁴ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Гeрасима Фирсова... С. 79, 126.
- ⁵ Другая система теоретического обоснования беспоповщины содержится в Беседе 7 «О старолюбцах и новолубцах». (Книга бесед протопопа Аввакума. Его авторство в отношении Беседы 7 считается сомнительным.) Выстроив доказательства еретичности и богоотступничества «никонианской» церкви через утверждение о западном влиянии, «латинстве», сказавшемся в реформе Никона, автор заявляет: «Аще ли твердаго церковнаго предания во учении не простирают, то и благодати Духа Святаго, как сами еретицы и отступницы, не имеют». А без благодати невозможно ни подавать святыни, ни отпускать грехи, ни вести службу. — Памятники истории старообрядчества XVII в. // РИБ. Л., 1927. Стлб. 310. Поскольку святители обвиняются в «злопреступном умысле» и в «супротивлении соборной и апостольской церкви» (Там же, стлб. 314), они не могут поставлять священников (Там же, стлб. 312). Пастырей, поставленных без благодати, всем христианам надо избегать (Там же, стлб. 321–322).
- ⁶ См.: Гл. 1, п. 3.
- ⁷ Были еще радикально настроенные священники, на разных этапах покинувшие монастырь, — Дмитрий и Селивестр. Дмитрия выслали из обители в результате переворота 1669 г. — РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 18, 99; Там же, 1670, д. 5, л. 42, 68. Селивестр, который вместе с Никанором и Леонтием отказывался проводить службу в церкви, вышел сам. — Субботин. Т. 3. С. 344; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 39, л. 19.
- ⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 61.
- ⁹ Субботин. Т. 3. С. 328, 343, 336, 337; Барсов. С. 57, 121.
- ¹⁰ Субботин. Т. 3. С. 344.
- ¹¹ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стлб. 831.
- ¹² Субботин. Т. 3. С. 329, 343.
- ¹³ Румянцева В. С. Ересь Капитона и православная церковь в 40–80-е гг. XVII в. // Религии мира. М., 1984. С. 103.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 68–69.
- ¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 7.
- ¹⁶ Подробное изложение такой позиции см., напр.: Ключевский В. О. Западное влияние и церковный раскол в России

- XVII в. // Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С. 389, 429–430.
- ¹⁷ Голубинский Е. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905. С. 155.
- ¹⁸ Там же. С. 158–159.
- ¹⁹ Там же. С. 161.
- ²⁰ Там же. С. 178.
- ²¹ Подробнее см.: Гл. 1, п. 2.
- ²² См.: Гл. 2.
- ²³ Наиболее полный текст сочинения см.: РГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1358, л. 51 об.—56 об. Первая часть сочинения изд.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе XVII в. СПб., 1898. С. 045–047.
- ²⁴ Учение о титуле на кресте разработано в двух сочинениях дьякона Игнатия: Книге о титуле («Писание обличительно...») и Челобитной Федору Алексеевичу.
- ²⁵ См.: БРАН, собр. Дружинина, 77(102), л. 75–76 об. Текст издан по этой рукописи: Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого, История о патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 303–323.
- ²⁶ Игнатий тяжело переживал конфликт с соловецкой братией. После января 1676 г., ощущая себя «последним остальцем» Соловецкого монастыря, дьякон счел своим долгом оставить письменную память об иноках обители, их деле. Такой подход виден в сочинении Игнатия Сказание «об Адаме нынешнем». Изд.: Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 113–114.
- ²⁷ О них см.: Гл. 2.
- ²⁸ См.: Гл. 1, п. 2.
- ²⁹ О двух типах культуры в России в середине XVII в. См.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 13–21.
- ³⁰ Бубнов Н. Ю., Власов А. Л. Александр Вятский — писатель и книжник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 375–380.
- ³¹ Подробнее о его взглядах см.: Гл. 1, п. 2.
- ³² См.: Гл. 2.
- ³³ Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова... С. 133–134.

- ³⁴ Григулевич И. Р. История инквизиции. М., 1970. С. 350.
- ³⁵ Клибанов А. И. Опыт религиозноведческого прочтения сочинений Аввакума // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: III международный симпозиум. Доклады. Новосибирск, 1991.
- ³⁶ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 1–53; Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 17.
- ³⁷ Подробнее см.: Гл. 1, п. 3.
- ³⁸ Барсов. С. 121.
- ³⁹ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 46.
- ⁴⁰ Субботин. Т. 3. С. 349; АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 536.
- ⁴¹ Доказательства такой датировки см.: Чумичева О. В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России Новосибирск, 1992. С. 59–69.
- ⁴² По ошибке автора в сочинении есть две главы 86: «О немилосердных пастырях» и «О запусении в церкви».
- ⁴³ Не из этого ли убеждения происходит практика бытовых разграничений с греками в Соловецком монастыре? См.: Гл. 2.
- ⁴⁴ Текст послания в гл. 2.
- ⁴⁵ Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест... С. 17–37.
- ⁴⁶ Понятие аллегорического Игнатию было хорошо известно. Он с успехом применяет этот прием на практике, называет его в Челобитной Алексею Михайловичу. — Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 046.
- ⁴⁷ РГБ, собр. Барсова № 1011, л. 15–38 об.
- ⁴⁸ Субботин. Т. 3. С. 314.
- ⁴⁹ О том, как происходило обсуждение видений и чудес в монастыре, см.: Гл. 2.
- ⁵⁰ Демкова Н. С., Сесекина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений» Аввакума, найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 119–120.
- ⁵¹ См.: Гл. 1.

- ⁵² Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 241; Горелкина О. Д. К вопросу о магических представлениях в России XVIII в. (на материале следственных процессов по колдовству) // Там же. С. 296–297.
- ⁵³ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 2: Из истории старинной русской повести. 1: Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв. С. 42–43.
- ⁵⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 237–238.
- ⁵⁵ Подробный анализ темы Нового Иерусалима в контрастном ее понимании соловецкими иноками и патриархом Никонем см.: Чумичева О. В. Соловецкий монастырь как старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму патриарха Никона // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума. М., 2006. С. 160–162 (тезисы); Она же. Соловецкий монастырь — старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму патриарха Никона // Новые Иерусалимы. М., 2009 (в печати; полный текст статьи); об идее Нового Иерусалима в России XVII в. в целом и у Никона в частности см.: Бусева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 174–181; Она же. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 185–190.
- ⁵⁶ Кузнецова В. С. Повесть о мучении неких старец Петра и Евдокима // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 214–215.
- ⁵⁷ Филипов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 275.
- ⁵⁸ Это сочинение не было известно нам при первом издании книги. Оно обнаружено и опубликовано: Панченко О. В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 469–471.

- ⁵⁹ Такое соответствие двух видений и последующую трансформацию текста убедительно показывает в своей статье О. В. Панченко (Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. С. 467).
- ⁶⁰ Сочинение находится в сборнике времени восстания — РНБ, Солов. собр., 895/1005, л. 234–242 об. Это не авторский список, а копия, поскольку в тексте, особенно в конце, встречается немало механических ошибок. Об этом сочинении подробнее: Севастьянова С. К., Чумичева О. В. Повесть о чудесном исцелении инока Исая в Анзерской пустыни: на пересечении традиций // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 684–694.
- ⁶¹ Т. е. Анзерской пустыни.
- ⁶² Возможно, тайнозрителем был соловецкий черный поп Исая, к 1669 г. находившийся на берегу и распространявший в Поморье Пятую соловецкую челобитную. Известно, что во время принятия этой челобитной на черном соборе священник Исая «был в ссылке в Анзерской пустыне». — РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 10. Следует отметить, что у священника Исая был твердый уверенный почерк человека, привыкшего к писанию книг.
- ⁶³ О личности Андрея Веревкина см.: Гл. 2.
- ⁶⁴ Прокофьев Н. И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Уч. зап. МГПИ. М., 1967. Т. 256: Очерки по истории русской литературы. Ч. 1. С. 43–44.
- ⁶⁵ ИРЛИ, Карельское собр., 11, л. 17 об. — 22 об.; РНБ, 0.1.304, л. 28–32 (без начала). Сборник конца XVII в. Текст сочинения см.: Гл. 2.
- ⁶⁶ Изд.: Ромодановская Е. К. Сочинение современника о начале Соловецкого восстания // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 197–199. (По рукописи: РГАДА, ф. 181, д. 434, л. 117–120 об.)
- ⁶⁷ Изд.: Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV: «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 325. (По рукописи: РГБ, собр. Барсова № 931.3. В издании поочередно указаны номера 1211 и 211 того же собрания, но в этих рукописях сочинения нет!)
- ⁶⁸ Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семёна Денисова — памятник Выговской литературной школы пер-

- вой половины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
- ⁶⁹ РГБ, собр. Рогожского кладб. № 518, л. 55 об. — 56.
- ⁷⁰ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 132.
- ⁷¹ Барсов. С. 122.
- ⁷² Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 88–89.
- ⁷³ Там же. С. 112.
- ⁷⁴ Субботин. Т. 3. С. 327, 337.
- ⁷⁵ Там же. С. 327.
- ⁷⁶ Текст приговора не сохранился. Возможно, его уничтожили радикально настроенные повстанцы.
- ⁷⁷ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 53.
- ⁷⁸ Там же, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 73.
- ⁷⁹ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Кострома, 1888. С. 267–268.
- ⁸⁰ Барсуков Н. А. Соловецкое восстание (1668–1676 гг.). Петрозаводск, 1954. С. 65–66; Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966. С. 262.
- ⁸¹ См.: Гл. 2.
- ⁸² Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 85–86, 104.
- ⁸³ Барсов. С. 115.
- ⁸⁴ Субботин. Т. 3. С. 160, 163–164.
- ⁸⁵ Там же. С. 142, 145.
- ⁸⁶ Там же. С. 210–211.
- ⁸⁷ Там же. С. 262.
- ⁸⁸ Там же. С. 232.
- ⁸⁹ Об этом см.: Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая: Закон и милость // Новый мир. 1988. № 9. С. 232.
- ⁹⁰ См.: Гл. 2.
- ⁹¹ Об этом подробнее см.: Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 46.
- ⁹² См.: Гл. 2.
- ⁹³ См.: Гл. 1, п. 2.
- ⁹⁴ См.: Гл. 2.
- ⁹⁵ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 105.

- ⁹⁶ Демкова Н. С., Сесейкина И. В. Старейший (печорский) список «Книги толковании и нравоучений» Аввакума... С. 92–93.
- ⁹⁷ Там же. С. 93.
- ⁹⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 9.
- ⁹⁹ Субботин. Т. 3. С. 328, 329, 337.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 329, 342.
- ¹⁰¹ Там же. С. 337.
- ¹⁰² Там же. С. 342.
- ¹⁰³ См.: Гл. 2.
- ¹⁰⁴ ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 7.
- ¹⁰⁵ Субботин. Т. 3. С. 351.
- ¹⁰⁶ РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 48, л. 15; Там же, 1673, д. 16, л. 50.
- ¹⁰⁷ Там же, 1674, д. 26, л. 6–7.
- ¹⁰⁸ Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 127–150. Аналогичная легенда содержится в «Послании сыну Максиму» дьякона Федора. — Субботин. Т. 6. С. 219–220.

Приложения

Часть I

Сосланные в Соловецкий монастырь лица, упоминающиеся в документах, связанных с восстанием

1. *Арсений Грек, старец*. В ссылке в 1649–1651 гг. и, возможно, в 1666 г. Обвинялся в отступничестве от веры. По мнению старообрядцев, был одним из главных инициаторов реформы Никона. См.: РНБ, Солов. собр., 897/1007 (Соловецкая повесть об Арсении в ссылке); БРАН, собр. Дружинина, 77(102) (легенда об Арсении в Повести «убогого скитника»); РНБ, Солов. собр., 20/1479, с. 238–243 (грамота Никона к соловецкому архимандриту Илье об Арсении); РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1649, д. 33; 1666, д. 34; ф. 27, д. 211 (документы о следствиях по делу Арсения и его ссылке).

2. *Веревкин Андрей, мирянин*. Осужден за убийство «возчика», до того неоднократно наказывался за «воровство». Активный сторонник восстания, тайнозритель неизвестных по содержанию видений в поддержку восстания. Бежал из монастыря и погиб осенью 1668 г. См.: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 7–8; ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 34; оп. 2, д. 68; ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 77–78.

3. *Виктор, игумен Лубенского Мгарского монастыря*. Грек. Киевлянин. Сослан за то, что оговорил напрасно епископа Мефодия. Противник восстания. Подвергался преследованиям со стороны восставших — как член группы «гречан-киевлян», в православии которых повстанцы сомневались. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА,

ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4–5, 22–23, 34–36, 89, 190; 1670, д. 5, л. 62, 74.

4. *Герасим, старец Ксиропотамского монастыря*. Грек. Противник восстания. Подвергался преследованиям со стороны восставших как человек, православие которого сомнительно. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 246; ДАИ. Т. 5. С. 344.

5. *Еремейко, мирянин*. Сын смоленского архиепископа. Сторонник восстания, один из главных «завотчиков». Остался в монастыре См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 21.

6. *Зиновий, старец*. Из Троицкого монастыря в Чебоксарах. Сослан за «страдничье неизтовое слово», содержание которого неизвестно, «под крепкий начал». О его отношении к восстанию сведений нет. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 10, 22, 34; ДАИ. Т. 5. С. 344.

7. *Иванов Аверкий Москвитин, мирянин*. «Покровские сотни посадцкой человек шапочного женского ряду». Сослан за «воровство и пьяное безумство, что во время церковнаго пения прикладываючи к иконе Пречистыя Богородицы и от той иконы ожерельице оторвал». Отношение к восстанию неизвестно. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 11, 22, 53–54, 312, 419; ДАИ. Т. 5. С. 344.

8. *Иванов Козма, белый козмодемьянский священник*. Из Москвы (церковь Козьмы и Демьяна «на соржища»). За «неистовые государевы слова» резан язык. После этого Козма сослан на Соловки (не позже 1666 г.) с запретом писать. На первых порах — накануне восстания — принимал участие в действиях оппозиции. В дальнейшем сведений о его позиции нет. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 10, 22, 34; ДАИ. Т. 5. С. 344; Субботин. Т. 3. С. 101.

9. *Иев, старец (в миру Иван Мартынов)*. Называл себя Салтыковым. Из Москвы. Сослан за «великие дела», т. е. за то, что «воровски называл себя Салтыковым», «под крепкий начал»; его велено было держать в тюрьме «сковав». В монастыре провел 22 года, начиная с 1647 г. Постригся на Соловках, к 1660-м гг. свободно перемещался по территории монастыря. Выслан из него 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125,

оп. 1, 1669, д. 5, л. 8, 22, 34, 42, 244, 283–290, 318–320; ф. 1201, оп. 1, д. 51, л. 29 об.; д. 461, л. 10, 32; ДАИ. Т. 5. С. 344.

10. *Кирилл, келарь афонского Ватопедского монастыря*. Грек. Противник восстания. Подвергался преследованиям со стороны восставших как человек, православие которого сомнительно. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 137, 161, 163; ДАИ. Т. 5. С. 344.

11. *Кирилл, черный священник из Богоявленского монастыря*, «что за ветошным рядом» в Москве. Сослан 17 июня 1659 г. «под крепкий начал» за то, что подписал челобитную богоявленских старцев на архимандрита Киприяна. На Соловках провел 10 лет, служил головщиком на левом клиросе, хотя, по его утверждению, в 1660/61 г. на Соловки приходила грамота о его освобождении. Судя по тому, что Кирилла в последующие годы не освободили, это утверждение было голословным. Его позиция в отношении восстания неизвестна. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7, 22, 34, 152; 1670, д. 5, л. 62, 74; ДАИ. Т. 5. С. 344.

12. *Кирилл, мирянин*. Татарин. Противник восстания. См.: Барсков. С. 118.

13. *Львов Михаил Васильевич, князь, стольник*. Накануне восстания был активным участником многих мероприятий оппозиции, постоянно находился в контакте с ее лидерами. Впоследствии переведен в Антониево-Сийский монастырь. См.: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 7, 8, 10, 11, 21; д. 538, л. 18, 61, 81, 92, 95; Субботин. Т. 3. С. 72, 73, 94–96, 100, 102, 103, 105; РГАДА, ф. 141, оп. 3, 1662, д. 38.

14. *Макарий Грек, митрополит Гревенский*. Сослан на Соловки в 1666 г. Племянник Газского митрополита Паисия. Противник восстания. Подвергался преследованиям со стороны восставших как человек, православие которого сомнительно. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 22–23, 70, 151, 157–159, 189; 1670, д. 5, л. 62, 74; ДАИ. Т. 5. С. 344.

15. *Моисей, старец*. Из Федоровской больницы за Никитскими воротами в Москве. Сослан на Соловки за ложное челобитье, «будто дияк Иосип Юрьев Патриаршего дворца хотел убить боярина Илью Даниловича Милославского». В Соловецком монастыре также находился в больнице. Противник

восстания. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 9, 22, 34, 51; ДАИ. Т. 5. С. 344.

16. *Никита, старец Саввино-Сторожевского монастыря*. Бежал из монастыря 24 апреля 1666 г., не пойман. Один из активных участников оппозиционных действий накануне восстания. См.: Субботин. Т. 3. С. 102.

17. *Пирютин Осип, сын боярский, ротмистр рейтарского строя*. Активный участник действий оппозиции накануне восстания. Впоследствии утверждал, что в самом начале восстания участия не принимал. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 10–11, 55; ДАИ. Т. 5. С. 344; Субботин. Т. 3. С. 101.

18. *Плошкин Сергей (Софоний, старец)*. Сын «государева изменника Тимошки», на Соловках с семилетнего возраста. Его отец был в Москве подьячим, затем казнен. В Соловецком монастыре был «под крепким началом» у священника Леонтия. Утверждал впоследствии, что не имел никакого отношения к восстанию. Выслан из монастыря 18 июня 1669 г. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 8, 9, 22, 34, 52; ДАИ. Т. 5. С. 344; Субботин. Т. 3. С. 65.

19. *Сильвестр, дьякон Троице-Сергиева монастыря*, отказавшийся от монашеского сана и бежавший из обители. На Соловки сослан за составление и распространение заговорных писем. Активный участник оппозиции в монастыре накануне восстания. См.: РГАДА, ф. 27, д. 533; д. 538.

20. *Сысой, белый священник из Вологды*, куда сослан из Новгорода. Первая ссылка была связана с делом патриарха Никона, вторая — с обвинением в еретичестве. Активный сторонник восстания. Осенью 1668 г. бежал из монастыря с Андреем Веревкиным и Феофаном. Не найден ни живым, ни мертвым. См.: РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32; оп. 2, д. 68; ф. 27, д. 533, л. 38; ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 77; ф. 141, оп. 3, 1664, д. 244; Субботин. Т. 3. С. 101.

21. *Тихон, дьякон Саввино-Сторожевского монастыря*. Сослан в 1657 г., провел на Соловках девять лет. Активный участник оппозиции в монастыре накануне восстания. Вызван из Соловецкого монастыря в Москву в связи с «делом Сильвестра». См.: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 10–11; д. 538, л. 37–39; Субботин. Т. 3. С. 67, 74.

22. *Феофан, архимандрит афонского Костоманитова монастыря.* Грек. Сторонник восстания. Бежал из обители осенью 1668 г. вместе с Андреем Веревкиным и священником Сысоем. Погиб. См.: РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 38; ф. 125, оп. 2, д. 68; оп. 1, 1669, д. 5, л. 32; ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 77; Субботин. Т. 3. С. 101.

Сведения о лицах, вышедших из монастыря за время восстания

1667 год

Середина сентября. С изгнанными архимандритами Варфоломеем и Иосифом из монастыря вышло неизвестное число лиц, недовольных оппозицией властям (Субботин. Т. 3. С. 291). Среди них, видимо, священник Герман (ДАИ. Т. 5. С. 346; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 287–299, 308–310), который еще в 1657 г. требовал введения в монастыре новых Службеников (Субботин. Т. 3. С. 6–12).

1668 год

Июнь. К Волохову при его подходе к монастырю вышло неизвестное число людей, желающих принять церковную реформу (РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 26).

1 октября. «Побег» из монастыря трех ссыльных — Феофана, Сыся и Андрея Веревкина (РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 38; ф. 125, оп. 2, д. 68, л. 1).

9 декабря. В Сумской острог прибыли высланные из монастыря 2 декабря старцы и миряне: черный священник Лаврентий, черные дьяконы Пахомий и Аркадий, монахи Исидор, Матвей, Феодул, Савин, Федор, Иона, Мисайло Шорох; бельцы дьячок Григорий Рига, трудники Лука Трофимов, Семен Минин, Григорий Иванов Братик, служка Онисим Андреев, дьячок Семен Иванов Калашников, служка Афанасий Семенов Шатров, Павел Григорьев Чеус, Иван Сергеев Сусла, а также старец Иван (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375; д. 389, л. 26–30; а также краткие упоминания: Бар-

сков. С. 116–122, 130–138; ДАИ. Т. 5. С. 344; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4).

1669 год

18 июня. Из монастыря высланы двенадцать ссыльных старцев и мирян и девять монахов и бельцов, которые были против восстания. Ссыльные: митрополит Гревенский Макарий, ватопедский старец Кирилл, ксиропотамский старец Герасим, киевский старец Виктор, черный священник Кирилл, старцы Иев (Салтыков), Софонея (Плошкин), Моисей, Зиновий, белый поп Козьма, миряне Аверкий Москвитин и ротмистр Осип Пирютин. Среди девяти противников восстания известны больничные старцы Васьян Крюков и Исая Слепой (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 67; 1670, д. 5, л. 74).

17 августа. Кемский поп Матфей Евстратьев и дьякон Григорий Измайлов, которые в ноябре 1668 г. ушли в монастырь, покинули обитель из-за внутренних «мятежей»; власти поймали их в пустыни (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 154).

11 сентября. 37 руководителей восстания, принадлежавших к радикальному крылу, высланы из обители. Это старцы келарь Азарий, казначей Симон, священник Дмитрий, Тихон, Варфоломей, Иев, Филипп, Герман, Аникей (Аника Пушкарь), Петр, Евлампей, Ипатей (Ипат Чудесник), Иосиф; миряне Фаддей Петров Бородин, Елеазар Алексеев, Григорий Черный Соболев, Федор Брагин, Никита Троечична, Киприан Кузнец (Кузнечной), Иев Кема, Прохор Темликов, Павел Чернореченин, Галасия, Иван Шабалин (Шабала), Степан Шабала, Федор Нижегородец, Иван, Ермолай Кузнечной, Алексей Казыка, Савва Горбун, Софрон Кострома, Алексей Попадья, Антип Иванов, Яким, Матвей Кузнечной, Илья, Семен Прядиленной. С ними вышел противник восстания старец Манасия (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 99, 101, 153; 1671, д. 31, л. 27; 1675, д. 20, л. 19).

1670 год

Весна. Пойманы в пустыни старцы Пимен и Григорий и соловецкий дьячок Иван Захарьев (Барсков. С. 30).

28 июня. Пойманы в пустыни на Соловецком острове старцы Никодим и Савелий (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 2–4).

11 октября. Вышло неизвестное количество лиц (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 7).

«После Покрова». Из монастыря выехали пять мирян на судне. Они предположительно высадились на Летнем берегу. Выехавшие были «в одном зговоре» с восставшими (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 4).

1671 год

14 октября. Вышли старец Иоасаф Крылошанин и трудник Василий Аверкиев (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1671, д. 31, л. 25, 33–38; 1670, д. 5, л. 113–115, 130–138; ДАИ. Т. 5. С. 347).

19 октября. Высланы старцы Яков Соловаров и конархист Михаил Харзеев (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 118–126, 141–145, 182–183).

Октябрь. Пойман безместный поп Феофилакт Рознухин, который пытался остаться в монастыре, но не был там принят (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 112–113; Барсков. С. 135).

1673 год

Июль. Вышли миряне Василий Татаринов, Никита Долгов и некто Василий (Барсов. С. 44–45).

Сентябрь. Вышли миряне Василий Бронник, Данило Полтинин, Карп Пакулин Колежемец (Барсов. С. 46–47, 56–58).

1674 год

19 июня. Вышел старец Пахомий (Барсов. С. 120–123).

23 июня. Приехали по хозяйственным делам и взяты под стражу анзерские старцы Нафанаил и Пахомий и строитель Илларион (Барсов. С. 109; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 2–4; ф. 159, оп. 3, 1676/79, д. 374). Следом все старцы Анзерской пустыни взяты под стражу из-за коллектив-

ного неприятия реформы — восемь человек (Барсов. С. 109–112; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30).

17 сентября. Вышли священники Митрофан и Амбросим и мирянин Июда Иванов сын Рогуев; в тот же день высланы священники Геронтий и Павел, старцы Варлам, Дионисий, Манасия (Субботин. Т. 3. С. 350–352; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 52).

20 сентября. Вышел трудник Василий Кириловщина (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 52).

До 16 октября. В бою захвачены в плен 15 человек: старцы Фирс и Евфимий, миряне Клим Федоров, Никита Вавильев, Степан Никитин, Петр Кузмин, Пронка Григорьев, Федот Никитин, Фаддей Семенов, псаломщик Семен Иванов, Игнатий Иванов, Родион Павлов, Никита Флоров, Семен Иванов, Тит Малафеев (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1676, д. 39, л. 24; 1674, д. 26, л. 5–6).

Ноябрь. Вышли шесть старцев и два мирянина, чьи имена неизвестны (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 23, л. 3).

1675 год

1 июня. В Глубокую губу на Соловецком острове к Мещеринову вышли четыре старца: Аввакум, Игнатий, головщики Арсений и Зосима (ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 4–12, 27, 29).

2 июня. К Мещеринову вышел из монастыря псаломщик старец Сергей (ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 12–13, 27, 29).

4 июня. К Мещеринову из монастыря вышел белец Филька Иванов (ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 13–14, 27, 29).

12 октября. Из монастыря вышел мирянин Борис Якимов сын Боран, сторонник восстания (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 9–12).

17 октября. Пойман выходец Павел Иванов (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1675, д. 20, л. 9, 13–14).

До 23 декабря. Вышли священник Селивестр, шесть старцев и четыре мирянина, чьи имена неизвестны (Субботин. Т. 3. С. 352; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 9).

9 ноября. Вышел старец Феоктист (ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 15).

«За полгода до взятия» (август?). Вышел мирянин Корнилий («Федька») Хохлик, беглый человек Мещеринова (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 47, 48).

Кроме того, вышли из монастыря в неизвестное время конархист старец Дионисий (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1673, д. 16, л. 31) и мирянин Степан Иконник (Там же, л. 38); в старообрядческой традиции называются и другие выходцы из Соловецкого монастыря — Савватий, дьякон Игнатий Соловецкий, Герман Соловецкий, Иосиф Сухой, Евфимий, Павел, Серапион, Логгин, Геннадий Качалов, Досифей, мирянин Илья Яковлев.

Черные соборы Соловецкого монастыря периода восстания

1667 год

21 июля. Обсуждение вопросов о назначении из Москвы нового архимандрита Иосифа и о вызове Геронтия в Москву на церковный суд. Решения: Иосифа не принимать, Геронтия в Москву не отпускать (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 66).

Лето. Обсуждение видений Ипатия (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 84, 93).

Начало сентября. Повторное обсуждение вопроса о новом архимандрите Иосифе (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 61, 63).

15 сентября. Встреча архимандритов Варфоломея и Иосифа; принятие Четвертой челобитной (Субботин. Т. 3. С. 208–211; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 60).

22 сентября. Принятие Пятой челобитной (Субботин. Т. 3. С. 213–276, 282).

1668 год

Начало января. Приезд в монастырь сотника Федосея от А. С. Хитрово с сообщением о царских указах и посланием от старца Иоила. Обсуждение вопроса об изъятии царем у мона-

стыря вотчины (Субботин. Т. 3. С. 137; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 121).

29 или 30 января. Черный собор в Трапезной по инициативе келаря Азария: обсуждение действий лиц, оппозиционных восстанию, в частности старца Матвея (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 63).

23 февраля. Собор в связи с приездом от царя сотника Василия Чадуева; принятие Сказки и Отписки к царю (Субботин. Т. 3. С. 311–315).

19 июня. Обсуждение известий о направлении под монастырь военного отряда во главе с И. А. Волоховым. Спор о том, как вести себя в этой ситуации; решение о закрытии монастыря перед войском (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 71–72).

23 июня. Собор в связи с прибытием в монастырь И. А. Волохова с царской грамотой. Отказ от подчинения властям (РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 25–26).

5 июля. Собор в связи с приездом в монастырь стрельца Петра Иванова с отпиской от Волохова (РГАДА, ф. 27, д. 533, л. 36, 39).

Около 20 июля. Принятие челобитной царю и направление с ней в Москву чернеца Обросима (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 375, л. 83, 87, 90, 91).

1669 год

Начало февраля. Собор в связи с приездом в монастырь стрельца Григория Прудова с увещеваниями (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 383, л. 1, 6; Барсков. С. 129–130).

7 марта. Решение об уничтожении новопечатных книг (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 6, 12, 98, 101).

16–18 июня. Принятие Шестой челобитной и решение о высылке ссыльных из монастыря (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4, 32, 67; 1670, д. 5, л. 74; ДАИ. Т. 5. С. 344).

Начало сентября. Поворот к умеренной политике, решение об изгнании из монастыря радикальных лидеров (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 98, 153; Барсков. С. 29, 31).

17 сентября. Собор в связи с приездом в монастырь для увещеваний стрельца Петра Иванова (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 95, 100).

1671 год

11 июня. Краткий собор в связи с приездом в монастырь для увещеваний стрельца Петра Иванова (РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1670, д. 5, л. 37).

1672 год

19 сентября. Собор в связи с приездом в монастырь сотника Микифора Порошина от К. А. Иевлева (Субботин. Т. 3. С. 317).

1673 год

28 декабря. Решение отставить моление за царя (Субботин. Т. 3. С. 337).

1674 год

3 июня. Собор в связи с приездом в монастырь сотника Митрофана Порошина и пятидесятника Андрея Трофимова; временный арест посланников (Барсов. С. 99).

13–14 июня. Собор в связи с приездом в монастырь священника Кирилла Андреева и подьячего Василия Истомина (Барсов. С. 108; РГАДА, ф. 163, оп. 1, д. 5, 1674, л. 122).

16 сентября. Собор, вызванный внутренними конфликтами в монастыре по поводу немоления за царя (Субботин. Т. 3. С. 328).

17 сентября. Решение о высылке противников восстания (Субботин. Т. 3. С. 324; РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1674, д. 30, л. 5–6).

1675 год

17 марта. Сыск в связи с пожаром в Трапезной. Обсуждение факта моления за царя некоторыми священниками (ОПИ ГИМ, ф. 450, д. 135, л. 5–6).

Часть II

Источники по истории и идеологии Соловецкого восстания

I. Документальные материалы

1-я группа

Материалы текущего делопроизводства и следственные дела. Разграничить эти два типа источников в реальных комплексах документов не всегда возможно. Среди этих материалов: отписки воевод, осаждавших Соловецкий монастырь, и соловецкого архимандрита Иосифа, расспросные речи выходцев из обители, челобитные стрельцов и выходцев, отпуски различных царских грамот к воеводам, доклады по подборкам документов. Специфика ситуации — восстание в северном монастыре — привела к тому, что следствием занимались поочередно и одновременно дьяки разных приказов: Патриаршего, Разрядного, Новгородского, Тайных дел и др. Поэтому источники разрознены. Ученые при изучении темы пользовались в основном значительным массивом документов Патриаршего приказа, изданных Н. И. Субботиным, и некоторыми делами Приказа тайных дел. Документы Разрядного и Новгородского приказов — подборки и отдельные дела прекрасной сохранности — до сих пор почти не исследовались (кроме нескольких дел, изданных Е. В. Барсовым и Я. Л. Барсовым). Сильно пострадали от воды соловецкие дела Приказа тайных дел, поэтому большинство из них только в последнее время стало доступно для работы (самое крупное следственное дело см.: Приложение II-2). Документы Патриаршего

приказа хранятся в Синодальном собрании ГИМ, остальные — в разных фондах РГАДА.

Документы противников восстания отражают стремление воевод, изгнанного из монастыря архимандрита подчеркнуть масштабы движения, сложность борьбы с хорошо укрепленной и обеспеченной обителью, размах крестьянской поддержки восстания. В записях расспросных речей видны попытки выяснить, что же происходит в запертом монастыре. При всей трудоемкости процесса, воеводы были заинтересованы в получении реальной и достоверной информации о скрытых от наблюдателей действиях повстанцев, событиях внутри монастыря. Возможно, именно поэтому в независимых друг от друга источниках довольно мало противоречий. Основные вопросы критики делопроизводственных источников — возникающие порой проблемы датировки, достоверности известий — решаются в тексте исследования. При этом необходимо учитывать конфликты внутри войска, осаждавшего монастырь: так, некоторые расспросные речи дублируются, поскольку воевода И. А. Волохов и архимандрит Иосиф в силу распрей между собой проводили независимые расследования, предпринимали важные действия, руководствуясь острой взаимной неприязнью. Постоянное стремление воеводы И. А. Мещеринова выгодно представить самого себя перед вышестоящими инстанциями, скрыть явные упущения по службе, а порой и преступления (грабеж монастырского имущества после штурма) привело к некоторым искажениям и противоречиям в документах последних лет осады.

Это создает неизбежный перекося в работе, поскольку значительная часть фактов этого периода нуждается в источниковедческом комментарии, тогда как события первых лет осады описываются по однозначным свидетельствам документов.

Сохранность приказных фондов далеко не полная. Это также создает трудности в интерпретации событий. В некоторых случаях можно восстановить содержание недостающих документов по упоминаниям-пересказам в докладах, в ответных посланиях. Однако это не всегда удается сделать. Наиболее подробно можно восстановить ход событий в 1668–1671 гг., затем

более или менее известно происходившее в 1674–1676 гг. А развитие восстания и борьба с ним в 1672–1673 гг. при воеводе К. А. Иевлеве остаются не вполне проясненными, поскольку сверх небольшого количества изданных документов этих лет удалось обнаружить лишь один доклад по четырем отпискам Климентия Алексеевича.

2-я группа

Многочисленные материалы, вышедшие из рук повстанцев: братские челобитные, отписки и сказки, характеризующие взгляды участников движения накануне и в первые годы восстания (на последних этапах подобные документы не составлялись). В ряде случаев по ним можно проследить постепенное или резкое изменение взглядов участников восстания. Материалы этой группы достаточно трудны для анализа, поскольку здесь происходит соединение двух типов источников: при сохранении всего формуляра официального документа (челобитная, отписка), включая подписи членов черного монастырского собора, по содержанию они представляют собой публицистические памятники. Для многих из них известны авторы (Герасим Фирсов, Геронтий). Поэтому конкретный анализ этих источников следует включить в раздел, посвященный характеристике нарративных материалов.

3-я группа

Материалы соловецкого архива и ризницы. Это царские указы, постановления церковных соборов по поводу событий в Соловецком монастыре, отпуски грамот соловецких настоятелей в Москву. К сожалению, большая часть этих материалов пропала. Некоторые документы исчезли уже во второй половине XVIII в., остальные — спустя столетие при переездах соловецкого архива с места на место. С ними еще успел познакомиться И. Я. Сырцов. Другой историк, работавший с соловецким архивом, — А. А. Савич. После гражданской войны — с осени 1924 по осень 1926 г. — документы находились в Перми, в музее. Многие из них были перепута-

ны, намокли. Часть соловецкого архива, видимо, была утрачена в годы гражданской войны. Остатки архива хранятся сейчас в РГАДА (ф. 1201) и СПБИН РАН (колл. 2). Часть документов ризницы отложилась в Соловецком собрании Музеев Московского Кремля. Однако сохранились описи соловецкого архива XVIII–XIX вв. с развернутыми заголовками дел, из которых можно получить некоторую информацию. Такие описи находятся в фондах ОР РНБ и СПБИН РАН. Кроме того, в ОР РНБ есть копии ряда соловецких документов, подлинники которых к настоящему времени утрачены. Эта часть источников известна в научной литературе, использована в работах И. Я. Сырцова, А. А. Савича, но в содержательном отношении исследована далеко не полностью. Сохранившиеся остатки соловецкой документации дают представление об отношении центральных властей к монастырю накануне восстания, позволяют прояснить и уточнить некоторые детали событий, известных по другим источникам. Иногда удастся выяснить судьбы отдельных повстанцев, даты. К сожалению, эта часть материалов носит слишком фрагментарный характер. С другой стороны, в сохранившихся копиях и заглавиях документов соловецкого архива зачастую содержатся уникальные сведения о подробностях хода событий.

4-я группа

Хозяйственные документы Соловецкого монастыря: приходо-расходные книги по годам, «книги поездок» (отчеты) архимандритов и других лиц, описи монастырского имущества, дела промыслов и вотчин. Материалы сохранились в составе соловецких фондов РГАДА и СПБИН РАН далеко не полностью. Эти источники носят вспомогательный характер, давая информацию о некоторых лидерах восстания, подробностях обстановки в монастыре, и главное — об управлении обителью в годы восстания, уточняют датировку некоторых событий и т. п. Эти материалы почти не привлекались к анализу истории Соловецкого восстания (несколько примеров удачного их использования есть в книге А. А. Савича).

II. Нарративные памятники

Повествовательные памятники можно условно разделить на авторские и анонимные. Среди писателей — идеологов оппозиции в монастыре следует назвать Герасима Фирсова, Сергея Шелонина, Геронтия и Игнатия Соловецкого. Не все их сочинения в равной степени могут служить источниками по теме, поэтому рассматриваются в основном лишь те произведения названных авторов, которые отражают события восстания и взгляды повстанцев. Особую трудность представляют произведения Геронтия, поскольку некоторые из них являются одновременно официальными документами восстания (Вторая–Пятая челобитные, отписки и сказки 1666–1667 гг.). С другой стороны, Пятая соловецкая челобитная текстологически связана с другими сочинениями Геронтия, поэтому она должна рассматриваться не в разделе, посвященном челобитным, а вместе с другими произведениями Геронтия.

Анонимные сочинения немногочисленны и невелики по объему. Это поздние (написанные не Геронтием) челобитные и отписки, ряд сочинений о чудесах и видениях в Соловецком монастыре, а также соловецкие статьи — прибавления к Проскинитарию Арсения Суханова (Приложение II-3).

Особую группу нарративных источников составляют сборники соловецкой библиотеки, созданные накануне и во время восстания и отразившие взгляды и мнения повстанцев.

И, наконец, последняя группа нарративных источников — это сочинения современников восстания: анонимные Видение «кустодея» на Соловках, Чудо Зосимы и Савватия 1668 г., Житие Епифания, сочинения протопопа Аввакума и дьякона Федора, «Записка» о «прениях» бывшего соловецкого слуги Кондратия с церковными властями. Эти произведения содержат сведения о некоторых событиях в монастыре, о слухах и толках, распространявшихся в старообрядческой и нестарообрядческой среде в связи с Соловецким восстанием. Эта группа источников играет вспомогательную, но чрезвычайно важную роль в понимании идеологических процессов в монастыре в период восстания.

Эти источники по большей части давно известны в историографии, но их содержание далеко не исчерпано. Анализ

таких опубликованных памятников предполагает их сопоставление как друг с другом, так и с данными документов.

Повествовательные источники требуют отдельного описания в соответствии с хронологией создания и типом памятника. В случае, когда детальное описание источника уже издано, дается только краткая характеристика с отсылкой к публикации.

Сочинения Герасима Фирсова

Герасим Фирсов — автор нескольких сочинений, написанных в разных жанрах. Из них источниками по истории и идеологии восстания являются: Похвальное слово митрополиту Филиппу, «Показание от божественных писаний» (послание к архимандриту Никанору, одному из лидеров восстания), Тратат о двуперстии («Послание к брату...») и Челобитная на соловецкого архимандрита Варфоломея, составленная как официальный коллективный документ — с формуляром и подписями. Все произведения Фирсова сохранились в автографах, в основном в единственном списке. Получил широкое распространение и сыграл важную роль в становлении идеологии старообрядчества за пределами Соловецкого монастыря Тратат о двуперстии. Сочинение сохранилось в 33 списках XVII–XIX вв. Произведения Герасима Фирсова были хорошо известны идеологам восстания, например Никанору. В них характеризуется идеологическая обстановка в монастыре накануне восстания. Следует учитывать, что «Показание от божественных писаний» не рассчитано на читательскую аудиторию, это обращение к другу и единомышленнику. Мнения, выраженные в данном послании, не могут быть уверенно приписаны сколько-нибудь широкому кругу повстанцев.

Подробнее см.: Чумичева О. В. Археографический обзор сочинений Герасима Фирсова и его автографов // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 59–76; Чумичева О. В. Инок Герасим Фирсов — соловецкий писатель XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы XVII — начала XVIII в. (Сб. 4). М., 1992. С. 87–135.

Первые соловецкие челобитные

Первая челобитная. Автор текста неизвестен. 14 февраля 1666 г. принята черным собором монастыря, подлинный текст с подписями членов собора (только монахов) находится среди документов Патриаршего приказа в Синодальном собрании ГИМ. Архимандрит Варфоломей отсутствовал в обители во время составления и утверждения челобитной. Он получил документ 28 марта в Вологде, но своей подписи не поставил. См. Приложение II-4.

Сказка, поданная архимандриту Сергию 6 октября 1666 г. Официально принята черным собором; подлинник с подписями как иноков, так и мирян хранится там же, где и Первая челобитная. Предположительно автором Сказки был Геронтий (в миру Григорий Рязанов). Доказательством служит сходство доводов Сказки с последующими сочинениями Геронтия.

Вторая и Третья челобитные. Автор текстов — Геронтий. Эти две челобитные скорее представляют из себя краткую (Вторая) и пространную (Третья) редакции одного сочинения. Текстологически и структурно они перекликаются со Сказкой от 6 октября. Челобитные датируются примерно серединой — второй половиной октября 1666 г., поскольку составлены вскоре после отъезда с Соловков ярославского архимандрита Сергия. Вторая челобитная (краткая) сохранилась в фондах Патриаршего приказа в единственном экземпляре, подписанном как иноками, так и мирянами. В литературе можно встретить указание, восходящее к издателю текста Н. И. Субботину, что Третья (пространная) челобитная по списку Патриаршего приказа тоже подписана монахами и бельцами, но гораздо меньшим их количеством. Но в соответствующем деле Синодального собрания грамот Третья челобитная представляет собой сложную структуру: краткий текст, совпадающий со Второй челобитной, переписан полностью и подписан, а потом скопирован еще раз и дополнен еще двумя листами с расширенной аргументацией против реформы Никона. Этот пространный список никем не подписан. Сказать, подлинник это или современная копия, невозможно. Однако в РГАДА, в фон-

де Соловецкого монастыря, автору данной книги удалось обнаружить еще один список Третьей челобитной, заверенный подписями членов монастырского собора, но не отправленный в Москву. Состав и последовательность подписей под Третьей челобитной почти полностью совпадает со Второй челобитной (в соловецком есть два дополнительных имени — попы Трифон и Семион, которые подписывались и под Второй челобитной). Этот список представляет собой целостный текст, начальная часть которого очень близка к краткой редакции (Второй челобитной или начальной части Третьей челобитной по списку Патриаршего приказа), а финальная полностью повторяет дополнительную часть с аргументацией против реформы. Главные различия обнаруживаются там, где два текста объединены редактором в целостное послание. В Приложении II-5 приведены списки Патриаршего приказа и Соловецкого архива (в полном виде они публикуются впервые).

Четвертая челобитная. Составлена Геронтием. Утверждена на черном соборе 15 сентября 1667 г. Подлинник также находится среди документов Патриаршего приказа. Однако эта челобитная подписана только чернецами, миряне под ней не расписывались. В Приложении II-6 опубликован этот подлинник.

В целом все ранние памятники соловецкой оппозиции выдержаны в рамках формуляра официального документа, заверены подписями. Эти сочинения выражают общее настроение в монастыре накануне восстания, дают возможность определить круг идеологических проблем, стоявших в центре внимания всей оппозиции. В старообрядческой традиции первые соловецкие челобитные не пользовались большой популярностью, число списков ограничено. Но сами документы были известны старообрядцам.

Пятая соловецкая челобитная и другие сочинения Геронтия

Особое место среди источников по истории и идеологии Соловецкого восстания занимает Пятая соловецкая челобитная. Это самое известное среди старообрядцев сочинение

(число его списков превышает 120). Оно содержит наиболее развернутое изложение разделяемых всеми участниками движения взглядов на реформу и другие важные для повстанцев вопросы.

Автором Пятой соловецкой челобитной несомненно является Геронтий. Текстологически и тематически с ней перекликаются еще три его произведения: «Сказание от божественных писаний и правил святых отец о новых книгах...» (или «Собрание от божественных писаний...») известно, в частности, в ранней копии, созданной в Соловецком монастыре во время восстания — по мнению Н. Ю. Бубнова, архимандритом Никанором (так называемый Никаноровский сборник — БРАН, 16.7.21); «Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязаящим нас чесо ради не оставляем истинныя свояя благочестивыя веры. Имамы же о сем сказати сице» известен в черновом автографе Геронтия — назовем рукопись Геронтиевским сборником (РГБ, собр. Егорова, 706); «Ответ священника Геронтия к востязующим мя, чего ради не приемлю новых книг, яже в них предания» (БРАН, собр. Дружинина, 77(102), л. 75–76 об. Текст издан по этой рукописи: Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого, История о патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 303–323. Также известен список: ИРЛИ, Усть-Цил. собр., 19, л. 81–101).

В Приложении II-7 издан текст Пятой соловецкой челобитной по найденному автором книги списку пространной соловецкой редакции, оставшемуся в архиве Соловецкого монастыря (теперь РГАДА, в. 1201, оп. 4, д. 22). До сих пор публиковались только поздние списки, полного научного издания не существует.

Подробную текстологическую характеристику всего комплекса сочинений Геронтия и схему взаимоотношения текстов см.: Чумичева О. В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59–69, а также: Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого, История о патриархе Никоне. СПб., 2006.

Поздние соловецкие челобитные и отписки

Сказка и Отписка, посланные в Москву с сотником московских стрельцов Василием Чадуевым, судя по тексту, были приняты на монастырском черном соборе 23 февраля 1668 г. В Сказке использован текст Пятой соловецкой челобитной. Более краткая Отписка близка по содержанию к соловецкому дополнению к Пятой челобитной (о нем см. Гл. 2). Подлинные документы, отправленные из Соловецкого монастыря, найти не удалось. Известно значительное количество списков в старообрядческих сборниках (23 списка Сказки и 16 списков Отписки). Текст Отписки постоянен; 21 список Сказки дают один вариант текста, два списка изменены (в одном случае — финал, в другом случае — сильные сокращения по всему тексту).

Автору данной книги удалось найти новые, ранее неизвестные исследователям поздние документы восстания:

Шестая соловецкая челобитная была составлена 16 июня 1669 г. от имени келаря Азария, казначея Симона, соборных старцев, братии и трудников. Челобитная краткая, самостоятельная по содержанию. Автор (авторы?) неизвестен. В архиве находится подлинник челобитной без подписей. Необходимо учитывать, что уже с 1669 г. повстанцы скрывали от властей имена своих лидеров (в 1670-е гг. «тайными» стали даже имена келарей и казначеев). Текст см.: Приложение II-8.

Отписка о высылке из монастыря «мятежников» (т. е. прежних руководителей восстания) была составлена в середине сентября (до 19 числа) 1669 г. от имени келаря Епифания, казначея Глеба, соборных, рядовых и больничных старцев (но не мирян!). Это также подлинник без подписей. Текст см.: Приложение II-9.

Сочинения Игнатия Соловецкого

Дьякон Игнатий покинул Соловецкий монастырь не позднее сентября 1667 г. Не будучи формально участником восстания, он сыграл немалую роль как в подготовке, так и в разработке его идеологии. Кроме того, Игнатий стал первым

историографом восстания, оказав большое влияние на Семёна Денисова. В историографической традиции ему атрибутируется несколько сочинений:

Челобитная Алексею Михайловичу,
Сказание от благочестия о нынешнем пострижении,
Книга о титле на кресте,
Челобитная Федору Алексеевичу,
Сказание «о кресте и о крыже»,
Сказание «об Адаме нынешнем»,
Исповедание.

До последнего времени был известен полный текст только Исповедания 1682 г. Это самое позднее сочинение дьякона, посвященное эсхатологической тематике. Сказание от благочестия о нынешнем пострижении до сих пор не обнаружено. Самое раннее из известных нам произведений Игнатия — Челобитная к Алексею Михайловичу. Ее начало было издано П. С. Смирновым в книге «Внутренние вопросы в расколе XVII в.» (СПб., 1898). В ходе работы в архивах автору данной книги удалось найти два новых списка, самый пространный из которых дает текст в два раза длиннее опубликованного П. С. Смирновым, но тоже не имеет конца.

Сказания «о кресте и о крыже» и «об Адаме нынешнем» известны по единственному списку и изданы Н. Ю. Бубновым в статье «Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. Второе из них дает ценную информацию о разгроме Соловецкого монастыря.

Наиболее сложной текстологической проблемой можно считать вопрос о соотношении текстов Книги о титле (в рукописной традиции она обычно называлась «Писание священнодиакона Соловецкаго Игнатия на отступники никонияны обличительно о написании титлы на кресте Господни») и Челобитной к Федору Алексеевичу. Вводная часть Челобитной была обнаружена и издана по единственному списку Н. Ю. Бубновым (см. статью, указанную выше). Фрагмент Книги о титле был издан П. С. Смирновым. Очевидны прямые текстуальные совпадения. Ситуация осложняется еще и тем, что в списках обычно встречается не полный текст

этих сочинений Игнатия, а фрагменты; не существует двух одинаковых рукописей, но есть обширные повторяющиеся в разных вариантах и комбинациях отрывки.

В ходе работы в архивах нам удалось впервые обнаружить полный список Книги о титуле — РГБ, собр. Барсова, 1011, л. 15–38 об. Челобитная Федору Алексеевичу в полном объеме до сих пор не найдена. Известно, что после вступления, изданного Н. Ю. Бубновым, шла догматическая часть, пересекающаяся с Книгой о титуле. Конец Челобитной неизвестен. Насколько можно судить по фрагментам, в Челобитной тема титула на кресте была проработана тщательнее и подробнее, чем в Книге о титуле. На данном этапе невозможно однозначно ответить на вопрос о соотношении, времени и последовательности создания двух сочинений Игнатия на одну тему. Видимо, в основе всех списков с фрагментами Челобитной лежал общий дефектный протограф, в котором встречались слова и фразы, неправильно понятые писцами. Текст Книги о титуле более исправный.

Сочинения Игнатия важны для понимания некоторых споров периода Соловецкого восстания, а также для изучения обстоятельств разгрома монастыря. Но надо учитывать, что все известные произведения были созданы Игнатием не только после ухода из монастыря в результате конфликта, но и после разгрома восстания, который привел Игнатия к тяжелейшему душевному кризису и переосмыслению многих взглядов.

В последнее время О. В. Панченко высказал мнение, что в Соловецком монастыре о титуле на кресте писали два старца: уставщик Игнатий и дьякон Игнатий. В ходе работы над статьей для Православной энциклопедии определились аргументы О. В. Панченко и Е. М. Юхименко, которые уверенно атрибутируют уставщику Игнатию Челобитную Алексею Михайловичу, признавая авторство остальных сочинений за дьяконом Игнатием. Представляется, что эта новая атрибуция еще станет предметом специального научного исследования.

Вновь найденные тексты сочинений Игнатия см.: Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Игнатия Соловецкого. Возвешение сына духовного ко отцу духов-

ному. Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума / Сост. Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С., Чумичева О. В. СПб., 1998; сумма сведений о биографии дьякона Игнатия: Чумичева О. В. Игнатий Соловецкий // ПЭ. М., 2009 (в печати); реконструкция биографии уставщика Игнатия и доводы в пользу атрибуции ему Челобитной к Алексею Михайловичу о титле на кресте: Панченко О. В., Юхименко Е. М. Игнатий Соловецкий // Там же.

Повесть о видении инока Ипатия

Этот важный источник по идеологии восстания сохранился в четырех списках, совпадающих по тексту (за исключением деталей).

Характеристику памятника и издание текста см.: Чумичева О. В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 285–292.

Сборники соловецкой библиотеки времени восстания

Здесь подразумеваются рукописные сборники, созданные в Соловецком монастыре накануне восстания или во время осады, содержащие статьи, подбор которых характеризует взгляды повстанцев, а также сборники, составленные идеологами восстания. Соловецкие сборники могут служить источниками по идеологии и отчасти по истории восстания. В них можно найти пометы и записи, существенно уточняющие сведения документальных источников о датировке событий, судьбах отдельных руководителей восстания. Соловецкие сборники характеризуют круг авторитетов, к которым чаще всего обращались соловецкие книжники. Подборки выписок стали основой для сочинений Герасима Фирсова, Геронтия.

Соловецкие сборники времени осады отличаются определенными общими чертами. Чаще всего это рукописи in octavo, написанные плотно и убористо; бумага сборная, случайная, зачастую использованы листы с филигранями начала XVII и даже XVI в. Складывается представле-

ние о нехватки бумаги. Как ни странно, к концу восстания в обители был обнаружен изрядный запас хорошей бумаги. Почему сборники писались на остатках старых листов, неизвестно.

Знакомство с соловецкими сборниками позволяет точнее определить круг самобытных произведений соловецких иноков, выявить авторские рукописи. В таких сборниках находятся следующие сочинения:

Сергий Шелонин, новая редакция Жития митрополита Филиппа, черновой автограф (см.: Дмитриев Л. А., Сапожникова О. С., Чумичева О. В. Сергий Шелонин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч. 3. С. 343–351.

Прибавления к Проскинитарию Арсения Суханова: Сказание об Арсении Греке (его характеристику см.: Чумичева О. В. Судьба Арсения Грека в России. Новосибирск, 1996) и Сказание о новых книгах и обрядах.

Повесть о чудесном исцелении в Анзерской пустыни соловецкого инок Исайи в сентябре 1667 г. (Севастьянова С. К., Чумичева О. В. Повесть о чудесном исцелении инок Исайи в Анзерской пустыни: на пересечении традиций // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 684–694.

Повесть о явлении святых Зосимы и Савватия, добавленная к прежним чудесам, написанная во время восстания (см.: Панченко О. В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 465–472).

Повесть о видении преподобных Зосимы и Савватия в Москве (см.: Там же).

Список наиболее важных сборников см.: Приложение II-1.

Соловецкие сборники

1. РГБ, Соловецкое собр., 939/1049
Сергий Шелонин. Житие митрополита Филиппа. 1640-е гг.
2. РНБ, Соловецкое собр., 87/87

Сборник Григория Селунского «на латин», рукопись Сергия Шелонина и Федора Семизора. 1662/63 и 1668 гг.

На внутренней стороне нижней крышки переплета запись: «Книга сия святая и богословная святого Григория архиепископа Селунского на латин: шесть тетратей и мало к сим писаны во 171-м году [1662/63 г.] тщанием преподобного Сергия священноинока и архимандрита Ипатского. С его же тщания и дачи болшия книги уставного писма для переводу и времени. А больше Сергию за скорбию, в ней же и смерть постиже, писать нелучилось. Навершение же книга сия святая прият рукою москвитина из обтеки Федора Васильева сына Семизора, в лето 7176-е [1668 г.], егда Соловецкой монастырь почал быть в запоре. А переплетал Макарей Силвестров сын Тихвинец 178-го году [1669/70 г.]. А отворился Соловецкой монастырь во 184-м году [1676 г.]».

3. РНБ, Соловецкое собр., 822/932
Сборник Никона Черногорца. Середина 1640-х гг. Рукопись Герасима Фирсова.
4. РНБ, Соловецкое собр., 973/1083
Сборник сочинений Герасима Фирсова о митрополите Филиппе. Начало 1650-х гг.
5. РНБ, Соловецкое собр., 901/1011
Сборник Герасима Фирсова, содержащий выписки из книг, Трактат о двуперстии и Похвальное слово Иоанну Лествичнику.
6. РНБ, Соловецкое собр., 838/948
Сборник житий и чудес. 1660-е гг. Почерк — Козьма Евсеев Вологжанин (см. также № 10 данного списка). На внутренней крышке переплета полустертая запись: «Соборник быв[ша]го сав[и]н[ска]го архимарита... [п]остриженника Соловецкаго». Имя Никанора выскоблено. Рядом находилась еще одна запись, полностью стертая.
7. РГБ, Соловецкое собр., 379/399
Сборник канонов, служб и молитв. 1650-е гг. На л. 11 запись: «Каноник бывшего Савинского архимандрита Никанора, постриженника Соловецкаго монастыря. А по смерти моей [благословляю ученика моего священноинока Амбросия]» — текст в скобках зачеркнут.

8. БРАН, 16.7.21
«Никаноровский сборник». 1667–1674 гг. Правка сделана рукой Геронтия.
9. РГБ, собр. Егорова, 706
«Геронтиевский сборник». 1667–1674 гг. Почерк Геронтия и скорописный полуустав — подражание Сергию Шелонину.
10. РНБ, Соловецкое собр. 897/1007
Сборник. Конец 1660 — начало 1670-х гг. Почерк — Козьма Евсеев Вологжанин (см. № 6 данного списка). В составе: прибавления к Проскинитарию Арсения Суханова, Трактат о двуперстии Герасима Фирсова с правкой противников и сторонников двуперстия.
11. РНБ, Соловецкое собр. 670/728
Сборник патристический. 1660–1670-е гг. На л. 114 об. запись: «177-го году [1669 г.] марта в 7 день, во вторую неделю великаго поста в Воскресение в 6-й час дни, по правилу святых апостол и святых отец, никоновых ересей монаха 172 книги в Соловецком монастыре погружены в море».
12. РНБ, Соловецкое собр. 895/1005
Сборник. Конец 1650 — начало 1660-х гг. В составе: запись о необходимости борьбы даже с церковью, если она «вредит»; Повесть о чудесном исцелении Исайи в Анзерской пустыни 28 сентября 1667.

Реконструкция «Дела Сильвестра»¹

д. 538

л. 88а. ...175 году ноябр... государь царь... Михайлович
...лмая и Белыя Роси(и)... указал боярину кн... Ивановичю
Одоевско...

¹ «Дело Сильвестра» сильно пострадало, как и многие другие документы Приказа тайных дел, от пожара, воды, плесени. В настоящее время его фрагменты находятся под разными номерами в фонде 27 РГАДА. Обрывки рукописи при реставрации заклеены

л. 88. думному дьяку Де... Башмакову ропросить Соловецкого монастыря чорного дьякона Селивестра, какое за ним ево великого государя дело, и на к(о)во... и он бы про то сказал.

...Дьякон Селивестр... сказал пр...его был он во дья... в Троицком Сергиеве (монас)тыре. И ис... в Астрахань ...монастыре. И по... Алешки прозвище Пи... ...ворных писмах... он из Астрахани к...

л. 86. в приказ Казанского двор... А ис того приказу отослан в Монастырской приказ. А из Монастырского приказу сослан в Соловецкой монастырь под начал и был в хлебне. А что де за ним великого государя дело, и то де... (п)ишет он ...стр своею...

л. 61. ...и дал мне милостину хлеба четверть... А я ему дал письмо, запечатав сургучем. А велел ему отнестъ к столнику ко князю Михаилу Львову и пр...ал ему накрепко, чтобы он того писма не... А в письме ко князь Михаилу писал, что я Селив... сижу в тюрьме в великом государеве деле. И он бы... к великому государю и как приеждял по нас на Соловки голова московских стрелцов Иван Лопатин, и я Селивест(р) говорил ему, Ивану, чтобы он взял... Питирима ис тюрьмы к в... ..него великаго государя есть дело, и он мне ...велено де мне тех старцов взят(ь). Того ...ажет, и я Селивестр говорил и... велел того старца Питирима вз... и он сказал, что надобны вз... к Москве ...(т)ебя Селивестра да... Да во сто семдесят первом году в Соловецком же ...тыре извещал в трапезе архимариту Варфоломею и всей братье вслух кричал старец Филарет Бартенев. А сказывал за собою государево великое дело. И архимарит велел ево посадит(ь) в тюрьму. А писал об нем к великому государю. И великово государя

в пленку без определенного порядка, угасший текст слабо просматривается, поэтому чтение документа в подлиннике сильно затруднено. Здесь приводится реконструкция дела, основанная на сопоставлении почерков, качества чернил, в некоторых случаях — на сохранившихся скрепах на оборотах листов, а также на содержании текста. Отточия обозначают механические лакуны в листах; в круглых скобках приводятся почти угасшие и нечитаемые буквы, скорее угадываемые по смыслу, чем прочитанные.

прислана грамота с Москвы велено ево смирить монастырским смирением. И оне ево били плетми. И от те побои тот старец Филарет Бартенев умер после побои с неделю спустя. А какое великаго государя дело за собой сказы... того яз не ведаю.

д. 533

л. 4. ...ево государьских детей будет и десять царевичей. И из них де не царствовать ни одному, и после де великаго государя иного царя на Московском государстве не будет. Потому что де на Московском государстве было семь царей. А осмого де царя не будет. И он де Селивестр ему Иоакиму² говорил, почему он ведает, что на Московском государстве осмого царя не будет, и государем царевичам не царствовать. И он де Иоаким показывал ему Селивестру письмо на одном столбце писано мелким самым пимом³. А в нем написано числами 666. А выписал де он Иоаким⁴ то из Апокалипсиса. А толковал де он Иоаким, что бывшему патриарху Никону в мирском чину⁵ имя было

л. 5. Никита, а во иночестве Никон. А по-гречески де Никитиос. И в то де число то имя придет. И ему де Никону на Московском государстве быть папою. И побыв де он на Московском государстве папою полтора года, пойдет с Москвы во Иерусалим к жидом, потому что де он покусился в Воскресенском монастыре построить церковь Воскресения

л. 6. Христова. И той де церкви не сооротить ему отнюдь. А пришед де он во Иерусалим, учнет строить церковь, чтоб ему в том перед ними, жидами, не погрешить.

А прежде того, как он же Иоаким совещался с ним Селивестром, из Соловецкого монастыря бежал. То же письмо прочитал ему Селивестру и толковал при болничных стар-

² Написано над строкой.

³ «Мелким самым пимом» — вписано между строк.

⁴ Написано сбоку.

⁵ «Мирском чину» — исправлено вместо первоначального «миру».

цах при Семионе и при Иосифе и при Демиде. А ныне он Иоаким на Соловках.

Да в Соловецком же де монастыре сидит в тюрьме ссыльной человек столника Матвея Милославского Федка Зыков⁶. В той же тюрьме, где и он Селивестр сидел.

л. 7. И ему де Федке сказывал старец же Иоаким про царское величество злые слова, чево ему старцу Селивестру сказать невозможно. А тем де речам записка, ево Федкина рука, у столника князь Михаила Лвова. А ныне де он князь Михайло в Сийском монастыре. А те де речи он у Федки слышел. И письмо, которое у князь Михаила, он у Федки видел. Толко де ему про то сказать невозможно некоторыми делы.

И старец Селивестр спрашиван с пристрастьем, чтобы он сказал про то правду.

И старец Селивестр сказал. У Федки де слышел он и в писме видел, что государя

л. 8. царевича и великого князя Алексея Алексеевича хотят извести. А хто имянем и какова чину, про то ему не сказал. И в писме ево того не написано, а написано глухо⁷. А скажет де он Федка⁸ про то великому государю на Москве.

д. 538

л. 87. 175 году ноября в 22 (день) Соловецкого монастыря черной дьяко(н) Селивестр сказал. По иноческому обещанию в прошл... во 172 году в ыюне месеце был с нами в лебне⁹ того же монастыря ...рец Питирим. И пришел в хлебню потпив и говорил мне Селивестру, что был он у келаря старца Саватия Обрютина и пил у него. И ево, келаря, избранил за то, что он целовал ево, Питирима¹⁰, и (з)а губы сосал вза-сос. Да он же Питирим говорил, что он розбил у него, кела-

⁶ Написано над строкой.

⁷ «Написано глухо» — написано над строкой.

⁸ Написано над строкой.

⁹ Так!

¹⁰ После этого первоначально было написано «и говорил», затем зачеркнуто.

ря, сосуд немецкой белой. И я Селивестр молвил ему, как он смел такой сосуд разбить. И он, Питирим, говорил, что у него тот келарь в руке жжал. И я Селивестр ево, Питирима, спросил, чем у тебя келарь в руке жжал. И он, Питирим, говорил про...

л. 85(2). ...ликаго князя Алексея Алексеевича ...речи. А тот Питирим в то время лет бы в... И в том же году вышел тот старец Питирим ис хлебни... той же неделе зарезал в келье старца Мартирия... зарезал, того не ведаю. И ево, старца ...али на собор. И на соборе архимарит ...фоломей ...келарь старец Саватия Обрютин и соборные старцы роспра... про то убийство. Да тут же ево спрашивали, как... сказывал он мне Селивестр... и что он, Питирим, сказал про убийство, того я не (ве) даю... Селивестра сказал толк (о)... говорил келарь Сава...

л. 85(1). ...мне Питири... и непристойныя р... и того же дни... и меня Селивестр... какия де писма я Сели... и я им сказал, чт... ...сал Пит... ...овецкую обитель в лиц... азбуку скорописную. И оне меня спрашивали ...мае сказывал старец Питирим на келаря на... И я сказал, что мне Питирим сказывал на келаря Саватия. И тово мне сказать вам архимариту и келарю и казначею Боголепу нечево¹¹. А стану я про то извещать великому государю. И оне, архимарит и келарь и казначей, ве... посадить...

л. 37. ...чорно(й) дяко(н) Тихо(н) в рос... сказал. В Соловецкой же монастырь сослан он из Савинского Стор...вского монастыря в церковн... тому девятой год... во 174-м году... Гарасим Фирсов... Соловецкого монастыря на ар...рита Варфоломея во всяко(м) монастырском бесчинстве. А ск...дывали де с ним тою челобитную соборные старцы Геннадий Качалов, Ефрем Каргополец, Иона Брыз... Александр Стукалов, да чорн... поп Пафнотей Кинешенец, Тимофей Мартемьянов да Трофим, Никон Михайлов да рядо-

л. 38. ...вые старцы Исихия Хлебенной, Илинарх Москвитин, да он, дякон Тихон, и иные старцы, а имян их не упомнит. И руки прилож... Да в той же де челобитной написано было... А какое того имянно... не написано. И тою де челобитн... старец Гарасим Фирсов чол соборному старцу Ионе

¹¹ Исправлено вместо первоначального «нельзя».

Брызгалу, да чорному попу Никону, да ему дьякону, да хлебному старцу Есихеи. И они де ево, Гарасиму, спра-

л. 39. ...шивали, чтоб он им сказал, ка(ко)е великого государя дел(о) в той челобитной написано. И старец де Гарасим сказал, что того дела сказа... им не мочно. И они де ему сказали, буде он про то им не скажет, и они де к... челобитной рук своих не приложат. И он де, Гарасим, сказал: написано де в той челобитной дело великого государя, то Соловецкого де монастыря слушка Ивашко Тарбеев будучи с архи...

л. 40. Варфоломеем в Кем(с)ко(м) острошке бранил(ся) с соборным старцом Алекс...дром Стукаловым. И в той де брани перед архимаритом Варфоломеем он, Ивашко, говорил ему, Александр(у), непристойную речь... великого государя. И ко... он, Гарасим, тое речь им сказа... и они де к той челобитной и руки приложили. И про тое челобитную сведав, келарь Саватей Обрютин зазвал к себе в гости собо... старцов Герасима Фи...

л. 41. Александра Стукалова... заручною челобитного... тое челобитную у них... (о)тнял и изодрал. И хто к той челобитной руки прикладывал, и он, выдирая те их писма, высылал к тем старцом с соборнем старцом с Александром Стукаловым. И на заутрени де в церкви говорили соборные старцы Гарасим Фирсов и все, которые к челобитной прикладывали руку, келарю старцу Саватею при всей братьи, для чево он тое челобитную у них взял... и он де Саватей...

л. 42. а архимарит де Варфоломей в то время был на Москве. И келарь де Саватей ато все(х) посадил в тюрьму со... рных старцов Ефрема Каргополца, да Генадья Качалов(а), Александра Стукалова, и сидели с неделю. А старец де Гарасим де Фирсов по грамоте великого государя взят к Москве в прошлом во 17...

л. 21. ...а челобитную за... на архимарита с... а к той де челобитной при...дывали руки соборные старц(ы) и рядовые¹²

л. 22. ...в то время во вся... битию. И что он ее изодр... запирался. А им... челобитная посылал к великому государю к Москве¹³.

¹² На обороте часть подписи «руку приложил».

¹³ На обороте часть подписи «Тихон».

л. 1. Старец Саватей... велел он же. А что де они, старцы, к той челобитной руки прикладывали, и за то всем от келаря наказания никакова... никому. А старцы Г... ..рсов и Александр и... которые к челобитно... ..ладывали, те изодра... ..ной у келаря Сава... в церкви в заутре... и в том... руку прило(жил)

л. 2. (ке)ларь про тое челобитну(ю) говорил, и хто ее драл. И казначей Варсонофий, и соборной старец Боголеп в то время у него, келаря в келье были ль, того он не ведает, потому что он тут не был. А вед(ает) про то старец Александр(р) Стукалов. А письмо дер... их которые у челобитной ...ваны были и отдавал (ста)рцом он же старец... (ста)рец в монастыре и в ц... старца у...

л. 3. ...вся братья с челоб... за руками на архимари(та) Варфоломея. А где он ныне, того он не в(е)дает...

л. 4. А на очной ставке старец... с келарем старцом Саватеем ск... прежние свои речи. А соб... де старцы Гарасим Фир... ..лександр Стукалов х ке... Саватею в келью заручно... приходит...

л. 5. ...челобитной по указу ве... государя сыскивал... Спасского Ярославского монастыря архимарит Сергей. А старец...

л. 7. ...а с ним де те ж мятежники послали челобитную. А у нас толко двенатцать рук на архимарита ж Варфоломея в тех же делах, которые (пи)саны в прежней изодра...

л. 32. ...челобитной... а драли ее старцы Гарасим Фирсов и Александр Стукалов сами, и лоскутье, на которых руки приложены роздавал старц(ам) старец Александр. А церкви у него, келаря, заручной челобитной в заутреню после того не прашивали. А приходил...¹⁴

л. 31. ...многое время старца Гарасим Фирсов с своими советники и говорили, чтобы не смиряти стар... беглецов пяти человек и хо... ево келаря в церкви бит... и ево де бить не дали рядовые старцы... их собору в тюрьму всею братьею. Да на них же... послали они, Соловецкого монаст... старцы, к великому государю челобитную за руками и всем... де он шлеца на всю брат...¹⁵

¹⁴ На обороте часть подписи «К сем речем чернец Саватей».

¹⁵ На обороте часть подписи «приложил».

л. 17. А келарь старец Савате... ..тин в роспросе сказал. Соборные старцы Гарасим Фирсов и А(ле)ксандр Стукалов приходили к нем(у) в келью и приносили челобитн(ую) за руками и чли сами. А та де челобитная писана на архимарита Варфоломея в вел... ..езчинстве и в ыных монаст...

л. 11. ...братью спустя много время побегали ис того монастыря пять человек старцов. И он де, келарь, посылал за ними гонять. И их переим... и в монастырь привеху. И он де велел их за то посадить

л. 12. в тюрьму. И говорил с соборными старцы, чтоб их посмирять. И соборные же старцы Александр Стуколов и Генадей Качалов и Ефрем Каргополец в церкви на заутрени после... приходили к нему к...

л. 9. з болшим шумом и ...ством, чтоб тех старцов беглецов не смирать. И хором ево в церкви б... и братья ево у них отняли и бить ево не дали. А их соборн... старцов трех человек послали в тюрьму всею братьею. И сидели они в тюрьме неделю. И о том де их мятеже послана на них челобитная к великому государю ото всей братьи, и та де челобитн(ая)...

л. 14(1). ...челобитие написано про ста(рца) Александра Стуколова. А они де мятежники про меня то к великому государю и на архимарита написали челобитье не по делу. И братья про то их челобитье не ведают. И руки приложены у той челобитной немногие. И они де Га... Александр

л. 14(2). ...старец Варсонофей, соборной старец Боголеп и он де, келарь, и казначей и соборной старец говорили Гарасиму и Александру, что...

л. 13. ...прикладывали руки, тем роздали сами. А досталь... той челобитной отдал стар(цу) Боголепу, изодрав в лоскут(ье) в мелкое, старец Александр Стукалов. И велели ему вкинуть в отход, а у него де, келаря, та челобитная в руках не бывала, и он ее не дир... И в церкви у заутрени про отписку той челобитной ему не говаривали. И в том де он шлетца Соловецкого монастыря на всю...

л. 16. ...нестро... писана была непристойно про старца Александра Стук(о)лова. А они де мятежники то дело применяли к великому государю, а тое де речи го(ворил), бутто Соловецкого монастыря слу... Ивашко Тарбеев, что ныне на Москве строитель старец Илинарх, в их монастырской

вотчине в Кеми. А у той де че...битной приложено было толко двенатцать рук их мятежников, а не ото всех братьи писано.

л. 62. А келарь старец Саватей Обрютин в роспросе сказал. Старец де Питирим в келье у него не бывал, и питьем никаким он ево не паивал, и сосуда никакова он ...него келаря не розбивыв... с ним не говарив... и ничего ему не сказывал. В том де во всем шлетца на бывшего архимарита Никонора, потому что тот старец Питирим пострижен в Соловецком монастыре и под началом жил у него Никонора в келье. Да

л. 63. ...сверх того в том... на старцов, которые у нег(о) келаря жили и ныне живут с ним келарем в одной келье, на казначея чеботные казны на старца Антонья, да рыбных промыслов на старца Матвея. И бесчинства никакова над старцом Питиримом он келарь не дельва(л). В том он шлетца на отца своего духовнаго на священноинока Леонтья. А ссыльной де бывшей дьякон Селивестр приехал в Соловецкой монастырь с Москвы за ево многие...

л. 71. ...воровство, что он... дьяконех и платье черенечское с себя скинув был на Дону. А после того пришел в Астрахань и был в салдате. А после того¹⁶ на Царицыне или буде в Саратове сиде(л) в тюрьме за воровские письма. И прислан к Москве, и на Москве пытан. А про то де про все сказывал ему он, дьякон Селивестр, сам. И живучи де в Соловецком монастыре спознался с новопостриженным старцом с Питиримом. И как де он Питирим в Соловецком монастыре зарезал старца Мартирия...

л. 66(1). и они де ево до указу великого государя посадили в тюрьму, а писали ль о том к великому государю, того не упомнит...

л. 67а. ...посадил в тюрьму до их смерти. А старец де Филарет Бартенев, вели...

л. 67. ...и иным ничют ево не би... в том он шлетца Соловецкого монастыря на архима..та и на всю братью...

л. 68. А на очной ставке старец Селивестр с келарем Саватеем сказал прежние свои речи. А на архимарита де

¹⁶ Написано над строкой.

Никонора и на старцов, которые живут с келарем в келье и отца ево келарева духовного он не шлетца

л. 66(3). ...потому что они постриженники одн(ого) монастыря, а он де человек ссыльной... а чорнеческого де платья он, Сели... себя не сметы (в)ал...

л. 66(2). ...Царицыне де в ...сидел ...(п)о извету дьячка Алешки ...ва в заговорных писмах... де писма выняты у него... Царицыне, а он де... Селивестр, прислан на Цариц... из Астрахани для очные ставки с Олешкою. А с Царицына привезены они к Москве. И на Москве в приказе Казанского дворца пытан... А с пытки в заговорном писме

л. 65(2). винился он, Селивестр, в дву стобцах... он в Соловецкой монастырь...

л. 65(1). ...и за то сыла(н) в Соло... под начал. А с старцом де с Питирим... познался он в Соловецком монастыре. Были у одной работы в хлебне. А писма де у него Питирима в Соловецком монастыре выняты. А каки... того он... А привороти... писем к блудному воровству он, Селивестр, не писывал. И ста... Питириму не даывал. И у него, Питирима, таких писем не ви(д)ал. ...Буде такие воровские писма ево Селиверстовы руки в ар(хи)марита Варфоломея есть, и чтоб те писма ему показали. И буде те писма ево рука, и в том над ним великий государь волен, чево он достоин. А про государеву грамоту, что прислана ко влаstem, а велено их Селиверста и Пити-

л. 64. рима посади... в тюр... смертной слышал, а то... грамоты он не видал. А старца де Феларета ...ми били слушки Вас... и иные... и от тех д... и умер. А Соловецко... ...тыря на старцов в том он шлетца, потому что они пострижники одново монастыря, а он ссыльной.

А келарь Саватей на очно(й) ставке сказал. Старец де Селив(е)стр едучи ныне из Соловецког(о) монастыря к Москве, сказывал ему, келарю, и голове московских стрелцов Ивану Лопатину и сотн... Афонасью Шилову и стрелцом...¹⁷

л. 72. московским, которые за... в провожатых, как он, Селивестр, платье чернеческое с себя скинув, на Дон бегал

¹⁷ На обороте внизу «к сем речем чернец Саватий».

и в казаках был. А з Дону приш... в Астара(ха)нь, был в салдате(х). И в том де он, келарь, шлетца на того голову и на сотника и (на) стрелцов. А старца де Филарета Бартенева плетми (в) Соловецком монастыре не бивал. В том де он шлетца того монастыря на всю братью и на служек и на служебников, и на тех слуг, про которых сказал старец Селивестр, будто они старца Филарета били плетми¹⁸.

л. 73. А старец Селивестр сказа(л). Говорил ли он про себя такие речи при келаре и при голове и при сотнике и при стрелцах, того он не упомянет¹⁹²¹.

А голова московских стрелцов Иван Лопатин сказал по святой евангелской запов(еди) (Бо)жией. Старец де Селивестр, едучи ныне из Солове... монастыря к Москве, говорил и не одинова в розговоре, чт(о) чернеческое платье с себя сме(ты)вал и в казаках на Дону был. И з Дону с воровскими казаками был на Волге и на Хвалимском море. И розбивали товары боярина

л. 74. князя Якова... Черкаского. А на том де розбое побито было людей на обе стороны немало. И после де того был он²⁰ на Терке²¹. А сотник Афонасей Шилов про скидывание чернеческого (п)латья и про побег на Дон и з Дону про воровство на Волге... море на старц(а) Селивестра сказал те же речи²². Голова ж Иван Лопатин допраши(ван), для чево он по извету старца Селиверста из Соловецкого ...не взял. И...

л. 80. старца... ему до тех дву стрцо... что старец Селивестр... присылал к нему. И... писма с старцом Тихоном²³.

л. 81. ...старца Питирима, ко... ...сидом в Соловецком монастыре. С ти... и по допроси Иван Лопатин сказал. По указу де великого государя велено ему привести к Москве из Сол...цкого монастыря старцов дву... ково князь Михаила Лвов скаж... И князь Михайло де велел ему вз... к Москве дву

¹⁸ На обороте вверху «руку», под текстом «приложил».

¹⁹ Под текстом роспись Сильвестра.

²⁰ Написано над строкой.

²¹ Под текстом роспись Ивана Лопатина.

²² Под текстом роспись Афанасия Шилова.

²³ Под текстом часть росписи «ру... приложил».

старцов Селивест... да Тихона. И Селивестр д(е) ему князь Михайлу (Л)вов(у)... Взять с ними в М... ис тюрьмы ...потому что буд... на Москве дело и к...зь Мих... того старца имать ему Ив... к Москве не велел. А... ему князь Михай...

л. 79(1). В прошлом во 173 году генваря в 1... писали к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Соловецкого монастыря (а)р(х)имарит Варфоломей з братьею. В прош... (м)арта в 4 день

л. 78. по ука... великого государя ...скаго приказу сослан из тюрьмы в Сол... монастырь Троицкого Сергиева монастыря ч... дьякон Селивест. И с монастыря ево спускат(ь) не велено. И в прошлом же во 171-м году августа в 7 день тот дьяко... старца ...орил соловецкого постр... ..рца Филофея. И подговоря украдчи... из монастыря побегал. И выехали... и дорогою идучи старца Филоф... а какою смертию, того не ведомо. ...го дьякон Селивестр пойман... от монастыря болши двусот вер(ст)... в монастырь и посажен был... и будучи де в хлебне у... Питир... да в прошлом ж... ..тот же чернец С... в тюрьме совещався с ста... подрезав у тюрем двери и пр... у городской стены окно, хотели збеж... сквозь городовую стену в окошко. И ...неческое с себя платье скинуть. Да в прошлом во 173-м году октября в 7 день Соловецкого монастыря черной поп Ананья подал на соборе богоотметные писма заговоры руки черного дьякона селивестровы. А нашел де их в чулане, где жил Питир (им).

л. 77. ...Селивестра и ...жат в тюрьмах с великим небрежением и... никою не велено. И как в прошлом во 174-м... великого государя приехал я к Москве и... монастыря писал ко мне келарь старец Сава... сыльной чернец Селивестр в тюрьме не е... прикинулся. И болезнь болшую бутто от цын... и для того переведен в болницу. И в болнице был с пять(ю) умысля он... монастыря постриженника чернца Иоакима... стену бежали. И за ними де посылали пого... де и оне сысканы и пойманы. О том ко мне... писано пр...ве да... келарь з (братиею)²⁴.

л. 70. И в то де время... у него в келье рухлядь ево. И в той ево рухляди нашли приворотные писма к... воровству. А те

²⁴ Под текстом подпись дьяка «Ива(н) К(алитин)».

де (письма) рука бывшего дьякона Селивестра. А чаял де он, что те ево Селиверстовы письма и ино честь у архимарита Варфоломея. И о тех де писмех²⁵ писали к великому государю архимарит з братьею. И прислана де к ним великого государя грамота с Патриархова двора за при-писью дьяка Ивана Калитина. А велено тех старцов Селиверста... их воровст...

л. 76²⁶. 175 года ноября в 23 день Соловецкого монастыря архимарит Ва...ломей сказал. В прошлом во 172-м году июля в 11 день... в Ванзерскую пустыню для празднества пр... ..хайла Малеина. И будучи в Ванзерской... преподобнаго Михаила Малеина... памяти по благочестивому вел...

л. 82. ...и я архима... велел держат... к Москве и т... ..дые письма запечатав послал из Соловецкого монастыря к М(оскве) к строителю к старцу Иосифу. И тое отписки и письма стряпчей наш монастырьской Ганка Томилов в том же во 172-м году подал в Монастырьском приказе думному дворянину Ивану Афонасьевичу Прончищеву, дав отписку Тимофею Антипину. И по... нашей монастырьской отписке прислана в Соловец... грамота. Веле... пустыни на пр... службу служил и блаж... ..ликом государе царе и ве...

л. 83. князе Михаиле Федоровиче всеа Русии понахид(у) пел. И поехал в Соловецкой монастырь. И переехал ...скую Сальму в Реболуцкой салной промысл, прислал ко мне из Соловецкого монастыря келарь старец Саватей отписку, что в монастыре учинилось смертное убийство. Зарезал... чернец Питирим чернца ж Мартирия. И от того рез... тот Мартирей то...²⁷

л. 75. ...жив у соборного старца Ф... в Ванзерской пустыни. А Питирим чернец ...вемя единнцать, а Мартирей чернец ...надцать. И приехал я из Ванзерского... убийство сыскивать. И в роспросе чернец ...тир... в том убийстве винулся. Сказал, что он ево зарезал, а пр(е)ж сего он чернец Пити-

²⁵ Написано над строкой.

²⁶ В верхней половине листа — угасший текст крупным почерком, отличным от основного: «монастыря... архимарит».

²⁷ На обороте часть подписи «К сей скаске Соловецкого монастыря архимарит Варфоломей».

рим с ним чер...м Мартири... знались. Да в то ж время, как про то убийство сыскива... черной поп Анания, у которого тот чернец Пит... (ке)лье жил, принес в соборную келью ко мне архимари... А сказал он, поп Ананья, что де те писма взял (в) чюлене [так!], в котором жил чернец Питирим. И в т... .. ашли писано богоот(м)етно. А писмо рука опального Селивестра. А чернец Селивестр в тех пис.х ...а сказал, что писмо ево рука. И те де п... ..тириму по дружбе он, Селивестр, д... тех чернцов до указу великого государя... в тюрьме. А о том писал к великому государю,

л. 79(2). Да он же Питирим сказал. Июля... он к старцу Мартирью и в чу... к нему Мартирею приступа... ..ха и Мартирей де не хотя того ...тирим за...

л. 44. ...государя ...вича всеа Великия и Малыя и... самодержца преосвященный Павел ми(тро)по(ли)т Сарский и Подонский докладывает. ...(В)еликомученицы Евдокии после...

л. 45. ...чернец Питирим, а Селиве... писмах руки своей не запирался. ...Говорные писма прислал... Патриаршей розряд ...ошлом во 174-м году... Питирим зарезал... до смерти²⁸

л. 46. ...садити их в крепкие тюрьмы, чт... и к ним бы приходить было невозможно, но ...(пи)ща велети им давать, чтоб з голоду н(е) (у)мерли. А Кирила смирить же и дер... в смирение ж под крепким началом.

И великого государя грамота в Соло... монастырь о том послана²⁹.

л. 47. ...же принес и богоотметные

л. 48. писма приворотные ...ному воровству. Те писм(а) дьякона Селивестра

л. 49. И черной дьякон Селивестр на ...спросе сказал. Как он, Селивестр, сидел в хлебне, и Питирим де к нему приходил. И писав он, Селивестр, многие пис(ма) и заговоры к блу... делу, давал из о... ..ними людьми к ...тириму присылал...

²⁸ Поверх текста далее наклеен фрагмент того же почерка, не читается.

²⁹ Под текстом подпись «Калитин», на обороте «Справил Мат... Халезов».

л. 50. ...учал противица. И он де пи... взял того Мартирия нож... ..естр и Кирил чернец в подрезе тюремных дверей и в пролом окна городской стены, и что хотели бежать, не запиралися.

И 173 февраля в 23 день великого... царя и великого князя Алексея...

л. 43. И 175 года декабря в 20 день по ука... великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича вс... ..ликия и Малыя и Белыя... самодержца Соловецкого монас... бывшему дьякону Сел... показываны заговорные и б(ого) отметные писма. И роспра... он, те писма ево ль рук(а) и где он те писма писал и ск(оль) давно. И хто ево тем заговор... и богоотметным писмам учил и сколь давно и кому он... писма дал и для чево, чтоб он сказал про то пр...

л. 58. ...письмо... а списывал... монастырь у соловецкого трудни... у Симки, что был в том монастыре в прядилне с ево писма ...пцов же тому де ни... в то время, как он, Селивестр, сидел в том монастыре паче в хл(е)бне за побег ис того монастыря, а принес де он, Симка, к нему, Селив(е)стру те писма в хлебню и говор... чтоб он списал их на новую бумагу, потому что то ево (пи)смо ветхо гараздо... и он того де дал ему, Селивес... два рубли да склянку...

л. 59. вина... в хлебне учал списывать. И старец Питирим те... у него увидел и учал того ево писма просить себе для того, что есть де у черного ж дьяко... Пахома брат Костка лет в пя...цать, а жил у него, Пахома, в келье³⁰, и чтоб де ему, Питириму, того Ко... теми писмами приворотить к себе для блудного дела. И он де списав с Симкина писма список, и тот список отдал ему, Питириму. А Питирим де... ему... дружбе приносил к нему (в х)лебню за то водки и вино...³¹

л. 60. ...к нему списывать Симка и то... письмо отдал он ему же, а спи...вал де он то письмо... Симк... а денги де взял он у Симки и... а писма своего не отдал для то... что к нему вина не принес. А как де он вино к нему принес, и он де, Селивестр, ему, Симке, сказал, что тот список утерян, и спиш... де

³⁰ Зачеркнуто, поверху написано «в дьячей полате писал».

³¹ На обороте роспись Сильвестра.

он ему вдругоряд. А сказал ему про то для того, что тот список отдал (П)итириму для привор... Костки к блудному...

л. 37. Чорной дьяко(н) Тихо(н) в рос... сказал. В Соловецкой же монастырь сослан он из Савинского Стор...вско-го монастыря в церковн... тому ныне девятой год... во 174-м году... Гарасим Фирсов... Соловецкого монастыря на ар...рита Варфоломея во всяко(м) монастырском бесчинстве. А ск...дывали де с ним тою челобитную

д. 533

л. 9. Лета 7175 декабря в 31 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец велел столнику Александру Савастьяновичю Хитрово ехати Соловецкого монастыря в вотчину в Сумской³² острог, для того, в прошлом во 174 году в Соловецком монастыре ссыльные старцы, старец Селивестр, что был чорной дьякон в Троицком Сергееве монастыре, и сидел в Соловецком монастыре в тюрьме, да старец Тихон, что был

л. 10. чорной же дьякон в Савином в Сторожевском монастыре, сказали за собою великого государя дела того ж Соловецкого монастыря на келаря старца Саватея Обрютина. А о тех делах изветное письмо старец Селивестр послал ис тюрьмы с старцом ж Тихоном к столнику ко князь Михайлу Лвову. А он, князь Михайло, в то время был в ссылке в том ж монастыре. И князь Михайло то письмо прислал к великому государю к Москве. И по указу ево великого государя посылан³³ с Москвы в Соловецкой монастырь голова мое...

л. 11. Иван Лопатин, а с ним сотник и московские стрельцы. А велено ему, Ивану, по скаске князь Михаила Лвова взять из Соловецкого монастыря старцов, которые извещали великого государя дела, и тех, на ково они извещали, и привезть их к Москве. И по тому ево, великого государя, указу голова московских стрельцов Иван Лопатин привез к Москве из Соловецкого монастыря келаря старца Саватея Обрю-

³² Исправлено, первоначально «Кемской».

³³ Написано над строкой.

тина, да изветчиков старцов бывших дьяконов Селивестра и Тихона. И по указу великого государя на Москве

л. 12. они роспрашиваны. И очные ставки им с келарем Саватеем даваны. А что они в ызветех своих, старец Селивестр написал своею рукою, а старец Тихон в роспросе и на очных ставках с келарем Саватеем, говорили, и что против их речей сказал Соловецкого жь монастыря архимарит Варфоломей, и какво писмо к сыскному делу прислано ис Патриаршева приказу; и с того с(ыска. — ?) дана ему, Александру, для подлинного розысканья списки слово в слово... и старцы

л. 13. келарь Саватей и Селивестр и Тихон для подлинного ж в тех великого государя делех розысканья посланы с ним ж, Александром. А на ково они, старцы Селивестр и Тихон в тех делех в ызвете и в роспросе говорили и опр... келаря старца Саватея, и на очных ставках с ним с келарем Саватеем говорили ж, и на ково ссылались; и тех всех людей из Соловецкого монастыря и из ыных мест имать ему, Александру, к себе к сыску в Сумской острог... Александру при... острог.

л. 14. И как же даст Господь Бог на море лед вскроетца, и в Соловецкой монастырь морем ехать будет мочно, послати ему³⁴ в Соловецкой монастырь сотника стрелецкого³⁵, а с ним стрелцов, сколько человек пригоже. Да с сотником ж послати в тот монастырь великого государя грамоту к келарю Азарию³⁶ з братьею. И по той государеве грамоте велети ис того монастыря прислати³⁷ в Сумской острог к допросу и к сыску старцов и слуг и служебников, на ково в том извещали старцы Сели-

л. 15. вестр и Тихон³⁸. А как их в Сумской острог привезут и против их извету и ссылок роспрошивать их и очные ставки

³⁴ Над строкой написано другим почерком «из Сумского острогу».

³⁵ «Сотника стрелецкого» — исправлено вместо первоначального «московских стрелцов».

³⁶ Имя вписано позднее, чем основной текст.

³⁷ Над строкой написано другим почерком «к нему».

³⁸ Над строкой написано другим почерком «и на ково ссылались».

им давать и сыскивать про все допряма. Чтоб против извету³⁹ доискатца во всем правды. А которые из них правды сказывать не учнут, и⁴⁰ мирских людей роспрашивать и с пристрастьем. И⁴¹ буде доведетца, и мирского чину людей и пытатъ, чтоб одноконечно в тех делех доискатца во всем правды...⁴²

л. 16. которой послан с ним, Александром. А про болшии изветные дела роспрашивать и очные ставки давать ему, Александру, самому. И что они учнут говорить, и то все велю писать тем людям самим, хто из них грамоте умеют. А которые грамоте не умеют, и тех людей речи и очные ставки записывать ему, Александру, самому, чтоб то одноконечно было тайно; и про то заказ учинить и тем людям под смертною каз... ..которые про што говорил или писал учнут, чтоб

л. 17. не в болших делех. А из Соловецкого монастыря в Сумской острог имать их не для чего; и у тех велят взять скаски⁴³ в Соловецком монастыре за их руками. А розыскав про все допряма и зделав ис сыскного дела перечневую выписку порознь по статьям, писать о том к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу. И то е выписку за своею рукою прислати к Москве с нарочным гонцом наспех. И велю о вас боярину

л. 18. князю Никите Ивановичу Одоевскому да думному дьяку Дементью Башмакову. А ему, Александру, ждать о том великого государя указу в Сумском остроге. А колодников, которые будут в том деле, велю держать за приставом и в тюрьме(х), смотря по делу, с великим береженьем и велю их кормить монастырскою пищею.

л. 19. А будучи ему, Александру, в Сумском остроге, сыскивать про ево великого государя дела вправду, никому не норовя, так же и не грубя ни для чего. А буде он, Александр, про те ево великого государя дела учнет сыскивать

³⁹ Над строкой написано другим почерком «и ссылок».

⁴⁰ Первоначально далее было «старцев и», затем зачеркнуто, написано над строкой и снова зачеркнуто.

⁴¹ Первоначально «А».

⁴² Далее пропуск между листами.

⁴³ Над строкой подписано «отписку».

неправдою... или грубя сыщет, и ему, Александру, от великого государя царя быть за то в великой опале и в вечней... без всякия пощады.

л. 20. А как он, Александр, по указу великого государя те великие дела совершит совсем и ему, Александру, писать к великому государю к Москве. А приехав к Москве, ему объявить и подлинные сыскные дела и из них перечневые выписки за своей рукой, и список с сыского дела, чтоб сведал списки за дьячею приписью; подать боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому да д. д. Д. Б.⁴⁴

л. 21. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал старца Иоакима и больнишных старцов и столника Матвеева человека Милославского Федку Зыкова из Соловецкого монастыря взять в Сумской острог. А столника князь Михаила Лвова из Сийского монастыря и с писмом прислать в Сумской острог. И против извету старца Селивестра и Федкина писма Зыкова розыскать про те дела столнику Александру Хитрову. И ему, Александру, про те дела спрашивать их всех накрепко. И для чего он, князь Михайло, о том к великому⁴⁵

л. 22. а держал ево у себя. А буде хто из них против извету старца Селиверстова и против Федкина писма Зыкова учнут в чем запиратца, и их спрашивать и с пристрастьем⁴⁶⁴⁹. И буде доведетца, и Федку и пытать, чтоб того всего доискатца допряма. Князь Михаила и старцов до указу пытать не велю. А спрашивать их всех про те дела, которые писаны выше сего, про все. И очные ставки давать ему, Александру, самому. А писать велю им ж самим. А хто из них писать не умеют, и то записывать ему, Александру, самому, чтоб то однозначно было тайно. И тем людям заказ учинить под смертною казнью, которые про што говорить или писать учнут, чтоб они того отнюд никому не сказывали. А буде которые люди про те дела учнут кому

⁴⁴ Именно так, в сокращении, дано имя думного дьяка Дементия Башмакова.

⁴⁵ Последней строки нет, так как лист оборван.

⁴⁶ Написано над строкой.

л. 23. сказывать, а сыщется про то допряма, и тем людем одноконечно быть в смертной казни безо всякия пощады. А подъячему того дела писать и ведать не давать некоторыми делы. А роспрося и розыскав про все допряма, писати ему о том о всем; и то сыскное дело все и изветные писма и отписку, сей великого государя указ прислати к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу к Москве, и велел подать боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому да думному дьяку Дементью Башмакову.

д. 538

л. 6. ...Ефрем Каргополец по гр(а)моте великого государя из Соловецкого монастыря взят и пос... в Каргополском уезде во ...монастырь в строители... А старец де Александр Стукалов поехал из Соловецкого монастыря к Москве ...них, а послали...

л. 8. ...ныне на Москве у архимари(та) Варфоломея. И после де того по грамоте великого государя старец Гарасим Фирсов из Соловецкого монастыря взят к Москве, а с Москвы сослан в Юсфов монастырь на Волос Ламской, и в том монастыре умер...

л. 95. трог по извету... монастыря ссыльного дьякона Селиверст(а) ...зал за собою великого государя дела Саломского монастыря на крылошанина старца... и писма ево старца Иякима ...тольника Матвеева человека Мило... Фетки Зыкова стольника М(и) хайла Лвова и старца Окин... ..ет Казикова роспрашивал и... очные ставки давал... порознь. А в роспросе и на очных (ста)вках сказали.

Соловецкого монастыря крылошанин ста... того, что... сказал дьякон де Сели...

л. 96. ...сту писм... писав им, а послали... писмом, что сказывал на... в извете Селиверст. Он ему, Сел(ь)версту казал и к царскому величест... ..ковал. И в вине ево великий государь... а писма де у него... нет ...ревая на монастыре.

...ник князь Михала Лвов сказал. Стольника Матвеева человека Милославског(о) Фетки Зыкова ево Феткины руки никаких у него писем нет и не бывал(о). А которые

писма принес к нему... Тихон Селиверстовой... писма послал к великому... Да дьякон же де Тихон принес к... от Селиверста изветныя пи... ..арца Савотей Абрютина, чт...

л. 92(3). (ссы)лной стольника Матвеев человек ...ославского Фетка Зыков сказал ...версту никаких государевых дел к... себя не велел, и писал он, Фетк(а)...

Старец Савотей Обрютин сказал. ...в келью князь Мих... ..ною, что писал Сел(и)вестр старца Питирима речи, дал сам. И он взя(в)... изодрал...

л. 92(2). ...говаривал ему, Питириму, Савотей непристойною речь про государя царевича... Алексея Алексеевича. И уведав же Савотей за... ево, князя Михаила, к себе в келью... а где же те писма, Савотей де тово не веда...

л. 93(1). старец Питирим сказал. От Савотей (Об)рютина про царское величество (не)пристойных речей не слышал... Савотей Обрютина ...ал и Селиверсту ничево ...варивал. И писем не пи... не ...вал. А дал Селиверс... на збереж... ..лана нех... ..казать никому... Да взял по тем писмам ...во не делал и скоропис... по нуже...⁴⁷

л. 36. ...а на (о)чных ставках Селиверст сказал, что он Фетку Зыкова и старца Питирима в ызветех своих поклепал. ...А писано Питириму... привороту к блудному... блядины для...

л. 1076. ...бьет челом ...каго монастыря... Селивестрище в ...казал. Я за собою твое государево дело на келаря ...тарца Саватия, и я богомолец твой сказа... ..поло... он меня бил плетми, яковы за мой побег. И ныне яз... твой приношу тебе, великому государю, вину свою в том, ...старца ...тия сказал твое государево дело напрасно. Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа ...я России самодержец, ...страдничю вин... ..кажешь. Царь государь, смилуйся⁴⁸.

л. 106(3). ...а наговор м(ой) ...тверды ...кия крепости... заговору брошен в синее м(оре)... к белому камению...

л. 55. к синему морю ...(д)ве(р)ми ни окошками и вси кри... отче, отче, царю великий, Сатано, молю... тебе и при-

⁴⁷ На обороте подпись «...обитной чернец Селивестр руку приложил». Далее в деле — тексты заговоров на обрывках листов.

⁴⁸ Далее небольшой фрагмент на том же листе не читается.

падаю, (посылай) мене раба своего имярек... на помощь мою
болшого своего служителя и споспешника моего болшого
князя бесовскаго... да лутчего беса солцу и зажигателя блуд-
наго... раб твои стану тебе служить и заповеди тво(и) тво-
рити. Яз раб твой имярек стану начинати во... яз отца и от
матери и от роду от пле... ..каго обещания и от распя... Хри-
ста Сына Божия и от пречистыя... и от святых апостол и от
всех... от всего...

л. 56. ...духа стану благослов... в чистом поле... камень
...(к)амень акир... ..и яз раб божий имярек... мужа моли-
ти, он еси древний муж ...ликий царь морской, послушай
мене раба... и ко мне свою сердечную любовь... раба божия
имярек и вложи... во утробу его, чтоб тот раб божий имя-
рек... (р)аб божий имярек своею тою сердеч... любовию
разгарался яко огонь н(е)гасимый по утру рано, в вечеру
позд... зоре и на вечерней, и на нов... наговариваю яз се...
...аву по имени любовь сердеч... матери милой любимой...
блуднаго...

л. 54. ...на молоду... вложить... белуге рабе бо... жене не
розродившеся детятем своим, или скоту или зве(р)ю не
сотворите плода своего. И какова им... горесть и тоска, тако-
ва бы и ему... имярек была горесть... раб... вашем имярек.
А яз раб ваш за ...боту ва... жертву створю от животных...
оговариваю яз наг(о)вор сей на вино... как тот раб имярек...
(пи)ть, и вы тотчас... (в)ином внидите во утробу его и заж-
ги... его по нем ребе имярек. А наговор (м)ой крепок и сло-
ва мои тверды...

л. 105. ...чем внутренним и ст... мой ...ерды крепчае синего
булату ...каго железа и меди пров... ..якия крепости и сколь
узам касн... а слова мои крепче. И по сему ...говору кре...⁴⁹

л. 52. [1] (сер)дце и утробу и хоть и плоть и семде-
сят составов, два состава становья и семдесят жил. Две
жилы... и семдесят недугов. Два недуга ...стув и за ногот-
ную кровь нам... чтоб тот раб божий имярек... тужил и пла-
кал на всяк день и на всяк час ночи и час... и во всяко
время и без времяне, в под... и в полунощи... в вечеру...
[2] на службу мою, а я... на службу мою подите... имя-

⁴⁹ Этот текст оформлен как конец.

рек и зажгите его... [3] что написано... а наговаривать... на питье и на ед(у)... на мочю, потому чт(о) ...ристав на за... как станешь... ветрех в не...

л. 106(2). ...рубашку... выворот и снимаю с с(ебе) (к)рест животворящий и кладу пот пяту и пору... и хожу в нечистоте против светло...

л. 53. [1] ...есть моча идет, а ...нав лицом по три зори утреня и вечер... (г)оворить. И ты прежде отречение от Бога... крест положи пот пяту, да на нем... и дондеже все... есть и страшен и лют есть ...шится видения темных... а ранит сия тайно... дал ни сердечный... ведома... [2] елеор ...жигатель... леон розпала... филиос... юрлай... легеон...⁵⁰ [3] ...служу всею крепостию своею и по... и царю Сатане. И послужу и пок(о)ряюся... и волю его и вашу сотворю, другом... раб имярек жертву пр... от мелен... [4] удемис... харпала отгадай цыган... ердым ердемей ятмар... яктор одиодус кксилар пси... легеон — тме начальники...

л. 108. ...верзаул рагмол... землидор илиув... нектанай...

л. 96(1). ...да слыши, человече, и внимай сему у... и крепко, чадо, держи сердце и утробу св... а заклин(аю) тя живым Богом Исусом Христом, что никому тебе не поведати сего т(ай)ного дела. А буде кому сия пове... меня погубуш [так!] и сам не воскреснешь. Блюди, блюди си твердо и креп(ко). И сохранно. Не колебайся умом своим⁵¹.

л. 96(2). ...рошлом во 173 году по указу великого... царя и великого князя Алексея Михайлови... аа Великия и Малыя и Белыя (Р)осии самодержца стольник Але... Са... ...вецкаго монастыря...⁵²

л. 91(1). Соборный старец ...вшей казначей сказал. ...Непорочной евангельской и по иноческо... соборные старцы ...лександр ...арцу...

л. 90(1). и в монастырском ...(не)строении. Да в той же челоб... написано было не ...он ...речь про старца Александра Стуколова, как бранился в Ке... с ним Александром слушка

⁵⁰ Имена бесов разделены в тексте точками.

⁵¹ С этого места начинается второй этап следствия, не в Москве, а в Сумском остроге.

⁵² На обороте часть подписи Боголепа.

Ивашк... Тарбеев, что ныне на Москве строитель Илинарх, и Александр... Герасим и Александр... то к великому государю... было толко от... и Александр...⁵³ ...прикла... и Алексан... челобитною иза... в мелкое лоскутье. Герасим... Александр отдал ему, Боголепу, и велели бросить в отход. И он де бросил... взяв у него...⁵⁴ По извету ж черно... Тихона... роспроси... соборной старец Александр Сту...ов ...расим Фирсов, Иринарх Тарбеев, ...Кинешм...

л. 116. Старец Тимофей Кисель... евангелской... по иноческому обещанию в прошлом во 174 году писана была челобитная на архимарита Варфоломея в монастырском нестроении и в пья... В той де челобитной написано... великого государя...

л. 117. Старец Исихея Хлебенно... по святой непорочной евангелской заповеди Христове и по иноческому...

л. 114. ...по иноческому о(бе)щанию в прошлом во 174 году послана ...обитная Соловецкого монастыря на архимарита Варфоломея в бесчинстве и в монастырском нес... оении и пьянств... челобитной написано... великого государя, как бранился в Кемском острожке перед архимаритом Вар... служба Ивашко Тарбеев с старцом Александром Стуколовым, что ныне на Моск...е строитель Илинарх. И у той де ...ной... руки...

л. 115. ...келарь де с ним ...рец Боголеп. И отдир... руки кела... выслал ис кельи к ним с старцом Александром Стуколовым... в монастырь с чело... архимарит Сергей... челобитной дело великого государя написано было. То ж как бранился в Кеми с ...с Олександром Стуколовы... (И)вашко Тарбеев. И у той де чело... ево Ионины руки не было... в заутрени...

л. 113. ...ево руку отдал, а сказал что про... и челобитную изодрал... и в цсркве де келарю он Ефрем про челобитную ...не говари... в церкви х келарю и говорили... Ефрем да Генадей Качалов, Александр Стукол... говорили, чтоб келарь велел... ис тюрьмы беглецы...

⁵³ На обороте окончание подписи Боголепа.

⁵⁴ Что-то о старце Герасиме; фрагмент состоит почти из крошева, не читается.

л. 107. [1] ...шиваны поро(знь)... а в роспросе сказали.
[3] Старец Никонор бывшей архимарит ...рова Савы Стор...
[2] Старец Гена... по святой непор...

л. 111(3). и говори(л)... архимарит... беглецов стврцо...
священника Варлама, д... Иякима головщика ис тюрьмы велел
выпустить и бить их не велел. И келарь де ево Генадь(я)...
дра и Ефрема за то... посадил в тюрьму и сидели в тюрьме...
битной де келарь...

л. 112⁵⁵.

л. 108. ...битну драл, то веда... ..др Стуколов ...челобитная...⁵⁶

л. 102(1). ...обещанью... В прошлом во 174 году писа...
была челобитная на архимари... ..арфоломея в монастыр-
ском нестро... и в пьянстве. Да в той же челобитной напи-
сано было дело великого государя, как... в Кеми пере... Вар-
фоломеем служба Ивашко Тарбеев, что ныне на Мо...кве
строитель Илинарх старец...

л. 101(2). (Але)ксандром Стуколо... Ивашко Тарбеев...
ево нико нов... церкви де как бы... Толь отне быв...

л. 102(2). ...челобитные ево никоно... была. И келарь де
Савате... ..вал к себе с тою челобит... ..ца Александра Сту-
коло... ..лобитного у кел...

л. 102(3). ...году послана была чело... Соловецкого мона-
стыря на арх... Варфоломея в бесчинстве и в мо настырском
нестроении...

л. 103(1). к ним с Александром Стуколов... с челобитною
приехал ...марит Сергей сыскивать и в той де ...битной напи-
сано было... как бранился... с Олек сандром Ст...

л. 103(2). ...о тож, как... с старцом с Оле... слушка... а у
той де челоби... руки не был...

л. 103(3). Илинарх... ево и сих ево... про тое челобитную...
заввал ...лью старца ...колова, и челобитную...

л. 104(1). и ходили... Саватею в келью и приносили чело-
битную на а...рита Варфоломея...

л. 104(2). запирался, а старцев ...ья и Александра...

л. 104(3). ...келарь... драл, а им дал... челобитная посы-
лать к вели... к М...кве келарь...

⁵⁵ На обороте подпись старца Геннадия.

⁵⁶ На обороте окончание чьей-то подписи.

л. 104(4). ...естроенья и в бесчинстве и иного де в той челобитной ничего он болши того... и рук было у...

л. 91(2). Александр Стукалов и Г... Фирсов тое челобитну(ю)... выдирая руки... и роздана...

л. 91(3). ...Александр и Герасим...

л. 90(2). и после де то... тое челобитн... и выдирая руки, которые бы(ли) приложены, вынесли ис кельи от келаря, роздавали они ж Герасим и Александр. А досталь то... челобитно... изодрав отдали Бого... и велели кинуть в отход...⁵⁷⁶⁰

л. 110. ...Стуколовы... Генадьева рука... И после де толь тое челобитную... у келаря в келье... ...слушка Ивашко Тар... на Москве строитель...

л. 111(1). ...не прихаживал келаря бить, не хотя...

л. 111(2). ...Герасим Ф... Алекс... челобитной напис... было непристойная... бранился в Кеми...

л. 99(1). ...к себе в келью и челоб... отнял и изодрал в келье... и Алекс... и выдирая...

л. 99(2). Александр Стуколов. А в церкви на келар(я)... мятеж какой был ли... и о то(м) не ведает...

л. 99(3). Старец Трифон... по свят...

л. 100. ...настырского нестроения. И великого государя какое в т... ...битных написано, того не вед... де велел ему кто к челоб... руку приложить. Старец Александр Стуколов... выдрав ис той челобит... руку ево отдал ему ...рец Александр... сказал, что тое чело... в келье у келаря... изодрал, тол... в церкви мятеж какой...

л. 101(1). ...рука была и вы... келарь Саватей Обрю... с нею к себе в к... Александра Стук...

л. 26. Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Алешка Хитрово челом бьет. В нынеш(нем), государь, во 176-м году июня в 28 день в Сумско(й) (ос)трог приехал кемлянин Тимошка Алабыше(в) ...просе мне, холопу твоему, сказал. Был де

л. 25. он в Кандалакше дела(л) покупки нерья сала. И июня в 12-м числе слышал кан...лашского монастыря он игумена Иоакима ирип... де к ним в монастырь лопин, а в

⁵⁷ На обороте адрес.

котором числ(е) и откуда, того де от игумена не слышал. И ска...вал, что свежие немцы в скопе суды... и сухари сушат, а куды ехать хотят, того... не сказал. Только б де он, игумен, жил... с великим опасением. И игумен де того ж числа для проводыванья послал на рубеж из монаст... старца да лопина при нем же, Тимошке и... холоп твой по тем роспросным речем и... городка на рубеж послал же дву человек м... людей для вестей того ж числа. А впред, государь, мне, холопу твоему, из Сумского острогу, ни с Кемского городка на рубеж для вестей и к тебе, великому государю, к Москве с отписки посылать неково. Стрелцы, которые были, и те из Сумского и ис Кеми по твоему великого государя указу взяты... Волохову, а жилецкие

л. 24. всяки(х) чинов (лю)ди все в ро(з)езде по (пр)омыслам. Вскоре собрать до зимы никои... меры не мочно. А московских, государь, стрелц... у меня, холопа твоего, только семь человек и то на карауле ныне безпрестани у колодников. Да кемлян... же... сумляня жилецкие люди ...вали мне, холопу твоему, что свенские н... Кар... и в Овлунском городы... городке блиски Кемью рекою под сам... поспевают немцы мелкими судам(и)... в три. И прежде, государь, сего для опасения и бе...сти тех дву городов в прибавке к сум... и кемским стрелцом по твоему великого госуда... указу присыла-но было от города в Сум... и в Кемской по сту человек стрелцов. А ныне, государь, в Сумском и в Кемском служилых людей нет ни одного человека. А жилецких человек с сорок и те осталцы стары и малы, которые промышлять не могут. И о том мне, холопу твоему, что ты, ...кий государь, укажешь, что, государь, Сумскому ...у от приходу немецких людей

л. 19. порухи от безлюдства не учинилося. А мне б, хол... твоему, в том от тебя, великого государя, в опале не б...

585/586

л. 1. Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Алешка Хитрово челом бьет. В прошлом, государь, во 175-м году по твоему великого государя указу велено мне, холопу твоему, быти Соловецкого мона-

стыря в вотчине в Сумском остроге для твоего государева сыска дела. А сыскав подлинно, отписать к тебе, великому государю, к Москве и сыск прислать с нарочным гонцом. И марта, государь, в 20-м числе того ж 175-го году я, холоп твой, писал к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и сыск послал с московским стрелцом Федорова приказу Головленкова с Федкою Яковлевым. И генваря, государь, по 1-е число нынешняго 176-го году по тому сысканому делу твоего государева указу ко мне, холопу твоему, в Сумской острог не бывало. А я, холоп твой, в Сумском остроге живу без дела. И о том мне, холопу своему, что ты, великий государь, укажешь.

л. 2. Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Алешка Хитрово челом бьет. В нынешнем, государь, во 176-м году декабря в 31-м числе в твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца грамоте за приписью думного дьяка Дементья Башмакова писано ко мне, холопу твоему, Розрядного приказу с подьячим сы с Иваном Дорофеевым. А велено из Сумского острогу послать в Соловецкой монастырь ково пригожей; и в том монастыре архимариту Иосифу и соборным и рядовым старцом и слугам и служебником и богомольцом всякого монастырьского чину и работником сказать твой великого государя указ о обращении. И я, холоп твой, из Сумского острогу в Соловецкой монастырь послал генваря в 1-м. А подьячево Ивана Дорофеева отпустил того ж месяца в 6-м числе.

д. 538

л. 33⁵⁸. 177 году сентября в 2 день государева грамота к столнику к Александру Хитрово, чтоб писал к великому государю и прислал колодников имя... А сумских стрелцов из Ярославля отпустил. А он бы жил в Ярославле до указу великого государя...

⁵⁸ Отпуск грамоты к А. С. Хитрово с черновой правкой.

л. 28 ...Александрю Савостьяновичю Хи... как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б как вели... государева указу... А которые колодники... государю... с тобою и ты б о том писал и прислал колодников имена, которые ныне у тебя... береженья. У тех колодников стрелцов имал в Ярославле. К воеводе к Василью Унковскому и дьяку Климко Андрееву... Писал на Москве лета 7177 сентября в 3 день.

л. 28 об. ...а где тебе стоять и колодников держать и о стрелцах, кому у тех дел для береженья... и то все велено тебе давать про... государя указ о том послан.

л. 20. Государю царю и великому князю Алексею Мих... вичю всеа Великия и Малыя и Бел... Росии самодержцу холоп... Хитрово челом бьет. В нынешнем... году сентября в 7-м числе ... государя царя и великого князя... Михайловича всеа Вели... и Белыя Росии самодерж... за приписью думного дьяка Дем... ..ова писано ко мне, холопу тв...

л. 23. ...в Ярославль с сумским стрелцо(м) с Ми...ко(ю) Куимовым. ...А велено им жить в Ярославле до твоего государева указу. А которые колодники ныне со мною, холопом твоим, и о том писать и из сыскного дела перечневую выписку — колодникам имена — прислать к теб(е), великому государю. И по твоему ве... ..даря указу я, холоп твой, из сы... дела перечневую выписку колодни... имена послал к тебе, великому г... царю и великому князю Алексею Мих... все Великия и Малыя и Белыя Ро... самодержцу, под сею отписко. С сум... стрелцом с Минкою Исаковым сентября в...

л. 18. Колодники:

Стольник князь Михайло княж Васильев сын Л...

Бывшей келарь старец Сава... Обрютин

...борные старцы

...на Брызгало

...Качалов

...я Хлебе...

По...

(РГАДА, ф. 27, д. 533, 538, 585/586; подлинник следственного дела, разделенный на несколько единиц хранения)

Соловецкое сказание об Арсении Греке
(дополнение к Проскинитарию
Арсения Суханова)

(л. 41) С тем же Паисеем патриархом Иерусалимским выехал из Святыя Горы Афона грек именем Арсений во 157 году. И он патриарх Паисея имел его у себя за истиннаго учителя. А как он патриарх Паисея пошел из Руския земли во Иерусалим, а тот Арсений остался в Руси. И как будет патриарх Паисея на литовском рубеже, и пишет он лист ко пресветлому православию держателю, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия Руси самодержцу. А в нем писано с молением на его царском одаровании и великой чести, что он патриарх одарен вышел от великого государя православнаго христианскаго царя из его державы здрав в Польску землю. И в том же листе пишет про того Арсения, что де он вам понадобился, что многим языком искусен и грамотам. А много в нем иных вер обычаев. И вам бы его разсмотрети гораздо. Был де он и в жидовстве. И того ради разсмотрения прислан был тот Арсений (л. 41 об.) в Соловецкой монастырь. И что в нем обрели здраво, в том его и похвалили. Обрели в нем здраво исповедание православныя веры без приложения и без отъятия. И о едином от Пресвятыя Троицы имени Господа нашего Иисуса Христа исповедание было здраво, без нынешняго приложения, еже приложен союз по грамматическому разуму, а по Осмочастному Иоанна Екзарха слову, то различие именуется еже рещи Господь Иисус, то стало два имени. Ино то стало несториева ересь проклятого. Он не убоясь на два состава разделить Господа нашего Иисуса Христа. А и сей еретик тем же окаянным недугом болел и тою болезнью и в наше государство подал. Не смел того таков прям изрещи и он, сим малым начертанием приложения союза единого весь Символ православия искажил.

Да у него же обрели Арсения право мудрствующа о кресте, еже благословляти люди и креститься, то един с нами крест был, (л. 42) а не так что ныне учат трема первыми первсты креститься. И сам он говорил Арсений, что де у нас много потеряно в неволи турской, грех ради наших, пра-

вых книг и учителей, яже во всю землю из Веницей книги идут от латынских учителей. А и сам он Арсеней был попа да и книги у него пришли с ним греческим языком печать Венецкая. Толко одна с ним грамматика латынская была. А родом тот Арсеней сказался от Солуня града, и братья де у него служат турецкому царю.

А что у него Арсенья увидели неисправно, против нашего христианского обычая, была на нем рубашка мирская бязинная, пояс шолковой, а креста на нем Арсенье не было. И против того стали ему говорить: у нас, де, Арсений, носят иноки свитки да кресты деревянные с параманды и поясы усмяны, сиречь кожаны. И он против того отвечал: Слышал де яз, надобно иноком тако носить, да у нас того нет. А вы против писания (л. 42 об.) творите то и добро. Да и о поклонех ему Арсению говорили, чтоб поклоны земные в кельи и в церкви клал. И то ему стало тяжело. У нас де по истину того нет, толко ныне вижу, как вы творите, и я тако же, как Бог поможет, рад творити по-вашему. Вижу у вас, что еще благочестие не изронено. И у нас в Соловецком монастыре отвечали ему: Так де мы, Арсеней, не от себя то замышляем, ведаешь ты и сам Христово учение святых книг, Пресвятое Евангелие, како Христос во время своея спасенныя страсти отступи от ученик своих, яко вержением камени, и прилежнее молящееся. Бысть же пот его яко же кровь на плющи. Арсеней против того молчаще.

И списание Епифания Кипрського предложиха ему, словеса на Успение Пресвятыя Богородицы, и о молитве ея, како по вознесении на небеса сына своего Господа нашего Иисуса Христа молящися на камени мраморне, идеже нозе ея пресвятыя стояху на камени и колене прегигающе и руце вообразистася на камени и досего дни. (л. 43) Тако зрим есть той камень в Гефсимании у гроба Пресвятыя Богородицы. Он же, слышав таковая словеса, умилен седяше.

Пребысть же в добром послушании у инока Никодима в монастыре два лета. Егда же прииде пост великий⁵⁹, он же мало радяще по своему навычению о посте, и скорбящее зело, зазирая немощи своея. Тако гляголя всем сущим

⁵⁹ Слово «великий» подписано на полях другим почерком.

в монастыре: Во истину, братие, у нас и половины веры нет, все потеряно; нет ни поста, ни поклонов, ни молитвы келейная, а и соборы малые.

Егда же прииде ко отцу духовному на исповедь, тогда наипаче истязан бысть о вере, и не держит ли в тайне какия ереси у себя. Он же с покаянием известился отцу духовному, священнику Мартирию: что де, батко, таить тебя, а у Бога все явно же будет. Был де я во многих школах, сиречь училищах, во многих государствах, да толко не примешь того государства веры, и во училищи не примут. Ино то так стало, а вперед, как Бог изволит. Прости (л. 43 об.) Бога ради.

А ничего у нас в Руси тогда не хулил. А у нас в Соловецком монастыре научился грамоте словесной. И как стал наши книги русским языком прочитывать, и он похвалял: у вас де еще истинна есть пред нашими книгами во всем. Вопросили же мы его и о патриарсе Паисеи Иерусалимстем, еже чего ради оклеветал тебя ко благочестивому царю. И он тако просто нам отвечал: патриарх де и сам не лутчи меня, взял он меня из Святыя Горы, и ехал я с ним до Киева. И как в Киев пришли и стали есть двоеногие птицы, и киевлены ему патриарху сказали: святой патриарх, идешь ты в Русь, а на Руси того не водится, сие токмо что патриархом ясти двоеное, но иноки воздержатся от того, не будет тебе и чести. И он тут и перестал с тех мест есть мяса. А все лицемерят, чем милостыня выманить, а нечем стало откупаться от турскаго, дани тяжелой. Не услышь, Господи, того, что у нас деетца во всей Палестине.

(РНБ, Солов. собр., 897/1007, л. 41–49)

Первая соловецкая челобитная

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьют челом твои государевы царские нищие богомолцы, Соловецкого монастыря архимарит Варфоломей, келарь чернец Саватей, казначей чернец Варсонофей, священники и дьякони и вся братия и болничные.

Пришли мы, твои царские нищие богомолцы, во обитель благолепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и преподобных отец Зосимы и Саватия Соловецких чюдотворцев душевнаго ради спасения, слыша их, преподобных чюдотворцев, богоугодное житие и преславная чюдеса, и по них благоугодивших Господеву чюдотворца Филиппа митрополита и преподобнаго старца Германа, и прочих святых многих иноков добродетельное житие проходящих, и церковной чин и устав, по преданию преподобных чюдотворцев Зосимы и Саватия непоколебимо хранящих. И мы, нищие твои царские богомолцы, предания святых чюдотворцев Зосимы и Саватия, церковной чин и устав хотели соблюсти, как и прежние отцы наши. Милосердый и праведный великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, нищих своих царских богомолцов, не вели, государь, в своем царском богомолье, в Соловецком монастыре, предания преподобных чюдотворцев Зосимы и Саватия, церковнаго чину и уставу пременити, чтоб нам, нищим твоим царским богомолцам в предании съятых чюдотворцев препроводить дни своя, как и прежние отцы наши. Царь, государь, смилуйся.

(ГИМ, Синод. грам. 1183–3; подлинник; заверен подписями на обороте, кроме архимандрита Варфоломея; к ней приложена сопроводительная записка келаря Савватия к архимандриту Варфоломею, отсутствовавшему при составлении челобитной)

Вторая-Третья соловецкая челобитная

(л. 1) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, быют челом богомолцы твои государевы Соловецкого монастыря келарь Азарей и бывшей Савина монастыря архимандрит Никонор, и казначей Варсонофей, и священники, и дияконы, и соборные чернцы, и вся рядовая и болничная братия, и служки, и трудники все.

В нынешнем, государь, во 175-м году по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, указу, и по уложению преосвященных митрополитов и архиепископов и епископов и всего освященного собору прислан к нам с Москвы в твое царское богомолье, в Соловецкой монастырь Ярославля Спасского монастыря архимарит Сергей с товарищи учить нас церковному закону по новопреданным книгам. А мы, нищие твои государевы богомольцы пришли во обитель боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа и угодник Его преподобных отец Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа митрополита Московского и всея Руси душевнаго ради спасения, ревнуя их богоугодному житию и прочим, по них живших святых инок. И церковный чин и устав по преданию преподобных отец наших непоколебимо соблюдаючи. И милости у тебя, великого государя, вси со слезами богомолцы твои и раби твои государевы молим и просим. Помилуй нас, благочестивый, милосердый великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец. Посли нам, яко отец небесный, всещедрую свою и великую милость. Не вели, государь, ему, священноархимариту Сергию прародителей твоих государевых, благоверных царей и благочестивых великих князей, и начальников наших и великих чудотворцов преподобных и богоносных отец Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа митрополита Московского и всея Руси предания нарушать. И вели, государь, в том же предании бытии нам, в коем чудотворцы наши и прочие святы отцы, и отец твой, великого государя, благочестивый великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, и дед твой государев, блаженный Филарет Никитич Московский и всея Руси патриарх богоугодным своим житием препроводиша дни своя, чтоб нам, богомолцам твоим и трудником врознь не разбрестися; и твоему, великого государя, богомолию, украинному и порубежному месту от безлюдства не запустеть. Великий государь, царь, смилуйся, пожалуй.

(Этот текст на едином листе, заверен подписями; затем тот же текст повторен на другом листе, слово в слово, но

к нему добавлены еще два листа, начало второго утрачено, подписей на обороте нет.)

(л. 2) ...и всяя Руси, и то нам, богомолцом твоим, держатися и последовати възбраняют. А в коем предании многие святїи отцы угодили Господу Богу, и отцы наши скончались, ныне нам, богомолцом твоим, держати и последовати они възбраняют. А правила, государь, то предание отеческое и церковныя уставы предлагати нам отнюд не повелевают, якоже и апостол глаголет: братие, стойте и держите предания, им же научитесь или словом, или посланием нашим. И мы, богомолцы твои, чрез предания святых апостол и святых отец священные уставы и церковныя чины пременять не смеем. Понеже, великий государь, в новых книгах выходу Никона патриарха, по которым нас учат новому преданию, вместо Исуса написано с приложением излишныя буквы Иисус, его же страшно есть нам, грешным, не точию приложити, но и помыслити. Понеже, государь, мы и отцы наши не слышахом сего никогда, и в божественном писании в старых и новых письменных и печатных русских и в литовских в старых книгах до сего времени у нас нигде не обретаеця.

Да в новых же, государь, книгах повелевает нам иноко креститися, а иноко священником благословляти. А не творящих таковая патриарх Никон проклятию предает. А в старых, государь, книгах прадеда твоего государева, благочестиваго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всяя Руси и преосвященного Макария митрополита Московского и всяя Руси и прочих митрополитов и архиепископов и епископов и всего освященного собора изложении, в книге, глаголемей Стоглав, повелевает людям креститися и священником благословляти одним воображением крестным, а не двема. А не творящим таковая написано прещение страшно. А после, государь, того соборного уложения начальник обители нашея, отец наш и наставник, Филипп митрополит Московский и всяя Руси, чудотворец, и иные мнози святїи отцы тому их соборному преданию последовали и угодили Богу. И за то прославлены они от Господа в знамениях и чудесах многих. И сего ради мы, богомолцы твои, держимся того же предания святых отец и соборного уложения неизменно.

Да в той же, государь, книге пишет и о божественней аллилуйи, что по свидетельству и извещению Пречистыя Богородицы и преподобнаго Евфросина, псковскаго чудотворца, и в книге блаженного Максима Грека предана божественная аллилуйя глаголати дважды.

А в новых, государь, книгах повелевает нам креститься трема персты. А блаженнии отцы Петр Дамаскин, и Феодорит епископ, и премудрый Максим Грек повелевают нам креститься двема, а не трема персты.

Да в Служебниках, государь, новых написано на святом агнцы и на просфирах вместо божественаго и совершенного креста Христова повелевает печатати крыжем, еже святыи Иван Златоустый в воскресном Толковом Евангелии, в неделю третью поста образ и сень глаголет, а не самый божественый совершенный крест Христов. И тому, государь, последствовав, в прежебывшая лета прародители твои, государевы, благоверные великие князи, и соборные апостольския церкви архиереи крыжем чести не воздавали. Якоже в летописце пишет: егда приходил из Риму к Москве с царвеною Софиею от папы посол Антоний лягатос и нес пред собою крыж. И благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси и преосвященный Филипп, митрополит Московский и всея Руси с тем крыжом ни близ царствующаго града Москвы приити не попустиша. И отнюд в твоём, великого государя, Росийском царствии тот крыж до сего времени на просфирах не именовался (л. 3) и по всем святым божиим церквам во всей Русской земле прародителей твоих государевых, и святых отец молитвами, и твоею, государевою, державною высокою рукою и благочестивым исправлением, православная христианская истинная вера до сих новых книг сияла аки солнце в небеси. И никогда же ни от кого в православных догматах и в церковных исправлениях зазрении быхом. Наипаче же сами они, вселенския патриархи, Иеремия Цареграцкий и Феофан Иеросалимский, их же глаголют всякими добродетelmi украшенных сущим. И бывшим им в Московском государствии довольно время, от них же и первопрестолники соборныя и апостольския церкви Иев митрополит и дед твой, великого государя, блаженный Филарет Никитич в твоём, великого госу-

даря, Росийском Московском царствии на патриаршеский престол возведении быша. И видевше истинную нашу православную непорочную веру, зело похвалили. Свою же они греческую веру, от нея же ныне исправления ищем, до конца сами уничижили. Якоже в книге, глаголемей Кормчей, московской печати, о сем свидетельствует, что де у них во Иеросалиме и во всех тамо сущих восточных странах конечное православная веры греческого закона от агарян насилие и погубление, и церквам Божиим запустение и разорение. Но точию де един на всей вселенной владыка и блюститель непорочная веры Христовы христианский самодержавный великий государь, царь благочестием всех превзыде. И вся благочестивая в твое государево едино царство собрашася. И мы, богомолцы твои, по сему свидетельству святых отец предание и церковный чин и устав, в нем же преподобнии отцы наши, Зосима и Саватие чудотворцы, угодили Богу, до сего времени соблюдали непоколебимо.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй нас, молим твою, великого государя, благочестивую державу. Помилуй нищих своих государевых богомолцов. Не вели, государь, ему, священноархимариту Сергию прародителей твоих государевых благоверных царей и благочестивых великих князей и начальников наших, великих чудотворцов преподобных отец Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Руси предания нарушати. И вели, государь, нам в том же предании бытии, в коем чудотворцы наши и отец твой, великого государя, благочестивый великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, и дед твой, государев, блаженный Филарет Никитич Московский и всея Руси патриарх богоугодным своим житием препроводившее дни своя, чтоб нам, богомолцом твоим и трудником врознь не розбрестися; и твоему, великого государя, богомолю, украинному и порубежному месту от безлюдства не запустеть. Великий государь, царь, смилуйся, пожалуй.

(ГИМ, Синод. грам. 1201–3; Вторая челобитная — подлинник, Третья — подлинник или современный список)

(л. 36) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьют челом богомолцы твои государевы Соловецкого монастыря келарь Азарей и бывшей Савина монастыря архимарит Никонор, и казначей Варсонофей, и священники, и диякони, и соборные чернцы, и вся рядовая и болничная братия, и служки, и трудники все.

В нынешнем, государь, во 175-м году по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу, и по уложению преосвященных митрополитов и архиепископов и епископов и всего священного собора прислан с Москвы к нам в Соловецкой монастырь Ярославля Спасского монастыря священноархимарит Сергей с товарищи учить нас, богомолцов твоих, церковному преданию по новым книгам. И во всем велят последовати и творити по новому преданию. А предания, великий государь, святых апостол и святых отец седви вселенских соборов, в коем прародители твои государевы, благоверные цари и благочестивые великие князи и начальники наши, преподобнии и богоноснии отцы и чудотворцы Зосимо и Саватие и Герман и преосвященный Филип, митрополит Московский и всея Руси, и иные многие святые отцы угодили Господу Богу, и отцы наши скончались, ныне нам, богомолцом твоим, держати и последовати они возбраняют. А правила, государь, то предание отеческое и церковные уставы прелагати нам отнюд не повелевают, якоже и апостол глаголет: братие, стойте и держите предания, им же научитесь или словом, или посланием нашим. И мы, богомолцы твои, чрез предания святых апостол и святых отец священных уставы и церковные чины пременять не смеем. Понеже, великий государь, в но//вых (л. 37) книгах выходу⁶⁰ Никона патриарха, по которым нас учат новому преданию, против прежних царей и твоих, государевых книг⁶¹ многая и безчисленная несогласия. От них же сия суть.

⁶⁰ Написано над строкой.

⁶¹ Написано над строкой.

В новых, государь, книгах предложено имя Господу нашему Иисусу Христу Сыну Божию. По сему новому преданию вместо Иисуса написано с приложением излишняя буквы Иисус, его же страшно есть нам, грешным, не точию приложить, но и помыслити. Понеже, государь, мы и отцы наши не слышахом сего никогда, и в божественном писании в старых и новых писменных и печатных русских и в литовских в старых⁶²³ книгах до сего времени у нас нигде не обретається.

Да в новых же, государь, книгах повелевает нам иноко креститься, а иноко священником благословляти. А не творящих таковая патриарх Никон проклятию предает. А в старых, государь, книгах прадеда твоего государева, благочестиваго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и преосвященного Макария митрополита Московского и всея Руси и прочих митрополитов и архиепископов и епископов и всего освященного собора изложении, в книге, глаголемей Стоглав, повелевает людем креститься и священником благословляти одним вообра // жением (л. 38) крестным, а не двема. А не творящим таковая написано прещение страшно. А после, государь, того соборново уложения начальник обители наша, отец наш и натавник, Филип митрополит Московский и всея Руси, чудотворец, и иные многеи святы отцы тому их соборному преданию последствовали и угодили Богу. И за то прославлены они от Господа в знамениях и чудесах многих. И сего ради мы, богомолцы твои, держимся того же предания святых отец и соборного уложения неизменно.

Да в той же, государь, книге пишет и о божественней аллилуйи, что по свидетельству и извещению Пречистыя Богородицы и преподобнаго Евфросина, псковскаго чудотворца, и в книге блаженного Максима Грека предано нам божественная (л. 39) аллилуйя глаголати дважды.

Да в новых, государь, книгах повелевает нам креститься трема персты. А блаженнии отцы Петр Дамаскин, и Феодорит епископ, и премудрый Максим Грек повелевают нам креститься двема, а не трема персты.

⁶² Написано над строкой.

Да в Служебниках, государь, новых написано на святом агнцы и на просфирах вместо божественаго совершеннаго креста Христова повелевает печатати крыжем, его же святой Иван Златоустый в воскресном Толковом Евангелии, в неделю Зю поста образ и сень глаголет, а не самый божественый совершенный крест Христов. И тому, государь, последствовав, в прежебывшая лета прародители твои, государевы, благоверные великие князи, и соборные апостольския церкви архиереи крыжем чести не воздавали. Якоже в ыстории пишет: егда приходил из Риму к Москве с царевною Софиею от папы посол Антоний легатос и нес пред собою крыж. И благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси и преосвященный Филипп, митрополит Московский и всея Руси с тем крыжем ни близ царствующаго града Москвы приити не попустиша. И отнюд в твоём, великого государя, Росийском царствии тот крыж до сего времени на просфирах не именовался и по всем святым божиим церквам во всей Русской земле прародите//лей (л. 40) твоих государевых, и святых отец молитвами, и твоею, государевою, державною высокою рукою и благочестивым исправлением, православная христианская истинная вера до сих новых книг сияла аки солнце в небеси. И никогда же ни от кого в православных догматах и в церковных исправлениях зазрения быхом. Наипаче же сами они, вселенския патриархи, Иеремия Цареградский и Феофан Иерусалимский, их же глаголют всякими добродетelmi украшенных сущим. И бывшим им в Московском государствии довольно время, от них же и первопрестолники соборныя и апостольския церкви Иев митрополит и дед твой, великого государя, блаженный Филарет Никитич в твоём, великого государя, Росийском Московском царствии на патриаршеский престол возведении быша. И видевшее они истинную нашу православную непорочную веру, зело похвалили. Свою же они греческую веру, от нея же ныне исправления ищем, до конца сами уничижили. Якоже в книге, глаголемей Кормчей, московской печати, о сем свидетельствует, что де у них во Иерусалиме и во всех тамо сущих восточных странах конечное православныя веры греческого закона от агарян насилие и погубле-

ние, и (л. 41) церквам Божиим запустение и разорение. Но точною де един на всей вселенной владыка и блюститель непорочныя веры Христовы христианский самодержавный великий государь, царь благочестием всех превзыде. И вся благочестивая в твое государево едино царство собращася. И мы, богомолцы твои, по сему свидетельству святых отец предание и церковный чин и устав, в нем же преподобнии отцы наши, Зосимо и Саватие чюдотворцы, угодили Богу, до сего времени соблюдали непоколебимо.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй (л. 42) нас, молим твою, великого государя, благочестивую державу. Помилуй нищих своих государевых богомолцов. Не вели, государь, ему, священноархимариту Сергию прародителей твоих государевых благоверных царей и благочестивых великих князей и начальников наших, великих чюдотворцов преподобных отец Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Руси предания нарушати. И вели, государь, нам в том же предании бытии, в коем чюдотворцы наши и отец твой, великого государя, благочестивый великий государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, и дед твой, государев, блаженный Филарет Никитич Московский и всея Руси патриарх богоугодным своим житием препроводившее дни своя, чтоб нам, богомолцом твоим и трудником врознь не розбрестися; и твоему, великого государя, богомолию, украинному и порубежному месту от безлюдства не запустеть. Великий государь, царь, алилуйя, пожалуй.

(РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 36–42; подлинник, заверенный подписями на обороте)

Четвертая соловецкая челобитная

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, бьют челом богомолцы твои, Соловецкого монастыря келарь Азарей, казначей Геронтей, и священники, и дияконы, и собор-

ные чернцы, и вся рядовая и болнишная братия, и слушки, и трудники все.

В нынешнем, государь, во 176-м году сентября в 15 день по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца указу, и по благословению и по грамотам святейшаго патриарха Иоасафа Московскаго и всеа Руси, и преосвященнаго Питирима митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго, прислан к нам в Соловецкий монастырь в архимариты, на Варфоломеево место архимарита, нашего монастыря постриженник священноинок Иосиф, а велено ему служить у нас по новым Служебником. А мы, богомолцы твои, предания апостольскаго и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующим и страшнаго от него прещения, и хощем вси скончаться в старой вере, в которой отец твой государев, благоверный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, и прочие благоверные цари и великие князи богоугодне препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христианская вера известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней множество, и вселенския патриархи, Иеремия и Феофан, и протчие палестинские власти книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день Страшнаго Суда пред самим Господем Богом не осуждены бытии, наипаче же и милость получить. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец! Молим твою, великого государя благочестивую державу и плачемся вси со слезами, помилуй нас, нищих своих богомолцов и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Савватия переменить, повели, государь, нам бытии в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и вси благоверные цари и великие князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима и Саватей и Герман и Филипп митрополит и вси святы отцы угодили Богу. Аще ли ты, великий государь наш, помазанник Божий, нам в прежней, святыми отцы предан-

ней, в старой вере бытии не благоволишь и книги переменить изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, болши того к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной веры переменить, и вели, государь, на нас свой царьской меч прислать, и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие; а мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим, и вси с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертый час готовы. Великий государь, царь, смилуйся пожалуй!

(ГИМ, Синод. грам. 1210–3; современная копия с подлинной челобитной; в конце приведен список подписей)

Пятая соловецкая челобитная, пространная соловецкая редакция⁶³

(л. 1) Благоверному и благочестивому и православному и пресветло сияющему, от небеснаго царя помазанному во царех всея вселенныя великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, бьют челом нищие твои государевы богомолцы, Соловецкаго монастыря келарь Озарей и казначей Горонтей, и священники и дья-

⁶³ Список пространной соловецкой редакции (л. 12–35), отличной от пространной редакции по определению Н. И. Субботина, дефектен: нет начала; поскольку начальная часть Пятой челобитной совпадает во всех редакциях, приводим отсутствующий фрагмент по списку краткой соловецкой редакции (ее полный текст на л. 1–11). Оба списка — подлинники без подписей, список краткой редакции чистовой; список пространной соловецкой редакции оформлен на полях цветными бордюрами, это также чистовой экземпляр. Списки Пятой челобитной из соловецкого архива до сих пор не издавались. Полное научное издание с текстологическим анализом всех редакций готовится к печати автором данной книги.

коны, и соборные чернцы, и вся рядовая и дневная братия, и слушки и трудники все. По преданию, государь, Никона бывшего патриарха и по новоизложенным ево книгам проповедают нам ныне ево никоновы ученицы новую незнаемую веру по своему плодскому мудрованию, а не по апостолскому святых отец преданию, ея же веры не точию ми, но и прадеды и отцы наши до настатия Никонова патриаршества и до сего дни и времени и слухом не слышали, а в коем православии прародители твои государевы скончались, и многие святии отцы и чудотворцы наши и Зосимо, и Саватий, и Гермон, и Филип митрополит угодили Богу, и ту истинную священную нашу православную веру они похулили, и весь церковный чин и устав нарушили, и книги все перепечатали на свой разум, богопротивно и развращенно. А что, государь, их непотребство и развращение в тех новых книгах объявилос, и те их книги сами мимо нас обличают их вину. Якоже в книге, глаголемой Скрыжали, лист 766, Дамаскин иподьякон в слове своем в неделю 3-ю святаго поста повелевает нам, православным христианом, ходити по-татарски без крестов, и пишет сице: коя добродетель есть носить кому крест на раме своем. А святии апостоли, государь, и святии отцы крест нам на себе носить повелевают, и сами носили и нам носить повелевают. Якоже рече апостол: мне же воне будет хвалитися токмо о кресте Господни. И пророком Исайем Господь Бог верным своим обетова: и приду, изнурят⁶⁴ славу мою и оставлю на них знамение. Также и Великий Афанасий в толковании 59-м псалме пишет: верным людям, рече, иже нарицаютца христиане, дано есть носить и имети крест Христов. И Василий Великий: благодсть како великого царя нашего Христа крест на себе носим. И святой Ефрем в слове еже о Страшном Суде пишет, яко святии крест на себе носили; и паки в слове о покаянии: сие оружие носить во дни и в нощи, и ничто же без него не твори. Святая же Макрина, сестра Василия Великого, крест носила, и свидетельствует житие ея. И святой великомученик Орест крест на себе носил, и о

⁶⁴ По смыслу должно быть «и узрят», в некоторых списках так и есть.

том писано в мучении его. Також и в житии Ивана Милостиваго пишет, яко нехто бяше мирянин Захария нищелюбивый, не имяще просящему у него на пути часо дати, снем с себя крест сребрян, даде нищему. И от сего яве, государь, яко в прежния лета в греках не точию иноцы, но и мирстии крест на себе носили; а ныне не носят не точию мирстии, но и иноцы, и нам носити возбраняют.

А хотят нас от таковыя благодати Божия и непобедимаго на враги (оружия)⁶⁵ лишенных сотворити. Аще ли, государь, мы сия небеснаго оружия повержем от себе и ходити начнем без крестов, якоже и греки ныне ходят, его же не даждь нам Боже (л. 2) и помыслити, то явно, государь, преданны будем в руце дияволу, и конечную радость врагу сотворим и дерзновение ему на себя подадим: понеже и сами они проклятии бесове о себе свидетельствоваху, якоже пишет во отеческих книгах, и в книге печатной Кормчей, лист 625, егда воспросившу их некоему святому мужю, которых, рече, вещей они бо боятся ото всех, беси же реша ему: по истине имате три вещи, велма противляющеися нам, едину от них ясте, другую же на на шии вашей отбежаете, еже есть крест Христов, в третье же мыетися.

И того ради, государь, вси святии отцы единомысленно крест Христов православным всегда носити на себе повелевают: понеже велии тайно в сем знамение и святыя неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, прославляетца, и сим знамением благочестивии от неверных разделяемся. А той Дамаскин иподьякон, по дияволу научению, написали в греческой своей книге на погибель душам нашим, и велят ходити, аки татаром, без крестов, и в том ему судит Господь Бог. Да он же, Дамаскин, не убоясь страха Божия, отрыгну от злаго сокровища сердца своего, в том же слове именовал и безгрешнаго Сына Божия Господа нашего Исуса Христа грешным, будто он, Спаситель наш, распялся за некое погрешение, а не за мирское спасение, и пишет в той Скрыжали, лист 966, сице: тако да имате пред собою смерть вашу, якоже он, иже имать распинатися за некое погрешение, носит крест

⁶⁵ В рукописи это слово пропущено, оно присутствует в других списках и необходимо по смыслу.

на раме своем, и ходит трепеща и ожидая смерти. И к сему же, государь, иныя многия непотребныя статьи напечатали. Якоже и в книге Иванны Дамаскина, глаголемая Небеса, того же нового же выходу, Епифаниева переводу киевленина, во главе 27, лист 56, положено его же страшно и писанию предати, проповедают Сына Божия еще в плоть не пришедша, но впредь пришествовати его скажут, и напечатали сице: всяк убо, не исповедав Сына Божияго и Бога во плоти пришествовати, антихрист есть, якож апостол Иоанн Богослов в послании своем, в 3-м зач., в плоть пришедша о том глаголет, о не пришествовати.

Також, государь, и воскресение Сына Божия во многих местех в новых своих книгах не проповедают: в Служебниках и на литургии и в Треодех в Великую Суботу, в тропарех мироносицам-женам, и в кондаке Иже бездну затворивый, и в светилне воскресном третьем воскресение Сына Божия отставлено же, неведомо для чего. Да они же, государь, напечатали в новом Потребнике, лист 42, в молитве на крещение человеком, повелевают молиться духу лукавому: а сего же их умышление не даждь Боже нам помыслити. А в церковном, государь, свещении в том же Потребнике, лист 803, напечатали не по преданию же святых отец, повелевают свещати мылом: и то, государь, церкви Божия не освещение, но и паче осквернения, понеже в мыле всякая нечистота и скверность. А над умершими вместо помазания святого масла велят посыпати пепелом, его же срамно есть не точию тако творити, но и глаголати.

И Господу нашему Иисусу Христу и спасенное его имя, нареченное от Бога святым ангелом, переменили же. И самый истинный и животворящий крест Христов, от трех древ, от певга и кедра и кипориса сотворенна, отставили, и возненавидеша его и непотребна сотворили и победили, и крыж латынский во всем почитают его как истиннаго и божественнаго креста Христова, от трех древ сотвореннаго. А святыи пророцы о том тричасном кресте Христове за много лет до Христова вочеловечения пророчествоваше, и яко от трех древ сотво//ренну (л. 3) ему быти глаголаше. Якож велегласный пророк Исайя о нем, во главе 60 пишет сице:

Слава Ливанова к тебе придет с певгом и кедром и кипарисом прославить имя святое мое и протчая. Також и святыи Иоан Дамаскин о нем хваляся вопиет: О, трблаженное древо, на нем же распяты Христом Царь и Господь. И в Охтае, государь, 3-го гласа, в среду и пяток, сед на утрени: На кипарисе и певге и кедре, и вознесся еси, агньче Божий. Также и во Многосложном своем послании Ермон патриарх, лист 2, пишет: яко чесный и животворящий крест, от трех древ, кипариса и певга и кедра, в тридневную смерть Господа Исуса делан быть. По сих же и преподобный Григорей Синаит в воскресном дневном кануне творения своего во многих местех, воспоминает точию о истинном тричастном кресте Господни и пишет сице: кресте трисоставне и трисветле, кресте трблаженне, и триобюдний (л. 12) меч⁶⁶, древо трилюбезно и знамение непостижимыя Троицы бо носит трисоставный образ. Таже, государь, и вси святыи пишут, и почитают той истинный и тричастный крест Христов, а не крыж двоечастный, о нем же никто же от святых воспоминауша во едином слове, еже бы предпочтено ему бытии паче истиннаго креста Господня. А прародители твои, государевы, благоверные цари и великие князи в Руской земли крыжем чести отнюд не воздавали же. Якоже и во истории пишет, еже бы то от создания мира в лето 6981, егда прииде из Царяграда царевна София в царствующий град Москву к великому князю Иоанну Васильевичю, а с нею пришел из Рима от папы посол Антоний ляготос и нес пред собою и крыж, великий же князь и преосвященный Филипп митрополит московский и всея Руси, и весь освященный собор и царский синклит, и все московстии народи с тем крыжом ни близ царствующаго града Москвы пройти не попустили сего ради, яко да не будет нами православными латынския веры почитаема, понеже бо писано есть, яко возлюбив и похвалив чужую веру, той своей поругался есть. Также, государь, и вселенский учитель Иоанн Златоустый в воскресном Толковом Евангелии, в неделю 3-ю святаго поста, той латынский крыж за истинный крест Христов не почи-

⁶⁶ С этого места начинается сохранившийся текст пространной соловецкой редакции.

тает, но образ и сень его бытии нари//цает. (л. 13) И аще, государь, все божественное писание свидетельствует нам, яко той крыж образ и сень креста, а не самый истинный и животворящий крест, государь, такая нам потреба, и ныне, оставя истину, и паке тое законную сень гонити и латынская мудрствовати, еже крыж почитати, а истинный крест Христов презирати? И аще бы, по апостолу, первый закон непорочен был, не бы второму искалося место.

Такоже и равноапостольному царю Константину той животворящий крест на небеси показан бысть трисоставен же, а не крыж, и тем подобием той трисоставный крест, от самого того благочестиваго царя Константина сотворенный, от Святыя Горы принесен бысть, и ныне он в твоём государеве Московском царствии, в соборней апостольстей церкви предлежит. И что, государь, нам достовернее сего небеснаго свидетельства? Аще бы той латынский крыж совершенно истинный крест Христов был, то и от Бога равноапостольному царю Константину на небеси крыж же показан бы был, а не крест трисоставен.

Да в тех же новых, государь, книгах напечатено по тому же Дамаскинову и Малаксову преданию⁶⁷, велено нам креститься щепотью, тремя персты, а яже мы изначала прияхом по апостольскому и святых отец преданию, и по свидетельству преподобнаго отца нашего Петра Дамаскина, и святаго Феодорита, и блаженнаго Максима Грека, и по соборному уложению Макария, митрополита Московскаго и всея Руси, и всего освященнаго собора, те новыя веры учителя двема персты креститься нам возбраняют, а не крестящихся щепотью прокли//нают, (л. 14) и тем точие все себе тружают и грех на свою главу собирают, понеже бо писано есть: аще святитель проклиная не по воли Божии, сиречь не по священным правилом, не последует ему Божий суд, а непокаряющимся им, аще и проклятии от них, но от Бога великим хвалам достойни суть.

К сему же и Великий Афанасий пишет: всяк, рече, приемый от Бога разсуждение, последуя пастырю неискусну,

⁶⁷ На поле: «Скрижаль, лист 773 и 816 о службе новой. Лист 740 от задния дцки. Лист 2. Стоглав, глав. 31».

не без муки будет таковой; а они, государь, все то божественное писание и священные соборы нарушили и ни во что положи.

И что при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всяя Руси преосвященный Макарий митрополит, и па⁶⁸ апостольскому преданию, на освященном и богодухновенном своем соборе уложили не крестящихся двема персты вечному проклятию предади, и они тому церковному уложению и священному собору, и по Христову и апостольскому преданию не повинуются, да и нам также повиноватися не велят, и полагают то соборное проклятие ни за что, и тем своим неповинованием учинили себя под вечным проклятием, да и нас грешных ведут ныне с собою под то же проклятие; а не повинующихся, государь, их странному учению и не приемлющих новые их веры и они, иконовы ученицы, мучат всякими томлениями и ругаются безчеловечным руганием. А святии апостолы, государь, и святии отцы в прежние лета такова ругательства и безчелочечия и над богоотступниками отнюдь не творили, но аще кто и впадет в некое прегрешение, и они исправляли таковых духом кротости и любовию и терпением, последствуя кроткому пастырю своему и учителю Христу, понеже он, Спаситель Христос Бог наш, начальник и совершитель наша правоставная христианская веры, сам учил пресвятыми пречистыми своими усты божественным своим и спасенным заповедом не гордостию и не мучением и не руганием, якоже они творят, но сам вся претерпел, нашего ради спасения. А нынешния, государь, на конец последнего сего века новые веры проповедницы зело горды и немилосерды и неблагоприступны и отнюд нетерпеливы; аще и едино слово явится им неугодно, и они хотят за то и душу с телом разлучити и смерти предати. И воистину, государь, блажен той, его же сподобит Господь от тех нынешних учителей даже до смерти претерпети, и веруем божественному писанию, яко тии паче (л. 15) прежних великих мучеников у Бога обрящутся. О сем убо и мы молим человеколюбие Божие, яко да и нас грешных сподо-

⁶⁸ Так!

бит от них пострадати и понемалу отраду в будущем веце за своя согрешения получитьи.

Да в тех же, государь, новых книгах напечатано, велено говорити аллилуйя трижды, а в четвертые Слава тебе, Боже. И мы, богомолцы твои, троити та божественная аллилуйя отнюдь не смеем, бояся того же гнева Божия и Пречистыя Богородицы, иже бысть явное наказание за троение тое божественной аллилуйи на Иове распое псковском и троеженце сущу, иже и мотылный столп наречеся, егда он не послушал наказания преподобнаго отца Евфросина псковскаго чудотворца (мая 15), еже двоити божественнае аллилуйя, якоже предаде ему Иосиф, Царяграда вселенский патриарх, и того ради своего непослушания и суетмудреннаго начинания он, Иов, не восприял от Бога велие отмщение, иным впредь на уверение, прежде будущаго мучения поражен бысть богопущенною лютою язвою и неисцелным недугом, кипел в червях и в смраде неудобстерпимом два года, и в той лютой язве и душу свою испроверже; а иже троити божественная аллилуйя возбраняющаго преподобнаго отца Евфросина псковскаго чудотворца за сие богоугодное мудрование Господь Бог прославил во святых; а по преставлении его наипаче того нам совершеннейшее бысть извещение: сама Владычица наша Пресвятая Богородицы в явлении своем со архангелом Гавриилом и с преподобным Евфросином явилася писателю жития его и повеле православным христианом божественная аллилуйя глаголати дважды, а в третье приглашати: Слава тебе, Боже. А троящим изрече прещение страшно. К сему же и в книге глаголемой Стоглав, в царском и святителском соборном уложении написано, ибо латынская ересь, еже троити аллилуйя, и пишет сие: яко соборная и апостольская церковь имея и предаде, еже дважды глаголати святая аллилуйя, а не трегубити, понеже рече: сия несть православных предание, но латынская ересь, не славят бо Троицу, но четверят, и Духа Святаго от Отца и от Сына исходяща глаголют, и тем раболепна Духа Святаго творят, и того ради не подобает святые аллилуйя трегубити, но дважды глаголати: алиилуйя, аллилуйя, а в третье: Слава тебе, Боже. Понеже бо по-еврейски аллилуйя, а по нашему

по русскии: Слава тебе, Боже. Также, государь, и блаженный Максим Грек в книге своей пи//шет (л. 16) и нарицает латынскою же ересию.

Да они же, государь, новые веры учителя, в молитве Иисусове Сына Божия именовати нам не велят, неведома для чего. А святой Иоанн Златоустый в воскресном в Толковом Евангелии, в неделю седмую на десят, пишет сице: аще ясте или пиете или делаете или шествуете или стоите или сидите или ино что творите, непрестанно вопийте кождо вас: Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. И в книге Бесед апостольских, лист 130-той, и во Многосложных посланиях Германа патриарха Царяграда, и Григория Двоеслова, и в книге Григория Синаита, и в никонских правилах, глава 28, и Кирилла Иеросалимскаго, 178 л., и в книге Филофея патриарха, и Нила Сорскаго, и в житии Михаила Малеина, и во Псалтырях, и Часовниках печатных и писменных и в ыных во многих книгах святии отцы в молитве Иисусове Сына Божия глаголати повелевают.

Также, государь, и во главах духовнаго закона, во 12 главе, противу их нынешняго мудрования написано сице, яко всуе, рече, мятутся любопрящи, глаголати сице: Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. И то, государь, божественное писание яве их возражает, и нам слышати сего их новаго учения е повелевает. А символ православныя веры изменили жь, говорят: и в Духа Святаго, Господа животворящаго, а истиннаго изложили вон.

И глаголати нам не повелевают; и о сем свидетельствует печатная Кормчая книга, лист 7, к сему же и во изложении святаго и равноапостольнаго царя Константина по преданию святейшаго Селивестра, папы римскаго, в той же Кормчей книге, от задние дцки, лист 2, во исповедании истиннаго глаголати повелевает же. Тако же и преподобный Иван Дамаскин во Многосложном своем послании, в печатных Соборниках в десь, лист 323, и в полдесь, лист 89, и в начале книги никонских правил, и в книге Кирилла Иеросалимскаго, лист 127, и в Книге о вере, лист 43, и в книге Максима Грека в Слове ответном Николаю латынянину, и в книге Катихисисе печатном, и в Часословах киевской

печати, лист 19, в тех во всех книгах во исповедании православныя веры истиннаго нигде не отставлено.

Да они же, государь, во Псалтырях следованных в десть, в стихе Царю небесный, утешителю душе истинный, две буквы Наш да Иже из истиннаго отняли, и тем Духа Святаго учинили раболепна, аки причастника точию истине, а не самый истинный Святый Дух именуют.

А на Троецкой вечерни молитву Святому Духу выкинули вон всю, и ектению болшую отставили же, и молятся стоя по-римски (*л. 17*) на коленках, и глав не прекланяют. А в Уставах, государь, печатных и писменных, и в Потребниках, и в Служебниках, в той же Троецкой вечерни, в Тредях велено главы с коленом преклонше на землю молиться, а не на коленках стояти.

А на отпуске, государь, на той же Троецкой вечерне, в Служебниках и во Псалтырях следованных, положили зело худо, и напечатали Духа Святаго истощание сице: иже ото отеческих и божественных недр истощив себе. А в старых наших печатных и писменных книгах написано: изливав себе. Но убо и в лепоту: понеже благодать Божия никогда же не истощевается, ниже оскудевает, наипаче же поелику изливается, потолику преизобилует. А в литургии, государь, в действе и в молитвах и ектенях, и весь чин тоя божественныя службы, святыми отцы преданный, изпревратили до конца. Молитвы архиерейския выкинули все: а у нас, государь, в твоём царском богомолье, в соловецкой обители, в харатейных Служебниках, кои писаны лет по пяти и по шти сот и болши, молитвы архиерейския во всех есть, и с никоновы Служебниками ни в чем не сходятца, а с нашими печатными согласны; та же, государь, и бумажные старинные Служебники, кои писаны лет по 300 и болши, по которым служили при Зосиме чудотворце и при Филиппе митрополите, и те все с никоновыми не сходятца же ни близко, и молитвы архиерейския во всех есть же, и указано служить во всех на седми просвирах, и на просвиромисании к божественному Агнцу причащению воображены в тех старинных Служебниках совершенные кресты, а не крыжи. А ныне они, новые веры учителя, истинный трисоставный крест Хри-

стов ото Агнца Божия разлучили, из святилища Божия изринули вон и аки извержена и непотребна его сотворили, и действуют божественныя службы на крыжах латынских. А причастные и по причастии многие молитвы, святыми отцы преданные, отставили же, и в божественней службе и в действе многие тропари и стихи переме(ни)ли, а иные вново прибавили собою: а в харатейных и в бумажных старинных Служебниках смехотворныя и неподобныя безделныя речи, на поругание тоя божественной службы, их же срамно и глаголати, и напечатали в Служебнике крупной печати, на листу 262-м, сице: священник входит во храм и, совокупився со дияконом, глаголют вход; и то их смехотворство положено вново, зело неподобно и безчестно, понеже совокупление именуется мужеско и женско. И то напечатали они (л. 18) от своего растленного ума на смех и поругание Божию имени; а в старых, государь, Служебниках отнюдь таких неподобных речей не обретається. А, начиная закалати святой Агнец, и то отставлено же, и вымают из одной просвиры щипком частей до пяти и девяти, а овъ и болши десяти; а в старых того не указано. А, знаменуя святой Агнец, иерей глаголет: воспоминание Господа нашего Иисуса Христа; а еже рещи: воспоминание творим, и то отставлено же. А в святом Евангелии, в Луке, зачало 108, сам Господь Бог наш глаголет сие: творите в мое воспоминание. А нынешние учителя и то отставили; а в харатейных Служебниках то есть же. Да в том же, государь, действе святых угодников Божиих, просиявших в новой благодати, русских чудотворцов, из Служебников вынели вон⁶⁹. И, соединяя вино и воду, священник ничего не говорит, и что прежде был положен стих: соединение Святаго Духа, яко трие суть свидетельствующие, о нем же апостол Иоанн Богослов в послании своем, в 74-м зачале, воспоминает, и то отставлено же; а в харатейных Служебниках то есть же. И служат на пяти просвирах; а в Номоканоне, государь, в Потребниках святейшаго Филарета патриарха, правило 210 и 50-е, Иосифа патриарха в Потребниках, лист 909, указано служить на седми про-

⁶⁹ На поле: «лист 292».

свирах, а не над пятию. А просвиромисалные стихи о здравии и за упокой, как в старинных Служебниках те просвиромисалные стихи есть. И, покрывая святая, в тропаре, еже Во гробе плотски, напечатали: и на престоле был еси; а в старых Служебниках у нас написано во всех: беяше, а не был еси. А внегда хотящу диякону начати божественную службу, и глаголет къ священнику: время послужити Господеви, благослови, владыко; а в новых Служебниках напечатали: время сотворити Господеви. И ту речь они переменили отнюдь не по разуму ж; еже глаголет время сотворити, яко на некое рукоделие благословляется, а не Господеви послужити. А отпуста, государь, и прощения после часов пред обеднею священник не говорит и царских церковных дверей в то время и в начале обедни не отворяет, а выходит диякон начинати обедню северными дверми. А в соборном, государь, уложении Макария митрополита, в книге, глаголемой Стоглав, отпуст на часех в царских дверех и прощение говорить не указано. А егда антифоны на литургии станут говорить, или вместо антифона псалмы Благослови, душе моя, Господа и Хвали, душе моя, Господа, и в то время указано в Служебниках крупной печати⁷⁰ диякону стоять до кончания антифона, обратися от Божия лица на запад; також (л. 19) отвращается и на втором антифоне. И сие их мудрование зело худо и непотребно, и малым ребятам разумети мочно, что то богопротивно: понеже вместо еже бы купно ему, зря на восток, со Псалмопевцем благословити и хвалити Господа за вся благая его к нам воздаяния, а он в то время и от Божия лица отвратится, и аки отрицатель Божия милости показуется. А в старых харатейных и бумажных Служебниках отнюдь того нет. А егда диякон начнет чести святое Евангелие, и в то время священник служащий стоит в царских дверях и глядит вон на запад же; а в харатейных Служебниках у нас того не написано; а в старых бумажных Служебниках указано стоять за престолом, а не в царских дверех. А на Придите, поклонимся аллилуйя поют 1ж, а в старых Служебниках указано

⁷⁰ На поле: «лист 331».

петь Зж. А по чтении Апостола напечатали: и Духови твоему, псалом Давыдов, аллилуйя; и то мудрствуют не делом же, аллилуйя — ангельская песнь, а не Давыдовых псалмов взято. Да в старых же, государь, Служебниках напечатано: диякон, внегда исходит на литургии чести святое Евангелие, и глаголет велегласно: благослови, владыко, благовестити благовестие святого и всехвалнаго апостола и евангелиста, имярек; и священник противу ему возглашает: Бог за молитву святого и всехвалнаго апостола и евангелиста, имярек, даст ти глагол, во еже благовестити силу многу. А в новых Служебниках⁷¹ та речь испорчена, и напечатали зело не в лепоту сице: глаголет диякон ко иерею: благослови, владыко, благовестителя апостола и евангелиста, имярек, и просит от священника и евангелисту и апостолу Христову благословения, а не себе; тако же и священник ему отвечает: Бог молитвам и святого апостола и евангелиста, имярек, даст ти глагол, благовествующему силою многою. И вместо еже рещи благовестити силу многу, а они глаголют силою многою. И то, государь, они переправили, паче же рещи, испортили не делом, ругаяся божественному писанию, не против русских и греческих книг. Понеже и во священной Псалтыри, в русских и греческих книгах, в 67 псалме, пишет, согласно же нашим старым Служебникам, сице: Господь даст глагол благовествующим силу многу, а не рече: силою многою, но силу многу. А пред Евангелием, государь, и после Евангелия поют: Слава тебе, Господи, слава тебе; а в старых Служебниках того нет же. А ектению болшую на обедни отставили же, поют вместо того малую, а заупокойную ектению и херувимскую песнь и Всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем, переменили же. А на херувимской песни поют, припевающее аки ко органом, аллилуйя Зжды же припевают. А вшед во святой олтарь со святыми дарами указано в старых Служебниках говорить един тропарь Благообразный Иосиф, весь до конца, единойжды; а они говорят тот тропарь бес конца, а в конце воскресение Сына Божия не проповедают; да лишних

⁷¹ На поле: «лист 355».

(л. 20) еще прибавили вново два тропаря: Во гробе плотски и Яко живоносец. А в старых Служебниках того не написано. А целоваться у них указано вплеча, а не во уста. А вново прибавили сице: Помяни мя, брате и сослужителю; и: Той же Дух действует нам. И паки: Достойно и праведно поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, а на достойнее в Честнейшу херувим речи переменили же. А после Достойна прибавлены у них многие лишние свогласные стихи. А в старых харатейных Служебниках наших всего того не написано, мудрствуют собою⁷². А пред причастием, государь, у них диякон опоясуется уларем в церкви, зело неискусно и бесчинно, пред всем народом, а не в олтаре; а прежде сего, государь, отнюдь такова бесчинства не бывало, а в харатейных Служебниках нет же. А как, государь, в олтаре станут причащаться, и егда приемлю тело Христово, и диякон протягнет ко священнику на приятие тела Христова правою рукою, а левою рукою держит под локоть и глаголет: Преподаждь ми, владыко, честное и святое тело Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; а прежде сего у нас, в росийском царствии не бывало, что тело Христово принимать одною рукою, а другою держать под локоть. А в правиле, государь, 101-м святого вселенского шестаго собора⁷³ и в книге Небесах, в слове 28, велено длани крестообразно слагати. И не точию, государь, таковое великое и страшное Божие таинство тела Христа Бога нашего принимать одною рукою, но и всякую святыню и просвиру святы отцы нам предали приимать обеими руками, слагая их крестообразно же, со всяким благоговением и страхом. А причастные стихи в них переменены на свой разум, а иные приложены лишние вново. А после причастия, государь, у них приложены вново же тропари по вся воскресные и великоденские: Воскресение Христово, и: Светися, светися, и: О, Пасха велика, и иные прибавочные стихи, и указано их говорить по вся дни. А в старых, государь, Служебниках тех прибавочных тропарей и стихов не написано. А Благословен гря-

⁷² На поле: «лист 466».

⁷³ На поле: «Кормчая, лист 207, глава 28».

дый во имя Господне в Службниках крупной печати отставили же, а вместо того поют: Обретохом веру истинную. И то, государь, переменили не делом же, на конец века будто обрели новую веру, а славу Сына Божия явно умалили: понеже сам Христос Бог наш, егда вшедшу Ему во святыи град и слышав сие хваление от детей еврейских, и не могущим отцем их зависти ради, сия благословенныя хвалы слышати, отвеща к ним: аще сии умолчат, камене возопиет. А они, государь, и тое благохваленную хвалу Сыну Божию оставили, сами не могут слышати, да и нам возбраняют глаголати. А на Да исполнятся уста наша говорят аллилуйя 3ж, а не 2ж. А достойна пред (л. 21) отпущением не говорят же. А по причащении, государь, божественнаго таинства иерею уста и руце омывати не указано: и то они отставили не делом же; а в правилех, государь⁷⁴, да в нем же лист 58, и в Житии Иоанна Златоустаго пишет, яко уста, плюновения ради, и руце иереом после литургии умывать велено. А на прежсвященной литургии, на выходе иерей и диякон: Всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем, не говорят, пройдут из северных дверей в царские двери молчком; а сказывают, что де то говорить не надобне того ради, понеже де то в неделю в Василиеве службе на выходе говорено было. И то они все переменяют не делом же: аще ли, государь, по их суемудренному разсуждению, Всех вас да помянет Господь Бог говорить не надобе, то и прочее все действо, кое в Василиеве службе было, яже суть сия: начало литургии: Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа, и ектения: Рцем вси, и: Помолитесь оглашению ко Господу, и прибавочная: Елицы ко просвещению изыдите, и выход с теми святыми дарами, и: Исполним молитвы наша Господеви, и возглас: Сподоби нас, Владыко со дерзновением, и: Отче наш, и молитва: Вонми, Господи Исусе Христе Боже наш, и внимание, и возношение Святаго Агнца, по их же мудрованию будет отставить же. Понеже все в Василиеве службе было же. Да они же, государь, новые веры проповедницы, в нынешнем во 175 году, положили в ново-

⁷⁴ На поле: «в Службнике новом, лист 493».

творной своей книге, глаголемой Жезле правления, паче же удобнее противу их неистовства рещи: Жезл кривления, и напечатали в ней, лист 45 и 47, сице: яко во время божественныя литургии и на херувимской песни преносимыя священником честныя дары прост хлеб и просто вино, и наго божественныя благодати именоваша, и не подобает де ему поклона Божия воздавати, его же страшно всякому православному христианину, не точию тако творити, но и помыслити. А во свидетелство, государь, о сем не предложили ни единого от апостол или от святых, но точию ссылаются на некоего от них же ныне нам ново-проповедаемого, Николай Ковасила, будто он им так предал, и светлее солнца то ево мрачное предание в писании своем похваляют, и по ево Николаеву небогоугодному мудрованию и нас ныне учат тому же преданию. А мы, богомолцы твои государевы, предания святых апостол и святых отец на ево Николаево учение изменить не смеем, бояся гнева Божия и апостольскаго заповедания: Понеже бо сосуд избранный, апостол Павел, влятися нам во всяком ветре учения не повелевает, но держати предание крепче, писанное и не писанное, им же научихомся; и паки той же рече: аще кто начнет вводить что новое, аще и ангел с небеси будет благовествуя, такового (л. 22) отнюдь слушати не повелевает. Наипаче же сего Николаева учения бегати нам подобает: понеже он в твоём государстве, Росийском царствии, неведом, кто и откуда и какова чину, православныя ли веры или латынянин, и в кая времена был, и во святых нигде не обретаецца же. А святии апостоли, государь, известнии святии отцы, творцы тех божественных служб, Василий Великий и Иоанн Златоустый, такова предания нам не положили, еже поклона Божия божественным даром не давати и простым хлебом и вином сие именовати. Аще бы, государь, ево Николаево писание и предание было верно, то бы и вселенный учитель Иван Златоустый в божественной службе творения своего, в херувимской песни, мог написать тако же, яко: прост хлеб и вино подъемлюще, ангельскими невидимо дароносима чинми. Не рече, яко прост хлеб и вино подъемлюще, но: яко царя всех, рече, подъемлюще, ангельскими неви-

димо дароносима чинми, аллилуйя. Тако же, государь, и Василий Великий в божественной службе творения своего пишет: Да молчит всяка плоть человека и да стоит страхом и трепетом и ничто же земного в себе да помышляет, Царь бо царствующим и Господь господствующим происходит заклатися и датися в снедь верным, предидут же сему лица ангельстии со всеми начала и властями, многоочитии и херувимы и шестокрилатии серафими, лица закрывающее и вопиюще песнь аллилуйя. Также и в прежесвященной службе: Ныне силы небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы. К сему же, государь, и в книге Ефрема Сирина, слово 85, и в Прологу, ноября в 16 день, о сем свидетельствует, и прост хлеб и вино тамо божественные оны дары до пренесения нико-го же не имянует. Аще ли, государь, все божественное писание, наипаче же в самой той божественной службе в херувимской песни явствует нам, яко не прост хлеб и вино, нос ам Царь всех подъямется, ангельскими невидимо дароносим чинми, и входит заклатися и датися в снедь верным, предидущим ему ангельским и небесным силам, началом и влаstem, херувимом и серафимом; то како, государь, нам сего новаго учения и Николаева злаго предания послушати, и Царю царствующим, Господу нашему Иисусу Христу ангельскими чинми невидимо дароносиму, Божию (л. 23) поклона не давати, и прост хлеб и просто вино сие вменяти? Его же Николаева злаго предания не даждь нам Боже и слышати.

Да в тех же, государь, новых никоновых Служебниках, в предисловии, лист 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа митрополита московскаго и всея Росии истинная правда, будто он служил по таковым Служебником, каковы ныне, при Никоне патриархе, вышли; и то нам всем явно, что на него написано напрасно, понеже он, отец наш, пришел в Соловецкую обитель великих чудотворцов Зосимы и Саватая от младых ногтей, и жил до игуменства и в игуменех многа лета, даже до возведения на архиерейский престол Московскаго государства, и книги ево ныне все и Служебники у нас, в Соловецком монастыре, в книгохранительной казне, кои были до

него, и при нем, и после его есть, и ни един с теми никон-новыми Служебниками не согласуют; да и сам он, Никон патриарх, в себе и в новоисправленных своих книгах ни мало не согласен, и верить книгам его печати никак не нелзя: ибо самая ево новоизложенная книга обличает ево никонново непостоянство и книжное несогласие во всем. Понеже будучи он Никон на патриаршестве, первого году напечатал Служебники зело стройны и исправны с нашими печатными Служебниками, кои при прежних царех и при тебе, великом государе, печатаны, выходу Иосифа патриарха, во всем согласны; да и в предисловии в тех Служебниках он, Никон, написал, что те службы творение вселенских учителей Василия Великаго и Иоанна Златоустаго и Григория папы римскаго, и сам он их похвалил до конца, что де они изысканы и напечатаны по божественных писаний свидетелству и вселенские церкви по истинному извещению, пространно и откровенно и разумно расположившее; а после того он же, Никон, вскоре, как взял к себе из Соловецкаго монастыря ссыльнаго чернца Арсения Грека, известнаго богоотступника и еретика, по свидетелству отца ево духовнаго, наши же обители благоговейнаго священноинка Мартирия, яко учения ради философскаго трижды Христа и православная веры отвергшася, и те своего выходу Служебники, кои он, Никон, похвалял, после того вскоре их сам же и похулил, и отверг во всем, а уложил с ним Арсением новые Служебники иным переводом, кои ни близко с теми ево похваленными первыми Служебниками и с хара-тейными старинными нашими не сойдутся (л. 24) нимало. И никогда же от начала православная веры в Рустей земли, тем переводом Служебники, до его Никонова патриаршества, не бывали; понеже он всю тое божественную службу и действо испревратили до конца и учинили великия расколы, и напечатали в тех своих новотворных Служебниках, в предисловии, ложно, будто они творение их же вселенских учителей, и тем они ложным своим предисловием и ухищренными красными и витийскими словесы весь мир прелестили и последовати себе сотворили. А того от начала века не слыхано, чтобы божественные службы Василия Великаго и Иоанна Златоустаго и Григория папы Римскаго

обретались где в божественном писании розными перево-
ды. Потому Никону и преданию ево и верить отнюдь нель-
зя; понеже он святых оболгал, и в тех Служебниках, в пре-
дисловиях, явно сам собою ложь всем показал.

А трисвятое, государь, ангельское пение те новые учи-
тели переменяли же, и напечатали в Ирмологе, лист 384,
с прибавкою сице: Сила, святыи Боже, святыи крепкий, свя-
тыи безсмертныи, помилуй нас. И то, государь, они пере-
меняли отнюдь не делом же, на великой разврат соборней
и апостольстей церкви и на погибель душам христианским,
своими затеями, не противу греческих и русских харатей-
ных книг, понеже, государь, и в греческих книгах то три-
святое пение с нашими рускими книгами ни в чем не раз-
нитца же, а написано, по их греческому языку, без прибавку,
сице: агиос афеос, агиос исхирос, агиос афанатос, елейсон
имас; а по-рускии: святыи Боже, святыи крепкий, святыи
безсмертныи, помилуй нас; а силы никакой в том греческом
трисвятом не написано, затевают все собою, и указывают на
греческие книги ложно.

А в прежния, государь, лета в Цареграде, при благочести-
вом царе Феодосии, еретицы к той ангельской песни лиш-
ное прибавливать начали же, и того ради от Господа с небе-
си бысть отрочатем извещение и знамение страшно, и о сем
свидетелствует Пролог, сентября в 25 день.

А ныне затевают тому же подобно. И того ради мы, бого-
молцы твои, к той ангельской песни прибавить или убавить
ничего не смеем, боимся того же страшнаго прещения и гне-
ва Божия.

А в Богородичне, государь, воскресном 6-го гласа: Иже
нас ради, напечатали нас отчаянными. А отчаянныя, госу-
дарь, именуются беси; а нам, грешным, до последняго изды-
хания Христос Бог наш отчаятися не повелевает; понеже
отчаявыися, по божественному писанию, сам ся закла. Да
они же, государь, в новых своих правилах налагают на чело-
веки бремена тяжка и неудобь носима, не против чело-
веческия меры и святых (л. 25) отец предания, и напечата-
ли в новом Потребнике своем, в Номоканоне, во главе 109
сице: инок аще изыдет из монастыря, и за то его двадесять
лет не причащать и в церковь не пущать, и указали ложно

на четвертое правило святого вселенского четвертаго собору; а того, государь, в том четвертом соборе, по их мудрованию, отнюдь не положено, и та их ложь всем явна. Да они же напечатали в Номоканоне, во главе 92 и 96: инок аще в келье поест или с мирскими в пиру сидит, и то положили они епитимии против блудника, а блуднику епитимья на 7 лет. И то, государь, все затевают они не по правилам святых отец, собою же на погибель душам нашим, а не на спасение.

Да он же, Никон, бывшей патриарх завел в твоём государстве Росийском царствии самое худое и небоугодное дело, вместо жезла святителя Петра чудотворца доспел святительские жезлы с проклятыми змиями, погубльшими прадеда нашего и весь мир, юже сам Господь Бог наш проклят от всех скот и от всех зверей реченных, а ныне они тое проклятую змию освещают и почитают паче всех скотов и зверей земных, вносят ее во святилище Божие и во олтарь и в царские двери, аки некое освящение, и всю божественную службу с теми жезлами, иже с проклятыми змиями соделанными, действуют, и везде, яко драгоценное сокровище, пред лицом своим на показание всему миру тех змей носить повелевают, ими же прообразуют потребление нашея православныя христианския веры. И то он, Никон, завел не по преданию же святых отец, своим злоумышлением. А прежде сего явно, яко в Росийском царствии и в Греческой земле отнюдь того не бывало; понеже первому архиерею Московскаго государства, Петру чудотворцу, якоже в житии его свидетельствует, в Цареграде святейший Афанасий, патриарх вселенский, даде ему на поставление святительския жезлы, оным подобием, иже на иконе Сергиева видения, Радонежскаго чудотворца, в руце у Пречистыя Богородицы воображен. К сему же и святительский белый клобук, из Рима принесенный, иже от самого Господа нашего Иисуса Христа на прославление истиннаго нашего православия Росийскому царствию преданный, переменили же.

А иноческий, государь, паче же ангельский чин те новые учителя до конца исказили, и правила святого Василия Великаго гордостию своею положили ни во что, ходят

в церковь Божию и по торгом без манатей, безобразно и безчестно, аки иноземцы, или кабацкия пропойцы. А в правилах, государь, Василия Великаго, в Моно//каноне⁷⁵ (л. 26), в главе 59, иноку отнюдь без мантии быть не повелевает, не точию на молитве, но и на рукоделии. А в пострижении, государь, иноческом Новом Потребнике печатном той мантии и параманда на постриженных и класть у них не указано отнюдь, и стихов не положено же.

Да они же, государь, изменили образ благоговения и страха Божия, клобук, иже носим на главах своих, покрывая очеса своя от неподобнаго воззрения и соблазну, отринули и до конца возненавидели, и возлюбили паче тму, неже свет, положили на себя образ безстрашия Божия и безстыдства и соблазну, и носят на главах своих вместо клобуков, аки женские сороки поверх лба, и нимало очес своих соблазна ради не покрывают, а молодым голоусом чернцом и сами они промеж собою посмеваются и девками их называют. И от того соблазна, государь, немалая пагуба душам нашим бывает, по Христову словеси реченному, яко всяк возревый на жену, во еже вожделети е, и уже прелюбы сотвори с нею в сердцы своем. И по истине, государь, нам святы отцы предади, те клобуки наши носити нам покрывания ради очеснаго на великую духовную ползу сего ради, яко вся добродетели от хранения очеснаго нам бывают, яже суть страх Божий, и умиление, и слезное дарование Божие, и прочих дел притяжание, еще же яко да не видевше образа юных, не соблазнимся; понеже бо его же око не видит, того и на сердце человеку не въздет. А они, новые учителя, и тот благоговейный образ переменили же, не по правилом святых отец. А в правилах, государь, в книге, глаголемой Кормчей, лист 616, глава 11, повелевает клобук носить ниже веждей, а не поверх лба, яко же нынешния учителя носят.

Да они же, государь, в покаянии и исповеди и псалмы, и молитвы исповедником, и над умершими разрешалныя молитвы, и величания на все Господския праздни- ки и святым отставили же; церковное пение, заутреню

⁷⁵ Так!

и вечерню, и павечерню, и полунощницу, и молебны, и понахиды, и, вкратце реши, весь церковный чин и устав, что ни держит Церковь Божия, то все переменили, и книги перепечатали не по преданию святых отец, и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум. А указывают, государь, они на старые книги и говорят, что де в греческих книгах так написано, и печатают с них без рассмотрения и без свидетельства, аще что и до конца худо и непотребно, тому они (л. 27) не внимают, точию бы было им против греческих книг. И теми, государь, греческими книгами они православную нашу христианскую веру истребили дотолика, будто и след православия в твоём государстве, Росийском царствии до сего времени не именовался, и учат нас ныне новой вере, яко же мордву или черемису, не ведущих Бога и истинные православные христианския веры. А мы, богомолцы и раби твои государевы, аще и многогрешни, но держим истинную православную христианскую веру, самим Господем нашим Иисусом Христом преданную, и святыми апостолы и святыми отцы, седми вселенскими соборы утвержденную, непоколебимо и нерушимо, то же предание, которое по се время держали прародители твои государевы, благоверныя цари и великия князи, и отец твой, великаго государя, благоверный государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, в ней же чудотворцы и начальники наши Зосима и Саватей, и Герман и Филипп митрополит Московский и всея Руси, и вси святии отцы угодили Богу, и многие чудотворные иконы Господь Бог в чюдесех у нас прославил в Русской земле, и ныне прославляет, и неизреченную свою милость от них нам подает. А сверх, государь, того сами они, вселенские патриархи, прежде бывшии у нас в Русской земле, Иеремия Цареградский и Феофан Иерусалимский и иные многие палестинские власти о нашей православней истинней веры свидетельствовали списанием, яко же в книге Кормчей московской печати, лист 15 и 26, пишет сие, что де у них в Цареграде и во Иерусалиме конечное православной вере греческаго закона от агарян насилие, церквам Божиим запустение и разорение, но точию де един на всей вселенней владыка

и блюститель непорочные веры христианския, самодержавный великий государь царь благочестием всех превзойдет, и все благочестие в твое государство едино Российское царство собрашася, и Третий Рим благочестия ради твоё государство Московское царство именоваша.

И аще бы, государь, наша православная христианская вера неправа, то бы, государь, и милости и чудеса от тех чудотворных икон не было, и прародителей твоих государевых, благоверных царей и великих князей, и преподобных и богоносных отец наших Господь Бог во святых чудеса не бы прославил, и вселенские православные патриархи, наипаче же началнейший в них (л. 28) и глава всем патриархом, Иеремия Цареградский, к сему же и Феофан Иерусалимский патриарх и иные многие палестинские власти не бы православные наша христианския веры похвалили.

Тако же, государь, и твое царское богомолие, Соловецкая обитель, до сего времени во истинней православней вере и в благочестии, по преданию апостольскому и преподобных отец наших Зосимы и Саватия и Филиппа митрополита, стояла непоколебима и под зазором в православии от греческих и от русских архиереев ни в чем не бывали; наипаче же от начала во святей обители нашей самих тех греческих и русских и киевских властей, митрополитов, и архиепископов, и архимаритов, и игуменов присланных бывало много, и ныне есть; а присылаютца те греческие власти того ради, чтобы им навикнути у нас во обители православные христианские веры и истинного благочестия и иноческаго чина. И аще бы, государь, до сего времени у нас была не православная вера, то бы их, греческих властей, для исправления к нам под начал в Соловецкой монастырь не присылали. И о сем с клятвою тебе, великому государю, пишем и свидетеля Христа Бога нашего на душу представляем, яко не точию они, греческие простые чернцы, но и самые их началнейшии власти, архиереи, кои у нас под началом бывали и ныне есть, ни мало истинного благочестия и иноческаго чину и церковного и келейного начала не знают, донележе у нас благочестию навикнут, и лица своего перекрестити по подо-

бию не умеют; а иных ссыльных старцов гречан привозят к нам без крестов, и кресты накладываем на них zde, у себя во обители. А которые греческие и киевския власти у нас ни бывали, и те все истинное православие, еже во обители нашей, рассмотря до конца, похваляли, и никто от них предания преподобных отец наших Зосимы и Саватия не хулил. А нынешних, государь, тех их церковных раздоров и новоизложенных веры ни в кое божественное писание не похваляет, наипаче же и блюстися повелевает сего времени, яко же в книге московской печати, глаголемой О вере, лист 272, пишет сице: ибо всем, рече, православным христианом подобает сему внимати, яко по тысящи лет от воплощения Божия Слова Рим отпаде от восточны церкви со всеми запад//ными (л. 29) странами, а в пятсотное и девяностое пятое лето по тысящи Малая Росия к римскому костелу приступили; а егда, рече, исполнится тысяща шестьсот шестьдесят и шесть лет, повелевает нам в та лета беречися, чтобы от прежних вин и нам некако во зло в православней вере не пострадати. И то, государь, всем нам ныне явно, что то писание сбылося неложно; понеже та писанная лета преидоша; а те церковные раздоры и вере смятение почало быть с того указанного времени, якова не бывало от начала века. Да и в Кормчей, государь, печатной книге, лист 572, про нынешнее время пишет тому же подобно, и напечатано сице: егда, рече, церкви Божия без мятежа и бес пакости в мире бывают, тогда вся благая от Бога бывают подаема, та же и пременения ради церковнаго пения, и святых отец предания, вся злая на нас проходят.

Ныне же, государь, грех ради наших, попусшением Божиим, отнеле они, новыя веры учителя, начаша изменяти церковное пение и святых отец предание и православную веру, и от того, государь, времени в твоём государеве Русийском царствии, начаша бытии вся неполезная, моры и войны беспрестанныя, и пожары частыя, и скудость хлебная и всякое благих оскудение.

И аще, великий государь, толикие многие и бесчисленные свидетельства на нашу православных догматех и в церковных исправлениях до сего времени пребыва-

ет; то кая, государь, нужда нам тое истинную православную веру, самим Господем Богом преданную всеми вселенскими верховнейшими патриархи похваленную, ныне покинути и держати новое предание и иную веру? Аще ли, государь, нам ныне на конец последнего века сызнова новой вере учиться, ни слушати их непотребного учения, его же страшно и помыслити, еже духу нечистому молитися, и ходити по-татарски без крестов, и безгрешного Сына Божия и Бога именовати грешным, и воскресение его и вочеловечение не проповедати, и креститися щепотью, и истинный крест отринуть и крыж латынской почитати паче истинного креста Господня, и аллилуйя четверити, и прочая их небогоугодная мудрствовать; то разве, государь, и креститися нам будет сызнова обливанием, якоже они, греки и киевляне, творят⁷⁶. И святых угодников Божиих и чудотворцов ис церкви Божии, по их мудрованию, будет изринуть вон, его же не даждь нам Боже ни слышати. И аще (л. 30), государь, мы, по их, новых учителей, хулению держали до сего времени будто не истинную православную веру, но убо прародители твои, государевы, благоверные цари и великие князи, и святые отцы известно вси были православни. Аще ли, государь, они и мы православнии, то и мы яве яко православни, понеже в том же неизменно благочестии пребываем. Аще ли, государь, они и мы православнии, что почто им у нас православная христианская вера изменяти и учить нас новой вере и странному учению, тем, которые сами ничего не знают и конечного исправления и учения в православне вере требуют? Понеже, государь, очи ушью вернейши суть, и паче слуха видение, всем нам ведомо, каково их исправление, наипаче же самому тебе, великому государю ведомо и известно; ибо и самые их лутчие учителя греческие, егда приежжают в Рускую землю, и ни един лица своего перекрестити не умеют. А у нас, государь, невежи и поселяне им дивятся и говорят: что де они, палестинские власти, пастыри

⁷⁶ На поле: «О обливании, Патерик печерский, глава 38, в Кормчей, о крещении, св. апостол правило 8, в Номоканоне правило 197».

и учителя нарицаются и в ыную землю учити приежжают, а сами и лику своего прекрестити не умеют, то де чему им нас, поселян, научити, и какова де от них научиться нам в православней вере исправления. А божественное, государь, писание таковых нарицает отметниками креста Христова и пишет сице⁷⁷: аще кто леностию, или невежеством не исправляет креста на лица своем, той отместся креста Христова и предается дияволу.

По истине, великий государь, те прежние вселенские патриархи, Иеремия и Феофан, писали не мимо дела, что православная вера у них от насилия поганных турков до конца изсякла.

А нынешние, государь, греческие учителя приежжают из своей земли в твое государство, благочестивое царствие, не веры исправляти, но злата и серебра и вещей собирать, и мир истощевать.

В лепоту убо, государь, приезжая им в твое государство благочестивое Росийское царствие, самим учиться православней христианстей вере и благочестию навикати, яко да довольни будут в своей земле и иных научити. Подобае бо, государь, по божественному писанию, учителю прежде самому научиться, и творити таже иных научити.

А ныне же, государь, видя их греческаго учения а православней на//шей (л. 31) христианстей вере смятение и церквам Божиим неумирение и повсяднее пременение, многие иноземцы нам посмеваются и говорят, будто мы христианские веры по сю пору не знали, а будет де и знали, ино ныне заблудили, потому что де ваша вера и ныне книги все пременены по-новому, и с прежними вашими книгами, кои при прежних царех были, нынешние книги ни в чем не сходятца ни мало. И нам, государь, против их ругательства ответу дать нечего, потому что они видят наше непостоянство, укоряют нас делом, слыша ныне у нас в церквах Божиих повсяднее пременение и в православной нашей вере и в книгах велие смятение, но точию тем правимся, от них отходим и говорим, что у нас истинная пра-

⁷⁷ На поле: «Стоглав 31».

вославная христианская вера от крещения Руския земли, прародителя твоего государева, благоверного и равноапостолом великаго князя Владимира лет седмьсот до Никонова патриаршества и учеников его и до нынешних греческих учителей стояла нерушимо и непоколебимо, и твоему, великаго государя, Росийскому царствию ото иноплеменных разорения и церквам Божиим запустения и еретического раздрания и книгам истребления, прародителей твоих и твоими, великаго государя, праведными молитвами, не бывало, изменитца у нас православне вере было не от чего. А сверх того, государь, тое нашу православную веру свидетелствовали преждедеченныя вселенские патриархи и все палестинския власти не в одно время, и они до конца у нас в Руской земле благочестивое истинное православие похвалили, и писанию предали, и печатми царьскими и руками своими то писание утвердившее, в соборней апостольской церкви положили, яко же в преждедеченной книге, глаголемой Кормчей, о сем свидетелствует, и хотяя сего подлинно уведати, сам досмотри тамо. И понеже, государь, зависть не весть предпочитати полезного и николи же оставляет познати истинны, нынешние гре//ческие (л. 32) учителя и Никоновы ученицы, завистию подвижами, тех вселенских прежних патриарх богодухновенную нашу истинную православную веру свидетельство положили ни во что. А им, государь, грекам, православная христианская вера по се время изронить не дивно; понеже живут толико множество лет посреде безбожных поганных турков, во всяком озлоблении и неволе, и православную веру держат, дни свои окупаючи, и многие монастыри и церкви Божии у них стали в конечном разорении. А книги, государь, у них, греков, кои прежде благочестиваго исправления были, такоже до конца извелись, потому что после Цареградскаго взятия отняли у них римляне и перепечатали у себя, по своему латынскому обычаю, а их греческие книги все огнем сожгли. И о сем свидетелствует в книге своей блаженный Максим Грек. А у нас, государь, в Руской землию твоим государеве Росийском царствии, благодатию Христовою по се время такой неволи и разорения, и книгам истребления не бывало.

А кои, государь, книги у них ныне печатныя выходят вновь, и те книги печатают они у латын, в Риму, в Парисе, и в Виницеи и в прочих римских градах.

А которые, государь, старые книги у них, греков, ныне есть еще, и те книги от еретиков также испорчены, насеяно в них много худых плевел; тех старых книг в греках еретиков и богохулников и иконоборцов было много, и святые седмь вселенские соборы были на еретиков же. Да и нам, государь, те их греческие книги ныне стали всем явны, что они неисправны, и от еретиков испорчены; понеже, государь, в русских наших печатных книгах до сего времени, покамет з греческих книг не печатали, никоторые повинки и зазоры не было; а как почали печатать з греческих переводов, и в тех новых русских печатных книгах почало быть много худых и богохулных и непотребных речей, их вкратце в мале тебе, великому государю, в сей челобитной выше сего изъявихом.

Милосердый благочестивый, Богом (л. 33) избранный, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец! Молим твою, великаго государя, благочестивую державу и плачемся вси, со слезами и милости просим, помилуй нас, нищих богомолцов своих и сирот, не вели, государь, у нас тем новым учителем и вселенским патриархом истинную нашу православную христианскую веру, самим Господем нашим Иисусом Христом и святыми его апостолы преданную, и седми вселенскими соборы и твоими государевыми прародители утверженную, изменить и породить, чтобы нам Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Царя царствующим и Господа господствующим не прогневить и во веки в безконечное мучение осужденным не быть, и тою новою верою прародителей твоих государевых и святых отец не посрамить, а иноземцом и хулником нашея православныя веры впредь дерзновения не подать, и вели, государь, нам бытии в том же благочестии и предании, в коем чюдотворцы и начальники наши Зосима и Савватий, и Герман и Филипп митрополит Московский и всея Росии, и вси святые угодили Богу, и вси прародители твои государевы, и отец твой

блаженные памяти благочестивый и великий государь, царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси, и дед твой приснопамятный блаженный Филарет Никитич, Московский и всея Руси патриарх, богоугодне препроводиша дни своя, чтобы нам под запрещением и клятвою святых отец не быть, и во веки душою и телом не погибнуть. Аще ли твой, великаго государя, помазаника Божия и царя, гнев на нас грешных излиетца, и православную нашу христианскую непорочную веру тем новые веры проповедником отнять у нас попустить изволишь, и чудотворцев наших и прочих святых отец предание изменить, и о сем тебе, великому государю, прежде в челобитной своей писали, и ныне тожде пишем: лучше нам временную смертью вмерети, нежели вечно погибнуть. Или, аще, государь, (л. 34) огню и мукам нас те новые учителя предадут, или ан уды разсекут, но убо изменить апостольскаго и отческаго предания отнюдь не будем во веки. Великий государь царь, смилуйся, пожалуй!

А⁷⁸ яже едино наше к тебе, великому государю, непослушание о неприятии на архимаричество новаго архимарита Иосифа и прежняго архимарита Варфоломея, и в том твоя, великаго государя, воля, никак не противляясь твоему царьскому страшному повелению, но того ради, что прежде архимарит Варфоломей до конца святую обитель твое царское богомолие пьянственным всяким бесчинным своим житием и послушником своим московским строителем Иринархом обругали. И во всю Рускую землю бесчестну и поносну сотворили. И нас, убогих, не по делу всяческими напрасно и бесчеловечно оскорбляли. И по нашему, богомолцов твоих, прошению пожаловал ты, милостивый великий государь, ево Варфоломея переменить изволил. И он, архимарит Варфоломей, умышлением своим в свое место во архимариты вместил келейнаго брата своего и единомышленника, прежняго московскаго строителя Иосифа, чтобы им жить во святой обители по-прежнему. А ты, милости-

⁷⁸ Далее следует дополнение, присутствующее только в пространной соловецкой редакции.

вый великий государь, из своих уст приказал им жить у нас с любовию безо всякаго отмищения. И они еще не доехав к нам всякою злобою на нас похвалялись. Братию и служек наших, кои на него в челобитье ездили, дорогою всяким безчеловечием до конца озлобляли и пили беспросыпно. А как к нам приехали, ей тебе, великому государю пишем, не затевая, привезли в монастырь с собою лодью в груз малых и средних и болших вина 39 бочек, да меду и пива бочек с пятнадцать. И в том твоя, великаго государя, (л. 35) воля, то питье мы у них пред манастырем на пристанищи, по-прежнему монастырском учину, по преданию чюдотворцов, розбили все. А и впредь бы, государь, от них во святой обители то же пьянственное бесчиние и бесчеловечие было пушей прежнего. И того ради, государь, во архимаритех у нас им Пресвятая Богородица и преподобнии чюдотворцы быть не изволили. Из святой обители не от человек, но сами Божиим страхом гонимы выехали. А что, государь, духовные греческия и руския власти нудят нас принять новые Никоновы книги чрез апостольское и святых отец предание, и в том ты, великий государь, волен и з головами нашими. Не вели нам предания преподобных чюдотворцов изменить. Великий благочестивый государь царь, смилуйся пожалуй.

(РГАДА, ф. 1201, оп. 4, д. 22, л. 1–35; подлинник)

Шестая соловецкая челобитная

(л. 32) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьют челом твои царьские богомолцы Соловецкого монастыря келарь Азарей, казначей Симан и соборные старцы и вся рядовая и болнишная братия и слушки и трудники. В прошлых, великий государь, годех по твоему великого государя указу и по грамотам присланы к нам богомолцам твоим в Соловецкой монастырь гречане и киевляне и руския люди. И ис тех, великий государь, опалных людей в прошлом во 176-м году октября в 1 день ночью, проломан тюрму, збежало из монастыря три человека: Афонские горы архима-

рит Феофан, да белой поп Сисой, да казненной Андрейанко Веревкин. И мы, богомолцы твои, посылали за ними в погоню монастырских трудников десять человек. И тех опалних двоих тела архимарита Феофана да казненного Андрейанково, сторонние люди нашли на мори на лудах. И те утопшие погребены в монастыре. А попа Сисоя тело не сыскано, а которые, великий государь, трудники монастырские десять человек посланы были за ними в погоню, и те люди на мори погибли без вести. А мы, богомолцы твои, заперты, болше посылать нам никуда нельзя.

И в нынешнем, великий государь, во 177-м году июня в 16 день мы, богомолцы твои, выслали из монастыря опалных людей тринадцать человек Сумского острогу с стрелцом Силкою Аверкиевым с товарищи. И велели поставить в Сумском остроге перед стряпчим Игнатьем Волоховым. И к нему о том отписали, и имена их под отпискою к нему послали. А выслали для того, чтоб оне у нас не ушли, потому что мы ныне, богомолцы твои, в монастыре заперты.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, своих царьских богомолцев, призри на наше моление. Вели, государь, нам быть в Соловецком монастыре в церковном пении по прежнему преданию, как указали чудотворцы Зосима и Саватие, и Филипп, и Герман. А нового пения, великий государь, нам принять невозможно. А сию нашу челобитную стряпчему Игнатью Волохову под отпискою вели, государь, послать к себе великому государю к Москве. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32; подлинник)

Отписка о высылке мятежников

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу) всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу Соловецкого монастыря келарь Епифаний, казначей Глеб, священники, дьяконы и соборные старцы, и вся рядовая

и больничная братия челом бьют. В прошлом 177 году бывшей келарь Азарей и казначей Симан, чер... Дмитрий и старец Тихон, старец Варфоломей с товарищи, да из белцов Фаддейко да Елизарко с товарищи же, прибрав к себе единомышленников, учили в монастыре многие метяжи чинить и книги нового выходу оне придрали и в мори ли притопили. А хто с ними о правде учнет говорить, и оне братью и трудников смиряли жестоким смирением. Да оне же почали в монастыре нестройные мятежи чинить. И их за те мятежи братья и трудники похватали и в тюрьмы посажали. И в то время оне на поиманьи изранили стенами двоих человек монастырских трудников. И после того те ж мятежники, кои пересажены были в тюрьму, Гришка Черной, Кипрушка Кузнец, Федка Брагин, Никитка Троетчина в нынешнем во 178 году сентября в 8 день в обедное время, железа своя збив, ис тюрьмы выбежали и в воротах топорки ...дыши похватали и к тюрьмам прибежав, почли замки збивать и тюремщиков на помощь к себе выпускать и бердыши им давать, чтоб шед с ними в трапезу за обедом враспloh братью и трудников порубить. И молитвами пречистыя Богородицы, тех мятежников перехватили. И на поиманье изрубили оне бердышами двух человек: головщика старца Зосиму да трудника Андрюшку Шваленного. А иных обранили. И мы тех мятежников у себя в монастыре держати не смеем и невозможно. Чтоб впредь от них какого мятежу и убойства не учинилось, и мы их к вам послали в Сумский острог. А опроче тех мятежников у нас во всем братстве никаких худых советов отнюд не бывало. И к мятежному умыслу не... а что в предании преподобных... скончаться ради без всякого размышления. И чин, и устав церковной храним по-прежнему и доньне неизменно. В нем же желаем и скончаться. И за великого государя соборне и келейне должны до смерти молити Бога. А хто имяны мятежников, посланы. И тем людям имяна под сею отпискою.

Роспись мятежником, которые высланы из монастыря.

Бывшие келарь Азарей, казначей Симан, черной поп Дмитрий, старец Тихон, старец Варфоломей, старец Иев, старец Филипп, старец Герман, старец Аникей, старец Петр,

старец Евлампей, старец Ипатей, старец Иосиф. Да мирских людей: Фаддейко, Елизарко, Гришка Черной, Федка Брагин, Никитка Троетчина, Кипрушка Кузнец, Иевко Кема, Прошка Темликов, Пашко Чернореченин, Галашка, Ивашко Шабалин, Стенка Шабала, Федка Нижегородец, Ивашко, Ермолка Кузнешной, Алешка Казыка, Савка Горбун, Софронко Кострома, Алешка Попадья, Антипка, Екимко, Матюшка Кузнешной, Ильюшка, Семенко Прядиленной.

(РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 98–99; подлинник)

Указатель имен*

- Абросим (Обросим, Амбросим, Амвросий), священник 65, 66, 70, 97, 109, 116, 117, 148, 179, 207, 217, 240
- Абросим (Обросим), старец 80, 129, 242
- Аввакум, протопоп 10, 31, 45, 46, 71, 120, 160, 161, 165, 173, 181, 193, 200, 201, 223, 224, 226, 230, 248, 256
- Аввакум, старец 67, 117, 182, 240
- Авдей, старец 136
- Аверинцев С. С.* 229
- Аверкиев Василий, трудник 96, 117, 239
- Аверкиев Силка, сумской стрелец 331
- Аверкий, священник 67
- Аверкий Москвитин, см. Иванов Аверкий, Москвитин
- Авраамий, старец 106
- Автоном, шуречанин 141
- Азарий, келарь 53, 68, 74–76, 82, 84, 85, 92, 93, 119, 126, 133, 185, 238
- Акиндинов Петр, сторонник реформы 211
- Алабышев Тимошка, кемлянин 284, 285
- Александр, инок, участник Коломенского восстания, в миру Кадашев Алексей Иванович 106, 108
- Александр Булатников, бывший келарь Троице-Сергиева монастыря, соловецкий постриженник 133
- Александр Верижник, старец 131
- Александр Вятский, епископ 157, 225
- Александр Стукалов, соборный старец, в миру Стукалов Алексей Иванович, царский сокольник 45, 46, 48, 49, 53–55, 60, 66, 67, 70, 132, 133, 179, 205, 207, 263–266, 278, 281–284

* Имена исследователей даны курсивом.

- Алексеев Елеазар, монастырский слуга 54, 83, 93, 133, 238
- Алексей, дьячок в Царицыне 57
- Алексей Алексеевич, царевич 55, 57, 59, 262, 263, 279
- Алексей Михайлович, царь 7, 21, 27, 33, 36, 42, 56, 58, 65, 66, 69, 71, 73, 74, 76, 85, 103, 154, 168, 169, 176, 180–183, 196, 226, 254–256, 270, 273, 274, 276, 278, 279, 281, 284–288, 290–292, 295, 296, 299–301, 328, 330, 331
- Амосов А. А. 15
- Анания, священник 270, 272
- Андреев Клим, ярославский дьяк 287
- Андреев Онисим, трудник, выходец 237
- Андрей Шваленной, трудник 332
- Аника Пушкарь, также Иоанникий, старец 82, 93, 140, 185, 238, 333
- Антипин Тимофей 271
- Антоний, казначей Чеботной казны 267
- Аркадий, дьячок, выходец 63
- Аркадий, черный дьякон, выходец 237
- Арсений, старец, головщик 117, 181, 240
- Арсений Грек 29–31, 40, 43, 89, 194, 199, 201, 212, 233, 257, 288, 289, 318
- Арсений Суханов 22, 24, 25, 198, 199, 248, 257, 259, 288
- Афанасий, архиепископ Холмогорский 54
- Афанасий Великий 35, 302, 306, 320
- Барабанщик, см. Разнухин Андрей, Барабанщик
- Барсков Я. Л. 120, 188, 207, 212, 218, 219, 221, 222, 235, 237, 238, 242, 244
- Барсов Е. В. 188, 209, 211–213, 215, 216, 218–220, 223, 224, 226, 228, 229, 239, 240, 243, 244, 255
- Барсуков Н. А. 12, 130, 192, 202, 203, 205, 229
- Барыш Иван, шуречанин 141
- Башмаков Дементий Минич, думный дьяк, затем думный дворянин, глава Разрядного приказа и Приказа тайных дел 55, 74, 103, 214, 260, 276–278, 286
- Белоброва О. А. 197
- Белокуров С. А. 198, 199, 212, 220, 221
- Бешеной Макарь Иванов, монастырский служба 136
- Бобинин Василий Иванович, подьячий, затем дьяк Новгородского и Посольского приказов 104

Богданов Григорий Карпович, дьяк Посольского приказа 104, 105
 Богданов Сила, ростовец, старообрядец 120, 122
 Боголеп, казначей 50, 263, 266, 281, 282
Богоявленский С. К. 214, 215
 Боран Борис Якимов, шурецкий крестьянин 111, 178, 240
Борисов А. М. 12, 130, 192, 195, 202, 203, 229
 Борисов Дмитрий, мирянин 144
 Бородин Фаддей Петров (Кожевник), монастырский слуга 84,
 91–93, 121, 133, 155, 185, 222, 238
 Брагин Федор, мирянин 80, 92, 238, 332, 333
 Братик Григорий Иванов, трудник, выходец 237
 Бронник Василий, мирянин, выходец 239
 Брошаков Федор, стрелец 120, 121
Бубнов Н. Ю. 13–15, 192, 193, 196, 198, 209, 225, 230, 252, 254–256
Буров В. А. 195
Бусева-Давыдова И. Л. 227
 Буш Гаврило, ротмистр 110

Вавильев Никита, трудник 240
Вальденберг В. 196, 201
 Варлаам, дьякон 49
 Варлаам, священник 44, 283
 Варлаам, старец 109, 240
 Варсонофий, старец, казначей 49, 51, 265, 266, 290, 291, 296
 Варфоломей, архимандрит с 1660 г. 43–60, 62, 65–70, 75, 117, 202,
 207, 208, 237, 241, 249, 250, 260, 264–272, 274, 275, 278, 282, 283,
 290, 291, 300, 329, 332
 Варфоломей Попрыгин, инок 81, 82, 93, 140, 185, 238
 Василий Великий 26, 38, 147, 302, 315–318, 321
 Василий, мирянин, выходец 239, 240
 Василий Семенов, кемский священник 103, 135, 181
 Василий Шуйский, царь 17
 Васильев Самко (Самойло), монастырский сотник 107, 109–111,
 125, 127, 132, 182, 185
 Васильев Лазарко, караульный 221
 Васьян Крюков, больничный старец 70, 87, 141, 238
 Вениамин, старец, ризничий 49, 115, 126, 182, 203
 Веревкин Андрей (Андреянко), ссыльный 88–91, 170, 228, 233,
 236, 237

Виктор, киевский игумен, ссыльный 88, 233, 238
 Виталий, священник, сторонник реформы 42, 45, 148
Владимиров П. В. 12, 191, 198
Власов А. Н. 225
 Волков Михаил Алексеев, дьячок 207
 Волконский В. А., князь 116, 219
 Волохов Игнатий Андреевич, стряпчий, воевода 60, 63, 77–83, 86, 88–92, 94, 97–101, 117, 121, 128, 129, 136, 139–141, 150, 210, 212, 221, 237, 242, 245, 285, 331
 Воронин Исачко, монастырский сотник 106, 107, 109, 111, 127, 132, 182

 Галасия, мирянин 238
 Геннадий Качалов 45, 46, 48, 49, 51, 61, 205, 241, 263, 283
 Герасим, старец Ксиропотамского монастыря, ссыльный 88, 238
 Герасим Фирсов 12, 14, 23–28, 31–33, 35, 36, 42, 46–51, 53, 55, 60, 116, 132, 133, 146–148, 151, 152, 156–159, 194, 196, 198–200, 207, 223–225, 234, 246, 248, 249, 258, 259, 264, 282, 284
 Герман, преподобный 169, 170, 241, 291, 292, 295, 296, 299, 300, 309, 322, 328, 331
 Герман, старообрядец, соловецкий постриженник 140, 238, 333
 Герман, священник, сторонник реформы 42, 45, 136, 148, 237
 Герман Коровка, старец 140
 Геронтий, уставщик, казначей, в миру Григорий Рязанов 24, 43, 44, 47, 52–54, 67–69, 72–76, 78, 80, 81, 89, 92, 93, 95, 109, 118, 119, 126, 127, 131, 132, 134, 148, 154–158, 162–164, 174, 185, 193, 194, 196, 200, 203, 204, 210, 221, 225, 240, 241, 248, 250–252, 256, 259, 299
 Гладкий Иван, служка 47
 Глеб, казначей 92–94, 96, 119, 126, 127, 158, 185, 212, 253, 331
 Глеб Кривой, старец 140
Голубинский Е. Е. 152, 225
 Горбун Савва, мирянин 238, 333
Горелкина О. Д. 227
 Грибоедов Федор Иванович, дьяк Разрядного приказа 104
 Григорий, старец 118, 120, 122, 238
 Григорий, шуречанин, мирянин из портной швальни 141
 Григорий Рига, мирянин, дьячок 63, 237
 Григорий Кривоног, донской казак, участник Соловецкого восстания 131

Григорьев Пронка, трудник 240
 Григулевич И. Р. 226
 Гунн Г. П. 196
 Гуревич А. Я. 200
 Гурьянова Н. С. 15, 226

 Демидова Н. Ф. 214, 215
 Демкова Н. С. 13, 192, 193, 200, 226, 228, 230, 256
 Денисов Семен, старообрядец, историограф 10, 120, 123, 125, 130, 142, 172, 178, 190, 218, 219, 228, 254
 Дионисий, соборный старец 99, 109, 216, 240
 Дионисий, старец, конархист 119, 241
 Дионисий Ареопagit (Псевдо-Дионисий) 147
 Дмитриев Л. А. 194, 197
 Дмитрий, священник 92, 150, 224, 238, 332
 Дмитрий, полковой священник 106
 Долгов Никита, мирянин, выходец 239
 Дорофеев Иван, подьячий Разрядного приказа 286
 Дорофей Морж, городничий старец 106, 185
 Досифей, соловецкий архимандрит 10, 191
 Досифей, старообрядец, соловецкий постриженник 241

 Евлампей, старец 238, 333
 Евсей, крестьянин Кольского уезда, волости Ковды 121
 Евстафьев (Остафьев) Иван, дьяк Посольского приказа 105, 117
 Евфимий, архидакон, сторонник реформы 42
 Евфимий, старец 240, 241
 Евфимий, старообрядец, соловецкий постриженник 241
 Елеазар Анзерский 20, 169, 185, 196
 Елеонская А. С. 173, 229
 Епифаний, соловецкий инок, затем писатель-старообрядец, союзник протопопа Аввакума 40, 120, 201, 248
 Епифаний, келарь 93, 94, 96, 126, 158, 185, 212, 331
 Епифанов П. П. 195
 Еремеев Фома, кемский стрелец 81
 Еремей, мирянин, мыльный 234
 Еремей Козел, старец 97
 Ермилов Семен, монастырский служба 207
 Ермолай Кузнечной, мирянин 238, 333

Ефрем Каргополец 45, 47–49, 51, 55, 60, 263, 264, 266, 278, 282, 283

Зажигалов Иван Иевлев, монастырский служба 207

Захарьев Иван, дьячок 118, 120–123, 162, 164, 165, 219, 238, 303

Зимин А. А. 200

Зиновий, старец, ссыльный 88, 89, 234, 238

Знаменский П. В. 12, 191, 197, 201

Зольникова Н. Д. 15

Зосима, преподобный 46, 137, 138, 158, 168–172, 240, 248, 257, 291, 292, 295, 296, 299, 300, 302, 310, 317, 322–324, 328, 331, 332

Зосима, старец, головщик 117, 118

Зыков Афанасий, дьяк 107

Зыков Федор Иванов, ссыльный 57, 59, 206, 262, 277–279

Иаков, соловецкий игумен (1581–1597) 33, 201

Иван, старец, выходец 237

Иван, мирянин, выходец 238

Иван Васильевич Грозный, царь 38

Иван Никифоров, воецкий священник 80, 117, 210

Иванов Антип, мирянин, из Полоцка 132, 238

Иванов Аверкий, Москвитин, ссыльный 88, 234, 238

Иванов Василий, мирянин 144

Иванов Игнатий, мирянин 144

Иванов Козма, белый козмодемьянский священник, ссыльный 88, 89, 234

Иванов Павел, мирянин, выходец 240

Иванов Петр, стрелецкий десятник 81, 128

Иванов Семен, псаломщик 240

Иванов Семен, трудник 240

Иванов Филька, трудник 23

Игнатий, священник, духовник Герасима Фирсова 23

Игнатий, старец, автор Жития Анны Кашинской 23, 196

Игнатий, старец, головщик, бывший уставщик 49, 97, 196, 197, 256

Игнатий, старец, в миру беглый человек из Москвы Июдка, выходец 117, 240

Игнатий, дьякон (иногда просто «старец») 10, 85, 118, 154, 155, 165, 196, 197, 203, 225, 226, 228, 241, 248, 253–256

Игнатий, архиепископ Воронежский, затем Донской и Новочеркасский 10, 191

Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский 10

Иев Кема, мирянин 238, 333

Иев «Салтыков», ссыльный, настоящее имя в миру Иван Мартынов 88, 211, 234, 238

Иев Щербак, старец 66, 70, 179, 238, 332

Иевлев Иван, подьячий Новгородского приказа 114, 207

Иевлев Климентий Алексеевич, стрелецкий голова, воевода 98, 100, 101, 106, 213, 243, 246

Иеремия, черный дьякон 193

Измайло, священник 148

Измайлов Григорий, дьяк 117, 135, 238

Илларион, священник 148

Илларион, соборный старец 44

Илларион, строитель Анзерской пустыни 108, 239

Илларион, соловецкий архимандрит (1806–1813) 54, 88

Илья, мирянин 238

Илья Пестриков, игумен, с 1651 г. архимандрит, умер в 1659 г. 18, 41–43

Иоаким, старец, головщик 49, 56, 57, 205, 277

Иоаким, кандалакшский игумен 284

Иоанникий, старец, см. Аника Пушкарь, Аникей

Иоасаф, патриарх 66, 75, 300

Иоасаф Крылошанин, старец 117, 239

Иов, дьякон 44

Иоиль, старец 75, 102, 241

Иона, старец, выходец 51, 237

Иона, кемский священник 135

Иона Брызгало 45, 48, 263, 264, 287

Иосиф, патриарх 30, 36, 84, 311, 318

Иосиф, старец 238, 333

Иосиф, строитель московского подворья, затем назначенный архимандрит 60, 65–70, 75–78, 83, 94, 99, 100, 105, 117, 120, 128, 129, 136, 139, 149, 222, 237, 241, 244, 245, 271, 286, 300, 329

Иосиф, больничный подкеларник 70, 87

Иосиф Сухой, старообрядец, соловецкий постриженник 241

Ипатий Чудесник, инок, тайнозритель 62–64, 129, 166–170, 194, 206, 238, 241, 256
Иринарх, игумен 165, 166, 169
Иринарх Москвитин, старец 48, 49, 329
Иринарх Тарбеев (он же Тарбеев Ивашко, монастырский служка) 45, 46, 48, 282
Исайя, сумской черный священник 136, 228
Исайя, священник 228
Исайя, старец, тайнозритель 169, 170, 193, 228, 257, 259,
Исайя Слепой, больничный старец 70, 87, 238
Исаков Дмитрий (Минка), сумской стрелец 80, 287
Исидор Братошинец, старец 175, 237
Исихия Хлебенной, старец 48, 263, 282
Истомин Василий, подъячий двинской съезжей избы 107, 128, 243
Иткина Е. И. 13, 192

Кавелин (Каверин) Петр Иванович, дьяк Разрядного приказа 104
Кадашевич Алексей Иванович, см. Александр, инок
Казанский П. С. 11, 191
Казмин Петр, крестьянин 136
Казыка Алексей, мирянин 238, 333
Калашников Семен Иванов сын, дьячок, выходец 63, 206, 237
Калитин Иван, дьяк Патриархова двора 271, 272
Капитон, еретик 224
Каптерев Н. Ф. 196
Келен Степан, майор 110, 113
Кивроев Якушка, дьячок из Кеми 135
Киприан, старец 97
Киприан Кузнец (Кузнечной), мирянин 92, 238, 332, 333
Кирилл, старец 46, 208
Кирилл, келарь афонского Ватопедского монастыря, ссыльный 88, 235, 238
Кирилл, черный священник Богоявленского монастыря, «что за ветошным рядом» в Москве, ссыльный 88, 235, 238
Кирилл, мирянин, ссыльный 235
Кирилл Андреев, священник холмогорского Спасского собора 107, 128, 243

Кирилл Чаплин, строитель московского подворья 66, 72, 102
 Кириловщина Василий, трудник 240
Киселев Н. П. 199
Клибанов А. И. 13, 161, 192, 200, 226
Ключевский В. О. 200, 224, 225
 Козмин Петр, мирянин 144
 Козьма, священник, см.: Иванов Козьма
 Козьма Евсеев Вологжанин, дьячок 24, 25, 258, 259
Колобков В. А. 200
Колчин М. А. 89, 195, 211
 Кондратий, мирянин, монастырский слуга 172, 248
 Корнилий, митрополит Новгородский 61
 Костка, брат дьякона Пахомия 273, 274
 Кострома Софрон, мирянин 238, 333
Кузнецова В. С. 168, 227
 Кузмин Назар, монастырский служка, повар 207
 Кузмин Петр, трудник 240
 Кузьмин Божен, стрелецкий сотник 106
 Куимов Ми(т)ка, сумской стрелец 287
Кукушкина М. В. 195–198
 Кутнин Тарас, стрелец 120, 121

Лаврентий, старец 136
 Лаврентий, священник 237
 Лазарь, старообрядец, соузник протопопа Аввакума 120
 Ларионов Ананий, шуречанин 141
Латышева Г. Г. 200
 Левкий, келарь 115, 125–127
 Леонид, вологодский священник, игумен Воздвиженского монастыря 38
 Леонтий, священник, казначей 44, 115, 125–127, 132, 149, 151, 158, 182, 185, 219, 220, 224, 236, 267
Лихачев Д. С. 13, 192, 217
Лобакова И. А. 201
 Логгин Никонов Кемлянин, монастырский сотник 110, 115–117, 125, 132, 140, 158
 Логгин, старец 97
 Логгин, старообрядец, соловецкий постриженник 241
 Логинов (Голицын) Федор, ростовец, старообрядец 122

Лопатин Иван, голова московских стрельцов 55, 260, 268, 269, 274

Лотман Ю. М. 167, 227

Лукин П. В. 13, 193, 194

Львов Михаил Васильевич, князь, ссыльный 46, 47, 55, 57, 59, 88, 206, 235, 260

Макарий, архимандрит после восстания 116, 144, 211

Макарий, митрополит Новгородский 44

Макарий, сумской приказной старец 54, 205

Макарий Селивестров сын Тихвинец, сторонник реформы 211, 258

Макарий Грек, митрополит Гревенский, ссыльный 88, 235

Максим Грек 27, 168, 198, 199, 294, 297, 306, 309, 327

Малафеев Тит, трудник 240

Малафеев Тихон, мирянин 144

Мальцев А. И. 190

Малышев В. И. 207, 223, 226

Манассия, старец, послушник Геронтия 109, 119, 131, 132, 158, 238, 240

Маньков А. Г. 195

Мария Ильинична, царица 181, 182

Маркел, келарь 99, 126, 214

Мартемьянов Матвей, шуречанин 141

Мартирий, священник, духовник Арсения Грека 30, 201, 290, 318

Мартирий, старец 47, 205, 263, 267, 271–273

Матвеев Артемон Сергеевич, боярин 105

Матвей, старец, головщик 162, 242

Матвей, старец на рыбных промыслах 267

Матвей Евстратьев, кемский священник 135, 238

Матвей Кузнечной, мирянин 238

Матфей, инок 66–68, 70, 72, 75, 102

Мещеринов Иван Алексеевич, воевода 101, 106–117, 123, 125, 126, 130, 131, 136, 144, 182, 240, 241, 245

Милославский Матвей, стольник 262, 277, 279

Мингал Ефим, шуречанин 141

Минин Семен, трудник, выходец 237

Мисаил, старец, казначей 126, 219, 220

Мисайло Шорох, старец, выходец 237

Митрофан, священник 97, 109, 117, 148, 181, 240
 Михаил Федорович, царь 17, 73, 91, 166, 179, 271, 292, 295, 299, 300, 322
 Михаил Харзеев, старец, конархист 97, 119, 127, 239
 Михайлов Федор, дьяк Приказа тайных дел, затем глава Приказа Большого дворца 103
 Мишевской Григорий, монастырский стряпчий 67
 Моисей, старец, ссыльный 88, 235, 238
Молчанов А. 12, 191
 Молчанов Иван, полуголова московских стрельцов 77, 80
Морозов С. В. 15

 Нарышкин Федор, думный дворянин, двинской воевода 107, 108
 Нафанаил, анзерский старец 108, 119, 239
 Нафанаил Тугун, соловецкий келарь 109, 110, 126, 181, 185
 Нектарий, нарядник 142
 Неронов Иван, старообрядец 41, 202
 Никандр, настоятель Ручьевской пустыни с Зимнего берега Двинского уезда 140
Никанор, архимандрит (Бровкович А.) 10, 191
 Никанор, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря, соловецкий книгохранитель, лидер восстания 22–25, 32, 41, 45, 46, 49, 52, 53, 65–68, 71, 86, 93, 94, 96, 110, 116, 123, 125, 126, 132, 133, 149, 151, 158, 159, 174–177, 185, 196, 207, 208, 210, 217, 224, 249, 252, 258, 259, 267, 268, 283, 291, 296
 Никита, старец 65, 207
 Никита, старец Саввино-Сторожевского монастыря, ссыльный 236
 Никитин Степан, трудник 240
 Никитин Федот, мирянин 144, 240
 Никодим, старец 239
 Никодим, уставщик 23–25, 29, 197
Никольский Н. К. 12, 191, 196, 198–201, 223–225
Никольский Н. М. 195
 Никон Михайлов, священник 263
 Никон, митрополит Новгородский, затем патриарх 19–21, 27–33, 40, 42, 43, 45, 48, 49, 56, 57, 65, 84, 89, 124, 148, 152, 153, 157, 161, 165, 167, 168, 179, 184, 193, 195, 196, 199, 204, 224, 225, 227, 233, 236, 250, 252, 261, 293, 296, 297, 302, 317–320
 Никонов Логгин, см. Логгин Никонов Кемлянин

Никонов Якунко, брат Логгина Никонова Кемлянина 140
Никоновых Алимпий Гаврилов, житель Кеми 131, 139
Нил, дьякон 22, 43, 45–47

Обросим, см. Абросим
Одоевский Никита Иванович, князь 55, 259, 276–278
Окинфей Казиков, старец 278
Опарина Т. А. 196, 199

Павел, митрополит Сарский и Подонский 272
Павел, священник 99, 109, 118, 148, 181, 240
Павел, старообрядец, соловецкий постриженник 241
Павлов Родион, трудник 240
Паисий Лигарид, митрополит 30
Пакулин Карп, Колежемец, мирянин, выходец 239
Панченко А. М. 224
Панченко О. В. 13, 24, 193, 197, 198, 221, 222, 227, 255–257
Парфений, послушник старца Якова Соловарова 97
Пафнутий Кинешмец, священник 263
Пахомий, дьякон 65, 207, 237, 273
Пахомий, старец, выходец 239
Пахомий, анзерский старец 108, 119, 239
Перетц В. Н. 227
Петр, старец 238, 333
Петр I 7, 21, 227
Петр Запруда, трудник 110, 140
Петров Фаддей, см. Бородин, Фаддей Петров
Пигин А. В. 197
Пимен, старец 118, 120, 238
Пимин, шуречанин 141
Пирютин Осип, ротмистр рейтарского строя, ссыльный 46, 88,
236, 238
Питирим, черный дьякон 106
Питирим, инок 46, 55, 58, 59, 205, 260, 262, 263, 267–273, 279
Питирим, митрополит Новгородский 51, 53, 221, 300
Племянников Андрей, купец гостиной сотни из Москвы 131
Плошкин Сергей (Софоний, старец), ссыльный 88, 236, 238
Поздышев Яков Ильич, дьяк Посольского приказа 105
Покровский Н. Н. 14, 190, 227, 229

Полнов (Полков) Степан, дьяк Посольского приказа 105
Полознев Д. Ф. 201
 Полтинин Данило, мирянин, выходец 137, 239
 Попадья Алексей, мирянин 238, 333
 Попов Июдка Иванов, шуйский крестьянин 140
 Порошин Иван, стрелецкий сотник 94–96, 128
 Порошин Микифор, стрелецкий сотник 98, 128, 243
 Порошин Митрофан, стрелецкий сотник 106, 107, 128, 243
 Постников (Шадров) Алексей, ростовец, старообрядец 122
 Потапов Степан, ротмистр 113
Прокофьев Н. И. 170, 228
 Прончищев Иван Афанасьевич, думный дворянин Монастырско-
 го приказа 271
Прохоров Г. М. 197, 198
 Прудов Григорий, московский стрелец 83, 128, 242

 Разин Степан 8, 10, 131, 139
 Разнухин Андрей, Барабанщик, сумской стрелец 80
Ревакина Н. В. 15
 Рига Григорий Иванов, дьячок, десятник 80
Рижский М. И. 15
Робинсон А. Н. 13, 191, 192, 201, 203, 225
 Рогов Афанасий, стрелец 77
 Рогуев Июдка Иванов, мирянин 109, 117, 240
 Родионов Максим, монастырский слуга 54
 Рознухин Феофилакт, безместный священник 136, 140, 239
Розов Н. Н. 13, 192
Ромодановская Е. К. 13, 15, 192, 201, 228
 Ртищев Федор Михайлович 200
Румянцева В. С. 212, 219, 224

 Савва Губа, старец 82
 Савватий, преподобный 46, 137, 138, 158, 168–172, 248, 257, 291,
 292, 295, 296, 299, 300, 302, 323, 328, 331
 Савватий, старообрядец, соловецкий постриженник 241
 Савватий Обрютин, келарь 44, 45, 47–49, 51, 55–57, 59, 62, 262,
 263, 268, 279, 291
 Савелий, старец 118, 239
Савич А. А. 191, 195, 204, 205, 208, 246, 247

Салтыков Сергей 45
 Сапожникова О. С. 13, 15, 36, 193, 194, 197–199, 201, 257
 Севастьянова С. К. 13, 193, 196, 228, 257
 Селивестр, священник 56, 97, 149, 224, 240
 Семен Прядиленной, мирянин 238, 333
 Семенов Василий Григорьевич, дьяк, потом думный дьяк, глава
 Разрядного приказа 103
 Семенов Фаддей, мирянин 144, 240
 Семизор Федор Васильев, писец, помощник Сергия Шелони-
 на 24, 258
 Семион, священник 251, 262
 Семячко С. А. 197
 Серапион, старообрядец, соловецкий постриженник 241
 Сергей, инок, псаломщик 110, 118, 240
 Сергей Шелонин, бывший архимандрит Ипатский, старец 12,
 23–25, 28, 33, 36–39, 157, 169, 191, 193, 194, 197–199, 201, 248,
 257–259
 Сергей, архимандрит ярославского Спасского монастыря, следо-
 ватель 51–53, 63, 69, 71, 176, 250, 292, 295, 299
 Серов Д. О. 219
 Сесеикина И. В. 226, 230
 Сидор Несолёный, старец 98
 Сидоров Филька, дьячок из Сороки 136, 221
 Сильвестр, дьякон Троице-Сергиева монастыря, ссыльный 55,
 57, 260–263, 267–275, 277–279
 Симеон Маковеев, кемский священник 135, 181
 Симка, трудник 273
 Симон, казначей 81, 85, 87, 92, 93, 118, 126, 238, 253
 Симон, старец 108, 133
 Синицына Н. В. 199
 Скопин В. В. 195
 Скуратов Малюта 38
 Смирнов П. С. 179, 206, 218, 226, 229, 254
 Собакин Степан, холмогорец 138
 Собакин Яков, холмогорец 138
 Соболев Григорий, см. Черный (Соболев) Григорий Яковлев
 Соколов В. В. 223
 Соколов П. 11, 191
 Соловьев С. М. 11, 191

Софоний, старец, ссыльный, см. Плошкин Сергей
 Софья Алексеевна, царевна 181, 294, 298, 305
 Спиридон, священник, сторонник реформы 42, 45, 49
 Спиров Григорий, мирянин, караульщик 182
 Степан Иконник (Митин?), мирянин 119, 241
 Степанов Логгин, сотник 144
Строев П. 211
 Стукалов Иван Иванович, брат старца Александра Стукалова 54
Субботин Н. И. 11, 53, 188, 197, 199, 202–218, 220, 221, 223, 224, 226, 229, 230, 234–237, 240–244, 250, 301
 Сусли Иван Сергеев, служка, выходец 237
Сырцов И. Я. 11, 130, 143, 191, 195, 201–203, 205, 213, 217, 223, 229, 246, 247
 Сысой, священник, ссыльный 46, 88, 89, 91, 212, 236, 237

 Тарасий, старец 51
 Тарасий Кокора, старец 97
 Тарбеев Иван, монастырский служка, см. Иринарх Тарбеев
 Татаринов Василий, мирянин, выходец 239
 Темликов Прохор, мирянин 238, 333
 Терентьев Данило, мирянин 144, 223
 Тимофей Мартемьянов (Кисель), старец 263, 282
 Тимофей, ростовец, старообрядец 121, 122
Титова Л. В. 15
Тихомиров М. Н. 195
 Тихон, черный дьякон 263, 274, 279, 282
 Тихон, старец 51, 238, 269, 270, 332
 Тихон, городничий старец 83
 Тихон Долгий Слепой, инок 79, 175, 185
 Тихон, дьякон Саввино-Сторожевского монастыря, ссыльный 46, 48, 55, 59, 88, 236, 274, 275
 Тихон Рогуев, священник 97
 Тихон, послушник старца Киприана 97
 Томилов Ганка, монастырский стряпчий 271
 Трифон, священник 251
 Трифон, старец 284
 Трифон Кологризов 17
 Троетчина Никита, мирянин 92, 238, 333
 Трофим, старец 48, 263

Трофимов Андрей, стрелецкий пятидесятник 106, 107, 128, 243
 Трофимов Лука, трудник, выходец 237
Турилов А. А. 194, 199
 Турчасовец, Ерофеев Роман, дьячок 143

Украинцев Емельян Игнатьевич, дьяк Посольского приказа 104
 Ульяшов Яков Пиминов, шуречанин 141
 Унковский Василий, ярославский воевода 61, 287
Успенский Б. А. 167, 227

Федор Алексеевич, царь 183, 192, 196, 225, 254, 255
 Федор, старец, выходец 237
 Федор (Фетка), крестьянин из Сороки 136
 Федор Нижегородец, мирянин 238
 Федор (Фетка) Фокин, крестьянин 221
 Федор Иванов, дьякон, старообрядец, союзник протопопа Авваку-
 ма 64, 120, 230, 248
 Федоров Клим, мирянин, пушкарь 144, 240
 Федосеев Григорий, мирянин 80
 Федосей, пятидесятник 74, 128
 Федот Токарь, мирянин 44
 Феодосий, послушник Никанора, келарь 110, 125, 126
 Феодосий Косой, еретик 212
 Феодул, соборный старец, выходец 63, 237
 Феоктист, инок 113–115, 240
 Феоктист, златоустовский игумен, старообрядец 45
 Феофан, архимандрит афонского Костоманитова монастыря,
 ссыльный 88–91, 236, 237, 330, 331
 Феофан Прокопович 177
 Филарет Бартенев, старец 56, 260, 261, 267, 269
 Филарет, патриарх 29, 73, 163, 199, 292, 294, 295, 298, 299, 311, 329
 Филипп (Колычев), митрополит 23, 25, 30, 32, 33, 35–39, 84, 156,
 169, 179, 191, 197, 200, 201, 249, 257, 258, 291, 292, 294, 295, 298–
 300, 305, 310, 317, 322, 323, 328, 331
 Филипп, больничный келарь 70, 87
 Филипп, старец 238, 333
 Филиппов Иван, старообрядец, историограф 120, 168, 218, 227
 Филофей, старец 58, 270
 Фирс, старец 240

Флоров Никита, трудник 240

Фонкич Б. Л. 199

Хитрово Алексей Севастьянович, стольник 58–60, 65, 74, 80, 103,
128, 205, 241, 274, 277, 284–287

Хохлик Корнилий («Федька»), мирянин, выходец 241

Хромыга Сидор, мирянин 44

Хрущов Федор Меньшой Григорьев, стольник 100

Чадуев Василий, сотник, полуголова московских стрельцов 75–77,
80, 128, 242, 253

Черкасский Яков, князь 57, 269

Чернореченин Павел, мирянин 238, 333

Черный (Соболев) Григорий Яковлев, мирянин 44, 87, 92, 93,
133, 202, 221, 238

Чеус Павел Григорьев, служба, выходец 237

Чистого Алмаз, дьяк 116, 219

Чистякова Е. В. 190

Чумичева О. В. 193, 194, 197–199, 201, 206, 219, 222, 226–228,
249, 252, 256, 257

Шабалин (Шабала) Иван, мирянин 238, 333

Шабалин (Шабала) Степан, мирянин 238, 333

Шатров Афанасий Семенов, служба, выходец 237

Шашков А. Т. 198

Шевченко Е. Э. 13, 194

Шелонин Сергей, см. Сергей Шелонин

Шелонин Василий, из Сороки 136, 138

Шереметев Петр Васильевич 80

Шилов Афанасий, сотник московских стрельцов 268, 269

Щапов А. П. 11, 12, 191

Этьен де Бурбон 200

Юхименко Е. М. 13–15, 190, 192, 197, 218, 219, 228, 255, 256

Яким (Екимко), мирянин 238, 333

Яков Михайлов, келейный сторож архимандрита Варфоломея 54

Яков Соловаров, инок 97, 98, 119, 141, 239

Яковлев Илья, старообрядец, мирянин, соловецкий трудник 241

Яковлев Федор, московский стрелец 286

Crummey R. O. 214, 215, 218

Научное издание

ЧУМИЧЕВА Ольга Валерьевна

СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ
1667–1676 ГОДОВ

Ответственный редактор *О. Старикова*
Компьютерная верстка: *Г. Сенина*

Объединенное гуманитарное
издательство

www.ogi.ru info@ogi.ru

О. В. Чумичева

СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ

1667—1676 годов

Соловецкое восстание — одно из ключевых событий в российской истории XVII в., чрезвычайно остро поставившее проблему взаимоотношений церкви и государства, традиций и новаций в духовной жизни общества. На основании трудов предшественников и новых архивных материалов в книге воссоздается самая полная на сегодняшний день картина восстания, показываются его причины, ход и результаты, анализируется идеология. Новое издание содержит дополнительные архивные материалы, часть из которых публикуется впервые, и учитывает научные труды, появившиеся в последнее время.

ISBN 978-5-94282-573-7

9 785942 825737